

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754

ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

The Journal
is published
by the Institute
for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Журнал
издаётся
Институтом
славяноведения
Российской академии
наук

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne = Словѣне

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Editor-in-Chief

Fjodor B. Uspenskij

The Editorial Board

Iskra Hristova-Shomova, Angel Nikolov, Maria Yovcheva (*Bulgaria*); Milan Mihaljević, Mate Kapović (*Croatia*); Václav Čermák (*Czech Republic*); Roland Marti, Björn Wiemer (*Germany*); András Zoltán (*Hungary*); Marcello Garzaniti (*Italy*); Jos Schaeken (*Netherlands*); Alexander I. Grishchenko, Ekaterina I. Kislova, Roman N. Krivko, Sergey L. Nikolaev, Maxim M. Makartsev, Philip R. Minlos, Alexander M. Moldovan, Tatjana V. Rozhdestvenskaja, Anatolij A. Turilov, Boris A. Uspenskij, Rev. Michael Zheltov (*Russia*); Jasmina Grković-Major, Tatjana Subotin-Golubović (*Serbia*); Robert Romanchuk, Alan Timberlake, William Veder, Alexander Zholkovskiy (*USA*)

Главный редактор

Фёдор Б. Успенский

Редакционная коллегия

Мария Йовчева, Ангел Николов, Искра Христова-Шомова (*Болгария*); Андраш Золтан (*Венгрия*); Бьёрн Вимер, Роланд Марти (*Германия*); Марчелло Гардзанити (*Италия*); Йос Схакен (*Нидерланды*); Александр И. Грищенко, свящ. Михаил Желтов, Екатерина И. Кислова, Роман Н. Кривко, Максим М. Макарецев, Филипп Р. Минлос, Александр М. Молдован, Сергей Л. Николаев, Татьяна В. Рождественская, Анатолий А. Турилов, Борис А. Успенский (*Россия*); Ясмينا Грекович-Мейджор, Татьяна Суботин-Голубович (*Сербия*); Александр Жолковский, Роберт Романчук, Алан Тимберлейк, Уильям Федер (*США*); Милан Михалевич, Мате Капович (*Хорватия*); Вацлав Чермак (*Чехия*)

Institute for Slavic Studies
of the Russian Academy
of Sciences

Институт славяноведения
Российской академии
наук

Slověne

International Journal
of Slavic Studies

Международный
славистический журнал

Vol. 3

№ 2

Moscow

2014

Москва

p-ISSN 2304-0785
e-ISSN 2305-6754

Supported by:
Open Journal Systems
<http://pkp.sfu.ca/ojs/>

Сайт / Website: <http://slovene.ru/>
E-mail: editorial@slovene.ru

Included in / Журнал включён в:

*Russian Science Citation Index /
Российский индекс научного цитирования*
Linguistic Bibliography Online
Slavic Humanities Index
Ulrich's Periodicals Directory
Directory of Open Access Journals
EBSCOhost
Index Copernicus

<http://elibrary.ru/>
<http://bibliographies.brillonline.com/>
<http://slavus.ca/>
<http://ulrichsweb.serialssolutions.com>
<https://doaj.org/>
<http://www.ebscohost.com/>
<http://www.indexcopernicus.com/>

Academic Editors

Fjodor B. Uspenskij (Editor-in-Chief),
Institute for Slavic Studies, Moscow
Alexander I. Grishchenko (Executive Editor),
Moscow State Pedagogical University

Ekaterina I. Kislova, Lomonosov Moscow State
University
Roman N. Krivko, National Research University
Higher School of Economics, Moscow
Philip R. Minlos, Yandex N. V., Moscow
Roland Marti, Saarland University,
Saarbrücken

Managing Editors

Alexander I. Grishchenko, Ekaterina I. Kislova,
Roland Marti

Technical Copy Editors

Tatyana O. Mayskaya, Ekaterina Z. Vologina

Russian Language Copy Editor, Proofreader

Elena I. Derzhavina

English Language Copy Editor, Proofreader

Claudia R. Jensen

Layout Editor

Marfa N. Tolstaya

Design (2012)

Igor' N. Ermolaev

Научная редакция

Фёдор Б. Успенский (главный редактор),
Институт славяноведения РАН, Москва
Александр И. Грищенко (ответственный
редактор), Московский педагогический
государственный университет
Екатерина И. Кислова, Московский государ-
ственный университет им. М. В. Ломоносова
Роман Н. Кривко, НИУ Высшая школа
экономики, Москва
Филипп Р. Миндос, ООО "Яндекс", Москва
Роланд Марти, Университет земли Саар,
Саарбрюкен

Редакторы выпуска

Александр И. Грищенко, Екатерина И. Кислова,
Роланд Марти

Технические редакторы

Татьяна О. Майская, Екатерина З. Вологина

Литературный редактор, корректор

(русский язык) Елена И. Державина

Литературный редактор, корректор

(английский язык) Клаудиа Р. Дженсен

Вёрстка

Марфа Н. Толстая

Дизайн (2012)

Игорь Н. Ермолаев

Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. Vol. 3. № 2. — Москва: Ин-т славяноведения РАН, 2014. — 224 с.

Все материалы журнала доступны по лицензии
Creative Commons "Attribution-NoDerivatives"
4.0 Всемирная / Journal content is licensed under a
Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 International License
<http://creativecommons.org/licenses/by-nd/4.0/>

© Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences, 2014
© Authors, 2014
© Igor' N. Ermolaev (design), 2012

Contents/Содержание

Articles/Статьи

- 7 Сергей Л. Николаев (Москва). Лексическая стратификация “Слова о полку Игореве”
Sergei L. Nikolaev (Moscow). *Lexical Stratification of The Tale of Igor’s Campaign*
- 110 Anne-Sophie Brun, Andreas Hartmann-Virnich (Aix-en-Provence), Estelle Ingrand-Varenne (Poitiers), and Savva M. Mikheev (Moscow). Old Russian Graffito Inscription in the Abbey of Saint-Gilles, South of France
Ани-Софи Брюн, Андреас Хартманн-Фирних (Экс-ан-Прованс), Эстель Ингран-Варенн (Пуатье), Савва М. Михеев (Москва). *Древнерусская надпись-граффито в аббатстве Сен-Жиль на юге Франции*
- 130 Дмитрий Г. Полонский (Москва). Историческая эрудиция составителя “Слова о Халкидонском соборе”
Dmitri G. Polonski (Moscow). *The Historical Erudition of the Compiler of The Word on the Council of Chalcedon*
- 175 Ekaterina I. Kislova (Moscow). *Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond*
Екатерина И. Кислова (Москва). *Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора*
- 194 Ильдико Палоши (Будапешт). К основным вопросам о категории способа глагольного действия в русском языке
Ildikó Pálosi (Budapest). *On the Basic Problems of the Category of Aktionsart in the Russian Language*

Reviews/Рецензии

- 209 *Славянский Апостол: история текста и язык*, compiled by Marina Bobrik (= *Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe*, 21), Verlag Otto Sagner, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 273 pp. ISBN 978–3–86688–393–2.
Reviewed by Яна А. Пен’кова (Москва)
Яна А. Пенькова (Москва)
- 217 Václav Flajšhans, *Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, 1–2*, V. Mokienko, L. Stěpanova, red., 2. rozšířené vydání, Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2013, 750 + 500 ss.
Harry Walter, Valerij Mokienko, Ewa Komorowska, Krzysztof Kusal, *Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)*, Greifswald, Szczecin, 2014, 433 ss.
Reviewed by Олег И. Федосов (Будапешт)
Oleg I. Fedoszov (Budapest)

Лексическая стратификация “Слова о полку Игоре”*

**Сергей Львович
Николаев**

Институт славяноведения РАН
(Москва)

Lexical Stratification of *The Tale of Igor’s Campaign*

Sergei L. Nikolaev

Institute for Slavic Studies of the
Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Резюме

Настоящая работа посвящена проблеме диалектной идентификации “Слова о полку Игоре” (далее “Слово”). Главное внимание уделяется лексической стратификации текста памятника. Диалектно маркированная лексика, представленная в “Слове”, связана с двумя ареалами восточнославянского диалектного континуума: 1) юго-западным (юго-западные русские, белорусские и украинские говоры) и 2) северным (приблизительно совпадающим с границами древнерусских Псковской и Новгородской земель). Распределение диалектной лексики в “Слове” неравномерно: для большей части текста характерна юго-западная лексика, для ряда фрагментов — северная. Преобладание юго-западной лексики над северной в тексте “Слова” является давно установленным фактом. Однако дополнительное распределение юго-западной и северной лексики, по-видимому, не было замечено. Грамматический анализ “Слова” показывает, что 1) памятник датируется временем не позднее XIII в.; 2) его диалект локализуется в псковско-полоцкой зоне, предположительно в южно-псковской или торопецко-селижаровской ее частях. При этом в грамматике

* Автор выражает глубокую признательность А. В. Дыбо, К. Ю. Рахно, М. Н. Толстой и А. Ю. Чернову за помощь в подготовке настоящей работы.

“Слова” отсутствуют отличительные признаки, характерные для юго-западного ареала, и в этом заключается противоречие показаний лексики и грамматики. Решение этой дилеммы, по всей видимости, лежит за рамками чисто лингвистического исследования.

Ключевые слова

Слово о полку Игореве, древнерусский язык, диалектология, лексика, славянская акцентология, историческая акцентология

Abstract

This paper deals with the problem of dialect in *The Tale of Igor's Campaign*. The author places great emphasis on lexical stratification. Dialectally marked vocabulary in *The Tale* is associated with only two areas of the East Slavic dialect continuum: 1) the South Eastern area (Southwest Russian, Belarusian, and Ukrainian dialects) and 2) the Northern area (Russian dialects originating in Pskov and Novgorod). Distribution of dialect words in *The Tale* is uneven: the South Western items characterize the main part of the text and the Northern elements prevail in some fragments. Although the presence of dialectal vocabulary in *The Tale* has long been established, a complementary distribution of the South Western and Northern items has not yet been observed. Grammatical analysis of *The Tale* shows that 1) its text dates from before the end of the 13th century, and 2) its dialect may be localized in the Pskov-Polotsk zone, perhaps in its South Pskov or Toropets-Selizharovo areas. At the same time, the grammar of *The Tale* lacks typical South Western features, and there arises the problem of contradictory evidence of grammar and vocabulary. Perhaps the dilemma may be solved by going beyond the bounds of purely linguistic research into *The Tale's* text.

Keywords

The Tale of Igor's Campaign, Old Russian language, dialectology, lexica, Slavic accentology, historical accentology

§ 1. Диалектная лексика в “Слове о полку Игореве”

Словарный состав “Слова” представлен 1) древнерусской лексикой, которая, по-видимому, исчезла из обращения в восточнославянских языках; 2) лексикой, обнаруженной только в тексте “Слова”; 3) диалектно немаркированной лексикой, которая дисперсно встречается по всей территории восточнославянского диалектного континуума; 4) диалектно маркированной лексикой, специфически связанной с одним из восточнославянских ареалов. Далее диалектно маркированная лексика будет называться “диалектной”, а диалектизмы, скоррелированные с конкретным ареалом, — диалектными маркерами.

Согласно В. А. Козыреву, “суммируя сведения о географии каждой из обнаруженных диалектных параллелей, представляется возможным

дать общую ареальную характеристику словарных параллелей к лексике «Слова о полку Игореве» в русских народных говорах. Подавляющее большинство параллелей (примерно 95%) известно южнорусским говорам. При этом только в этих говорах отмечено 36% всех параллелей [...] Нельзя не констатировать явное тяготение обнаруженных словарных соответствий к южнорусскому ареалу, что свидетельствует в пользу точки зрения о южнорусском происхождении памятника» [Козырев 1976: 103]. Итак, южнорусских диалектизмов в тексте «Слова» заметно больше, чем севернорусских. Однако, по-видимому, никем не исследовалось распределение лексики, привязанной к разным восточнославянским ареалам, внутри текста «Слова». Это является задачей настоящей работы.

Восточнославянский диалектный континуум неоднороден по происхождению. Он сформировался в результате конвергенции позднеславянских «племенных» диалектов. В X–XI вв. в Восточной Славии говорили на значительно различавшихся между собою диалектах. Долгое время господствовало мнение, что они возникли в довольно позднее время, развившись из единой древнерусской системы, почти тождественной праславянской. «Для южнославянской и западнославянской ветвей отсутствие соответствующих монолитных праязыков установлено уже достаточно давно. В отличие от этих двух ветвей, восточнославянская ветвь в соответствии с традицией, восходящей в основном к А. А. Шахматову, обычно считалась монолитной. Имеющиеся ныне данные по древненовгородскому и древнепсковскому диалектам показали, что и восточнославянская ветвь не была в этом отношении исключением: подобно двум другим, она вобрала в себя первоначально не вполне тождественные племенные говоры» [Зализняк 2004: 57]. В частности, синкретическая древненовгородская система склонения *a*-основ, сформировавшаяся в ареале псковских кривичей и ильменских словен, засвидетельствована с XI в. [Зализняк 2004: 95–99], т. е. практически с позднеславянского времени. Ареалы многих диалектных явлений соотносятся с археологическими ареалами восточнославянских племен и зачастую имеют позднеславянское диалектное происхождение. О древних изоглоссах, оставшихся на восточнославянской территории от племенных диалектов, см. также [Николаев 1988; 1989; 1994; 2008; 2011; АНТТ 2013; Николаев и др. 2013].

Разумеется, наряду с грамматическими различиями между восточнославянскими диалектами позднеславянского времени существовали и значительные лексические различия, во многих случаях сохранившиеся до наших дней и характеризующие различные диалектные ареалы. В частности, наиболее заметны различия между следующими ареалами:

1) юго-западным, включающим все украинские, южнобелорусские и юго-западные русские говоры; 2) северо-западным, включающим говоры кривичского (псковские, тверские, смоленские, полоцкие) и новгородского происхождения (в том числе севернорусские и старожильческие говоры Предуралья, Урала и Сибири); 3) восточнорусским (владими́ро-поволжским, “ростово-суздальским”) и 4) юго-восточным русским.

§ 1.1. Стратификация диалектной лексики в “Слове о полку Игореве”

Неудивительно, что в “Слове” встречается лексика, которую, по данным сравнительной лексикологии современных восточнославянских диалектов, можно считать древнерусской диалектной. Однако нетривиальным фактом является неравномерное распределение диалектной лексики в тексте “Слова”. Лексика, характерная для украинских и юго-западных русских говоров (далее “юго-западная”), малочисленна или отсутствует в тех фрагментах текста, в которых изобилует западно- и севернорусская лексика (далее “северная”). При этом в “Слове” практически отсутствует специфическая “восточнорусская” (владими́ро-поволжская, ростово-суздальская) и “юго-восточнорусская” (в частности, рязанская, верхнедонская) лексика.

Ниже в тексте “Слова” (в этом разделе и в § 5):

- лексика, выделенная **жирным шрифтом**, — юго-западная. Это лексика украинских, юго-восточных белорусских диалектов и говоров русского юго-запада (в основном Брянской и Курской областей);
- лексика, выделенная подчеркиванием, — северная. К ней относятся слова, известные из псковских, тверских и новгородских говоров (иногда также из средне- и южнорусских говоров кривичского происхождения — смоленских, калужских, московских), по “псковско-новгородскому” Северу (а также из переселенческих говоров Урала и Сибири), из говоров ближнего к Москве Северо-Востока (ярославских, костромских, нижегородских), — но отсутствующие в юго-западных говорах некривичского происхождения (брянских, орловских, курских) и в украинском языке¹.

¹ К сожалению, в полной мере не учитываются белорусские параллели из-за плохой изученности лексики белорусских говоров. Словари по ним только “дифференциальные”, включая словарь И. И. Носовича [1870], в основном отражающий могилевские говоры. Лексический параллелизм с белорусским литературным языком малоинформативен ввиду гетерогенности диалектов белорусского языка (кривичский север и восток, дреговичский и вольнский юг и переходные говоры центра, в основе которых лежат кривичские и дреговичские говоры). В сопоставительном украинском материале я, как правило, ссылаюсь на словари Б. Гринченко [Гринченко] и Е. Желеховского [Желеховский 1886], первый из которых лучше отражает лексику восточного украинского ареала, второй — западного.

Разумеется, любая из учтенных лексем на поверку может оказаться исчезнувшей из обращения с XIII–XIV вв. в одном из ареалов, а также книжной (церковнославянской), потому не имеющей значения для диалектной стратификации. Однако если в определенном фрагменте древнерусского текста обнаруживается скопление современных диалектизмов, то можно с некоторой степенью уверенности говорить о диалектном происхождении этого фрагмента, потому что, как уже было сказано выше (§ 1), древнерусский язык никогда не был однородным, в том числе и лексически. При этом конфигурация основных древнерусских диалектных ареалов на территории старого (племенно-го) расселения существенно не изменилась [Николаев 1994].

Текст “Слова о полку Игореве” условно разделен мною на фрагменты, как правило смысловые. Приведенное ниже деление повторено и в реконструированном тексте “Слова” (§ 5):

- I. *С Не льпо ли ны бляшетъ братіе* по *Они же сами княземъ славу роко-таху* — только северные диалектизмы.
- II. *С Почнемъ же братіе повѣсть сію* по *А любо испити шеломомъ Дону* — только юго-западные диалектизмы.
- III. *С О Бояне соловію стараго времени* по *Солнце ему тѣмою путь заступаше* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- IV. *С Нощь стонуши ему грозою птичь убуди* по *Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону къ великому* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- V. *С Другаго дни велми рано* по *А храбріи русици преградиша чрълеными щиты* — только юго-западные диалектизмы.
- VI. *С Ярѣ туре Всеволодѣ стоиши на борони* по *А сицеи рати не слышано* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- VII. *С Съ зараніа до вечера* по *Емляху дань по бѣль отъ двора* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- VIII. *С Ти бо два храбрая Святѣславлича* по *Уныша бо градомъ забрали а веселіе пониче* — равное количество северных и юго-западных диалектизмов.
- IX. *С А Святѣславъ мутенъ сонъ видѣ* по *И несоил ю къ синему морю* — только юго-западные диалектизмы.
- X. *С И ркоша бояре князю* по *А мы уже дружина жадни веселія* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- XI. *С Тогда великіи Святѣславъ изрони злато слово* по *А звѣри кровь поллизаша минути* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- XII. *С Не бысь ту брата Брячяслава* по *Которое бо бѣше насиліе отъ земли половецкыи* — только юго-западные диалектизмы.

Таблица 1. Статистическое распределение диалектизмов в отдельных фрагментах "Слова о полку Игореве"²

Фрагмент	Подсчитано слов	Юго-западных диалектизмов (число)	Юго-западных диалектизмов (процент к общему количеству слов)	Северных диалектизмов (число)	Северных диалектизмов (процент к общему количеству слов)
Только юго-западные диалектизмы					
II	62	12	19%	0	0%
XII	40	6	15%	0	0%
V	62	8	13%	0	0%
IX	36	3	8,3%	0	0%
XIII	90	6	6,7%	0	0%
Сумма	290	35	12%	0	0%
Преобладание юго-западных диалектизмов над северными					
XIV	109	17	15,6%	3	2,8%
IV	138	23	16%	1	0,8%
III	88	13	15%	2	2%
XI	268	32	12%	5	1,9%
VII	160	18	11%	5	3,1%
VI	116	10	8,6%	2	1,7%
X	99	7	7%	2	2%
Сумма	978	120	12,3%	20	2%
Равное количество северных и юго-западных диалектизмов					
VIII	53	5	9,4%	5	9,4%
Преобладание северных диалектизмов над юго-западными					
XV	185	3	1,6%	16	9,2%
Только северные диалектизмы					
I	77	0	0%	6	7,8%
Диалектизмы практически отсутствуют					
XVI	50	1	2%	0	0%
Общее количество диалектизмов					
	1633	164	10%	47	2,9%

² При подсчете общего количества слов в "Слове" не учитываются имена собственные (личные имена, этнонимы, топонимы и т. п.) и производные от них; вспомогательные формы глагола, числительные, местоимения, предлоги, союзы и частицы. При подсчете диалектизмов не учитываются диалектизмы, использование которых могло быть вынужденным: местные реалии, военное снаряжение и обмундирование. Каждый диалектизм считается статистической единицей, независимо от того, разные это слова или повторяющиеся: фрагмент, где трижды отмечены *буи* и дважды *чървленыйи* (юго-западные диалектизмы), считается содержащим пять диалектизмов.

³ См. сноску 2: подсчитано количество слов независимо от того, различные они или повторяющиеся.

- XIII. С *На седьмомъ вѣцѣ Трояни по Суда божіа не минути* — только юго-западные диалектизмы.
- XIV. С *О стонати рускои земли по Тугою имъ тули затче* — преобладание юго-западных диалектизмов над северными.
- XV. С *Прысну море полунощи по То почнутъ наю птици бити въ полъ половецкомъ* — преобладание северных диалектизмов над юго-западными.
- XVI. С *Рекъ Боянъ и Ходына по Княземъ слава а дружинъ* — диалектизмы практически отсутствуют: юго-западный диалектизм в формуле *буи туру Всеволодъ*.

В трех фрагментах с преобладанием юго-западной лексики северная не разбросана по тексту, а сосредоточена в определенных отрывках. В VI фрагменте два северных слова находятся в *рътко ратаевъ кикахуть нъ часто врани граяхуть*. В VII фрагменте северная лексика сконцентрирована в “Плаче русских женщин”: *потрепати* ‘воспользоваться’, *жирьна* ‘обильная’, *нарыщуче* ‘набегая’ (в оставшейся части только *жирьня*, но с *jo*-основой). В X фрагменте *притрепа* ‘добыл’, *притрепанъ* ‘изранен’ в части, посвященной полоцким событиям. В VIII фрагменте юго-западные **во днѣ** и **кощѣево** находятся в концовке, где северной лексики нет. Во всем тексте “Слова” северная лексика составляет 2,9% от суммы учтенных слов, юго-западная — 10%.

Из табл. 2 видно, что наименьшее количество лексики, общей со “Словом”, представлено в зоне, географически промежуточной между юго-западным и северным ареалами, — в смоленских и калужских говорах. Небольшая разница между украинскими и южнорусскими параллелями, с одной стороны, и между псковско-тверскими и новгородскими/северными — с другой, объясняется недостаточной изученностью русской юго-западной (орловской, курской) и северо-западной (в первую очередь тверской) лексики. Псковский словарь издан до буквы О, поэтому создается ложное впечатление о малочисленности псковских параллелей, начинающихся на П и последующие буквы. Мало данных о восточнобелорусской лексике. Украинская лексика богато представлена в литературном языке и областных словарях (слабее изучена полесская и восточноукраинская лексика); севернорусская лексика неплохо отражена в [СРНГ]. Подавляющее большинство изданных областных диалектных словарей — “дифференциальные”. Ущербность дифференциальных диалектных словарей заключается в том, что 1) из них нельзя узнать, имеется искомое слово в диалекте или отсутствует — если значение слова в диалекте соответствует хотя бы одному из “литературных”, оно в дифференциальный словарь, как правило, не включается; 2) имеет ли искомое слово, наряду с указанным в словаре “диалектным”, также и “литературные” значения.

Таблица 2. Распределение лексических параллелей по ареалам

Лексема в "Слове о полку Игореве"	Юго-Запад		Смоленск, Калуга	Север	
	Украина	Юго-Запад, Юг, Могилев		Псков, Тверь, Москва	Новгород, Север, Северо-Восток
<i>болого</i> 'добро'		+			
<i>болонь</i> 'выгон'	+				
<i>болото</i> 'жидкая грязь'	+				
<i>босѣи</i> (<i>бусѣи</i> ?) 'серый (?)'		(+)		+	(+)
<i>брехати</i> 'лаять'	+	+			
<i>буи</i> 'смелый'; <i>буесть</i> , <i>буиство</i>	+	+			
<i>бълванъ</i> 'истукан'	+				
<i>былина</i> 'быль'					
<i>вельми</i> 'очень'	+	+			
<i>вередити</i> 'повреждать'		+	+		(+)
<i>вечеру</i> 'вечером'				+	+
<i>въдомѣи</i> 'известный'	+	+			
<i>въщѣи</i> 'вещий'	+				
<i>въщѣи</i> 'колдовской'					+
<i>возгряяти</i> 'раскаркаться'		+			
<i>въ дѣнь</i> 'внутри, в водах'	+				
<i>възбивати</i> 'поднимать'	+				
<i>възбити ся</i> 'взметнуться? встревожиться?'	+				
<i>възкладати</i> 'налагать'		+			
<i>възплакати ся</i> 'зарыдать'		+			(+)
<i>възплескати</i> 'начать плескать (ся)'		+			
<i>възсъсти</i> 'сесть (на лошадь)'	+				
<i>въргнути</i> 'бросить'					
<i>година</i> 'время, пора'	+	+			
<i>голололати</i> 'предвещать недоброе'		+			
		(<i>глаголити</i>)			
<i>горь</i> 'наверх, наверху'	+				
<i>гряяти</i> 'каркать'				+	+
<i>гримати</i> 'греметь'	+				
<i>грязивѣи</i> 'грязный'	(+)	+			
<i>давѣньи</i> 'старый (о человеке)'		+			
<i>Дивъ</i> 'мифологический персонаж'	+	+		+	

Лексема в "Слове о полку Игореве"	Юго-Запад		Смоленск, Калуга	Север	
	Украина	Юго-Запад, Юг, Могилев		Псков, Тверь, Москва	Новгород, Север, Северо-Восток
<i>дѣти бѣсови</i>	+				
<i>дорыскати</i> 'добежать'		+			
<i>дотечи</i> 'добежать, добратся'		+			
<i>дубѣ</i> (? <i>добѣ</i>) 'дубы'	+			(+)	
<i>жадѣньи</i> 'желающий'	+				
<i>жалоба</i> 'печаль'		+	+		+
<i>жалоуца</i> 'печаль'	+				
<i>жестокѣи</i> 'бравый, сильный'	+	+		(+)	
<i>жирѣ</i> 'добро, пожитки'		+		+	
<i>жирѣньи</i> 'обильный'				+	+
<i>заворочати</i> 'заворачивать'				+	
<i>закладати</i> 'класть в паз, проушину'	+	+		(+)	(+)
<i>заранѣ</i> 'раннее утро'	+	+			
<i>засапожъникѣ</i> 'нож, который кладется за голенище'					+
<i>заступити</i> 'преградить'	+	+			
<i>заутрѣкъ</i> 'завтрак'		(+)	+	+	+
<i>зегъзица</i> 'кукушка'	(+)	(+)		(+)	
<i>знаемѣи</i> 'знакомый'	+	+			
<i>избивати</i> 'убивать'					+
<i>изронити</i> 'сронить'	+	+			
<i>изтягнути</i> 'вытянуть' (с -гн-)	+	+			
<i>карѣна</i> 'тоска'		+			
<i>каяти</i> 'порицать'	+	+			
<i>кляука</i> 'хитрость'	+	+			
<i>кнесѣ</i> 'князек (кровли)'		+	+		(+)
<i>ковати</i> (коромолу)	+	+			
<i>ковыльѣ</i> 'ковыль'	+	(+)			
<i>кое</i> 'где?'		+			
<i>конѣць</i> 'на конце'	+				
<i>коромола</i> 'заговор'	+				
<i>котора</i> 'ссора'	+				(+)
<i>кощѣи</i> 'раб'		+			
<i>крыльце</i> 'крылышко'	+	+			

Лексема в "Слове о полку Игореве"	Юго-Запад		Смоленск, Калуга	Север	
	Украина	Юго-Запад, Юг, Могилев		Псков, Тверь, Москва	Новгород, Север, Северо-Восток
<i>крѣсити</i> 'воскресить'		+			
<i>къметь</i> 'воин'	+	+			
<i>кыкати</i> 'куковать'	+				
<i>кыкати</i> 'понукаль животное'					+
<i>льпо</i> 'хорошо'			+	+	(<i>леньй</i>)
<i>лозье</i> 'ветки'					+
<i>ляти</i> (<i>по-, роз-, вы-</i>) 'лить'	+				
<i>мосты мостити</i> 'гатить'	+				
<i>мѣчати</i> 'быстро понести, повезти'	+				
<i>мысль</i> 'белка'				+	+
<i>мыть</i> 'линька (у птиц)'		+			
<i>мьгла</i> 'облако'				+	
<i>мьгла</i> 'туман'	+				
<i>наничь</i> 'наизнанку'					+
<i>напрячи</i> 'натянуть'					+
<i>нарьскати</i> 'нападать'					+
<i>насадъ</i> 'род судна'					+
<i>насилньги</i> 'дующий навстречу'		+			
<i>незнаемъи</i> 'незнакомый'	+				
<i>ничати</i> 'приникать'	+				
<i>нужа</i> 'бедствие'	(+)	+			
<i>опутати</i> 'сосватать'					+
<i>острити</i> (<i>сърдьца</i>)	+	(+)			
<i>палати</i> (<i>съ-, за-</i>) 'сгореть, пылать'	+				
<i>папързъ</i> 'сустав крыла'					+
<i>пахати ся</i> 'развеваться'					+
<i>преди, напреди</i> 'впереди'					+
<i>передьньи</i> 'прежний'	+				
<i>переторгнути</i> 'переместить? переломить, изнурить?'					+
<i>пѣти</i> 'звенеть, жужжать'					+
<i>повити</i> 'пеленать'	+	+			

Лексема в “Слове о полку Игореве”	Юго-Запад		Смоленск, Калуга	Север	
	Украина	Юго-Запад, Юг, Могилев		Псков, Тверь, Москва	Новгород, Север, Северо-Восток
<i>поволочи ся</i> 'затянуться облаками'		+			
<i>повьргнути</i> 'заставить упасть'	+				
<i>погрузити</i> 'погрузить (в воду), утопить'				+	+
<i>подвизати ся</i> 'двигаться'	+				
<i>позьрѣти</i> 'посмотреть'	+				
<i>полонити</i> 'пленить'	+				
<i>помьлкнути</i> 'замолкнуть (о многих)'	+				
<i>помьнити</i> 'вспоминать'					+
<i>понизити</i> 'опустить'	+	+			(+)
<i>поникнути</i> 'исчезнуть'		+			(+)
<i>порохъ</i> 'пыль'	+	+			
<i>поскъпати</i> 'расщепить'	+	+			
<i>потрепати</i> 'попользоваться'			(+)		
<i>потручати</i> 'потолкать'	+				
<i>потяти</i> 'изрубить, убить'	+				(+)
<i>похоть</i> 'страстное желание'	+				
<i>правити</i> 'двигаться в определенном направлении'		(+)			+
<i>пригвоздити</i> 'прикрепить'	+				
<i>приламати</i> 'испытать'		+			
<i>приломити</i> 'испытать'	+	+			
<i>притрепати</i> 'добыть'					+
<i>притрепати</i> 'изранить'		(+)			+
<i>путины</i> 'пуга'					+
<i>пятъкъ</i> 'пятница'		+			
<i>рано</i> 'утром'	+				
<i>розкропити</i> 'разбрызгать'		+			
<i>розсути</i> 'раздвинуть, рассредоточить'	+	+			
<i>розумьти</i> 'вдуматься'					+
<i>розьно</i> 'врозь, в разные стороны'	+	+	+	+	
<i>рокотати</i> 'петь'					+

Лексема в "Слове о полку Игореве"	Юго-Запад		Смоленск, Калуга	Север	
	Украина	Юго-Запад, Юг, Могилев		Псков, Тверь, Москва	Новгород, Север, Северо-Восток
<i>свьтълое</i> 'сълньце'	+				
<i>слѣдѣ</i> (послелог) 'следом'					+
<i>смѣркѣ</i> 'дым (?)'				+	
<i>стремь</i> 'стремя'	+				
<i>струга</i> 'ручей'	+				
<i>сѣвивати</i> 'соединять'		+			
<i>сѣвѣдомѣ</i> 'сведующий'	+	+			
<i>сѣглядати</i> 'взглянуть, увидеть'	+	+			
<i>сыновѣцъ</i> 'племянник (сын брата)'	+				
<i>тропа</i> 'след'	+				
<i>трупѣ</i> 'трупы'	+				
<i>туча</i> 'грозовая туча'	+				
<i>убудити</i> 'разбудить'	+				
<i>ужина</i> 'ужин'				+	+
<i>уѣдѣ</i> 'кормежка'	(+)				
<i>хоботѣ</i> 'бунчук'	+				
<i>хѣлмѣ</i> 'холм'				+	+
<i>цѣвѣлити</i> 'хлестать'	+				
<i>чайка</i> 'чайка'				+	+
<i>чи</i> 'ли, или, разве'	+	+			
<i>чѣрвѣленѣ</i> 'красный'	+				
<i>яруга</i> 'овраг'	+	+			
Суммы лексических параллелей	81 (50 "эксклю- зивных")	55 (21 "экс- клюдивная")	5	14 (3 "экс- клюдив- ных")	34 (23 "экс- клюдивных")
	103			35	

Русская диалектная лексика исследована достаточно подробно. В отличие от нее лексика северо-восточных украинских говоров известна лишь фрагментарно, по большей части из художественных текстов. По этой причине многие слова и формы, встречающиеся в "юго-западных" фрагментах "Слова", иногда представлены только брянскими соответствиями, см. работы В. А. Козырева, который использовал данные картотеки Брянского областного словаря и собственные записи [КОЗЫРЕВ 1975А: 142–144; 1975Б; 1976]. Из-за этого возникает ложное впечатление, что значительная часть лексики "Слова" имеет специфические брянские

параллели. В действительности она должна быть охарактеризована как общая лексика, характерная для юго-западных русских и северо-восточных украинских говоров (надо полагать, что и для говоров юго-востока Белоруссии). На поверку оказывается, что большинство слов и идиом, приводимых В. А. Козыревым (и вслед за ним А. Ю. Черновым) как “специфически брянские”, на самом деле распространены в указанном ареале и представлены в украинском (в том числе литературном) языке. Из 38 параллелей, выявленных только в современных брянских говорах [КОЗЫРЕВ 1975А: 144], таковыми могут быть признаны 12: *насильно* ‘дуя навстречу (о ветре)’, *кощей* ‘слуга’, *возгря́ться* ‘начать каркать (о вороне)’, *бологое* (сущ.) ‘добро’; *глаго́лить* ‘предвещать (недоброе)’; *грязи́вый* ‘болотистый, топкий’; *мыть* ‘выпадение перьев (при линьке)’; *свивать* ‘соединять’; *карна* ‘печаль, тоска’, *поволочиться* ‘покрыться (облаками, о небе)’, *дорыскать* ‘добежать’, *дотечь* ‘добраться’ (также, возможно, *да́вний, да́вний* ‘достигший глубокой старости’). Замечу, что В. А. Козырев почти не упоминает брянско-украинские параллели и вообще параллели лексики “Слова” с украинским и белорусским языками. Большинство “уникальных” брянских и южнорусских параллелей (последние, согласно В. А. Козыреву, составляют 36% от всех лексических параллелей) уникальными не являются, так как широко представлены в украинских и/или белорусских диалектах. В то же время действительно уникальных украинских параллелей (большинство из этих слов есть в украинском литературном) насчитывается заметно больше, чем брянских, — 50. Сюда нужно добавить 27 параллелей с лексикой, одновременно отмеченной в южнорусских, восточнобелорусских говорах и в украинском (*сведомый/свідомий, ведомый/відомий* и т. д.). В своих теоретических выводах В. А. Козырев [1976: 103] высказывается осторожнее: “Тот факт, что среди обнаруженных параллелей значительная часть относится к брянским говорам, объясняется прежде всего тем, что на этой территории нами были предприняты специальные поиски, тогда как по другим областям мы располагали лишь теми сведениями, которые могли почерпнуть из соответствующих источников”. В. А. Козырев обнаружил всего 8 эксклюзивных лексических параллелей со средне-, севернорусскими говорами и говорами Урала и Сибири [КОЗЫРЕВ 1975А: 141], из которых *луча, сулица, котора, буесть, тутнеть* северными словами не являются. В действительности северных эксклюзивных параллелей 35 (табл. 2).

Почти все “украинизмы” в “Слове” являются общеукраинскими, т. е. свойственными как восточным, так и западным диалектам. Лексика, общая с южнорусской, должна была присутствовать в киевско-черниговских говорах XII в., однако резкий перевес “общеукраинской”

лексики над русской юго-западной может говорить о галицко-волынском вкладе в староукраинскую часть “Слова”⁴.

§ 2. Диалектные особенности “Слова о полку Игореве”

§ 2.1. Глагол в начале предложения как диалектный маркер

Синтаксис “Слова” отличается большим числом предложений, вводимых бессоюзно, что не характерно для древнерусской прозы [Зализняк 2008А: 190–205]. Однако в предложениях, в которых личные формы глагола стоят в начале, они как правило сопровождаются энклитиками и/или проклитиками. Такое употребление встречается во всех фрагментах “Слова” независимо от их диалектной атрибуции:

1. *Почнемъ же братіе повѣсть сію.* 2. *Рекоста бо братъ брату.* 3. *Биша ся день биша ся другыи.* 4. *Хощу бо рече копіе приломити.* 5. *Уныша бо градомъ забрали.* 6. *Полечю рече зегзицею по Дунаеви* (в последнем примере энклитикой являются фонологически безударное *рече*). 7. *Не быс<т>ъ ту брата Брячяслава ни другаго Всеволода.* 8. *И ркоша бояре князю.* 9. *И рече ему буи туръ Всеволодъ.* 10. *Нъ рекосте мужаимъ ся сами.* 10. *А възтона бо братіе Кіевъ туюю.* 12. *И рече Гзакъ къ Кончакови.* 13. *А всядемъ братіе на свои бръзья комони.* 14. *Чили възспъти было въщии Бояне.* 15. *Не было нъ обидъ порождено ни соколу ни кречету.* Сюда относится и 16. *О стонати рускои земли.*

Без энклитик/проклитик по всему тексту отмечены начальные императивы и неличные формы (*l*-причастие, инфинитив): 1. *Сьдлаи брате свои бръзьи комони.* 2. *Вступита господина въ злата стремянь.* 3. *Стрѣляи господине Кончака поганого кощия.* 4. *Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами.* 5. *Были въчи Трояни, минула льта Ярославля.* 6. *Уныл<и> голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ городеньскіи.* 7. *Быти грому великому, итти дождю стрѣлами.* 8. *Пъти было пьс<н>ъ Игореви*

⁴ Украинские говоры Волини и Полесья восходят к позднепраславянскому дулебскому диалекту, предку племенных диалектов бужан, волянн, дреговичей, древлян и полян, их лексика является северо-восточным компонентом общеукраинского словаря. Дулебы принадлежали к позднепраславянскому этноплеменному объединению VI–VII вв., известному как словены (склавины) [Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013]. Галицкие и карпатоукраинские говоры восходят к позднепраславянскому диалекту днепровско-карпатских хорватов, их лексика является юго-западным компонентом. Хорваты – потомки другого этноплеменного объединения той же эпохи, известного как анты [Николаев 2008]. На Волини южнее Полесья после XIV в. на основе северногалицких говоров сформировалось волынское койне. В сложении волынского койне принимали участие северноукраинские говоры дулебского происхождения. Восходящие к волынскому койне (южно)волынские говоры расположены в зоне от Среднего Побужья на западе до Житомира и Винницы на востоке, их южная граница проходит приблизительно по линии Белз – Мосты Великие – Буск – Золочев – Збараж – Красилов – Хмельник – Калиновка – Тетиев [Николаев, Тер-Аванесова, Толстая 2013: 114–115].

того внуку. Показательно, что в этих примерах за инициальными *l*-причастиями и инфинитивом следуют знаменательные, но фонологически безударные формы-энклиномены: *вѣчи, голоси, грому, было*.

Особый комментарий требуется к начальным личным формам презенса и аориста, не сопровождаемым энклитиками и/или проклитиками.

В юго-западных фрагментах, составляющих подавляющую часть текста (1268 учтенных слов), засвидетельствованы только две инициальные формы презенса и одна форма аориста без энклитик/проклитик: 1. **Спала** князю умь похоти. 2. **Дремлетъ** въ полъ Ольгово хороброе гнѣздо. 3. **Ничить** трава жалощами, а древо с<я> тугою къ земли преклонило с<я>. При этом в первых двух примерах за глаголом следуют фонологически безударные слова — формы-энклиномены *князю* и *въ полъ*.

Напротив, в коротком “северном” XV фрагменте (185 слов) и в примыкающем к нему “внедиалектном” заключительном XVI фрагменте (50 слов) в инициальной позиции представлены 5 аористов, 1 презенс и 1 действительное причастие в функции сказуемого, не сопровождаемые энклитиками/проклитиками, а знаменательная форма-энклиномен (*море*) присутствует только в одном примере: 1. **Прысну** море полунощи. 2. **Погасоша** вечеру зари. 3. **Стукну** земля въ с<с> шумъ трава. 3. **Уныша** цветы жалобою. 4. **Рече** Кончакъ ко Гзѣ. 5. **Млѣвитъ** Гзакъ Кончакови. 6. **Рекъ** Боянъ и Ходына.

По всей видимости, эта синтаксическая черта скоррелирована с северным лексическим комплексом и является различительным признаком двух диалектов, представленных в “Слове”. При окончательной обработке текста была унифицирована морфология, которая соответствует северной лексике (§ 2.2), но синтаксическая особенность “северного” диалекта (по-видимому, инновационная) проявилась только в отрывке, сочиненном на этом диалекте. В этом же фрагменте употреблена форма мн. ч. *пѣтицъль*, тогда как в остальном тексте в этом значении употребляется собирательная форма ед. ч. *пѣтичь*. Также в этом фрагменте примечательна фраза *Игореви князю Богъ путь кажетъ*, которая перекликается с *Игорь ѣдетъ [. . .] къ святѣи Богородици Пирогощеи и побарая за христьяны на поганья плѣки* во “внедиалектном” XVI фрагменте. В остальном тексте христианский Бог не фигурирует, а христианская тема ограничивается упоминанием киевской Святой Софии.

§ 2.2. Именное словоизменение в “Слове о полку Игореве” как диалектный маркер

§ 2.2.1. Система склонения *a*-основ в “Слове о полку Игореве”

Большую важность для диалектной атрибуции протографа “Слова” имеет именное словоизменение (см. его подробный разбор в [Дыбо 2006: 439–454], в частности — система окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч.

в склонении существительных с *a*-основами (*голова, земля* и т. п.). Материал приводится ниже, окончания представлены в табл. 3.

Таблица 3. Система окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. существительных с *a*-основами в "Слове о полку Игореве"

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение	
		-ица	мягкие сонанты и <i>j</i>
Род.	-ы // -ь	-ь	-и
Дат. и местн.	-ь // -ы	-ь [// -и]	-и

Материал. Твердое склонение: род. *сѣ. . . Каялы, Каялы (2×), до Немиги, рькы; головы, славы* ⇔ *ладь, изъ. . . славъ*; дат.-местн. *по бълль, Влзъ, ко Гзъ, дружинъ, къ дружинъ, на Каяль (2×), въ Каяль, мгль, Немизъ (2×), по ногатъ, по резанъ, на рьць (2×), въ. . . рьць, къ рьць, съдинъ, ужинъ; по Сули [вместо *по Суль]; на. . . травъ* ⇔ *голови*.

Мягкое склонение. Основы на мягкие сонанты и *j*: род. *среди земли (2×), от земли, изъ земли, пустыни, у. . . Софеи*; дат.-местн. *земли (4×), въ. . . земли, по земли (5×), ко. . . Софиі*. Основы на *-ц-*: род. *дъвице*; дат.-местн. *къ. . . Богородици* ⇔ *въ гридниць*.

В мягком склонении однажды отмечено окончание *-ь* в местн. п. прилагательного: *синъ (мьгль)*. Здесь *-ь* могло быть восстановлено копиистом по аналогии с *мгль*. Помимо этих форм, нередко церковнославянские формы род. п. на *-а/-я*, которые не релевантны для определения русского окончания в "Слове".

В мягком склонении только окончание *-и* (наряду с нерелевантным ц.-слав. *-а/-я*) обнаруживается на месте этимологического *-ь* в им.(-вин.) п. мн. ч.: им. п. мн. *сабли (2×), зори, зари, вежи, мльниі*.

Форма род. п. *дъвице* параллельна местн. п. *въ гридниць* — формы на *-ь* представлены только в суффиксальных образованиях на *-ица*. Помимо этого, окончание *-ь* представлено в вин. п. мн. ч. *усобиць*, хотя большинство подобных форм имеет окончание *-и*: *галици (3×), лисици, птици, дъвици, сулици (2×)* — наряду с нерелевантными церковнославянскими формами на *-а/-я*. Представляется, что в протографе эти формы имели окончание *-ь*, а написание *-и* на месте заударного *-ь* должно быть отнесено на счет копиистов XV–XVI вв. Таким образом, для диалекта "Слова" реконструируется нетривиальное мягкое склонение *a*-основ с генерализованным окончанием *-ь* у основ на *-(и)ца* (фактически это переход основ на *-ц-* в твердое склонение) и генерализованным *-и* у остальных основ.

§ 2.2.2. Южнопсковско-селижаровское склонение *a*-основ как аналог системы "Слова о полку Игореве"

В тексте "Слова" наблюдается взаимопроникновение окончаний род. и дат.-местн. п. ед. ч. твердого склонения: род. п. *ладь, изъ. . . славъ*

и дат. *голови*. Еще один возможный случай местн. п. на *-ы* — это *на брезь быстрой Каялы*, на что может указывать адъективное окончание *-ои*, которое в форме достоверного родительного падежа засвидетельствовано только один раз (*изъ земли половецкою на землю рускую*), в остальных многочисленных примерах окончания род. п. ед. ч. ж. р. *-ьи* или *-ья/-ія*. *На брезь быстрой Каялы* может быть таким же двойным локативом, как *Днѣпръ <тъ> темнь березь*.

Исконные окончания твердого склонения превалируют, однако не исключено, что оригинальная система была искажена редактурой, произведенной переписчиками. Показательны “неисправленные” формы им. мн. ж. р. *знаеми, изъострени, роспущени, ради*, с заударным *-и*. Формы вин. п. мн. ч. м. р. на *-и* в списке “Слова” (*хлѣми, салтани, стязи, лучи, тули, верезени*) объяснимы утратой различия между им. и вин. п. мн. ч. в языке копиистов XV–XVI вв. Однако аналогичные формы на *-и* у твердых *a*-основ ж. р. могут быть объяснены только как результат развития заударного *-ть /e/ > -и* — ср. *по Сули* = **по Суль*⁵, а также *розино* вместо *розьно = /*розьно, розёно*/. В *они же сами* (струны) окончания *-и* также, по всей видимости, являются субститутами *онь, самь* протографа (формы, распространенные в современных западных и северо-западных говорах).

Смешение окончаний род. и дат.-местн. п. твердого склонения и их вытеснение окончаниями мягкого склонения приводит к образованию так называемых “обратных” систем (род. п. *водь*, дат.-местн. п. *воды*) и близких к ним систем со сложным синкретизмом в твердом склонении [АНТТ 2013: 87–110]. Такие системы характерны для говоров южно-псковско-селижаровской группы, которые берут свое начало в диалекте кривичей (по своей культуре близких к собственно псковским), населявших верхнее течение рек Великой, Дрисы, Западной Двины, Ловати и регион верхневолжских озер [Седов 1982: 160–161, карта 25; 166–167, карта 26]. Современный южнопсковско-селижаровский ареал простирается к северу до среднего течения Ловати (Холмский, Маревский р-ны и юго-восток Демянского р-на Новгородской обл.), на западе включает южнопсковские говоры (Опочецкий, Пустошкинский, Локнянский, Великолукский, Усвятский, Куньинский, Себежский, Невельский р-ны Псковской обл.), на юге граничит со смоленскими и полоцкими говорами по изоглоссе диссимилятивного аканья [ДАРЯ, 1: карта 2], включает в себя юго-западную часть Тверской области (Западнодвинский, Торопецкий, Андреапольский, Пеновский, Осташковский, Селижаровский, Кувшиновский р-ны, запад Торжокского р-на Тверской обл.).

⁵ По-украински топоним имеет ударение на последнем слоге (*Сула*), в древнерусском засвидетельствованы оба ударения [Зализняк 2014: 660].

Во многих говорах этого ареала в твердом склонении используются окончания мягкого склонения, тогда как в мягком склонении происходит обобщение окончаний *-ь* или *-и*. В большинстве говоров наблюдается вариативность форм твердого склонения (табл. 4).

Таблица 4. Один из распространенных вариантов южнопсковско-селижаровской системы окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. существительных с *a*-основами⁶

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>-ь</i> (// <i>-ы</i>)	<i>-и</i>
Дат. и местн.	<i>-ы</i> (// <i>-ь</i>)	<i>-и</i>

Вариант южнопсковско-селижаровской системы — со свободным варьированием окончаний *-ы* и *-ь* в твердом склонении и с единым окончанием *-и* в мягком, и таким образом близкий к системе “Слова” — представлен также во II почерке Строевского списка Псковской 3-й летописи [АНТТ 2013: 135–136], где эта система помещена среди древнепсковских.

Особый статус основ на *-ица* в “Слове” сближает его систему с одной из древнепсковских, которая представлена в I почерке Строевского списка 3-й Псковской летописи [АНТТ 2013: 131–135]. По этому признаку система “Слова” также близка к системе, представленной в тексте “Повести временных лет” в обоих почерках Ипатьевской летописи, имеющей и другие псковско-полоцкие особенности [АНТТ 2013: 149–154].

Система склонения *a*-основ в “Слове”, с ее обобщенным окончанием *-и* в мягком склонении, близка к системе, представленной в белорусском литературном языке и в центральнобелорусских говорах, однако в них окончания твердого склонения последовательно различаются (за исключением основ на *-р*, перешедших в мягкое склонение в связи с утратой фонологического противопоставления /r/ и /r'/) [АНТТ 2013: 128–130]. Обобщение окончания *-и* известно также из многих русских юго-западных говоров смоленско-кривичского происхождения, но в них, судя по архаическим говорам, эта система имеет позднее происхождение. Как русская “смоленская”, так и белорусская система с обобщенным окончанием *-и* имеют относительно позднее происхождение: в смоленских и полоцких грамотах окончания род. п. *-ь* и дат., местн. п. *-и* различались вплоть до XIV в. [АНТТ 2013: 78–86]. Генерализация окончания *-и* в мягком склонении характерна для древнепсковского

⁶ Вариант с колебанием окончаний род., дат. и местн. п. твердого склонения с синкретизмом окончаний мягкого склонения по *-и*. Кроме этого варианта, в южнопсковско-селижаровском ареале отмечены “обратные” системы с сохранением в мягком склонении праславянских окончаний и системы с генерализацией окончания *-ь*. Говоры с синкретизмом по *-и* встречаются по всему ареалу [АНТТ 2013: 165, карта 2].

[АНТТ 2013: 130–137] и древнетверского диалектов [АНТТ 2013: 127–128], однако в них не было окончания *-ы* в дат. и местн. п. твердого склонения.

§ 2.2.3. Кардинальное отличие склонения *a*-основ в “Слове”
от систем украинско-белорусско-русского пограничья

§ 2.2.3.1. Припятско-полесская система склонения

Склонение *a*-основ в тексте “Слова о полку Игореве”, по-видимому, исключает киевское или черниговское происхождение известной нам редакции “Слова”: в древнерусских диалектах современных Украины, южной Белоруссии и юго-западной России были представлены иные системы склонения *a*-основ [АНТТ 2013: 154–156]. В тексте употребляется единое окончание *-и* в род., дат. и местн. п. мягкого склонения (исключения — основы с суффиксом *-ица*), тогда как для всего поздне-праславянского припятско-полесского (дулебского) ареала было характерно синкретическое окончание *-ь* (ср. укр. литер. род.-дат.-местн. *землі* < *земль); для северочерниговского, брянского и восточнобелорусского ареала — окончания род. *-и*, дат. и местн. п. *-ь*. Эти три системы сводимы только на праславянском уровне.

Ниже (табл. 5) приводится *полесско-припятская* система род., дат. и местн. п. *a*-основ, в настоящее время представленная по всему Полесью, Волини, на юго-востоке Украины и в украинском литературном языке [АНТТ 2013: 138]. Судя по конфигурации ареала этой системы, она должна была сформироваться в позднепраславянскую эпоху. Так как эта система представлена во всех восточнополесских, надднепровских и слобожанских говорах, есть все основания полагать, что она была характерна и для диалекта древних Киева и, возможно, Чернигова (где могла быть представлена также и брянско-полесская система, см. ниже). Полесско-припятская система соотносится с близкородственными племенными диалектами потомков дулебов — бужан, волянян, дреговичей, древлян и полян [Седов 1982: 90–22; Николаев и др. 2013].

Таблица 5. Полесско-припятская система окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. существительных с *a*-основами

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	<i>-ы</i> (> укр. литер. <i>-и</i>)	<i>-ь</i> (> укр. литер. <i>-и</i>)
Дат. и местн.	<i>-ь</i> (> укр. литер. <i>-и</i>)	<i>-ь</i> (> укр. литер. <i>-и</i>)

§ 2.2.3.2. Брянско-полесская и восточнобелорусская системы склонения
Второй системой склонения *a*-основ, представленной на северо-востоке Украины, в юго-восточной Белоруссии и на русском Юго-Западе, является брянско-полесская система и ее вариант — восточнобелорусская система [АНТТ 2013: 116–121]. В этой системе, как в восточнорусских

говорах (и в русском литературном языке), праславянские окончания род., дат. и местн. п. мягкого склонения заменены окончаниями твердого (-ы было заимствовано в виде -и) — см. табл. 6.

Таблица 6. Брянско-полеская и восточнобелорусская система окончаний род., дат. и местн. п. ед. ч. существительных с *a*-основами

Падеж	Твердое склонение	Мягкое склонение
Род.	-ы	-и
Дат. и местн.	-ь	-ь

На северо-востоке Украины эта система образует ареалы в междуречье Припяти и Днепра, на севере Черниговской, Сумской и Харьковской областей. В Белоруссии она характерна для юго-восточных (гомельских и моголевских) говоров. На русском Юго-Западе эта система является естественным продолжением ареала восточнорусской системы. Южнорусские системы русского Задесенья (“брянского угла”), юго-восточной Белоруссии и украинского северо-восточного Полесья восходят к племенному диалекту северян. Можно предполагать, что эта система была представлена в северо-восточной части Черниговского княжества. Замена окончаний род., дат. и местн. п. мягкого склонения *a*-основ окончаниями твердого склонения, по-видимому, была древней изоглоссой, объединявшей племенные диалекты славян, населявших современные восточную и южную Россию, юго-восточную Белоруссию и северо-восточную Украину — славян Волго-Клязьминского междуречья, вятичей, славян Верхнего Дона и северян. Сплошной ареал был разорван вследствие относительно позднего переселения смоленских кривичей и их языковых потомков в Деснинско-Окское междуречье и южнее в сторону Белгорода.

§ 2.3. Другие диалектные особенности склонения в “Слове”

Твердое склонение *o*-основ не имеет в “Слове” выраженных диалектных особенностей (путаница окончаний -ы и -и в им. п. мн. ч. может быть отнесена на счет копиистов, у которых эти падежи формально уже не различались). Для склонения мягких *o*-основ в тексте “Слова” характерна замена “мягкого” окончания местного пад. “твердым” (замена, противоположная в сравнении со склонением *a*-основ!): *въ Путивль* (3×), *Тмутрокань, въ полъ* (4×), *на полъ, на море, въ морь*. Формально архаизмами являются *Гориславличи, Трояни, на Дунаи* (2×), *по. . . князи*, однако в них можно видеть позднейшую замену заударного -ь на -и (§ 2.2.3.1). В полоцких и южнопсковско-селижаровских говорах отмечено только окончание -ь (*на коне*). В большинстве украинских говоров (за исключением карпатоукраинских) также обобщено окончание твердого склонения -ь (укр. литер. *на коні, у кінці*).

В вин. п. мн. ч. основ м. р. отмечено только окончание *-и* на месте этимологического *-ъ*: *вои, на вои* (3×), *свои комони* (2×), *подъ мечи, князи, свои мечи, корабли, Святославлѣ, чужи, ручьи*, что указывает на замену этимологического *-ъ* новым *-и* уже в протографе. В этом отношении система “Слова” принципиально отличается от украинской, в которой окончание *-ъ* осталось неизменным (укр. литер. *коні, князі*).

У местоимений, числительных и в членных формах прилагательных и других адъективных форм окончание *-ъ* после *j (в род. ед. ж. р., вин. мн. м. р., им.-вин. мн. ж. р.), по-видимому, также было замещено окончанием *-и*: по всему тексту в этих формах отмечается только *-и* (наряду с ц.-слав. *-я*), но не этимологическое *-ъ*:

род. п. ед. ч. ж. р. *которыи, половецкыи, рускыи; быстрои, половецкои*;
вин. п. мн. ч. м. р. *бръзыи, подъ тыи, харалужныи*;
им. п. мн. ч. ж. *ляцкѣи, городеньскѣи, половецкѣи*;
вин. п. мн. ч. ж. р. *угорскыи*.

В отличие от местн. п. м. р. на *-и*, наряду с которым в тексте “Слова” отмечены и формы на *-ъ*, в род. п. мягких *a*-основ, вин. п. мн. ч. м. р., им.-вин. п. мн. ч. ж. р. и в окончаниях на *-jѣ формы на *-ъ* не отмечены (за исключением основ на *-ица*): представлены только формы на *-и* и их ц.-слав. субституты с окончанием *-я/-а*. Трудно себе представить, что копиисты первичное окончание *-ъ* последовательно заменяли церковнославянским *-я/-а* (при этом исключив из редактур основы на *-ица*), а на вторичное *-и* не обращали внимания. Очевидно, что в перечисленных падежных формах в протографе (и, наверное, в диалекте автора “Слова”) использовалось только вторичное окончание *-и*. Во всех украинских говорах эти окончания имеют рефлекс *-ъ* (укр. литер. *-і*).

§ 2.4. Диалектная принадлежность протографа “Слова о полку Игореве”

Система склонения *a*-основ, представленная в списке “Слова” и характеризовавшая диалект протографа (и, по всей видимости, авторского текста, § 2.2.3.1), является одним из вариантов южнопсковско-селижаровской системы, в настоящее время распространенной в русских южнопсковско-селижаровских говорах (§ 2.2.3.2). Эта система кардинально отличается от обнаруживаемых в юго-западных русских и северо-восточных украинских говорах систем, которые имеют позднеславянское происхождение (§ 2.2.3). В XI–XIII вв. эти системы могли быть архаичнее современных, но система “Слова” сближается с ними только на праславянском уровне⁷. Столь искусную редакцию текста именно в

⁷ Системы склонения, известные из старейших списков Повести временных лет, различаются между собою и весьма далеки от праславянской [АНТТ 2013: 149–154].

отношении именного словоизменения — последовательную субституцию ожидаемых “древнерусской” (гипотетической системы с праславянским распределением окончаний), древнекиевской или новгород-северской систем одним из вариантов южнопсковско-селижаровской с нетривиальным противопоставлением основ на *-(и)ца* другим мягким *a*-основам — вряд ли можно приписать копиистам: другие раннедревнерусские черты протографа “Слова” до нас дошли без систематических искажений. Особенности склонения *o*-основ и прилагательных также позволяют отнести диалект “Слова” к южнопсковско-селижаровскому ареалу.

А. А. Зализняк [2008А: 139–155] приводит доводы, согласно которым, вслед за Н. М. Каринским, текст “Слова” связывается целым рядом диалектных черт с псковской диалектной зоной, однако указывается, что “нужно учитывать, что признаки, заставляющие предпочесть псковскую зону перед полоцкой, не слишком жестки и держатся на единичных примерах” [там же: 148].

Следует заметить, что в данном случае имеется контраст между севернопсковской зоной, с одной стороны, и собственно полоцкой — с другой. Между этими зонами располагается южнопсковский ареал, имеющий специфические диалектные признаки.

А. В. Дыбо, проанализировав весь комплекс диалектных черт текста “Слова”, сузила локализацию диалекта памятника до “полоцко-смоленской”: “Особенности второй палатализации (регулярная палатализация заднеязычных, отсутствие палатализации сочетания *ск*) при наличии цоканья скорее говорят о полоцко-смоленском [. . .] диалекте раннего типа. Остальные диалектные явления, которые можно отнести к раннему слою, не противоречат такой локализации” [Дыбо 2006: 464].

Для текста “Слова” характерны:

- 1) отсутствие специфических новгородских признаков;
- 2) отсутствие специфических северно- и центральнопсковских признаков (аффрикатизация велярных в позиции II палатализации и прочие “общерусские” черты, не свойственные древнепсковскому диалекту);
- 3) присутствие общих смоленско-полоцко-южнопсковско-селижаровских признаков;
- 4) присутствие признаков, характерных только для говоров сопредельного с полоцким и смоленским южнопсковско-селижаровского ареала.

Смоленской и полоцкой атрибуции диалекта текста “Слова” препятствуют не только “шоканье”, отсутствовавшее в диалекте смоленских (и, вероятно, полоцких) кривичей. В них склонение *a*-основ вплоть до XV в. было исторически тождественно праславянскому, т. е. окончания род. и дат.-местн. п. различались, а в мягком и твердом склонениях были разные окончания. Помимо этого, из табл. 2 видно, что именно

смоленские лексические параллели представлены в “Слове” в наименьшем количестве.

Аффрикаты/спиранты на месте заднеязычных в позиции II палатализации — изолосса, отделяющая центрально- и севернопсковские говоры от южнопсковско-селижаровских и полоцких. В северно- и центральнопсковских говорах представлена “древнепсковская” система — с регулярным (в древнепсковском и раннем древненовгородском) или спорадическим (в современных говорах) сохранением велярных в позиции II палатализации перед рефлексами ятя в корнях (*кеп, кевка*, др.-новг. *хѣръ* и т. п.) и в словоизменении (*на ногъ, на рукъ, на сохъ*). В полоцких и южнопсковско-селижаровских говорах в корневых морфемах представлены “смоленская” [Николаев 2011: 12–14] или “стандартная восточнославянская” системы палатализации заднеязычных: с аффрикатами/спирантами: II палатализация *цеп, цевка, серый* как III палатализация *отец, курица* в отличие от I палатализации *чистый, начать* (“стандартная” система); или *чеп, чевка, шерый* как *чистый, начать* — в отличие от *отец, курица* (“смоленская” система). Одна из этих систем отражена в тексте “Слова” — при этом предпочтительнее предположить “смоленскую” в том случае, если считать случаи цоканья в тексте первичными, а не привнесенными переписчиками. В псковских говорах чередования *к/ц, г/з, х/с* в словоизменении нет, так как они восходят к позднепславянскому диалекту без аффрикатизации велярных, но оно сохраняется в полоцких, с характерным “исключением” основ на *-ск-* (*на руке, на нозе, но въ Полоцке*). В “Слове” чередование *к/ц, г/з, х/с* в словоизменении представлено в “полоцком” варианте (*въ Полоцкъ*, а не **Полоцтъ* или **Полоцць*). В южнопсковско-селижаровских говорах чередования *к/ц, г/з, х/с* в словоизменении в настоящее время нет, но так как в корнях регулярно присутствуют аффрикаты (*цеп, цевка*), нужно считать их отсутствие в словоизменении результатом вторичного выравнивания основы в парадигме. В списке “Слова” представлены аффрикаты на месте заднеязычных в позиции II палатализации в словоизменении (*Немизь, Влзь, на рьць* и т. д.), что исключает (северно-)псковско-новгородское происхождение как первоначального текста, так и его промежуточных копий.

Окончания мягкого склонения *a*-основ и колебания в формах род. и дат. п. твердого склонения (род. *ладь, изъ. . . славь*, дат.-местн. п. *головы*) (§ 2.2.3.1) позволяют сузить “полоцко-южнопсковско-селижаровский” ареал, исключив из него полоцкие говоры. Представляется возможным локализовать диалектную систему протографа в южнопсковско-селижаровском ареале (§ 2.2.3.2). Характерно, что в списке “Слова” варьирует огласовка основы в формах дат. и местн. п. местоимений: *себь* (6×), *тебь* (2×) при однократном *собь*. А.В. Дыбо [2006: 454] сочла

формы с *себ-*, *теб-* церковнославянскими. Однако южнопсковско-селижаровские говоры находятся на границе современной изоглоссы: к северо-востоку от них сплошной ареал *тебе*, к юго-западу — *тобе*, а в самой южнопсковско-селижаровской зоне отмечено свободное варьирование этих форм [ДАРЯ, 2, карта 61]. Можно предположить, что вариативность *себь/собь*, *тебь/тобь* в южнопсковско-селижаровских говорах имеет давнее происхождение. В древненовгородском диалекте отмечаются устойчивые *тобь*, *собь* [Зализняк 2004: 152].

Представляется наиболее вероятным, что родным диалектом автора был один из кривичских говоров южнопсковско-селижаровского ареала. Поскольку крупнейшим и древнейшим городом этого региона был Торопец, можно предположить, что автор был торопчанином, хотя это, разумеется, не более чем умозрительная гипотеза. Впрочем, она поддерживается архаичной языческой компонентой “Слова”, а намеки на стойкое торопецкоеязычество прослеживаются с XII по XVIII в. [Иродионов 1788].

По-видимому, автор “Слова”, который написал (возможно, в буквальном смысле этого слова) свою поэму, вплел в нее обширные фрагменты из дружинного эпоса или авторского текста староукраинского происхождения, при этом староукраинская морфология была им последовательно заменена “южнопсковско-селижаровской”. Отдельные части поэмы написаны на родном диалекте автора, этим объясняется редкость или отсутствие в них юго-западных диалектизмов. При обработке староукраинских текстов автор, по-видимому, сознательно избегал родных (северных) диалектизмов, хотя они и представлены в незначительном количестве⁸.

⁸ Мнение А. Г. Боброва, что автором литературной обработки “Слова” (первоначально былины, имевшей хождение в дружинной среде) был Ефросин Белозерский (кн. Иван Дмитриевич Шемяка), подтверждается среди прочего следующим рассуждением: “Реконструируемая нами биография Ефросина позволяет объяснить наличие в списке «Слова о полку Игореве» диалектных особенностей: с одной стороны, новгородско-псковских (детство в Юрьевом монастыре под Новгородом), а с другой — западнорусских и брянских (годы жизни в Оболчи и в Новгороде-Северском)” [Бобров 2005: 297]. Перемещения автора по различным ареалам, естественно, могли привести в текст диалектные слова, но они бы ни в коем случае не находились в тексте в дополнительном распределении по блокам, тем более когда речь идет не о “ярких словечках” и реалиях, а о нейтральной лексике. Для того чтобы симитировать длинный (тем более художественный!) текст на близком диалекте, надо не только знать его словарный состав, но и — что более важно — знать, каких слов в нем нет. В имитационном тексте непременно обнаружатся слова родного диалекта автора, которые он употребит в уверенности, что они бытуют и в имитированном говоре. К сожалению, ложное представление о способности писателей безошибочно имитировать не родные им диалекты распространено в филологическом сообществе. Приписывание же текста автору XV в. напроць опровергается прослеживаемой по всему тексту “Слова” языковой системой, которая не может датироваться позднее, чем конец XIII – начало XIV вв. Подделка язык XIII в. мог только квалифицированный лингвист конца XX в., и то его подделка вскоре была бы развенчана, так как наши знания о древнерусском языке постоянно углубляются (см. подробно в [Зализняк 2008А]).

§ 3. Время создания “Слова” по данным грамматики

Черты XV–XVI вв., бросающиеся в глаза при первом знакомстве со “Словом”, на поверку оказываются легко снимаемым слоем непоследовательного исправления древней орфографии на новую, замены полногласных форм на неполногласные (§ 4) и замены ряда окончаний [Зализняк 2008а: 122–139].

По данным грамматики, отраженной в списке, “Слово” было создано не позднее начала XIII в. — на это, в частности, указывают сохранность вакернагелевых комплексов частиц, использование “имперфекта совершенного вида” и 2 л. ед. ч. аориста (и имперфекта; в *камо туръ поскачяше* сочетание обоих архаизмов; см. об этих и остальных раннедревнерусских чертах “Слова” в [Зализняк 2008а: 38–122])⁹. Формы 3 л. имперфекта с нулевым окончанием и *-ть* строго распределены по архаическому правилу, установленному А. Тимберлейком [Тимберлаке 1999].

Обращает на себя внимание стройная система прошедших времен (аориста, имперфекта в значении актуального или повторяющегося действия, перфекта, плюсквамперфекта и “будущего в прошедшем”), начавшая разрушаться довольно рано. Признаков поздней правки временных форм глагола в “Слове” не обнаруживается — напротив, их распределение представляется чрезвычайно архаичным. Даже формы перфекта, который достаточно рано начал заменять формы аориста, в “Слове” сохраняют свое исконное значение [Зализняк 2008а: 124–126; ср. Дыбо 2006: 454–455]. В новгородских берестяных грамотах господствующей формой уже был перфект на месте аориста и имперфекта [Зализняк 2004: 173]. По мнению А. А. Зализняка, “аорист был не позднее XII в. (возможно, и раньше) оттеснен в сферу пассивного знания; в обыденной устной речи он уже не употреблялся — его заменял перфект, ставший универсальным выразителем прошедшего времени [. . .] Что касается имперфекта, то [. . .] можно предполагать тот же темп эволюции, что у аориста, но завершившийся быстрее” [Зализняк 2004: 174]. Таким образом, система глагольных времен в “Слове” соответствует даже не XII, а X–XI вв.

В древненовгородском согласуемые деепричастия (презентные на *-а/-я/-юч/-яч-*, претеритные на *-ъ/-въ/-въш-*) утратили согласование (превратились в неизменяемые деепричастия) уже в ранний период, если их агенс входил в состав главного предложения, но не в качестве подлежащего, а в качестве второстепенного члена, причем неизменными показателями стали *-чи* (редко *-че*), *-вши* [Зализняк 2004: 144–145], что

⁹ Разумеется, речь тут не идет о заведомо поздних явлениях, отраженных в списке “Слова”, — таких как южнославянская орфография, церковнославянские окончания и т. п., которые без труда “снимаются” при реконструкции без ущерба для целостности текста и разбросанных по нему многочисленных рифмоидов и ассонансов.

соответствует ситуации в современных северо-западных диалектах, где эти формы имеют суффиксы *-чи*, *-вши* или *-че (-ча)*, *-ше (-ша)* [ДАРЯ, 2, карта 111]. Язык “Слова” показывает более архаическую, если не сказать праславянскую, систему, могшую быть древнерусской нормой не позже X в. Регулярны: 1. деепричастия м. р.: *наплънився*, *избивая* (Игорь), *скача*, *летая*, *свивая*, *рища* (Боян), *посвъчивая* (тур), *бья* (сокол), *забивъ* (Всеволод), *подперъ*, *заступивъ*, *затворивъ*, *меча*, *рядя* (Осмомысл), *рекъ* (Изяслав), *подпръ ся* (Всеслав), *труся* (Овлур), *рекъ* (Ходына); 2. деепричастия ж. р.: *стонуци* (ночь), *мычюци* (желя), *ркучи* (2×, Ярославна), *пожръши* (Стugna); 3. деепричастия мн. ч. м. и ж. р.: *дьяче* (вброня), *нарищуце* (поганий), *о стонати руской земли помянуше пръвую годину* (неопределенно-личный агенс мн. ч.), *пъвше* (страны и гради). По-видимому, регулярными надо считать также *ищуци* (куряне), *ищуци* (русичи), *звонячи* (Ярослав с былями) с фонетическим безударным (в XV–XVI вв.) *-и* вместо *-е* и *ркучи* (жены) с *-и* вместо *-ъ*. Исключения — только деепричастия настоящего времени: 1. форма м. р. вместо мн. ч. и ж. р.: *звоня* (девы), *имья* (Стugna); вместо формы мн. ч.: *побарая* (князь и дружина); 2. форма ж. р. вместо м. р. *лельючи* (ветер). В связи с тем, что исключений немного и выбор суффикса в них кажется бессистемным, более приемлемым кажется предположение, что они появились по небрежности переписчиков XV–XVI вв.

В “Слове” нередки формы беспредложного локатива, причем образуются они не только от топонимов, но и от нарицательных имен, при этом используется “двойной локатив”: *Днѣпр<ъ> темнѣ березѣ* ‘на берегу темного Днепра’. Вероятно, двойной локатив также в *на брезѣ быстрой Каялы*, § 2.2.2. Беспредложный локатив также в *спала князю умь похоти* ‘ум князя сгорел в страстном желании’.

Формы двойственного числа употребляются регулярно — относительно непоследовательностей типа *сыновчя* [. . .] *еста начала* [. . .] *одольсте* [. . .] *пролясте* см. [Зализняк 2008а: 42]. Во фразе *Обида* [. . .] *въсплескала лебедиными крылы* двойственное число не обязательно, так как могут иметься в виду крылья многих лебедей. Инновационное окончание *-а* в *сърдьца*, *крыльца* (вместо прасл. **-и*) соответствует др.-новг. *-а*, которое засвидетельствовано с XIII в. [Зализняк 2004: 111]. Затруднение вызывает интерпретация *въ злата стремь*, в котором *-ь* — графическая передача окончания дв. ч. ср. р. *-ъ*. В таком случае надо признать, что в “Слове” *стремя* имеет 2 формы — *стремь* м. р. и *стремя* ср. р. (по крайней мере в форме дв. ч.). Немногочисленные “вопиющие” нерегулярности в формах дв. ч. объясняются позднейшей правкой текста.

Формы склонения существительных с первоначальными *о-* и *и-* основами в дошедшей до нас версии “Слова” путаются между собой, и я, как правило, сохраняю в своей реконструкции окончания, представленные в издании 1800 г. (т. е. в списке). Смещение форм *о-* и *и-* основ не может

свидетельствовать ни о диалекте “Слова”, ни о времени его создания. В частности, в новгородских берестяных грамотах [Зализняк 2004: 107–109] окончание дат. п. *-ови/-еви* у имен собственных (ср. *Игореви* в “Слове”) и у существительных *попѣ, мужь, отьць* характерно для раннего периода; также в ранних грамотах отмечается окончание *-е* в род. и местн. п. от исконных *о*-основ (ср. в “Слове” *о пълку* и т. д.).

В отношении расстановки энклитик по закону Вакернагеля текст “Слова” соответствует норме XI–XII вв., при этом архаическая система (постановка *ся* в препозиции к глаголу, если только он не начинает предложение) характерна для всего текста независимо от стиля и лексического состава [Зализняк 2008а: 54–85]. Сомнительно, что в оригинальном тексте “Слова” имелось “двойное *ся*” (находящееся в регулярной препозиции к глаголу и повторенное в постпозиции). Имеется два случая “двойного *ся*”: *вежи ся половецкѣи подвизаша ся; а древо с<я> туюго къ земли преклонило с<я>* в VII фрагменте (ср. регулярное *и древо с<я> туюго къ земли прѣклонило* в XV фрагменте). Здесь поствербальное *ся* можно списать на копиистов XV–XVI вв., так как “основная масса таких примеров представлена в поздних рукописях — списках или оригиналах, относящихся не ранее чем к XIV веку” [Зализняк 2008б: 190]. Расстановка частицы *ся* не дает оснований датировать “Слове” позднее, чем XIII веком. В “Слове” *ся* находится в постпозиции к глаголу, стоящему в начале предложения после союза, такая постановка была обычной для древнерусских диалектов XII–XIII вв. (постановка *ся* после союзов являлась редким архаизмом [там же: 37]: *аще кому хотяше пѣнь творити, то растѣкашет ся мыслию по древу; и паде ся Кобякъ въ градъ Кіевъ; а чи диво ся братіе стару помолодити* и т. д. Этой датировке не противоречат и остальные примеры поствербального *ся* в случаях, когда глагол не начинает предложение. В [Зализняк 2008б: 98–102] показано, что в предложениях, начинающихся с обстоятельства, постановка *ся* в препозиции или постпозиции к глаголу зависит от того, имеется ли после обстоятельства семантический барьер. В “Слове” есть примеры только на поствербальное *ся*, причем в следующих случаях семантическая пауза после обстоятельства вероятна: *тогда при Олзь Гориславличи съяшет ся и растяшет усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука; по руской земли простроша ся половци; тогда при Олзь Гориславличи съяшет ся и растяшет усобицами, погибашеть жизнь Даждьбожа внука*. Сложнее объяснить постпозицию в примере: *уже снесе ся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже врѣже с<я> Дивь на землю* — подобные (хотя и немногочисленные) случаи есть и в текстах XI–XII вв. [там же: 102]. Ср. препозицию перед существительными: *ту ся брата разлучиста; ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти*. В “Слове” есть еще несколько поствербальных *ся* в позициях, где это было

нормой в XI–XII вв. [там же: 47–51, 94–102]: во фразах с двучленными начальными составляющими: *жены рускія въсплакаша с<я> а ркучи; въ княжихъ крамолахъ вѣщи человѣкомъ скратиша с<я>*; в сложных синтаксических периодах, где позиция *ся* определяется ритмико-синтаксическими факторами: *а вѣстона бо братіе Кіевъ тугою, а Черниговъ напастми, тоска разлія сѧ по руской земли, печаль жирна тече средѣ земли рускыи; солнце свѣтит сѧ на небесь, Игорь князь въ руской земли, дѣвици поють на Дунаи, вьют сѧ голоси чрезѣ море до Кіева.*

Оставшаяся в “бытовом” написании, а поэтому вряд ли отредактированная переписчиками форма 2 л. мн. ч. имперфекта *одѣвахъте* (фонологически /одѣвахоть/) имеет вторичную основу *дѣва-* вместо исконной *дѣя-*. В новгородских берестяных грамотах от этого глагола (*дѣяти* ‘класть, девать’) *ја-*основа не засвидетельствована (хотя в указателе глагол и показан как *надѣяти сѧ, издѣяти сѧ*), однако вторичная основа *дава-* от аналогичного глагола *даяти* ‘давать’ фиксируется только с XIV в. при устойчивом *даяти* (также с приставками [Зализняк 2004: 729, 845]) в предшествующие века.

Архаичным в “Слове” является и склонение полных форм ед. ч. прилагательных женского рода. Если отвлечься от церковнославянских форм род. п. на *-ыя/-ія* (род. п. ед. ч.) и *-ѣи* (дат. п. — только в “церковных” сочетаниях *ко святѣи Софіи, къ святѣи Богородици*), то окончанием дат. и местн. п. является *-ои/-еи*, а окончанием род. п. — окончание *-ѣи*, в котором *-и* восходит к **-jī* с обобщенным окончанием *-и*, как вообще в склонении мягких *а-*основ (§ 2.2). Окончание род. п. *-ои/-еи* встречается редко и может рассматриваться как результат редакции XV–XVI вв. Таким образом, в этом отношении язык “Слова” не более инновационен, чем язык берестяных грамот XI–XII вв. В последнем уже в XII в. засвидетельствовано новое окончание дат.-местн. *-ои*, а окончание род. п. *-ои* (отчасти фонетически развившееся из *-оѣ*) отмечается только с XIV в. [Зализняк 2004: 121–122].

Инновационной кажется система окончаний ед. ч. полных форм прилагательных м. и ср. р. В “Слове” нет следов адъективного окончания дат. п. ед. ч. *-ому*, на его месте всегда пишется *-ому*, и именно оно, по-видимому, было и в оригинале памятника. Вторичное окончание *-ому* отмечено в раннедревнерусских памятниках, поэтому его наличие в оригинальном тексте “Слова” не удивительно. Окончание местн. п. *-омѣ* встречается в тексте “Слова” чаще, чем архаичное *-ѣмѣ*. Окончание *-омѣ* не должно огульно считаться привнесенным переписчиками, так как в новгородских берестяных грамотах оно обычно с конца XIII в. и характерно для неновгородских текстов чуть более раннего периода [Зализняк 2004: 120–121; 151–152]. Также и окончание род.-местн. п. дв. ч. *-ую/-юю*, по-видимому, было заменено новым *-ою/-ею*: *на своєю нетрудноу крилицю*.

Такие инновации, как основа *дѣва-*; личные глагольные формы в начале предложения, не сопровождающиеся энклитиками и/или проклитиками (§ 2.2); адъективные окончания род. п. *-ои*, местн. п. *-омь*, окончание дв. ч. *-а* у мягких основ среднего рода позволяют датировать текст памятника серединой или концом XIII в.¹⁰ “Слово” не могло быть создано раньше, чем в конце XII в. (поход Игоря состоялся в 1185 г.). В тексте “Слова” обнаруживаются системные архаизмы, которые, по всей видимости, уже в XI в. не были характерны для разговорного языка. Это может быть свидетельством того, что автор следовал гипотетическому стандарту “эпического языка”, в котором искусственно поддерживалась древняя норма.

§ 4. Предварительные замечания к публикуемому тексту “Слова”

Ниже текст “Слова” представлен в условной “древнерусской” реконструкции с учетом предполагаемых диалектных особенностей протографа в области морфологии (см. выше). На полях приводится нумерация отрезков текста по [ЯКОВСОН 1966].

Предполагаемые фонологические диалектизмы¹¹ и графические особенности протографа не учитываются (см. о них в [ДЫБО 2006: 419–439; 456–457]). Детали исторической фонетики западных и юго-западных восточнославянских диалектов XII–XIII вв. нам малоизвестны. В частности, в реконструкции проставлены все слабые редуцированные (см. ниже). В XI–XIII вв. “падение” редуцированных протекало неравномерно в зависимости от диалекта и позиции. Некоторые “неполногласные” церковнослав. *ТраТ/ТлаТ, ТреТ/ТлеТ* заменены на *ТороТ/ТолоТ, ТереТ*. Что касается неполногласных написаний, то их почти сплошное употребление в литературном произведении, сочиненном на восточнославянском

¹⁰ Диалектологический анализ лексики “Слова” делает сомнительной гипотезу Б. А. Рыбакова [1971], поддержанную и дополненную А. Ю. Черновым [2010], о том, что в Ипатьевской летописи в части, касающейся Игорева похода, содержатся пересказы “Слова”. В параллельных местах к тексту “Слова” в летописи присутствует нейтральная, а в поэме диалектно маркированная лексика: *Игорь же възрѣвъ на небо и видѣ солнце* (Ипат.) — *Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и виде* [...] *своя воя* (“Слово”); *Заоутра же пятьку* (Ипат.) — *Съ заранья въ пятькъ* (“Слово”); *А прочии в морь истопоша* (Ипат.) — *и въ морь (ся) погрузиста* (“Слово”) с диалектным *погрузити* ‘утопить’; *О люба моя братья, и сыновь, и мужь* (Ипат.) — *О моя сыновья* (“Слово”) [Чернов 2010:155–156, таблица]. Лексика Ипатьевской летописи в диалектном отношении неоднородна, при этом нет никаких признаков ее “стандартизации”. Более вероятно, что в “Слове” содержится поэтический пересказ событий, текстуально близкий к летописному, с использованием “яркой” диалектной лексики.

¹¹ В частности, общее для древнерусских полоцких, смоленских и псковских диалектов совпадение *ѣ и *е (др.-русс. ѣ и е) в едином звуке, обозначаемом буквами ѣ и е (реже ѣ).

диалекте, представляется странным, тем более что подавляющее большинство остальных церковнославянизмов может быть отнесено на счет копиистов (включая такие случаи, как *подвизаша ся* вместо *подвигааша ся*). Разумеется, в авторском тексте в целях благозвучия могли быть употреблены церковнославянские формы с неполногласием (об их потенциальном участии в аллитерации и рифмоидах см. в [Чернов 2006: 121–132]), однако часть из них наверняка проникло в текст в результате работы переписчиков в эпоху “второго южнославянского влияния”¹². Подробный разбор полногласных/неполногласных написаний см. у А. В. Дыбо [2006: 259–261]. Выбор полногласного или неполногласного написания для реконструкции оригинала “Слова” в общем произволен и зависит от литературного вкуса интерпретатора текста. Иногда на выбор может повлиять соответствие той или иной формы стихотворному размеру текста (см. ниже).

Церковнославянские орфограммы переписываются по-древнерусски: *ТръГ/ТльГ*, *ТрьГ* передается как *ТърГ/ТълГ*, *ТьрГ*; напряженные редуцированные перед *j* — как *ъ/ь*; восстановлено этимологическое различие *о*, *ѡ* (в списке *о/ѡ*); *е*, *ь* и *ѣ* (в списке *е/ь/ѣ*); ц.-слав. *ра-*, *ла-* (**or-*, **ol-*) представлены как *ро-*, *ло-*; *щ* и *жд* как *ч*, *ж*.

Все вставленные мною буквы и фрагменты и измененные по сравнению с изданием буквы и части слов заключаются в ломаные скобки, кроме 1) восстановленных слабых *ѡ*, *ѣ* (*половьци* при *половцы* в издании); 2) восстановленного этимологического различия между *ѡ* и *ѣ*; 3) унифицированных *а*, *и*, *у* после шипящих и *ц* (*начати* вм. *начяти* и т. д.) и 4) восстановленных этимологических *-ь* и *-ѡ* в конце слов (во многих случаях они могли быть приписаны к поставленным в строку выносным буквам издателями “Слова”). В некоторых сложных случаях основания для реконструкции оговариваются в сносках (см. издания “Слова” с разночтениями в [Чернов 2010: 465–574] и с комментариями в [Зализняк 2008а]). В настоящей статье приводится текст издания 1800 г. с сохранением всех букв, но без знаков препинания и с моим разделением на слова; также сняты прописные буквы и знак “краткости” над *й*.

¹² В списке “Слова” представлен ряд корней, в которых полногласие не заменено церковнославянским неполногласием. Часть из них не имеет церковнославянского соответствия (*половьци*) или церковнославянские формы были малоизвестны или неблагозвучны (*болото*, *сорока*). Всегда с полногласием пишется *шеломъ*, который имеет церковнославянское соответствие *шльмъ/шлемъ*. Согласно словарю Срезневского, неполногласный *шлемъ* представлен только в текстах XI–XIV вв. (часть из них дошла до нас в списках XVI–XVII вв.). Следовательно, грамотный автор “Слова” имел возможность выбрать из двух вариантов, однако воспользовался только живой полногласной формой. Переписчик XV–XVI вв. мог не знать церковнославянскую форму слова *шеломъ*, поэтому он и не отредактировал написание слова. Отсюда следует, что большинство неполногласных форм в списке “Слова” возникли в результате редактуры, а пропущенные полногласия сохранились в тексте по забывчивости писцов (*прегородиша*) или по незнанию ц.-слав. соответствий.

Глагольное словоизменение мною реконструируется, как правило, в гипотетическом “древнерусском”, т. е. практически в праславянском виде (с сохранением таких “регионализмов”, характерных для “Слова”, как окончание 1 л. мн. ч. императива *-ме* и дополнительно распределенных *-Ø/-ть* в имперфекте).

Формы склонения первоначальных *о-* и *и-*основ в дошедшей до нас версии “Слова” путаются между собой, и я, как правило, сохраняю в своей реконструкции окончания, представленные в издании 1800 г.

Ударение в реконструкции “Слова” расставлено согласно ритмической организации текста, обнаруженной во время подготовки настоящей статьи. Тоническая ритмика в “Слове” ранее не прослеживалась: в работах о стихотворном размере “Слова” не учитывалась возможность того, что слабые редуцированные (*ѣ, ъ*, а также *и < *jъ*), подобно *e muet* в современной французской поэзии, могли произноситься или не произноситься из ритмических соображений¹³. На грани XII–XIII вв. слабые редуцированные сохранялись в фонологической системе древнерусского языка. Эта эпоха характеризуется спорадическим падением неконечных редуцированных в древненовгородском диалекте [Зализняк 2004: 58–59]. Вероятно, слабые редуцированные окончательно еще не пали и в других древнерусских диалектах, по крайней мере в поэтическом языке.

В реконструкции текста “немые” редуцированные обозначаются дужкой – *ѣ, ъ*. Дужка не ставится под звучащими редуцированными, а также в случаях, когда произношение букв *ѣ, ъ* неясно. Также используется обозначение *ц* на месте *jъ с “немым” *ь* (*молодѣц* [молодѣц] в отличие от *молодѣи* [молодѣѣ]).

По всему тексту представлена архаичная система трактовки ауслатных редуцированных как сильных перед слабыми в первом слоге следующего слова. Судя по метрике, безударные слабые редуцированные могли произноситься в любых заударных слогах, а в предупредных слогах только в предложениях, приставках (часто под ударением в энклитомических комплексах) и в “труднопроизносимых” сочетаниях согласных (*тѣска́, дѣждю́, мѣгла́ми*, между веллярными). Независимо от фонетической позиции как слогаобразующий гласный почти всегда читается окончание *-ѣ* им. п. ед. ч. м. р. существительных и прилагательных с *о-*основой. В следующих примерах “прояснение” редуцированных может объясняться совокупностью перечисленных выше факторов: *Святѣ-сла́вѣ мѣтънѣ сѣнѣ / видѣ; Ярославѣ сынѣ Вѣсѣволожѣ; Свѣстѣ звѣрѣнѣ*

¹³ Теоретическая возможность прояснения *ѣ, ъ* в “Слове” по “французской” модели была высказана А. В. Дыбо [Дыбо 2006: 434–437]. А. Ю. Чернов, вслед за А. А. Потемней, Ф. Е. Коршем, Е. А. Ляцким и Н. А. Заболоцким разрабатывающий гипотезу о звучании слабых редуцированных в “Слове”, подтверждает ее примерами на рифмоиды и ассонансы “немых” еров со звучащими гласными [Чернов 1986: 271; 2010: 281–294].

въсста́; Велѣсовѣ вънуче; ѡздитъ Гѣзакѣ съ Конѣчакѣмъ; рѣкѣ Гѣзакѣ кѣ Конѣчакѣви. Следовательно, “Слово” отражает этап падения редуцированных, на котором в предупредных слогах они не произносились даже в поэтическом языке. Количество редуцированных даже в заударных открытых слогах, “прояснение” которых предполагается из метрических соображений, невелико по сравнению с количеством “немых” ъ, ь, что свидетельствует о намеренной архаизации фонетики.

В тексте “Слова” нами обнаружены стихотворные размеры, которые можно предварительно считать силлабо-тоническими, поскольку они представлены регулярным чередованием ударных и безударных слогов. Количество слогов в строфах варьирует (с учетом звучащих редуцированных) от 5 до 14, количество ударений от 2 до 4. В основной части текста отмечены двух-, трех- или четырехстопные “двухсложный” размер (свободно чередующиеся хорей, ямб и пиррихий) и “трехсложный” размер (свободно чередующиеся дактиль, амфибрахий и трибрахий, реже анапест). Четырехстопные размеры нередко имеют цезуру после второй стопы и в большинстве случаев могут интерпретироваться как две двухстопные строфы. Значительные по объему фрагменты имеют единый размер (“двухсложный”, реже “трехсложный”), иногда небольшие отрывки текста с разными размерами чередуются (в частности, в XI фрагменте). Строфы, в которых ударения стоят неритмично, спорадически встречаются по всему тексту “Слова”. Часть “неритмичностей” может быть объяснена искажениями текста при переписывании.

Данные акцентуированных памятников XIV–XVII вв. и современных говоров указывают на акцентологическую неоднородность древнерусского языка, их системы “сводятся” на праславянском уровне. Акцентуационная система всего текста “Слова” едина. Судя по предварительным наблюдениям, она принадлежит диалекту, который имеет черты, характерные как для западного (“кривичского”), так и для юго-западного древнерусских ареалов¹⁴. Система “Слова” по современным изоглоссам локализуется к западу от Галича, Львова и Владимира-Волынского, однако конфигурация акцентологических изоглосс в XII–XIII вв. могла значительно отличаться от современной. В частности, в языке “Слова” акцентологически рецессивными являются окончания *-ого/-его*, *-ому/-ему*, *-ои/-еи* и формы личных местоимений *мѣнь*, *тѣбе*, *тѣбѣ/тѣбѣ*, *себе*, *себѣ/сѣбѣ*, *ѣмѣ*, *ѣхѣ*. У притяжательных местоимений *мои*, *твои*, *свои* обобщена баритонеза: род. ед. *своѣго*, *своѣи*, тв. ед. *своимѣ*,

¹⁴ Основные акцентологические изоглоссы отделяют кривичские и частично ильменско-словенские по происхождению говоры от прочих великорусских, см. карты в [Зализняк 2014]. На Украине говоры дубельского (полесско-припятского) и днестровско-хорватского происхождения значительно различаются системами парадигматического акцента [Николаев 2008].

своёю, им. мн. *свои*. У ряда глаголов отмечена так называемая “полуотметность” — накоренное ударение в приставочных формах: *наводити*; *убуди*, *убудиста*; *въступила*, *заступивъ*, *заступи*; *полётъти*, *залётъло*; *притрёпанъ*, *притрёпа* и т. п. Особенности акцентуационной системы “Слова” являются также 1) “вторичная энклиномичность” (*по земли ~ по . . . землі*); 2) ударение на втором слоге в многосложных энклитических комплексах, в которых первый член является акцентологически доминантным: *уже*, но *уже бо*, *уже не за*; *аще*, но *аще и*, *аще его*; *а любо*; *свою*, но *свою же*; 3) ударение на конечном слоге формы-энклиномена перед энклитиками: *сего*, но *сего же*; *тако*, но *такó ли* и т. д.; 4) баритонированные формы презенса глаголов *быти* (*еси*, *еста*, *есвъ*) и *пъти* (*пюють*, ср. имперфект *пояше*); 5) форма-энклиномен им.-вин. и тв. п. мн. ч. основ ср. р. акцентной парадигмы *с*: им.-вин. мн. *поля*, *чрѣз поля*; тв. мн. *словесы*; у глаголов акцентной парадигмы *б*: 6) предконечное ударение во 2 л. ед. ч.: *можѣши*; 7) накоренное ударение действительных причастий м. р.: *ско́ча*, *мѣча*. Ударение в аористе и имперфекте, вероятно, отражает живую норму и кардинально отличается от стандартного ударения, представленного в древнерусских рукописях XV–XVII вв., когда аорист и имперфект в разговорной речи уже не использовались. С форм-энклиноменов ударение переносится не только на предшествующие предлоги и частицы, но и на союзы *а*, *и*. Колебания по месту ударения редки, в основном они представлены разными трактовками форм-энклиноменов после проклитик (*на землю ~ на зѣмлю*). Детальному анализу ритмики и акцентуационной системы “Слова” будет посвящена отдельная публикация.

Иногда размер не позволяет уточнить место ударения, а строфы с неритмичным ударением дают о нем лишь приблизительное представление. В таких случаях в реконструкции ставится условное ударение, соответствующее акцентуационной системе “Слова” и вероятное для юго-западного памятника XII–XIII вв.¹⁵

Ссылки на общеизвестные и широкодоступные словари (такие, как [Даль], [СРНГ], [СлРЯ XI–XVII] и др.) даются в моих комментариях к тексту “Слова” без указания на тома (выпуски) и страницы.

Настоящая работа не имеет своей целью толкование смысла противоречивых и загадочных мест “Слова о полку Игореве”, но иногда они содержат лексику, связанную с одним из диалектных ареалов, поэтому толкование и комментарий необходимы. В остальных случаях мои комментарии являются “заметками по поводу”. Предложенные другими

¹⁵ При выполнении этой работы, в частности для установления ударения заимствований и имен собственных, я пользовался “Акцентологическим словарем древнерусского и старовеликорусского языка” А. А. Зализняка [2014].

исследователями толкования и этимологии лексики “Слова” обычно не обсуждаются; читатель может ознакомиться с ними в “Словаре-справочнике «Слова о полку Игореве»” (онлайн на сайте <http://feb-web.ru/>), на сайте “Слово о плъку Игоревѣ. Параллельный корпус переводов” (<http://nevmenandr.net/slovo/>) и в работах А. А. Зализняка [2008А], А. В. Дыбо [2006; 2010Б] и А. Ю. Чернова [2006; 2010].

§ 5. Текст “Слова о полку Игореве” в реконструкции

Слово о плъку¹ Игоревѣ Игоря сына Святъславля внучка Ольгова

l фрагмент. Только северные диалектизмы

<p><i>l</i> ¹ не <u>лѣпо</u>² ли ны бяшетъ брѣт(ь)е начати стѣрыми слѣвесы трѣдныхъ³ повѣст(ь)и о плъку Игоревѣ Игоря Святъславлича</p> <p>² начати же ся т(о)и пѣсни по <u>былинамъ</u>⁴ сего времени⁵ а не по замышлен(ь)ю⁶ Бояню</p> <p>³ Боянъ⁷ бо вѣщ(ь)и⁸ аще кому хотяше пѣснь творити то р(о)стѣкашетъ ся <u>мыслью</u>⁹ по древу сѣрымъ вѣлк(ь)мъ по земли с(и)зымъ¹⁰ оръл(ь)мъ подъ облакы</p> <p>⁴ <u>помъняшетъ</u>¹¹ бо рече п(ь)рвыхъ временъ усобицѣ¹² тогда пушашетъ «десять» соколѣвъ¹³ на стадо леб(я)д(ь)и¹⁴ которы дотечаше¹⁵ та <u>преди</u>¹⁶ пѣс(н)ь пояше¹⁷ старому Ярославу храброму Мстиславу иже зарѣза Редедю предъ плъкы касожьскими красному Романови Святъславличу</p>	<p>не лѣпо ли ны бяшетъ братіе начати старыми словесы трудныхъ повѣстїи о плъку игоревѣ игоря святъславлича</p> <p>начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени а не по замышленію бояню</p> <p>боянъ бо вѣщїи аще кому хотяше пѣснь творити то растѣкашетъ ся мыслю по древу сѣрымъ вѣлкомъ по земли шизымъ орломъ подъ облакы</p> <p>помняшетъ бо рече първыхъ временъ усобицѣ тогда пушашетъ 10 соколовъ на стадо лебедѣи которы дотечаше та преди пѣсь пояше старому ярослову храброму мстиславу иже зарѣза редедю предъ плъкы касожьскими красному романови святъславличю</p>
---	---

Боянъ же братѣе
не (дѣсѣть) соколѡвъ
на стадо леб(я)дѣи¹⁸ пушаше
нъ свѡ(и) вѣщи(и)¹⁹ прѣсты
на жив(ѣи) струны въскладаше²⁰
онѣ(ѣ) же самѣ(ѣ) кнѣземъ
славу рокотѣху²¹

боянъ же братіе
не 10 соколовъ
на стадо лебедѣи пушаше
нъ своя вѣщія прѣсты
на живая струны въскладаше
они же сами княземъ
славу рокотѣху

5

И фрагмент. Только юго-западные диалектизмы

пѡчнѣ(ѣ)м(е) же братѣе повѣсть сѣ(ѣ)ю
отъ старѣго Владѣмѣ(ѣ)ра
до нѣнѣшнѣго Игорѣ
иже истѣгну²² умъ
крѣпостѣ(ѣ)ю своѣю
и поѡстри сѣ(ѣ)рдѣца²³ своѣго мужѣ(ѣ)ствѣ(ѣ)мъ
наплѣнѣивъ ся рѣтнѣго дѣха
наведе своѣи храбрѣи пѣлѣкѣи
на землю полѡвѣчѣ(ѣ)скую
за землю русѣ(ѣ)скую

почнемъ же братіе повѣсть сѣю
отъ старѣго владѣмера
до нѣнѣшняго игорѣ
иже истѣгну умъ
крѣпостію своѣю
и поостри сердца своѣго мужествомъ
наплѣнѣився ратнаго духа
наведе своя храбрѣя плѣкы
на землю половѣцѣкую
за землю русѣкую

6

тогда Игорѣ въ(з)зрѣѣ
на свѣтлѡе сѣ(ѣ)лнѣце²⁴
и видѣ отъ него²⁵ тѣмоу
въ(ѣи) сво(и) вѡ(и) прикрѣты
и рече Игорѣ къ дружинѣ²⁶ своѣи

тогда игорѣ възрѣѣ
на свѣтлое солнце
и видѣ отъ него тѣмоу
вся своя воя прикрѣты
и рече игорѣ къ дружинѣ своѣи

8 II

братѣе и дружинѡ
лѣ(ѣ)че ж(е) бы потѣту²⁷ быти
нѣ же полѡнену²⁸ быти
а въ(ѣс)сѣдѣм(е)²⁹ братѣе
на своѣи бѣрѣзѣи комѡни³⁰
да позѣримъ³¹ сѣнѣ(ѣ)го Дѡну

братіе и дружино
лице жѣ бы потѣту быти
неже полонену быти
а всѣдемъ братіе
на свои брѣзѣяи комѡни
да позримъ сѣнего дону

10

сѣпала³² кнѣзю умъ похотѣ³³
и жалѡсть³⁴ ему знаменѣ(ѣ) застѣпи³⁵
искусити Дѡну великаго
хѡ(ѣ)чу бо рече копѣ(ѣ) приломѣти³⁶
конѣ(ѣ)цѣ³⁷ поля полѡвѣчѣ(ѣ)скаго
сѣ(ѣ) вѣми русѣ(ѣ)и³⁸ хѡ(ѣ)чу

спала князю умъ похотѣ
и жалѡсть ему знаменіе застѣпи
искусити дону великаго
хѡщу бо рече копѣ приломити
конецъ поля половецкаго
сѣ(ѣ) вѣми русѣи хѡщу

12

13

гла́ву свою́ приложѣти
а лю́бо испѣти шеломъ(ѣ)мь Дону́

главу свою приложить
а любо испити шеломомь дону

III фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными

III 14 о Бояне солов(ѣ)ю³⁹ старѣго вре́мени а бы ты с(ѣ)и п(ѣ)л(ѣ)кы (вѣ)щекотѣлѣ ска́ча сла́в(ѣ)ю⁴⁰ по мы́сл(ѣ)ну дре́ву л(ѣ)тѣя ум(ѣ)мь подѣ облакы сѣвѣя⁴¹ сла́вы оба́ по́лы се́го вре́мени р(ѣ)ща⁴² въ тропу́ Троя́ню⁴³ чре(з) по́ля на го́ры 15 пѣти было пѣс(н)ь Игореви то́го вѣну́ку⁴⁴ 16 не бу́ря со́колы занесе́ чре(з) по́ля широкѣя га́лиц(ѣ) стады⁴⁵ бѣжа́тъ къ Дону́ вели́кому 17 чи⁴⁶ ли вѣспѣти было вѣщ(ѣ)и⁴⁷ Боя́не Велесовѣ⁴⁸ вѣну́че 18 комо́ни рѣжу́тъ за Су́лою зв(ѣ)нитѣ сла́ва вѣ Кѣ́евѣ трубы́ труба́тъ вѣ Но́вѣ гра́дѣ стоя́тъ стѣзи вѣ Пути́влѣ Игорь ж(и)де́тъ ми́ла бра́та Вѣсѣволода 19 и рече́ ему́ буи́ турь⁴⁹ Вѣсѣволо́дѣ 20 о́динь бра́тъ о́динь свѣтъ свѣтл(ѣ)и ты Игорю оба́ есвѣ́ Святѣсла́влича 21 с(е)дѣла́и бра́те сво́и б(ѣ)рѣзы комо́ни 22 а мо́и ти гото́ви ос(е)дѣла́ни у Ку́рѣска на переди⁵⁰ 23 а мо́и ти ку́ряне(с) сѣвѣдоми⁵¹ къмети⁵² подѣ труба́ми по́вити⁵³	о бояне соловію стараго времени а бы ты сіа плькы ущекоталь скача славію по мыслену древу летая умомъ подѣ облакы свивая славы оба полы сего времени рища въ тропу трояню чресь поля на горы пѣти было пѣс игореви того внуку не буря соколы занесе чрезъ поля широкая галици стады бѣжать къ дону великому чи ли вѣспѣти было вѣщеи бояне велесовь внуче комони ржуть за сулою звенить слава въ киевѣ трубы трубаѣтъ въ новѣ градѣ стояѣтъ стѣзи въ путивлѣ игорь ждетъ мила брата всеволода и рече ему буи турь всеволодѣ одинь братъ одинь свѣтъ свѣтли ты игорю оба есвѣ святѣславлича сѣдлаи брате свои брѣзы комони а мои ти готови осѣдлани у курьска на переди а мои ти куряни сѣвдоми къмети подѣ трубами повити

подъ шеломы възлелѣян(и)
кон(ь)ць⁵⁴ коп(ь)я въск(ь)р(ь)млени
 пути имъ **вѣдоми**⁵⁵
яругы⁵⁶ имъ **знаем(ь)**⁵⁷
 лүци у нихъ напряжени⁵⁸
 тули отворени
 сабли изострен(ь)
 сами скачутъ (я)кы сѣрии в(ь)лци
 въ полѣ ищүч(е) себѣ ч(ь)сти
 а князю славѣ

подъ шеломы възлелѣяны
 конецъ копия въскрмлени
 пути имъ вѣдоми 24
 яругы имъ знаемы
 лүци у нихъ напряжени
 тули отворени
 сабли изострени
 сами скачють акы сѣрии влци 25
 въ полѣ ищучи себе чти
 а князю славѣ

IV фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными

тогда в(ь)ступи Йгорь князь
 въ златъ **стрѣмень**⁵⁹
 и поѣха по чѣстому полю
 сѣльнѣце ему тьмою путь заступаше⁶⁰
 нощь стонүч(и) ему
 грозю⁶¹ пѣтйч⁶² **убүди**⁶³
 свистъ звѣринь в(ь)ста
(в)збй(ся)⁶⁴ **Дивь**⁶⁵
 кличетъ в(ь)рху древа
 велить послушати⁶⁶ зѣмли **незнаемѣ**⁶⁷
 В(ь)лзѣ и Помор(ь)ю и Посул(ь)ю
 и Сурожу и К(ь)рсүню
 и тебѣ т(ь)мүтораканьск(ь)и **б(ь)лвань**⁶⁸
 а половци неготовами дорогами
 побѣгоша къ Дону великому
 кричатъ т(ь)л҃гы полу нощи
 рци лѣб(я)ди распүщен(ь)
 Йгорь къ Дону вои ведеть
 уже бо бѣды его пасеть
 пѣтйч(ь) по д(ь)б(ь)ю⁶⁹
 в(ь)лци грозу⁷⁰ в(ь)с(ь)торожать⁷¹ по **яругамъ**⁷²
 орли клѣкът(ь)мъ на кости звѣри зовүтъ
 лисиц(ь) **брешутъ**⁷³ на **ч(ь)рвлѣны(и)**⁷⁴ щиты
 о рү(сь)ская зѣмле
 уже за шелом(ь)н(ь)мъ еси

тогда вступи игорь князь 26 IV
 въ златъ стремень
 и поѣха по чистому полю
 солнце ему тьмою путь заступаше 27
 нощь стонущи ему 28
 грозюю птичь убуди
 свистъ звѣринь вьста
 зби дивь 29
 кличетъ врьху древа
 велить послушати земли незнаемѣ⁶⁷
 влзѣ и поморю и посулюю
 и сурожу и корсуню
 и тебѣ тьмураканьский блвань
 а половци неготовыми дорогами 30
 побѣгоша къ дону великому
 кричатъ тл҃гы полу нощи
 рци лебеди распущени
 игорь къ дону вои ведеть
 уже бо бѣды его пасеть 31
 птичь по добюю
 влци грозу въсрожать по яругамъ
 орли клетомъ на кости звѣри зовуть
 лисици брешуть на чрлѣныя щиты
 о руская земле 32
 уже за шеломянемъ еси

V	33	д(ѣ)лгоночѣ ⁷⁵ м(ѣ)ркнетѣ ⁷⁶	длѣгоночѣ мркнетѣ
	34	з(о)р(и) свѣтъ запала ⁷⁷ м(ѣ)гла ⁷⁸ поля покрыла	заря свѣтъ запала мѣгла поля покрыла
	35	щѣкотъ слав(ѣ)и усѣпѣ г(о)воръ галичѣ ⁷⁹ убуди ⁸⁰ (ся)	щекотѣ славіи успе говорѣ галичѣ убуду
	36	русици великая поля ч(ѣ)рвлѣными ⁸¹ щиты прегородиша ищуци себѣ ч(ѣ)сти а князю славы	русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша ищуци себѣ что а князю славы
VI	37	съ заран(ѣ)я ⁸² въ пят(ѣ)кѣ ⁸³ потопѣташа поганы(и) ⁸⁴ п(ѣ)лкы пол(о)в(ѣ)ч(ѣ)кы(и) и р(о)ссуша ⁸⁵ с(ѣ) ⁸⁶ стрѣлами по полю помѣчаша ⁸⁷ красѣны(и) дѣвѣкы пол(о)в(ѣ)ч(ѣ)кы(и) а съ ними злато и паволокы ⁸⁸ и драгы(и) ок(ѣ)самиты	съ заранія въ пяткѣ потопташа поганая плѣкы половецкыя и рассуша съ стрѣлами по полю помчаша красныя дѣвки половецкыя а съ ними злато и паволокы и драгыя оксамиты
	38	орѣтѣмами и японѣичами и кожухы начаша мосты мостити ⁸⁹ по болотомѣ и грязивымѣ ⁹⁰ мѣстомѣ и в(ѣ)сякыми узорочѣи ⁹¹ пол(о)в(ѣ)ч(ѣ)кыми	орѣтѣмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомѣ и грязивымѣ мѣстомѣ и всякими узорочьи половецкыми
	39	ч(ѣ)рвлѣнѣ ⁹² стягъ бѣла хорюг(ы) ч(ѣ)рвлѣна ⁹³ чѣлѣка ⁹⁴ сѣребряно стружѣе храброму Святѣславичу	чръленѣ стягъ бѣла хорюговъ чрълена чолка сребрено стружіе храброму святѣславичю
VII	40	дремлетѣ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залѣтѣло	дремлетѣ въ полѣ ольгово хороброе гнѣздо далече залѣтѣло
	41	не было нѣ ⁹⁵ обидѣ порожен(о) ни соколу ни кречету ⁹⁶ ни тебѣ ч(ѣ)рнѣи воронѣ поган(ѣ)и пол(о)вѣчине	не было нѣ обидѣ порождено ни соколу ни кречету ни тебѣ чръныи воронѣ поганыйи половечине
	42	Гѣзакѣ бѣжитѣ сѣрымѣ в(ѣ)лк(ѣ)мѣ Конѣчакѣ ему слѣдѣ правитѣ ⁹⁷ къ Дону къ великому	гзакѣ бѣжитѣ сѣрымѣ влѣкомѣ кончакѣ ему слѣдѣ правитѣ къ дону къ великому

V фрагмент. Только юго-западные диалектизмы

VIII.	43	другаго дни вѣлми ⁹⁸ рано кр(ѣ)вавы(и) зори свѣтъ повѣдають ⁹⁹	другаго дни велми рано крававыя зори свѣтъ повѣдають
-------	----	---	---

ч(ѣр)ны(и) туч(и) ¹⁰⁰ съ моря идуть	чръныя туча съ моря идуть	44
хотяъ прикрѣти ¹⁰¹ (четыре) с(ѣ)лнѣца	хотятъ прикрыти 4 солнца	
а въ нѣхъ трепе(ч)уть сѣнии м(ѣ)лн(ѣ)и	а въ нихъ трепещуть синїи мльнїи	
быти грóму великому	быти грому великому	45
и(т)ѣ д(ѣ)ждю стрѣлами	итти дождю стрѣлами	
съ Дону великаго	съ дону великаго	
тú ся коп(ѣ)емъ приламáти ¹⁰²	ту ся копѣемъ приламатити	46
тú ся саблямъ потручáти ¹⁰³	ту ся саблямъ потручати	
о шелóмы полóв(ѣ)ч(ѣ)кы(и)	о шеломы половецкыя	
на рѣцѣ на Каялѣ у Дóну великаго	на рѣцѣ на каялѣ у дону великаго	
о рú(сѣ)ская земл(е)	о руская землѣ	47
ужé не (за) шелóм(е)нъмъ ёси	уже не шеломянемъ еси	
се вѣтри Стрѣбожи вѣнүци	се вѣтри стрѣбожи внуци	48 IX
вѣютъ съ моря стрѣлами	вѣютъ съ моря стрѣлами	
на храбры(и) п(ѣ)лкы Йгоревы	на храбрѣя плѣкы игоревы	
земля тут(ѣ)нѣтъ ¹⁰⁴	земля тутнетъ	49
рѣкы мутьно текуть ¹⁰⁵	рѣкы мутно текутъ	
пóроси ¹⁰⁶ поля прикрѣвають	пороси поля прикрѣвають	
стѣзи г(о)лóг(о)лють ¹⁰⁷	стѣзи глаголютъ	50
полóвѣци идуть óтъ Дона	половци идуть отъ дона	
и óтъ моря и отъ вѣсѣхъ ст(о)рóнѣ	и отъ моря и отъ всѣхъ странъ	51
рú(сѣ)скы(и) п(ѣ)лкы (о)стүпиша ¹⁰⁸	рускыя плѣкы отступѣша	
дѣти бѣсови ¹⁰⁹ клик(ѣ)мъ поля прегорóдиша	дѣти бѣсови кликомъ поля прегорóдиша	52
а храбрѣи руси(ч)и п(е)регрaдиша	а храбрѣи русици прегрaдиша	
ч(ѣр)влéными ¹¹⁰ щиты	чрълеными щиты	
<i>VI фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными</i>		
яръ туре Вѣсéволод(е)	яръ туре всеволодѣ	53 X
стойш(ѣ) на боронѣ	стоиши на борони	
прыщеш(ѣ) на вои стрѣлами	прыщѣши на вои стрѣлами	
грѣмлеш(ѣ) ¹¹¹ о шелóмы м(ѣ)чѣ харалужными ¹¹²	грѣмлѣши о шеломы мечи харалужными	
камо туръ поскóчаше ¹¹³	камо туръ поскочаше	54
своимъ златымъ шелóм(ѣ)мъ посвѣчивая	своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая	
тамо лежáтъ погáны(и) гóловы полóв(ѣ)ч(ѣ)кы(и)	тамо лежать поганья головы половецкыя	
поск(ѣ)пáны ¹¹⁴ саблями калéными	поскепаны саблями калеными	55
шелóми овáрѣск(и)	шеломы оварѣскыя	

	отъ тебе ¹¹⁵ яръ туре Вѣсѣволоде	отъ тебе яръ туре всеволоде
56	[каяраныдоробагратѣ] забывъ ч(с)ти и животá и г(о)рода Ч(ь)рнiгова отъня злáта стóла и свó(еи) мiлы(и) хóти крáсѣны(и) Глѣбовъны сѣвѣчая и обѣчая	каяраныдоробагратѣ забывъ чти и живота и града чрнiгова отня злата стола и своя милья хоти красныя глѣбовны свечая и обычая
XI 57	бѣли вѣ(ц)и Тройни минула лѣта Ярославля бѣли п(ѣ)лци Олгов(и) Ольга Свят(ѣ)слáвлича	были вѣчи тройни минула лѣта ярославля были плѣци олговы ольга святъславлича
58	тѣи бо Олѣгъ м(с)ч(с)мѣ к(о)ро(м)олу ¹¹⁶ коваше ¹¹⁷ и стрѣлы по земли сѣяше	тѣи бо олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше
59	в(ѣ)стугаетъ вѣ златъ стрѣмень ¹¹⁸ вѣ градъ Т(ѣ)мүтороканѣ	стугаетъ вѣ златъ стрѣмень вѣ градъ тмүтороканѣ
60	то же звонъ слыша давн(с)и ¹¹⁹ велик(с)и Ярославъ сынъ Вѣсѣволождъ	то же звонъ слыша давныи великыи ярославъ сынъ всеволождъ
61	а Володiм(ѣ)рѣ по вѣся ўтра уши закладáше ¹²⁰ вѣ Ч(ь)рнiговѣ	а владимiръ по вся утра уши закладаше вѣ черниговѣ
62	Борисá же Вячеслáвлича слáва на сүдъ ¹²¹ приведе и (кá на нiву) ¹²² зелену паполому постѣлá за обиду ¹²³ Олгову храбрá и млáда кнiязя	бориса же вячеславлича слава на судъ приведе и инаканину зелену паполому постла за обиду олгову храбра и млáда князя
63	сѣ то(и) же Каялы Святоп(ѣ)лкъ послелѣя ¹²⁴ отъца свóего мѣжу) уг(с)рѣск(ы)ми иноходѣц(и) к(с) святѣи Соф(с)и кѣ К(ы)еву	сѣ тоя же каялы святоплѣкъ повелѣя отца своего между угорьскими иноходѣцы ко святѣи софii кѣ кievу
64	тогда при Олзѣ Гор(с)слáвлич(ѣ) сѣяшетъ ся ¹²⁵ и р(о)стiшетъ ¹²⁶ усобицами пог(ы)башетъ жизнь Дá(ж)ѣбожа вѣнүка вѣ кнiажихъ к(о)ро(м)олахъ ¹²⁷ вѣци человѣкомъ сѣкратиша с(я)	тогда при олзѣ гориславличи сѣяшетъ ся и растяшетъ усобицами погибашетъ жизнь даждьбожа внука вѣ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратиша с(я)
65	тогда по рүс(ѣ)кои земли рѣ(д)ѣко рáтаев(е) к(ы)кахуть ¹²⁸	тогда по руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть

нѣ часто врѣни грѣяхутѣ¹²⁹
 трѹп(ѣ)я¹³⁰ себѣ дѣлячѣ
 а гѣлиц(ѣ) свою рѣчь говорѣхутѣ¹³¹
 хотѣть полетѣти¹³² на уѣд(ѣ)е¹³³
 тѣ было вѣ ты рѣти и вѣ ты пѣлкы
 а сѣцеи рѣти не слышано

нѣ часто врани грѣяхутѣ
 трупѣя себѣ дѣлячѣ
 а галици свою рѣчь говорѣхутѣ
 хотѣть полетѣти на уедѣ
 то было вѣ ты рати и вѣ ты плѣкы 66
 а сѣцеи рати не слышано

VII фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными

сѣ зарѣн(ѣ)я¹³⁴ дѣ вечера
 сѣ вечера дѣ свѣта
 летѣть стрѣлы калѣны(и)
 грѣмлють¹³⁵ сабли о шелѣмы
 трѣщѣть кѣп(ѣ)я харалужн(а)я¹³⁶
 вѣ полѣ незнаемѣ¹³⁷
 срѣди землѣ полѣв(ѣ)с(ѣ)кыи
 ч(ѣ)рнѣ землѣ подѣ копыты
 кѣстѣми былѣ посѣяна¹³⁸
 а кр(ѣ)в(ѣ)ю полѣяна¹³⁹
 тѹгою вѣз(и)дѣоша по рѹс(ѣ)кѣи землѣи

сѣ зарѣнѣ до вечера
 сѣ вечера до свѣта
 летѣть стрѣлы каленя
 гримлють сабли о шеломы
 трещать кѣпѣя харалужныя
 вѣ полѣ незнаемѣ
 среди земли половецкыи
 чрнѣя землѣ подѣ копыты 67
 кѣстѣми былѣ посѣяна
 а кровѣю полѣяна
 тѹгою взыдоша по руской землѣи

чѣтѣ ми шумѣть
 чѣтѣ ми зв(ѣ)нѣть
 дав(ѣ)ча рѣно¹⁴⁰ предѣ зѣрями
 Йгорѣ пѣлкы заворѣчаеѣ¹⁴¹
 жѣль бо ѣму
 мѣла брѣта Вѣсѣволода

что ми шумѣть 68 XII
 что ми звенѣть
 давечѣ рано предѣ зѣрями
 игорѣ плѣкы заворѣчаеѣ 69
 жаль бо ѣму
 мѣла брата всеволода

бѣша сѣ д(ѣ)нѣ бѣша сѣ дрѹг(ѣ)и
 трѣтьѣго дѣнѣи кѣ полѹд(ѣ)н(ѣ)ю
 пѣдоша стѣзи Йгорев(и)
 тѹ сѣ брѣта рѣозлѹчѣста
 на брѣзѣ бѣстрои Кѣялы
 тѹ кр(ѣ)ваваѣго винѣ не достѣ
 тѹ пѣрѣ докѣнѣчѣша хрѣбрии рѹсѣичѣи
 свѣаты попѣиша а сѣми полѣгоша
 зѣ землѹ рѹс(ѣ)скѹю
 нѣичѣть¹⁴² травѣ жалѣощѣми¹⁴³
 ѣ древо с(ѣ) тѹгою
 кѣ землѣи прѣклѣнило ( )

бѣша сѣ день бѣша сѣ другыи 70
 трѣтьѣго дни кѣ полѹднѣю
 падоша стѣзи игоревы
 тѹ сѣ брата разлѹчѣста 71
 на брезѣ бѣстрои кѣялы
 тѹ кроваваѣго вина не достѣ 72
 тѹ пѣрѣ докѣнѣчѣша хрѣбрѣи русѣичѣи 73
 свѣаты попоиша а сѣми полегоша
 зѣ землѹ рускѹю
 нѣичѣть трава жалѣощѣми 74
 а древо с тѹгою
 кѣ землѣи прѣклѣнило сѣ

- 75 ўже бо братъ(ѣ)е
невеселая година¹⁴⁴ въ(с)стала
ўже пўстыни¹⁴⁵ силу прикрýла
76 въ(с)стала обída¹⁴⁶
въ силахъ¹⁴⁷ Дажьбожа вѣнўка¹⁴⁸
въ(с)стўпил(а) дѣвою на землю Трояню
вѣсплескала¹⁴⁹ леб(я)диным(а) крыл(ома)
на Синѣмъ морѣ¹⁵⁰ у Дону
плещучи у(п)ўди¹⁵¹ жирня¹⁵² временá
77 [усобица княземъ на погáны(и) погыбе]¹⁵³
рекоста бо братъ брату
се мое á то мое же
и начаша князи про малое
се великое м(ѣ)лвити
á сами на себѣ к(оро)мóлу¹⁵⁴ ковáти¹⁵⁵
78 а погáнии съ вѣсѣхъ ст(оро)нѣ
прихó(ж)аху съ побѣдами
на землю рў(сѣ)скую
XIII 79 одалече¹⁵⁶ зайде соколъ
пѣти(ч)ь бѣя къ морю
80 а Игорева храбраго п(с)л(к)у не крѣсити¹⁵⁷
81 за нимъ кликну Карьна¹⁵⁸
и Ж(е)ля¹⁵⁹ поскóчи по рў(сѣ)скои земли
смагу¹⁶⁰ мычучи¹⁶¹ въ пламянѣ розѣ¹⁶²
82 жéны рў(сѣ)ск(ы)и вѣсплáкаша¹⁶³ с(я) а рѣкучи
83 уже намъ свóихъ мýлыхъ лáдѣ
ни мýсл(ь)ю сѣмыслити ни дýмою сѣдýмати
ни очима сѣгльáдати¹⁶⁴
а злáта и сѣребрá ни мáло тóго потрeпáти¹⁶⁵
84 а въ(с)стонá бо братъ(ѣ)е К(ь)евѣ тýгою
а Ч(ь)рнiговъ напáстми
85 т(ь)скá розл(ь)я с(я)¹⁶⁶ по рў(сѣ)скои земли
печáль жирня¹⁶⁷ течé
срeдъ земли рў(сѣ)скыи
86 а князи сáми на себе
к(оро)мóлу ковáху¹⁶⁸
- уже бо братie
невеселая година встала
уже пустыни силу прикрыла
встала обидá
въ силахъ дажьбожа внука
вступил дѣвою на землю трояню
всплескала лебедиными крылы
на синѣмъ море у дону
плещучи убуди жирня времена
усобица княземъ на поганья погыбе
рекоста бо братъ брату
се мое а то мое же
и начаша князи про малое
се великое мльвити
а сами на себѣ крамолу ковати
а погáнии съ всѣхъ странъ
прихождаху съ побѣдами
на землю рускую
одалече заиде соколъ
птиць бѣя къ морю
а игорева храбраго плѣку не крѣсити
за нимъ кликну карна
и жля поскочи по руской земли
смагу мычючи въ пламянѣ розѣ
жены рускiя вѣсплакаша съ а ркучи
уже намъ своихъ милыхъ ладѣ
ни мыслию смыслити ни думою сдумати
ни очима сгльядати
а злата и сребра ни мало того потрeпати
а вѣстона бо братie кiевѣ тугою
а черниговѣ напáстми
тоска разлiя с(я) по руской земли
печаль жирна тече
срeдъ земли рускыи
а князи сами на себе
крамолу коваху

а погáнии сáми побѣдами
нарѣ́щущѣ¹⁶⁹ на рѹ́сѣ)скую зѣ́млю
емляху дáнь по бѣлѣ отъ двора́

а поганіи сами побѣдами
нарищуше на рускую землю
емляху дань по бѣлѣ отъ двора

87

VIII фрагмент. Равное количество северных и юго-западных диалектизмов

т(ая) бо дѣва хра́брая Святѣ́славлича
Йгорь и Вѣ́сволодѣ
уже лѣ́жѹ¹⁷⁰ **убѹди(ста)**¹⁷¹ ко́торую то
бѣше у́спилъ отѣщѣ (ею)
Святѣ́славъ грозѣн(ѣ)и
вели́к(ѣ)и к(ѣ)евѣск(ѣ)и
грозою¹⁷² бѣшетъ **притрепеталь**¹⁷³
своими си́льными п(ѣ)лѣкы
и харалѹ́жными м(ѣ)чи
настѹпи на́ землю полѡв(ѣ)чѣ)скую
притопѣта **х(ѣ)лм(ѣ)**¹⁷⁴ и **яру́гы**¹⁷⁵
вѣзмѹти рѣ́к(ѣ)и о́зѣры¹⁷⁶
иссуши́ потѡк(ѣ)и болѡта
а погáнаго Кобѣ́яка из **луку́**¹⁷⁷ моря
отъ желѣ́зныхъ вели́кихъ
п(ѣ)лѡковъ полѡв(ѣ)чѣ)к(ѣ)хъ
я́ко вихрѣ́¹⁷⁸ вѣт(ѣ)рже¹⁷⁹
и па́де ся Кобѣ́якъ въ градѣ́ К(ѣ)евѣ́
въ гри́дницѣ́ Святѣ́славли

ти бо два хра́брая святѣ́славлича
игорь и всеволодѣ
уже лжу убуди которую то
бѣше успилъ отецъ ихъ
святѣ́славъ грозными
великими кѣевскими
грозою бѣшетъ притрепеталь
своими сильными плѣкы
и харалужными мечи
наступи на землю половецкую
притопта хльми и яругы
взмути рѣки и озѣры
иссуши потоки и болота
а поганого кобяка изъ луку моря
отъ желѣзныхъ великихъ
плѣковъ половецкихъ
яко вихрѣ выторже
и паде ся кобякъ въ градѣ кѣевѣ́
въ гридницѣ́ святѣ́славли

88

89

ту нѣ́мци и вене́дици
ту грѣ́ци и мора́ва
по́буют сла́ву Святѣ́славлю
каю́ть¹⁸⁰ кѣ́нзя Йгоря
иже **погру́зи**¹⁸¹ **жи́ръ**¹⁸² **в(ѣ) дѣ́нѣ**¹⁸³
Кая́лы рѣ́кы полѡв(ѣ)чѣ)к(ѣ)и
ру́сѣ)скаго злáта насы́паша

ту нѣмци и венецици
ту греци и морава
поють славу святѣ́славлю
кають князя игоря
иже погрузи жиръ во днѣ́
каялы рѣкы половецкія
рускаго злата насыпаша

90

ту Йгорь кѣ́нзя въ́сѣд(ѣ)
из сѣ́длá злата а въ́ сѣ́длѡ **кощѣ́ево**¹⁸⁴
уны́ша бо градо́мъ забрáл(а)
а веселѣ́ поничѣ́¹⁸⁵

ту игорь князь высѣдѣ́
изъ сѣдла злата а въ сѣдло кощѣево
уныша бо градомъ забралы
а веселіе пониче

91

92

IX фрагмент. Только юго-западные диалектизмы

<p>XIV 93 а Святѣславъ мѹтѣнѣ сѣнѣ видѣ въ Кіевѣ на горахъ 94 сїи нощь сѣ вечера одѣвахъ(у)тѣ¹⁸⁶ мя рече чѣрною паполомою на кроватѣ¹⁸⁷ тїсовѣ¹⁸⁸ 95 чѣрпахуть ми синее вино сѣ трудѣмь¹⁸⁹ сѣмѣшено 96 сѣпахуть ми тѣщими тулы¹⁹⁰ поганыхъ тѣлѣковинѣ¹⁹¹ 97 великѣи жѣмѣчугѣ на лонѣ и нѣгуютѣ¹⁹² мя уже дѣски безъ кнѣсѣ¹⁹³ въ моемѣ теремѣ златоврѣсѣмь 98 вѣсю нощь сѣ вечера Бѣсовѣ вѣорѣнѣ¹⁹⁴ 99 възгряху¹⁹⁵ у Пльснѣска на болѣни¹⁹⁶ (бѣша дѣ прекї Саню) и несѣша кѣ Сїнему морю¹⁹⁷</p>	<p>а святѣславъ мутенъ сонѣ видѣ въ кїевѣ на горахъ си ночь сѣ вечера одѣвахъте мя рече чѣрною паполомою на кровати тисовѣ чѣрпахуть ми синее вино сѣ трудомѣ смѣшено сѣпахуть ми тѣщами тулы поганыхъ тѣлковинѣ великий женчогѣ на лонѣ и нѣгуютѣ мя уже дѣски безъ кнѣса въ моемѣ теремѣ златоврѣсѣмь всю нощь сѣ вечера босувѣ врани възгряху у плѣснѣска на болѣни бѣша де брѣки саню и несошлю кѣ синему морю</p>
--	--

X фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными

<p>100 и рѣкоша бо дѣяре кнѣязю 101 уже кнѣже туга умѣ полонїла¹⁹⁸ 102 се бо дѣва сокола сѣлѣтѣста сѣ отня стола злата пойскати гѣорода Тѣмѣтороканя а любо испити шелѣмомѣ Дѣну уже соколома крїльца¹⁹⁹ припѣшали²⁰⁰ поганыхъ саблями а самѣю опѣташа въ пѣтины²⁰¹ желѣзны 103 тѣмѣно бо бѣ въ тѣрѣтѣ дѣнь дѣва сѣлнѣца помѣрѣкоста оба багрѣная стѣлѣпѣ погѣсоста и сѣ нїмѣ(а) молодѣя мѣсяца Ольгѣ и Святѣславѣ тѣмѣю сѣ поволокѣста²⁰² и въ морѣ погрѣзиста²⁰³ и великое буїство²⁰⁴ подастѣ(а)²⁰⁵ хѣбѣновѣ²⁰⁶</p>	<p>и рѣкоша бояре князю уже княже туга умѣ полонила се бо два сокола слѣтѣста сѣ отня стола злата поискати града тѣмѣтороканя а любо испити шелѣмомѣ дѣну уже соколома крїльца припѣшали поганыхъ саблями а самую опустоша въ путины желѣзны темно бо бѣ въ 3 день два солнца помѣрѣкоста оба багрѣная стѣлѣпа погѣсоста и сѣ нїмѣ молодѣя мѣсяца олегѣ и святѣславѣ тѣмою сѣ поволокоста и въ морѣ погрѣзиста и великое буїство подастѣ хїнови</p>
---	---

на рѣцѣ на Каялѣ тма свѣтъ покрыла	на рѣцѣ на каялѣ тма свѣтъ покрыла	104
по рѹ(сѣ)скои земли простѣрѹша ся полѹвѣци	по рускои земли прострошася половци	105
(я)к(ы) парѣдуже ²⁰⁷ гнѣздѹ	аки пардуже гнѣздо	
уже сѣне се хула на хвалу	уже снесе ся хула на хвалу	106
уже трѣ(б)сну нѹ(ж)а ²⁰⁸ на волю	уже тресну нужда на волю	107
уже в(б)рже с(я) ²⁰⁹ Дивѣ ²¹⁰ на зѣмлю	уже врже са дивѣ на землю	108
се бо г(б)тѣск(ыи) красѣны(и) дѣвы	се бо готскія красныя дѣвы	109
вѣспѣша на брѣзѣ Сине му рю	вѣспѣша на брѣзѣ синему морю	
звоня(чи) рѹ(сѣ)скымъ з(о)ло(т)ымъ	звоня рускымъ златомъ	
поютъ время Бѹсово	поютъ время бусово	
лелѣютъ м(б)стѣ Шарѹканю ²¹¹	лелѣютъ мѣсть шароканю	
а мы уже дружина	а мы уже дружина	110
жадѣни ²¹² веселѣя	жадни веселѣя	

XI фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными

тогда велик(ъ)и Святѣславѣ	тогда великїи святѣславѣ	111 XVI
изронї ²¹³ златѹ ²¹⁴ слово	изрони злато слово	
(сѣ) слѣ(з)ама сѣмѣшено и рече	слезами смѣшено и рече	
о моя сыновѣ(ц)а ²¹⁵ Игорю и Всеволоде	о моя сыновчя игорю и всеволоде	112
рано еста начала	рано еста начала	
полѹвѣ(чѣ)кую зѣмлю м(б)чї цвѣлїти ²¹⁶	половецкую землю мечи цвѣлїти	
а себѣ славы искати	а себѣ славы искати	
нѣ не ч(б)стѣно одолѣте	нѣ не честно одолѣте	
не ч(б)стѣно бо кр(б)вѣ поганюю полѣяете ²¹⁷	не честно бо кровь поганюю полїясте	
ваю храбрая с(б)рдѣца	ваю храбрая сердца	113
вѣ жестоц(б)м(б) харалѹзѣ сѣкованѣ ²¹⁸	вѣ жестоцемъ харалѹзѣ скована	
а вѣ бѹести ²¹⁹ закаленѣ	а вѣ бѹести закалена	
се ли сѣтворїсте моеи	се ли створїсте моеи	114
сѣребр(я)н(б)и сѣдинѣ	сребрени сѣдинѣ	
а уже не ви(ж)у власти	а уже не вижду власти	115
силѣнаго и богѣтаго и мѣноговои	сильнаго и богѣтаго и многовои	
брѣта моего Ярославѣ	брѣта моего ярослава	
сѣ ч(б)рнїговѣск(ы)ми бѣлями	сѣ черниговскими былями	
сѣ могу(т)ы ²²⁰ и сѣ татраны	сѣ могу(т)ы и сѣ татраны	
и сѣ шельбїры ²²¹ и сѣ топѣчаки	и сѣ шельбиры и сѣ топчакы	
и сѣ реву(г)ы и сѣ ольбѣры	и сѣ реву(г)ы и сѣ ольбѣры	

	тий бо бе(з) щитѡвъ съ засапѡжъники ²²²	тіи бо бес щитовъ съ засапожники
	кликъ(ъ)мъ ²²³ п(ъ)лкъ побѣ(ж)ають	кликѡмъ плъкъ побѣждають
	звоняч(е) въ прадѣдънюю славу	звонячи въ прадѣдную славу
116	нъ рекосте мужаим(е) ся сами	нъ рекосте мужаимъ ся сами
	п(е)редѣнюю ²²⁴ славу сами пох(ы)тимъ ²²⁵	преднюю славу сами похитимъ
	а задѣнюю с(и) ²²⁶ сами подѣлимъ	а заднюю ся сами подѣлимъ
117	а чи ²²⁷ диво ся брат(ъ)е стару помолодѣти	а чи диво ся братіе стару помолодити
118	коли соколъ въ мѣт(ъ)хъ ²²⁸ бываеть	коли соколъ въ мѣтѣхъ бываетъ
	высоко пѣтѣ(ч)ь възбѣиваеть ²²⁹	высоко птицъ възбиваетъ
	не дастъ гнѣзда своего въ обиду	не дастъ гнѣзда своего въ обиду
119	нъ се злѡ княже мѣ непосѡб(ъ)е ²³⁰	нъ се зло княже ми непосѡбіе
XVII 120	на нѣч(ь) ²³¹ ся годѣны ²³² обратиша	на ниче ся години обратиша
121	се у Римъ ²³³ кричатъ	се у римъ кричатъ
	подъ саблями полѡв(ъ)ч(ъ)скими	подъ саблями половецкими
	а Володѣм(ъ)рь подѣ ранами	а володимиръ подѣ ранами
122	тѣга и т(ъ)скѣ сыну Глѣбову	туга и тоска сыну глѣбову
XVIII 123	великъ(ъ)и княже Вѣсволоде	великѣи княже всеволоде
	не мѣсл(ъ)ю ти прелѣтѣти из далечѣ	не мыслѣю ти прелѣтѣти из далеча
	отѣня злата стола поблюстѣ	отня злата стола поблюсти
124	ты бѡ можѣши В(ъ)лгу	ты бо можѣши волгу
	вѣслы р(о)скропѣти ²³⁴	вѣслы раскропити
	а Донъ шелѡмы вѣлѣяти ²³⁵	а донъ шеломы вылѣяти
125	аже бы ты былъ то была бы	аже бы ты былъ то была бы
	чага по ногатѣ а кощ(ъ)и ²³⁶ по р(ъ)занѣ	чага по ногатѣ а кощеи по резанѣ
126	ты бѡ можѣши по суху	ты бо можѣши по суху
	живѣми шерешѣр(ами) стрѣлѣти	живѣыми шерешѣри стрѣлѣти
	удалѣми сыны Глѣбовы	удалѣыми сыны глѣбовы
XIX 127	ты бѣи ²³⁷ Рѣуриче и Давѣде	ты буи рѣуриче и даведе
	не ваю ли <.....> ²³⁸	не ваю ли <.....>
	злачѣными шелѡмы	злачѣными шеломы
	по кр(ъ)ви плаваша	по крови плаваша
128	не ваю ли х(о)рѡбрая дружина	не ваю ли храбрая дружина
	рыкають (я)кы тѣри	рыкають акы тури
	ранѣн(и) саблями калѣными	ранены саблями калѣными
	на полѣ незнаемъ ²³⁹	на полѣ незнаемъ
129	въ(с)ступѣта господѣна	вступѣта господѣна

въ злата стрѣменѣ²⁴⁰
 за обиду сего времени
 за землю рускую за раны Игоревы
 бугаго²⁴¹ Святъславлича
 галичъскыи Осмомыслѣ Ярославѣ
 высоко сѣдиши
 на своемъ златокованнѣмъ столѣ
 подперъ горы угорскыи
 своими желѣзными плѣки
 заступивъ королеви путь
 затворивъ Дунаю ворота²⁴²
 меча времени чрезъ облакы²⁴³
 суды ряда до Дуная²⁴⁴
 грозы твои²⁴⁵ по землямъ текутъ
 отворяеши Киеву врата
 стрѣляеши съ огня злата стола
 салтаны за землями
 стрѣляи господине Кончака
 поганого коща²⁴⁶
 за землю рускую
 за раны Игоревы
 бугаго²⁴⁷ Святъславлича
 а ты буй²⁴⁸ Романе и Мстиславе
 храбрая мысль носить
 васъ умъ на дѣло
 высоко плавае(та)²⁴⁹ на дѣло въ буюсти²⁵⁰
 яко соколъ на вѣтрѣхъ ширяя ся²⁵¹
 хотя птицю въ буюствѣ²⁵² одолѣти
 суть бо у ваю желѣзныи папорзи²⁵⁴
 подъ шеломы латынскыи тѣми
 тресну земля и многи страны
 хинова литва ятвязи деремела
 и половци сулицѣ свои повьргоша²⁵⁵
 а главы свои поклониша
 подъ тьи мечи харалужныи

въ злата стремень
 за обиду сего времени
 за землю русскую за раны игоревы
 бугея святславлича
 галички осмомыслѣ ярославе 130 XX
 высоко сѣдиши
 на своемъ златокованнѣмъ столѣ
 подперъ горы угорскыи
 своими желѣзными плѣки
 заступивъ королеви путь
 затворивъ дунаю ворота
 меча времени чрезъ облаки
 суды ряда до дуная
 грозы твоя по землямъ текутъ 131
 отворяеши киеву врата
 стрѣляеши съ огня злата стола
 салтани за землями
 стрѣляи господине кончака 132
 поганого кощя
 за землю рускую
 за раны игоревы
 бугея святславлича
 а ты буй романе и мстиславе 133 XXI
 храбрая мысль носить
 васъ умъ на дѣло
 высоко плаваеши на дѣло въ буюсти 134
 яко соколъ на вѣтрехъ ширяя ся
 хотя птицю въ буюствѣ одолѣти
 суть бо у ваю желѣзныи папорзи 135
 подъ шеломы латынскими тѣми
 тресну земля и многи страны
 хинова литва ятвязи деремела 13
 и половци сулицы своя повьргоща
 а главы своя поклониша
 подъ тьи мечи харалужныи

136	нѣ ўже кѣняже Ёгорю утѣрпѣ ²⁵⁶ сѣлнѣцу ²⁵⁷ свѣтъ а дѣрево не бѣлогѣмь ²⁵⁸ лѣствѣе сѣронѣ	нѣ уже княже игорю утрпѣ солнцю свѣтъ а древо не бологомъ лѣствѣе срони
137	по Рѣсѣи и по Сѣулѣ градѣ подѣлиша а Ёгорева хѣбраго пѣлкѣ не крѣсити ²⁵⁹	по рси и по сули гради подѣлиша а игорева хѣбраго плѣку не крѣсити
138	Дѣнѣ ти кѣняже клѣчетѣ и зовѣтъ кѣнязи ²⁶⁰ на побѣду	донѣ ти княже кличетѣ и зовѣтъ князи на побѣду
139	Ольговичи хѣбрѣи и кѣнязи доспѣли ²⁶¹ на бранѣ	олговичи хѣбрыи князи доспѣли на бранѣ
XXII 140	Инѣгварѣ и Вѣсѣволодѣ и вѣси трѣ Мѣстислѣвѣличѣ нѣ худа гнѣзда шѣстокрилѣци не побѣднѣми жребѣи сѣбѣ вѣлости рѣсхѣтитѣ	инѣгварѣ и всеволодѣ и вси три мстиславичѣ нѣ худа гнѣзда шѣстокрилѣци не побѣднѣми жребѣи сѣбѣ власти расхѣтитѣ
141	кѣе ²⁶² вѣши златѣи и шелѣмѣи и сѣлицѣ лядѣкѣи и щитѣи	кѣе вѣши златѣи шелѣмы и сулицѣ ляцѣи и щитѣи
142	загородѣте полѣ ворѣта сѣоими ѣстрыми стрѣлами за зѣмлю за рѣсѣскую за ранѣ за Ёгѣревы бѣяго ²⁶³ Сѣвятѣславѣличѣ	загородѣте полѣ ворота сѣоими ѣстрыми стрѣлами за зѣмлю за русскую за ранѣ за игѣревы бѣуго сѣвятѣславѣличѣ
XXIII 143	ужѣ бо Сѣула не течѣтъ сѣрѣбрѣнѣми стрѣями кѣ граду Перѣяслѣвлю и Дѣвинѣ болѣтѣмь ²⁶⁴ течѣтъ ѣнѣмѣ гѣрознѣмѣ полѣчанѣмѣ подѣ кликѣмѣ поганѣхѣ	ужѣ бо сула не течѣтъ сѣребренѣми струями кѣ граду перѣяславлю и двѣна болѣтомѣ течѣтъ ѣнѣмѣ гѣрознѣмѣ полѣчанѣмѣ подѣ кликомѣ поганѣхѣ
144	ѣдинѣ же Ёзяслѣвѣ сынѣ Васѣльковѣ пѣзѣвѣни сѣоими ѣстрыми мѣчѣи ѣ шелѣмѣ литѣвѣскѣи прѣтрѣпа ²⁶⁵ слѣву дѣду сѣѣмѣу Вѣсѣслѣву а сѣмѣ подѣ чѣрѣленѣми ²⁶⁶ щитѣи на кѣрѣвавѣ травѣ прѣтрѣпанѣ ²⁶⁷ литѣвѣскѣи мѣчѣи	ѣдинѣ же изяславѣ сынѣ васильковѣ пѣзѣвѣни сѣоими ѣстрыми мѣчи ѣ шелѣмы литѣвскѣи прѣтрѣпа славу дѣду сѣѣму всѣславу а сѣмѣ подѣ чѣрѣленѣми щитѣи на кровѣвѣ травѣ прѣтрѣпанѣ литѣвскѣи мѣчи
145	[исхѣтиѣнакрѣватѣирѣкѣ] ²⁶⁸	исхѣтиѣнакрѣватѣирѣкѣ
146	дѣружѣину тѣѣѣю кѣняже пѣтѣи ²⁶⁹	дѣружѣину тѣѣю княже пѣтиць

крил(о́ма) приодѣ
а звѣри крѣвъ полѣза́ша

крылы приодѣ
а звѣри кровь полиза́ша

XII фрагмент. Только юго-западные диалектизмы

не быс(т)ѣ ту бра́та Бряч(е)сла́ва
ни дру́гаго Вѣсе́волода
одинъ же **изрони**²⁶⁹ жемѣчу́жну душу
из х(оро)бра́ тѣла чрезъ зláто ожерел(ѣ)е
уны́л(и) го́лоси **пони́че**²⁷⁰ весел(ѣ)е́
трубы́ труба́тъ город(ѣ)нѣск(ы)и

не бысь ту брата брячяслава 147
ни другаго всеволода
единъ же изрони жемчужну душу
изъ храбра тѣла чрезъ злато ожереліе
унылы голоса пониче веселіе 148
трубы трубятъ городеньскіи

Яросла́в(л)и вѣсі вѣну́ц(и) (и) Вѣсесла́вли²⁷¹
уже **пони́зит(е)**²⁷² стя́(гы) свои
вонѣз(и)т(е) свои́ мѣчи **верѣжен(ы)**²⁷³
уже́ бо (вы) вы́скочите из дѣдн(ѣ)и сла́вѣ
вы́ бо свои́ми **к(оро)мо́лами**²⁷⁴
на́ча́сте наво́дити пога́ны(и)
на́ землю ру́(сь)скую
на́ жизнь Вѣсесла́влю
кото́ро(ю)²⁷⁵ бо бѣ́ше насыл(ѣ)е
отъ земли́ полове́цк(ы)и

ярослави вси внуце всеславли 149
уже понизить стязи свои
вонзить свои мечи верезени
уже бо выскочите изъ дѣдней славъ 150
вы бо своими крамолами 151
начясте наводити поганя
на землю рускую
на жизнь всеславлю
которое бо бѣше насиліе 152
отъ земли половецкыи

XIII фрагмент. Только юго-западные диалектизмы

на седѣ́мом(ѣ) вѣцѣ²⁷⁶ Троя́н(ѣ)
в(ѣ)рже²⁷⁷ Вѣсесла́в жреб(ѣ)и
о дѣви́цу себѣ́ любу
тѣи **клюка́ми**²⁷⁸ подѣ́пърѣ́ ся око́ни²⁷⁹
и ско́чи кѣ́ граду́ Кі́еву
и до́тѣ́че́ ся стру́ж(ѣ)емъ
зла́та сто́ла к(ы)евѣ́скаго
ско́чи о́тѣ́ нихъ лю́тымъ звѣ́р(ѣ)мъ²⁸⁰
вѣ́ (полѣ) но́чи из Бѣ́ла г(оро)да
обѣ́си́ ся синѣ́ **мѣгль**²⁸¹
ут(ѣ)рже́ в(а)з(и)ни²⁸² съ́ тр(ѣ)и к(у)сь²⁸³
и о(т)во́ри в(о)ро́та Но́ву г(оро)ду
р(о)сши́бе²⁸⁴ сла́ву Я́росла́ву
ско́чи вѣ́лкомъ́ до Неми́г(ѣ)и съ́ Дуду́т(ѣ)кѣ́

на седьмомъ вѣцѣ трояни 153 XXIV
врже всеславъ жребіи
о дѣвицу себѣ любу
тѣи клюками подпър ся окони 154
и скочи кѣ граду киеву
и доче ся стружіемъ
злата стола кіевскаго
скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ 155
въ плъ ночи изъ бѣла града
обѣси ся синѣ мѣгль
утржевознистрикусь 156
і отвори врата нову граду
разшибе славу ярославу
скочи влъкомъ до немиги съ дудутокъ 157

	на Немізѣ снопы стѣлютъ головáми молóтятъ (цѣ)п(ь) харалужьными на тоцѣ живóтъ ²⁸⁵ кладуть вѣють дúшу óтъ тѣла	на немизѣ снопы стелють головами молотятъ чеши харалужными на тоцѣ живóтъ кладуть вѣють душу отъ тѣла
158	Немízѣ кр(ь)вави брѣз(и) ²⁸⁶ не бóлог(ь)мъ ²⁸⁷ бяхуть посѣяни посѣяни кóстыми рú(сь)скыхъ сынóвъ	немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни посѣяни костыми русскихъ сыновъ
159	Въсеслáвъ кънязь лúд(ь)мъ судяше къняземъ г(ó)роды рядяше а сáмъ въ ночь в(ь)лк(ь)мъ рыскаше ²⁸⁸ изъ Кíева дор(ь)скаше ²⁸⁹ до куръ Тъмúторокáни великому Х(ь)р(ь)сови в(ь)лк(ь)мъ пúть прерыскаше ²⁹⁰	всеславъ князь людемъ судяше княземъ грады рядяше а самъ въ ночь влькомъ рыскаше изъ киева дорискаше до куръ тмурокани великому хрсови влькомъ путь прерыскаше
160	тóму въ Пóлотьскѣ позвóниша заúтренюю рáно ²⁹¹ у Святý(и) Сóф(ь)и въ кóлоколы а онъ въ Кíевѣ звóнь слыша	тому въ полотьскѣ позвониша заутреннюю рано у святыя софеи въ колоколы а онъ въ киевѣ звонъ слыша
161	áще и вѣща ²⁹² душá въ друзѣ тѣлѣ ²⁹³ нѣ часто бѣды страдаше	аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ нѣ часто бѣды страдаше
162	тóму вѣщ(ь)и ²⁹⁴ Боянъ и п(ь)р(ь)вое ²⁹⁵ припѣвкú ²⁹⁶ сьмысл(ь)н(ь)и рече	тому вѣщеи боянъ и пръвое припѣвку смыслени рече
163	ни хытрú ни гораздú ни птýти(ч)ю ²⁹⁷ гораздú ²⁹⁸ судá бож(ь)я не минути	ни хитру ни горазду ни птицю горазду суда божиа не минути

XIV фрагмент. Преобладание юго-западных диалектизмов над северными

xxv 164	ó стонáти рú(сь)скои земл́и помянóвше п(ь)р(ь)вую годíну ²⁹⁹ и п(ь)р(ь)выхъ кънязь(ь)	о стонати руской земли помянувшѣ пръвую годину и пръвыхъ князеи
165	тóго старáго Владím(ь)ра нелъзѣ бѣ пригвóздити ³⁰⁰ къ гóрамъ К(ь)евьскымъ	того старого владимира нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ кievскимъ
166	сегó бо нынѣ стáша стязи Рíюриков(и) а друзии Дав(ь)дов(и) нѣ рóз(ь)но ³⁰¹ ся íмъ хобóт(и) ³⁰² пáшутъ ³⁰³	сего бо нынѣ сташа стязи рюриковы а друзии давидовы нѣ розино ся имъ хоботы пашутъ
167	кóп(ь)я пóютъ ³⁰⁴	копiа поють

на Дунаи Ярославън(и)нъ гласъ слышитъ (ся) зегъзицею ³⁰⁵ незнаем(ѣ) ³⁰⁶ рано ³⁰⁷ кычетъ ³⁰⁸ полечу рече зегъзицею ³⁰⁹ по Дунаеви омочу беврянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ утру князю кровавы(и) его раны на жестоцѣмъ ³¹⁰ его тѣлѣ	на дунаи ярославнынъ гласъ слышитъ зегзицею незнаемъ рано кычетъ полечу рече зегзицею по дунаеви омочу беврянъ рукавъ въ каялѣ рѣцѣ утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ	168 XXVI
Ярославъна рано ³¹¹ плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ а ркучи	ярославна рано плачетъ въ путивлѣ на забралѣ а ркучи	172
о Вѣтре Вѣтрило чѣму господине насильно ³¹² вѣши чѣму мѣчеш(ѣ) х(ѣ)новъскы(и) стрѣлки на своєю нетрудною крильцу на мое(и) лады вои мало ли ти бѣшетъ гор(ѣ) ³¹³ подъ облакы вѣяти лелѣ(ся) кораблі на Син(е) мор(е) ³¹⁴ чѣму господине мое весел(ѣ)е по ковыл(ѣ)ю ³¹⁵ развѣя	о вѣтрѣ вѣтрило чѣму господине насильно вѣши чѣму мычеша хиновскыя стрѣлки на своєю нетрудною крилицю на моя лады вои мало ли ти бѣшетъ горь подъ облакы вѣяти лелѣючи корабли на синѣ морѣ чѣму господине мое веселіе по ковылію развѣя	173 174 175 176
Ярославъна рано ³¹⁶ плачетъ Путивлю городу на заборолѣ а ркучи	ярославна рано плачетъ путивлю городу на заборолѣ а ркучи	177
о Дѣнѣпре Словуті(ч)у ³¹⁷ ты пробиль еси каменны(и) горы сквозѣ землю полов(ѣ)цкую ты лелѣял ³¹⁸ еси на себѣ Святъславли н(а)сады ³¹⁹ до п(ѣ)л(ѣ)к(ѣ) Кобякова възлелѣи ³²⁰ господине мою ладу къ мнѣ а бѣхъ не слала къ нему сл(ѣ)з(ѣ) на море рано ³²¹	о днепре словутицю ты пробиль еси каменныя горы сквозѣ землю половецкую ты лелѣял еси на себѣ святославли носады до плѣку кобякова възлелѣи господине мою ладу къ мнѣ а бѣхъ не слала къ нему слезъ на море рано	178 179 180
Ярославъна рано ³²² плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ а ркучи	ярославна рано плачетъ въ путивлѣ на забралѣ а ркучи	181

182	свѣтѣлоє и трѣсвѣтѣлоє Сѣлнѣце ³²³ всѣмѣ тепло и краснѣно еси	свѣтлое и тресвѣтлое слънце всѣмѣ тепло и красно еси
183	чѣму господѣне прѣстѣре горячюю свою лучу на ладѣ вои въ полѣ безводнѣ жа(ж)ею имѣ лѣ(кы) съпряже ³²⁴ тугою имѣ тѣ(кы) затѣче	чему господине простре горячую свою лучу на ладѣ вои въ полѣ безводнѣ жажду имѣ лучи съпряже тугою имѣ тули затче

XV фрагмент. Преобладание северных диалектизмов над юго-западными

XXVII 184	прѣсну море полу но(ч)и идуть смѣ(р)ци ³²⁵ мѣглами ³²⁶ Игореви кнѣязю Богѣ путь кажетѣ из земли полѣв(ьчѣ)с(кы)и на землю рѣ(сѣ)скую къ отню злату столу	присну море полу ночи идутъ сморци мѣглами игореву князю богѣ путь кажетѣ изъ земли половецкою на землю рускую къ отню злату столу
185	погасоша вѣчеру ³²⁷ з(о)р(ѣ) Игорѣ спѣитѣ Игорѣ бѣдитѣ Игорѣ мѣсл(ѣ)ю пол(е) мѣритѣ отѣ великаго Дону до малаго Донца	погасоша вечеру зари игорѣ спитѣ игорѣ бдитѣ игорѣ мыслию поля мѣритѣ отъ великаго дону до малаго донца
186	комонѣ въ полу ночи Овлѣурѣ свѣсну за рѣкою велѣтѣ кнѣязю р(о)зумѣти ³²⁸ кнѣязю Игорю нѣ(ѣ)быть кликну ³²⁹	комонѣ въ полу ночи овлурѣ свисну за рѣкою велѣтѣ князю разумѣти князю игорю небыть кликну
187	стѣкну земля въ(с)шумѣ трава вежи ся полѣв(ьчѣ)с(кы)и подвѣ(г)аша( ) ³³⁰	стукну земля въшумѣ трава вежи ся половецкѣи подвизаша ся
188	а Игорѣ кнѣязѣ поскочи г(ѣ)рн(о)ста(и)мѣ ³³¹ къ трѣст(ѣ)ю ³³² и бѣлымѣ гогол(ѣ)мѣ на воду	а игорѣ князь поскочи горнастаемѣ къ тростию и бѣлымѣ гоголемѣ на воду
189	въ(з)в(ѣ)рже ся ³³³ на б(ѣ)рзѣ комонѣ и скочи съ него б[ѣ]сымѣ ³³⁴ в(ѣ)л(ѣ)кѣмѣ	въврже ся на брзѣ комонѣ и скочи съ него босымѣ вѣлкомѣ
190	и потѣче къ лугу Донца и полѣтѣ сокол(ѣ)мѣ подѣ мѣглами ³³⁵ избѣвая ³³⁶ гѣси и лѣб(ѣ)ди за(ѣ)трѣку ³³⁷ и обѣду и ѣжинѣ ³³⁸	и потече къ лугу донца и полѣтѣ соколомѣ подѣ мѣглами избивая гуси и лебеди завтроку и обѣду и ужинѣ

кóбли Ёгоръ сóкол(ъ)мъ полётъ
тогда (О)вълуръ в(ь)л(ъ)к(ъ)мъ потече
труся собою студёную росу
прет(ь)р(о)госта³³⁹ бо своя б(ь)р(з)ая коно́я

Доньць рече кнѣ́же Ёгору
не ма́ло ти велич(ь)я
а Конѣ́чаку нелюб(ь)я³⁴⁰
а ру(сь)скои зѣмли весел(ь)я

Ёгоръ рече о́ Доньче
не ма́ло ти велич(ь)я
лелѣ́явшу³⁴¹ кнѣ́зю на в(ь)л(ъ)нахъ
стѣ́лавшу ёму зел(е)ну́ траву́
на своихъ сѣ́ребр(я)ныхъ брезѣхъ
одѣ́вавшу ёго тёплыми м(ь)гла́ми³⁴²
подъ сѣ́н(ь)ю зелену́ древу́³⁴³
стрежа́ше (и)³⁴⁴ го́гол(ъ)мъ на водѣ́
чаи́цами³⁴⁵ на стру́яхъ
ч(ь)р(н)ядьми на в(ѣ)трѣхъ

не тако́ ли³⁴⁶ рече рѣ́ка Стѹ́гна
хѹ́ду стру́ю имѣ́ючи
пож(ь)рѣ́ши чужі́ ручѣ́и и стру́гы³⁴⁷
ро(е)сте́рена³⁴⁸ к(ъ) у́сту³⁴⁹
[уно́шу кнѣ́зю Ростисла́ву] затво́ри³⁵⁰
Днѣ́пр(ѣ) т(ь)мнѣ́ березѣ́³⁵¹
пла́четь ся ма́ти Ростисла́вля
по уно́ши кнѣ́зи Ростисла́вѣ
уны́ша цвѣ́т(и) жа́лобою³⁵²
и древо с(я) ту́гою
къ земли прекло́нило

а не со́ро́кы в(ь)с(о)троско́таша³⁵³
на слѣ́ду³⁵⁴ Ёгоровѣ́
ѣздитъ Гѣ́закъ съ Ко́нча́к(ъ)мъ

тогда́ вра́ни не гра́(я)ху́т³⁵⁵
га́лиц(ѣ) помѣ́л(о)ко́ша³⁵⁶
со́ро́кы не троско́таша

коли игорь соколомъ полетѣ
тогда влуръ влькомъ потече
труся собою студёную росу
претръгоста бо своя брзая коноя

донецъ рече княже игорю
не мало ти величія
а кончаку нелюбія
а русской земли веселія

игорь рече о донче
не мало ти величія
лелѣявшу князя на вльнахъ
стлавшу ему зелѣну траву
на своихъ серебряныхъ брезѣхъ
одѣвавшу его теплыми мглами
подъ сѣню зелену древу
стрежаше е гоголемъ на водѣ
чаицами на струяхъ
чрънядьми на ветрѣхъ

не тако ли рече рѣка стугна

худу струю имѣя
пожрѣши чужи ручьи и стругы
рострена к усту
уношу князю ростиславу затвори
днѣпръ темнѣ березѣ
плачет ся мати ростиславя
по уноши князи ростиславѣ
уныша цвѣты жалобою

и древо с тугою
къ земли прѣклонило

а не сороки втроскоташа
на слѣду игоревѣ
ѣздитъ гзакъ съ кончакомъ

тогда вра́ни не грааху́т
галици помлькоша
со́ро́кы не троско́таша

202	по лѡзѣю ³⁵⁷ пѣлзоша толькѡ дятѣлове ³⁵⁸ тѣкѣтѣмь путь кѣ рѣцѣ кажутѣ соловѣи веселѣми пѣснѣми свѣтъ повѣдаютѣ ³⁵⁹	по лозію ползоша только дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ
203	мѣлвить Гѣзакѣ Конѣчакови	млѣвить гзакѣ кончакови
204	аже соколѣ къ гнѣздѣ летитѣ соколича ³⁶⁰ ро(с)стрѣляевѣ своими злачѣными стрѣлами	аже соколь къ гнѣзду летитъ соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами
205	рече ³⁶¹ Конѣчакѣ кѣ Гѣзѣ	рече кончакѣ ко гзѣ
206	аже соколѣ къ гнѣздѣ летитѣ а вѣ соколыца ³⁶² опутаевѣ ³⁶³ красною дѣвицею	аже соколь къ гнѣзду летитъ а вѣ соколца опутаевѣ красною дивичею
207	и рече ³⁶⁴ Гѣзакѣ къ Конѣчакови	и рече гзакѣ къ кончакови
208	аще его опутаевѣ ³⁶⁵ красною дѣвицею ни нама бѣдетѣ соколыца ни нама красны дѣвицѣ то почнутѣ наю пѣтицѣ ³⁶⁶ бити вѣ полѣ полѡвѣчѣскомѣ	аще его опутаевѣ красною дѣвицею ни нама будетѣ соколыца ни нама красны дѣвице то почнутъ наю птици бити вѣ полѣ половецкомѣ

XVI фрагмент. Диалектизмы практически отсутствуют: юго-западный диалектизм только в формуле: *буи туру Всеволодѣ*

XXX 209	[рече ³⁶⁷ Боянѣи Ходына] Святѣславля пѣснѣтворѣца старого времени Ярославля Ольгова коганя хоти ³⁶⁸	рекѣ боянѣ и ходына святѣславля пѣстворца старого времени ярославля ольгова коганя хоти
210	тяжѣко ти головы кромѣ плечѣ зѣло ти тѣлу кромѣ головы ру(с)ской земли безъ Игоря	тяжко ти головы кромѣ плечю зло ти тѣлу кромѣ головы русской земли безъ игоря
211	сѣлнѣще свѣтитѣ ся на небесѣ Игорь князь вѣ ру(с)ской земли	солнце свѣтит ся на небесѣ игорь князь вѣ русской земли
212	дѣвицѣ поютѣ на Дунаѣ вѣютѣ ся голоса чрезъ море до Кѣева	дѣвици поютъ на дунаи вѣют ся голоса чрезъ море до кѣева
213	Игорь ѣдетѣ по Боричеву къ святѣи Богородицѣи Пирогощѣи	игорь ѣдетъ по боричеву къ святѣи богородици пирогощеи

стра́ны ра́д(ѣ) гра́ди ве́сели	страны ради гради весели	214
пѣвѣше пѣснь ста́рымъ кѣняземъ	пѣвше пѣснь старымъ княземъ	215
а по́ томъ молодѣмъ пѣти	а по томъ молодымъ пѣти	
сла́ва Ё́гору Свя́тѣсла́влѣч(у)	слава игорю святѣславлича	216
буѣ ³⁶⁹ туру Ве́сволод(у)	буи туру всеволодѣ	
Владѣм(ѣ)ру Ё́горевичу	владими́ру игоревичу	
(сѣ)дра́ви кѣнязи и дружи́на	здрави князи и дружина	217
побара́юче за христе́яны	побарая за христьяны	
на пога́ны(и) пѣлки	на поганья пѣлки	
кѣняземъ сла́ва а дружи́нѣ	княземъ слава а дружинѣ	218

АМИНЬ

§ 6. Комментарии к тексту

¹ **Пѣлкѣ.** В значении ‘военный поход’ известно из зап.-украинского фольклора: *Ой, приїхав мій братик з полку, ой привіз мені та три радості. Їхав Марочко од полку до полку* [Плисецкий 1982: 201].

² **Лѣпо.** Северный диалектизм: русск. диал. *лѣпо* ‘красиво, хорошо’ Пск., Калуж. [ПОС, СРНГ]; *лѣпый* ‘красивый, прекрасный, хороший’ Перм., Урал., Пск., Смол. [ПОС, СРНГ].

³ **Трудныхъ повѣстѣи.** Скорее всего *трудныхъ повѣсти* ‘рассказы о трудах’, *res gestae*. Вероятна перекличка со значением, представленным в русск. брянск. *трудный* ‘несчастный’ (см. прим. 189): *Трудней меня на свете никаво нет. . . Труднѣя сидить, тамнуеть, душа-та балить нѣ сыношкѣ. Вот трудный гот, пичальный. . .* [Козырев 1975А: 111]. Далее укр. *трудний* ‘тяжело больной’ [Гринченко], ‘ermüdet, ermattet; leblo, tot’ [Желеховский 1886]; русск. диал. *труден, трудный* ‘больной, при смерти’ [Даль]. О полисемии в “Слове о полку Игореве” см. [Чернов 1986].

⁴ **По былинамъ** ‘по невымышленным событиям’. Северный диалектизм: русск. диал. *быліна* ‘истинное происшествие, быть’ Вят., Арх., Казан. [СРНГ].

⁵ **Времени.** Др.-русс. *вѣрема* в значении ‘время’ заменено другими словами в большинстве вост.-слав. говоров. Достоверно известно только белор. (могил.?) *вѣреме* ‘время’ [Носович 1870].

⁶ **По замышленѣю.** Русск. брянск., смол., моск. *замышление* ‘замысел, намерение’ [Козырев 1975А: 123] имеет ц.-слав. суффикс.

⁷ **Боянь.** Вероятно, тюркское (булгарское) по происхождению имя [Дыбо 2010А: 24]. В вост.-слав. ономастиконе малоизвестно: *Боянь* в новгородских берестяных грамотах с сер. XI в. [Зализняк 2004: 713]; новгородская же *Бояня улка*, впервые 1300 г. по летописи; также в киевской надписи № 25 [Высоцкий 1966]. Широко распространено в южнославянском ономастиконе, где контаминирует с производными от *bojь и *bojati.

⁸ **Вѣщ<ь>и.** Юго-западный диалектизм: укр. *віщий* ‘вещий’ [Гринченко], ‘vorhersehend, vorherwissend, ahnend; wahrsagerisch, prophetisch’ [Желеховский 1886]. В русских говорах производные значения: *вѣщий* 1. (сущ.) ‘колдун, кудесник, знахарь’ Костром., Сиб., Южн., Урал.; 2. (прилаг.) ‘умный, толковый, красноречивый’ Ряз. [СРНГ]. См. прим. 19, 47, 292, 294.

⁹ **Мысл<ь>ю.** Северный диалектизм: русск. диал. *мысь* ‘белка’ Пск., Урал. [СРНГ, ПОС]. Может восходить к *mystь, ср. лат. *müstela* ‘ласка, горноста́й’ [Фасмер]. В “Слове”, по-видимому, игра слов: ср. ниже *по мыслъну дереву*.

¹⁰ **<С>изымы.** В зап.-русских говорах форма *шизый* распространена шире, чем фонетическое “шоканье” (шепелявое произношение мягких сибилантов), в том числе отмечено в смоленских говорах [МРЭ]. Не исключено, что *ш-* в слове “сизый” возникло по аналогии с русск. смол. *шѣрый*, белор. *шэры* ‘серый’, в котором смоленско-полоцкое *ш-* регулярно происходит из *x в позиции II палатализации — в данном корне перед *ѣ.

¹¹ **Помняшеть** ‘вспоминал, бывало’ (значение ‘помнил’ здесь исключено, так как глагол стоит в имперфекте). Северный диалектизм: русск. диал. *пѡмнить* ‘вспоминать’ Арх., Р. Урал. [СРНГ].

¹² **Усобиць** ‘междоусобия’.

¹³ **Соколовъ.** Если это не вторичная форма вместо *соколь*, то она может указывать на праслав. *и-*основу (*sokolь, род. *sokolu как *volь, род. *volu). Актуальны (ввиду наличия в тех местностях сапсана) укр. *сѡкѡл* [Гринченко], *сѡкѡл* ‘Falke (Falco)’ [Желеховский 1886] и южно-русс. *сѡкѡл* [СРНГ]. Неясно значение и происхождение слова *сокол* в остальных русских говорах. В качестве ловой птицы сокол, очевидно, был широко известен, поэтому не может служить диалектным маркером.

¹⁴ **Стадо леб<я>д<ь>и.** Именно во фразеологизме с *lebeďь укр. *стадо лебедів* (П. Мирний, І. Нечуй-Левицький), также (о бѡронах и гусях): *Під хмарами круки стадами літали, а бурю битва гриміла, як ви умирали* [Бервещкий 1990: 5]. *Як шарахне в стадо гусей, так разом кількоро їх і вб'є* [Гринченко]. Русск. диал. *стадо ворѡн* Гниловка Селижаровского р-на Тверской обл. [МРЭ] и *стадо* ‘стая птиц’ только в идиоме *стады-стады* (сбирать, гнать кого-л.) в цитате из былины: *Ай, услышали русские птицы // Сбиралися стады они стадами* Пудож. Олон. [СРНГ]. Это же сочетание употреблено ниже, в “юго-западном” (по лексике) фрагменте “Слова”, и поэтому в данном месте может расцениваться как “автоцитата”. См. прим. 18, 45.

¹⁵ **Которыи дотечаше** ‘до которой долетал (многократно)’, имперфект совершенного вида (см. прим. 113, 120, 195, 290). Юго-западный диалектизм: русск. брянск. *дотечь* ‘доехать, добраться’ ([Козырев 1975А: 71] — в [СБГ] отсутствует).

¹⁶ **Преди.** Северный диалектизм: русск. диал. *переді* ‘начала, вначале’ Арх., Беломор. [СРНГ]. В укр. беспредложные наречные формы не засвидетельствованы; предложные имеют окончание *-і* (*напереді*). См. на *преди* прим. 50.

¹⁷ **Пѣс<н>ъ пояше.** В отличие от русского и белорусского языков, в украинском *рѣті в значении ‘петь (о человеке или петухе)’ заменено на *співати* (*спѣвати

как в чешском, словацком, польском); старое *níti* сохранилось только в юго-зап. говорах в значении 'петь (о петухе)'. См. прим. 304.

¹⁸ **Стадо леб<я>д<ь>и.** См. прим. 14.

¹⁹ **Вѣщии.** См. прим. 8.

²⁰ **Въскладаше.** Вероятно, юго-западный диалектизм. Русск. брянск. *воскладать* 'класть на что-н., сверху чего-н.' [СБГ], орл. *вскладать* 'наваливать, накладывать' [СОГ], *воскладать* 'возлагать' (фолькл.) [СРНГ]; белор. (могил.?) *ускладáць* 'возлагать' [Носович 1870]. Дальнейшее развитие значения в пск. *вскла́сться* 'снести яйцо' [ПОС]. Укр. только *складáти* 'складывать' (< *сь-) [Гринченко], 'zusammenlegen' [Желеховский 1886].

²¹ **Рокотяху.** По-видимому, северный диалектизм. Диалектное сравнение зависит от трактовки значения слова в "Слове". Ср. укр. *рокотáти* 'гремять, грохотать' [Гринченко], русск. пск. *рокотáть* 'говорить; быстро говорить, пустословить' [Козырев 1975А: 109] и пудож. *рокотáть* 'очень громко петь; кричать': *Ты бы села на окошечко да рокотала на всю улушку* [СРНГ]. В данном контексте более вероятно значение, близкое к русскому: 'струны пели/говорили славу'.

²² **Изтягну.** Морфонологический юго-западный диалектизм. В слове представлено инновационное сочетание *-гн-*, характерное для западнорусских, белорусских и украинских говоров. Современные вост.-слав. рефлексы *jъzъg- имеют пейоративный оттенок, перекликающийся с *истязать*: русск. *истяну́тъ* 'вытянуть; вытягивая, испортить' Вят., 1907 [СРНГ]; пск. *истяга́ться* 'окончательно опуститься, распутничая'; укр. *стяга́ти, стягну́ти* 'истощать' [Гринченко], 'mit Not aufbringen' [Желеховский 1886]. Параллелизм *изтягнути* и последующего *поострити* — вероятно, реминисценция заточки холодного оружия (отбивка, т. е. вытягивание лезвия, и дальнейшая его заточка). Глагол *jъzostriti, по-видимому, обозначал именно заточку путем вытягивания/истончения лезвия. См. [Тиунов 1950: 196].

²³ **Поостри с<ь>рдыца.** Юго-западный диалектизм. Ср. укр. *гострíти бiчi, язикi* 'замышлять против кого-л.' [Гринченко], также русск. орл. *острíться* 'практиковаться' [СОГ].

²⁴ **Свѣтлое с<ь>лнце.** Юго-западный диалектизм. Ср. укр. фолькл. *Єден братцейко, свѣтле сонейко. . .* [Головацкий 1878, 2: 4], *світле сонце* [Плисецкий 1982: 204]. По свидетельству С. Гординского [1963: 40], словосочетание *світле сонце* представлено в украинской народной поэзии. В русских диалектных записях эта идиома не отмечена (при этом распространено *светлый месяц*). См. прим. 323.

²⁵ **Отъ него [. . .] прикрыты** "им прикрыты", конструкция с *отъ* в значении инструменталиса (см. прим. 115). *Прикрыты* инновационная форма вместо *прикръвены, однако она не обязательно является поздней.

²⁶ **Дружина** в значении 'группа людей' в современных диалектах известна только из псковских, новгородских и северо-западных говоров: 'артель, товарищество' Новг., 'рыболовецкая артель' Пск., Арх., также 'партизанский отряд' Новосиб. [СРНГ], 'пожарная дружина', 'гости на свадьбе, гости жениха' [ПОС].

В южнорусских и украинских говорах слово известно только в значении 'друг, подруга, жена, дружка'. В центрально- и восточнорусских говорах слово не зафиксировано (кроме ставшего общерусским значения 'пожарная дружина'). Не исключено, что др.-русс. терминологическое значение 'дружина (княжеская)', а также значения 'товарищи, спутники; войско' [Срезневский] имеют псковско-новгородское происхождение.

²⁷ **Потяту.** Юго-западный (?) диалектизм. Укр. *потя́ти, пітну́* (и регулярное прич. *потя́тий*) 'изрубить' [Гринченко], 'zerschneiden, zerhauen, zerschlagen; zernagen' [Желеховский 1886]. Глагол *тяги*, видимо, исчез в русских говорах в первоначальном значении, ср. специализированные *потя́ть* 'искалечить' Свердлов. и *потя́тый* 'медлительный, вялый, неактивный' Вологод., Нижегород. [СРНГ]. Глагол отмечен в формах *потяти*, повелит. *потени* в новгородской берестяной грамоте №531 (конец XII – I пол. XIII в., [Зализняк 2004: 416–420]) в значении 'убить'. В грамоте отсутствует такой характерный признак др.-новгородского диалекта, как окончание *-e* в им. п. ед. ч. м. р., – все формы имеют окончание *-o* (? =ъ; ср. регулярное "прояснение" окончания *-ъ* им. п. ед. ч. *o*-основ в "Слове", § 4): *оно, Коснятино, Оедо, возложило 2×, назвало, выгонало, хотело, возвело, позовало, поехало*. См. также прим. 126.

²⁸ **Полонену.** Юго-западный диалектизм. Укр. сохраняет *полон* 'плен' [Гринченко; Желеховский 1886] и *полоніти* (прич. *полоніний*) 'gefangen nehmen, erbeuten, unterjochen, erobern' [Желеховский 1886]. В русских диалектах переносные значения: *полоніть* 'взять верх над кем-л.; одолеть, лишить покоя кого-л.' Твер., Влад. [СРНГ], отсюда литер. *заполоніть*. См. прим. 198.

²⁹ **В<ъс>сад<ъ>м<е>.** Юго-западный диалектизм. Только укр. *усіда́ти, усісти* 'садиться (в том числе на коня)' [Гринченко; Желеховский 1886].

³⁰ **Комони.** *Комонь* актуален по крайней мере в вост.-украинском (?) фольклоре ([Гринченко]: из народной песни), ср. *комон* (sic!) устар. 'Pferd' [Желеховский 1886], производные *комонник* [П. Кулиш, *Чорна рада, хроніка 1663 року*, Санкт-Петербург, 1857], *комонник* [Желеховский 1886], *комонный* [Гринченко; Желеховский 1886], нар. *комонно* [Гринченко]. Ввиду отсутствия перехода *o > i* основа должна считаться заимствованием, если только не предполагать слав. вариант *комъпъ. В др.-русском, кроме "Слова", только в Лавр. под 969 г., в других списках Повести временных лет этого слова нет [СлРЯ XII–XVII]. В русском псковско-новгородские и производные от них формы: *кóмонь* и *комонь* Пск., Онеж., Олон., Арх., Вологод., Перм., Урал., Сиб., в преобразованном виде фолькл. *комань* Вологод., *коман* Том. [СРНГ]. Также брян. *комонь* [СРНГ], но не ясно, находится ли эта форма в связи с украинской или это одно из северных слов в старообрядческих говорах. Из других славянских достоверно только ст.-чешск., чешск. (устар., поэт.) *котой* 'конь' (< *комопь). Корень **комоп-* присутствует в праслав. *комопика, *-іса* 'клевер, донник, вид ягодного кустарничка' и *комоніти *se* 'гордиться, важничать' [ЭССЯ]. Рефлексы *копъ и его производных в "Слове" отсутствуют.

³¹ **Да позьрїмъ** 'чтобы посмотреть на'. Юго-западный диалектизм: укр. *ніздрїти* 'посмотреть' [Гринченко], в русск. диалектах глагол с приставкой *по-* не отмечен.

³² **Съпала.** Юго-западный диалектизм. Фраза переводится как ‘ум князя сгорел в страстном желании’. *Съпала* — форма от *съpalati. Непереходный глагол: укр. *спалати* ‘сгореть’, *палати* ‘пылать’ [Гринченко; Желеховский 1886]. В русских говорах рефлекс *palati отсутствует (есть только переходный *палить*). См. прим. 77.

³³ **Похоти** ‘в (страстном) желании’. Юго-западный диалектизм: укр. *пóхить*, *пóхоть* ‘Begierde; Wollust’ [Желеховский 1886], в русск. говорах только с более узким значением ‘похоть’.

³⁴ **Жалость** в “болгарском” значении ‘желание, страсть’: ст.-слав. *жалость* ‘усердие, рвение’, ср. болг. *жалба* ‘желание’. В других славянских языках производные от корня *žal- в этом значении не отмечены [Голстая 2012].

³⁵ **Заступи.** Юго-западный (?) диалектизм. Укр. *заступати*, *заступити* ‘закрывать, закрыть, становиться между; занимать, занять, преграждать, преградить (дорогу)’ [Гринченко; Желеховский 1886]. Русск. диал. *заступать* ‘загораживать, заслонять собою кого-, что-либо’ Слов. Акад. 1847; Пск.; Смол. [СРНГ]; ‘ступая, заслонять собою, преграждать, застенять’ [Даль] (без указания места). Ср. также русск. диал. *заступить* ‘прекратить распространение какого-либо бедствия в самом начале, не дать распространиться’: *Пожар не разбросился, заступили скоро*. Свердл. [СРНГ]. См. прим. 60.

³⁶ **Коп<ъ>е приломити.** Юго-западный диалектизм, ср. значение укр. *приломитися* ‘приноровиться, примениться, набить руку’ [Гринченко], ср. белор. (могил.?) *приламываць*, *приломаць* ‘приучивать к какой-л. работе или ремеслу’ [Носович 1870] — образованы от омонимичного *lomiti₁/*lamati₁ ‘ломать’ или рано обособившегося еще в балто-славянскую эпоху *lomiti₂/*lamati₂, ср. значения лит. *lėmti*, лтш. *lemt* ‘определять, решать’. В “Слове” возможна игра омонимами. См. прим. 102.

³⁷ **Кон<ъ>ць поля.** Юго-западный диалектизм. Предлог, известный только из украинского: *кінєць* (+ род.) ‘на конце’ [Гринченко], *конєць* ‘am Ende’ [Желеховский 1886]. См. прим. 54.

³⁸ **Руси<ч>и.** Этот этноним отмечен только в “Слове о полку Игореве” и, возможно, является авторским неологизмом по аналогии с названиями северных славянских племен на *-ичи*: *кривичи*, *дреговичи*, *вятичи* (ср. сев.-зап.-славянские *лютичи* и т. п.). Исключение — южные *уличи* с неясной этимологией. Другие южные племена — *бужане*, *древляне*, *волянские*, *полянские*, *северяне*; *хорваты*; *тиверцы* (или *толковины*). В “Слове о полку Игореве” этноним *русичи* используется в том же значении, что *Русь* в синхронном тексте “Повести временных лет”.

³⁹ **Соловь<ю>.** Один из примеров на склонение мягких *о*-основ по *и*-склонению (ср. вос. *Игорю*, dat. *королеви*, *Игореву*), аналог — лит. *-ius* в слав. заимствованиях (например, в фамилиях на *-čius*).

⁴⁰ **Слав<ю>.** Здесь предпочтительно оставить ц.-слав. форму, так как вероятен рифмоид к *славы*.

⁴¹ **Съвивая (славы оба полы сего времени).** Юго-западный диалектизм: русск. брянск. *свивать* ‘соединять, связывать вместе; привязывать’ [Козырев 1975А].

Вся фраза, кроме общепринятого толкования (напр., “свивая славословия вокруг этого времени” в переводе Р. О. Якобсона), может иметь второй смысл, основанный на дихотомии *старого времени* [. . .] *сего времени* и на втором основном значении *слава* ‘(общественное) мнение’. Словосочетание *оба полы* в данном случае имеет первичное (не наречное) значение ‘обе половины’. Возможен перевод “соединяя обе половины современного мнения”, т. е. “сочетая современные противоположные мнения” (о походе Игоря). Весь отрывок с *О бояне соловію старого времени по Игореві того внуку* имеет амбивалентную синтаксическую структуру. В частности, *а бы* может значить ‘о если бы’, в этом случае безличное *пѣти было* входит в отдельное предложение. Если *а бы* значит ‘если бы’ (или ‘чтобы’), то *бы* относится и к *было* в безличном предложении. Помимо этого, одни дееспричастия могут относиться к *а бы* [. . .] *ущекоталъ*, другие — к *пѣти было*.

⁴² **Рыща**. По-видимому, праслав. *ryskati, параллельное к *riskati: др.-русск. *рыскати* ‘быстро бежать, носиться’ [СРЕЗНЕВСКИЙ].

⁴³ **Въ тропу** ‘по следу, вслед’. *Рыща въ тропу Трояню* ‘мчась вслед за Трояном’. Юго-западный диалектизм. *Въ тропу* — вин. п. от *тропа* ‘след’, ср. синонимичный местн. п. в укр. у *тропі* ‘вслед’ (*у тропі йти, їхати... за ким*): *Ми їхали у тропі за тобою* [Гринченко] *sub тропā*). Ср. укр. *тропā* ‘направление следов, путь (направление)’. *Въ тропу* — образование, параллельное русск. *вслед* (*въ слѣдъ*, вин. п.). Русск. *тропа* — с дальнейшим развитием значения. См. прим. 97, 354.

⁴⁴ **Того вьнуку** ‘потомку Трояна’. Ср. Боян как *Велесовъ вьнукъ* (прим. 48), а также *Дажьбожь вьнукъ* ‘славянин, русский (?)’ и *вьтри* — *Стрибожи вьнуци*).

⁴⁵ **Стады бѣжать** ‘улетают (fugiunt) стаями’. *Стадо* ‘стая’, см. прим. 14.

⁴⁶ **Чи ли** ‘(и)ли’. Юго-западный диалектизм: укр. *чи* ‘ли, или, разве’ [Гринченко; Желеховский 1886] — на Украине отсутствует только в части закарпатских говоров, где в его значении используется *ци* < слав. *сі), белор. (могил.?) *чи* (= ‘ци’, [Носович 1870]) — в говорах других зон в его значении используется *ци* < слав. *ті) и русск. юж., зап., донск., курск., калуж. *чи* ‘ли, или, разве’ [ЭССЯ]. См. прим. 227.

⁴⁷ **Вѣщ<ь>и**. См. прим. 8.

⁴⁸ **Велесовъ**. Восточные славяне (по крайней мере псковские кривичи, новгородские словене, ростово-суздальцы и, возможно, вятичи) знали божество, известное как *Волосъ*. Сохранилась богатая топонимика с основой *Волос-* и производные от этой основы. В частности, *volsъ и образованная от него основа ж. р. *volsynjī отражены в русск. диал. *вѣлос* ‘нечистый дух, черт’ Тул., Вологод., Сев.-Двин.; *волосѣтка* ‘нечистая сила’ Сев.; *Волосожары* Курск., Ворон., Дон., Томск. ‘созвездие Большой Медведицы’ и эвфемистическое преобразованное *ѣлс* ‘леший, черт’ Костром., Ярослав. [СРНГ]; пск. *Волѣсьнѣ* ‘созвездие Малой Медведицы’, *Волѣсанѣ*, *Волѣсьнѣ* ‘созвездие Плеяд’, *Валѣсьнѣ*, *Валѣсьнѣ* ‘созвездие Большой Медведицы’, *Валѣсьнѣ* ‘созвездие Плеяд’, также *Волосыни* у Т. Фенне [ПОС]. С *Волосом* зачастую связывают, с одной стороны, однокоренные вост.-слав. названия червя-волосатика, а с другой — названия нарыва, костоеды. Русск. диал. *вѣлос* (и производные) ‘водяной червь-волосатик’ (говоры всех ареалов, [СРНГ]) — водяные черви рода *Gordius* типа *Nematomorpha* ‘волосатики’. Длина

наших взрослых волосатиков 30–40 см, толщина не превышает 2–5 мм, на вид они напоминают живой конский волос. Вопреки повсеместно распространенному суеверию, для человека они не опасны, так как паразитируют в насекомых. Этимология прозрачна — праслав. *volъsъ ‘волос’. Названия других червеобразных и прочих “хтонических” животных корень *волос-* не содержит, поэтому не стоит искать в волосатике признак змеевидной ипостаси Волоса. Этимология русск. диал. *вѣлосъ*, *вѣлостъ* и т. п. ‘гнойное воспаление, язва, нарыв, незаживающая рана, костоеда (часто связывается с проникновением червя-волосатика)’ (говоры всех ареалов, [СРНГ]), укр. *вѣлосъ* ‘опухоль с нарывом на пальце’ [Гринченко] не ясна, однако и связь болезни “волос” с богом Волосом представляется “кабинетно-этимологической”.

Основа *Волос-* не засвидетельствована в ареале смоленско-полоцких кривичей в Полесье и на Волыни, где, в свою очередь, широко распространены производные от теонима *Перунъ* — в частности русск. диал. *перу́н* ‘гром, молния, гром и молния’ на территории старого расселения славян только в смоленских и соседних ржевских говорах [СРНГ]; укр. *перу́н* [Гринченко], *пéрун* [Желеховский 1886], надднестр. *пéрим* (род. *пéрому*), *пéрин* (род. *пéрону*), *пéринь* (род. *пéроню*), *пéрон*, *пéрум*, *пéрун* [Шило 2008], белор. *пяру́н* ‘гром’. В говорах псковско-кривичского, тверского кривичского, ильменско-словенского и ростово-суздальского происхождения следов основы *Перун-* нет. Это может свидетельствовать о том, что теоним *Перунъ* (вследствие этого и корень *перун-*) был подвергнут табу еще в языческую эпоху. Идол Перуна был установлен Добрыней на новгородском капище Перыни в 980 г. в ходе неоязыческой реформы Владимира, однако нет свидетельств, что прежде там также стояло изображение одноименного божества. *Волосъ* ‘русский языческий “скотий” бог’ упоминается в “Повести временных лет” как объект поклонения княжеской дружины наряду с Перуном, в частности *Да имъемъ клятву отъ бога въ нъже въруемъ Перуна и Волоса бога скотья* [Лавр. лет.: 971 г.] (клятву надо понимать так, что одни клялись Перуном, а другие Волосом). В отличие от Перуна, Волос не был среди шести богов в составе воздвигнутого князем Владимиром в 978 г. пантеона, а находился отдельно на р. Почайне. *Волосъ* (в южнослав. форме *Власъ*) вторично был отождествлен со св. Власием, покровителем домашних и диких животных (подробности см. в [СДЭС, 1: 210–211]).

Теоним *Велесъ* нигде кроме антропонима *Велесовъ* в “Слове” в древних вост.-слав. памятниках письменности не упоминается [Срезневский; СлРЯ XI–XVII]. Вновь он появляется в рукописях XVII в., причем в местностях, где доподлинно известен *Волосъ* (Ростов и Новгород): *Видев же преподобный ту близ прелесть идольскую сущу, в нечестивых душах единаче растущу, не убо бе еще прияли святое крещение, но Чюцкий конец бяше, и покланяхуся идолу Велесу каменну, омрачени бо сердца их деянием бесовским* [Житие Авраамия Ростовского, лл. 9–9об.]; рассказ о грамоте Александра Македонского, данной ильменских словен: *Сии ж князи словено-рустии [. . .] обесиши ю в божницы своей по правую страну идола Велеса* [Хронограф 1679]. Не исключено, что “простонародный” Волос здесь заменен на “культурного” Велеса, о котором было известно из литературной традиции.

Материал по ст.-чеш. *veles* ‘некий злой дух’ собран в работе Р. О. Яковсона [Яковсон 1985: 36]. *Veles* известен из поговорок и проклятий XV–XVI вв.: *Kj*

jest črt, aneb ký veles, aneb ký zmek tě proti mně zbudil? ‘Кой черт, или кой велес, или кой змей настроил тебя против меня?’ (Ткадлеček, XV в.). *Ký veles jím jích našepce!* ‘Кой велес им их (сплетни) нашептывает!’ (Т. Hájek, 1598). В Гуситской молитве 1472 г. прихожане призываются не грешить *u velesa*. В Т. *Rešel*. *Knihá Jezusa Siracha*. Прага, 1571 есть фраза *někam k velesu za moře* ‘кое-куда к велесу за море’; эта же поговорка в виде *někam k velesu pryč na moře* ‘куда подальше к велесу на море (sic!)’ в молитве из г. Замрски (1590). Это слово не обнаружено в современных чешских, моравских и словацких диалектах. См. также [Топоров 1983].

Теоним *Велес* достоверно не засвидетельствован в славянской топонимике и производных: часто цитируемые топонимы, содержащие основу *veles-/velес-*, как правило этимологизируются без привлечения теонима. В частности, д. Велеша Волховского р-на Ленинградской обл., пользующаяся популярностью в спекуляциях на “Велесову” тему, с XVI в. представлена в вариантах *Вельша*, *Вельжа*, *Велиша*, т. е. с диалектными рефлексами ятя. Др.-русск. *Велесь*, сопоставимый со ст.-чеш. *veles*, восходит к слав. *Velesь. Формальная взаимосвязь Велеса и Волоса ограничивается созвучием: второй теоним восходит к праслав. *Volśь.

Таким образом, в *Велесе*, с одной стороны, мы имеем ст.-чешского злого духа, обитающего в море или за морем, с другой — положительного персонажа, пращура Бояна, по-видимому, покровителя песнетворчества, выступающего в функции классического Аполлона. Вероятно, речь идет об архаическом божестве, которому в народе давно уже не поклонялись и которое, с одной стороны, перешло в разряд злых демонов (в Чехии), и с другой — почиталось в узком кругу волхвов, в среде которых сохранялся теоним (в Восточной Славии). Любопытно, что “народные” вост.-слав. божества, имеющие надежные рефлексy в диалектной лексике и ономастике (*Перунь*, *Волось*, *Мокошь*), в “Слове” не упомянуты. Напротив, присутствуют теонимы, которые не имеют явных следов в современных вост.-слав. языках: *Велесь*, *Стрибогъ*, *Дажьбогъ*, *Хърсь*. Исключение представляет только *Дивь* (в “Слове” персонаж, дружеский по отношению к русичам), не входивший во Владимиров пантеон.

⁴⁹ **Буи турь.** Юго-западный диалектизм. Ср. *буйний тур* в укр. народной поэзии [Гординський 1963: 40]. Прилагательное *буи* юго-западный диалектизм, ср. укр. *буий* ‘буйный’ [Гринченко] и в особенности (генерализована краткая форма м. р. прилагательного) белор. (могил.?) *буй*: *Буй вьцерь*. *Буй хлопец*. *Дзэвка буй, дзержи вухо востро* [Носович 1870], в русских говорах не отмечено. Также укр. диал. *З тестем та з тещею жити можна, а через отого клятого буй*, *Грицька, ніяк не можна*. Яворницький I. 56; белор. (могил.?) *буй* ‘неуступчивый, буйан’ [Носович 1870]. В “Слове” регулярно встречаются и его производные *буиство*, *буесть*.

⁵⁰ **На переди.** Северный диалектизм. Из вост.-слав. говоров известно только русск. пск. *напереді* ‘впереди; на будущее; спереди’ [ПОС]. В остальных записях производные от *о*-основы: русск. диал. *напередё* [СРНГ], укр. *наперёді* [Гринченко]. См. прим. 16.

⁵¹ **Свьѣдоми.** Юго-западный диалектизм. Укр. *свідомий* ‘знакомый с чем-л., сведущий в чем-л.’ [Гринченко; Желеховский 1886]. Русск. диал. *сведомый* ‘знающий, сведущий’ только Брянск. [СРНГ]. См. прим. 55.

⁵² **Къмети.** Юго-западный диалектизм. Русск. южн. [Даль] *кметь* ‘парень, крестьянин; земский воин, ратник’ и сев.-вост. укр. *кметь* ‘крестьянин, хлебопашец’ [Гринченко], без перехода *ē > *i*, как в *мед*), зап.-укр. *кміть* (как *мід* [Желеховский 1886]). Ср. брянск. *кметьё* собир. ‘о способных, сметливых людях’ [Козырев 1975А: 98].

⁵³ **Повити.** Юго-западный диалектизм. *Повивати* ‘пеленать’ только в украинском, также ср. причастие: *за горами гори, хмарами повиті* (Т. Шевченко) и в брянских говорах *повивать* ‘пеленать младенца’ [Козырев 1975А: 104]. Менее вероятно вторичное значение ‘воспитаны, выращены’, как в брянских говорах [там же: 99].

⁵⁴ **Кон<ь>ць коп<ь>я** ‘с конца копья’ (букв. ‘на конце копья’). Юго-западный диалектизм. См. прим. 37.

⁵⁵ **Вѣдоми.** Юго-западный диалектизм. Ср. укр. *відомий* ‘известный’, белор. (могил.?) *вѣдѣмый* ‘известный’ [Носович 1870], русск. брянск. *ведѣмый* ‘известный, знакомый’. См. прим. 51.

⁵⁶ **Яругы.** Тюркизм, слово южного ареала. Юго-западный диалектизм: укр. *яруга* ‘лог, овраг’ [Гринченко; Желеховский 1886] и южно-русск., тульск. *яруга* [Даль]. См. прим. 72, 175.

⁵⁷ **Знаем<ѣ>.** Юго-западный диалектизм: укр. *знайомий* [Гринченко], *знаємий* [Желеховский 1886] ‘знакомый (с чем-л.)’; белор. (могил.?) *знаёмый* ‘знакомый; известный’ [Носович 1870]. В сев.-русск. *знаемый* с другим значением: ‘ученый; мудрый’ Онеж. [СРНГ]. См. прим. 67, 137, 239, 306.

⁵⁸ **Напряжени** ‘натянуты’. Северный диалектизм: Ср. русск. диал. *напрягчи* Арх. ‘тянуть, натягивать что-л.’ [СРНГ].

⁵⁹ **Стремень.** Юго-западный диалектизм: укр. диал. *стремін* [Гринченко], *стрѣмень* [Желеховский 1886] ‘стремля’. В русских диалектах отмечено только *стремля, стремено* ср. р. См. прим. 118, 240.

⁶⁰ **Заступаше.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 35.

⁶¹ **Ночь стону<ч>и ему грозою птичь убуди** ‘ночь, угрожая ему своим гулом, разбудила птиц’. По-видимому, *гроза* тут имеет и второй смысл — ‘грозой (громом и молниями)’.

⁶² **Пътичь убуди** ‘птиц разбудила’. Ср. ц.-слав. *пѣтищѣ* ‘птенец’ < *рѣтиѣ, диминутив от **рѣт-* ‘птица’. В “Слове” *пѣтичь* используется в собирательном значении ‘птицы’. См. прим. 252, 297; ср. прим. 366.

⁶³ **Убуди.** Юго-западный диалектизм: укр. *убудіти* ‘разбудить’ [Гринченко]. См. прим. 79, 80, 151, 171.

⁶⁴ **<Въ>зби <ся>** ‘взметнулся’. Юго-западный диалектизм: укр. *збітися* ‘подняться вверх (напр. перед полетом)’ [Гринченко]. Подходит также значение русск. орл. *взбійтсья* ‘прийти в состояние беспокойства, тревоги; встревожиться’ [СОГ]. См. прим. 229.

⁶⁵ **Дивъ.** Юго-западный (?) диалектизм. Ср. укр. *див* в поговорке *Щоб на тебе див прийшов* [Гринченко]; *Див* (устар.) ‘böse Gottheit der Finsternis; Wundertier’ [Желеховский 1886]; также пск. *Див* ‘герой народных сказок, поверий’: *И такой*

этот диф. страховлюдный [ПОС]. Возможно, есть также в брянских говорах, по свидетельству В. Суетенко [1980]. См. прим. 210.

⁶⁶ **Послушати** 'повиноваться'.

⁶⁷ **Незнаемѣ.** Юго-западный диалектизм. Укр. *незнайомий* [Гринченко], *незнаемий* [Желеховский 1886] 'незнакомый'; белор. (могил.?) *незнаёмый* 'незнакомый; неизвестный' [Носович 1870]. В русских говорах только *незнамый* и *незнакомый*. См. прим. 57.

⁶⁸ **Б<ъл>вань.** Юго-западный диалектизм. Укр. *боввѣн* 'идол, кумир, истукан' [Гринченко], 'Götzenbild' [Желеховский 1886]. В белорусских и русских говорах *болвѣн*, *баўвѣн* только в производных значениях.

⁶⁹ **По д<у>б<ь>ю** 'по дубовым рощам'. Юго-западный (?) диалектизм: укр. *дуб'я* 'дубы' [Гринченко]. В издании *по добу*, что может быть опiskeй, но может и отражать корневой вариант с *-ѡ-, представленный в укр. *дѣброва* 'дубрава'. В связи с этим любопытна написанная "бытовым" письмом форма имперфекта *одѣвахъте* (= *одѣвахуть*), которая должна читаться как /одѣвахотъ/, см. прим. 186. Слово *дубие* 'дубы' известно также из тверской берестяной грамоты конца XIII — нач. XIV в., Твер. №5 [Зализняк 2004: 569].

⁷⁰ **Грозу** 'опасность, угроза'.

⁷¹ **Въ<с>с<то>рожать** 'пасут, стерегут (?)', что следует из параллелизма: *уже бо бѣды его пасеть птичь* ≈ *вѣлци грозу възсторожать*. Конъектура требует допущения, что *-тр-* было записано лигатурой и прочитано как *-р-*, а *-оро-* до этого было написано как *-ъро-*, и "слабый ер" не был перенесен в копию. По мнению А. В. Дыбо, "по-видимому, имеется в виду глагол *всрашити* «возбуждать» — в такой форме в церковно-славянских памятниках болгарского происхождения (Назианзин, панд. Антиоха, Иоанн Экзарх, т. е. с неполногласием); *всорошити* — Март. прол., *всорошиться* — «горячиться» Никон. пандекты. Этимология слова: из *vъz-soršiti, ср. *шершавый* [Фасмер]. *-Сро-* скорее указывает на полногласную форму, записанную с первым *ъ* [. . .] Возможно, в почерке копии XVI в., с которой работали издатели XVIII в., буквы *ш* и *ж* были близки по начертанию, ср. аналогичную ошибку *пардуже* вместо *пардуше*" [Дыбо 2006: 59]. Это решение, помимо сильного допущения о смешении *ш* и *ж*, требует еще признания глагола *сорошители лабильным по залого (переходным/непереходным), или реконструкции непереходного *сорошати (3 ед. *сорошить), или утраты издателями выносного *ся* после *вѣлци*.

⁷² **По яругамѣ.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 56, 75.

⁷³ **Брешуть** 'лают'. Юго-западный диалектизм. Зап. и южнорусск. *брехать* 'издавать звуки, кричать (о животных)' Калуж., Дон. [СРНГ], пск. *брехать* 'лаять' [ПОС]; белор. (могил.?) *брехать* 'лаять по-собачьи' [Носович 1870] и укр. *брехати* 'гавкать' [Гринченко], 'bellen, belfern, klaffen [sic] — С. Н.' [Желеховский 1886].

⁷⁴ **Ч<ьрв>лены<и>.** Юго-западный диалектизм. В современных русских говорах не представлено, актуально на юго-западе Украины (*черлѣний* 'гот' [Желеховский 1886]). В "Слове" используется в устойчивых сочетаниях — *чървленишитъ* и *чървлена челька*. См. прим. 81, 92, 93, 110, 266.

⁷⁵ **Д<ъл>гоночь** ‘поздняя ночь’. Ср. русск. смол. *долговечерь* ‘поздний вечер’: *Сидьўя доўгавечирь адинъ* [Добровольский 1914: 176].

⁷⁶ **М<ър>кнеть**. По-видимому, ‘постепенно светлеет’. В памятниках и диалектах это значение *тъꙗꙗꙗꙗ не отмечено. Инхоатив от *тъꙗꙗꙗꙗ/*тъꙗꙗꙗꙗ: русск. *мерцать* ‘слабо сверкать, сиять бледным либо дрожащим светом; проблескивать, просвечивать, играть искорками, переливом, перемежом’ [ДАЛЬ], белор. диал. *мірцаць* ‘свящцць няроўным блескам’ [СБГПЗ], чешск. *mrkati* ‘мерцать, сверкать прерывисто или меняя силу света’. Ночь перед рассветом (*дългоночь*) постепенно светлеет в первых лучах солнца — в отличие от глубокой ночи, когда небо черное, а свет только от луны и звезд.

⁷⁷ **З<о>р<и> свѣтъ запала** ‘запылал свет зари’. Юго-западный диалектизм: укр. *запалати* ‘запылать’ [Гринченко]. См. прим. 32.

⁷⁸ **М<ъ>гла** ‘туман’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 342. Укр. *мгла* ‘туман, Nebel’ [Гринченко; Желеховский 1886]. Русские формы имеют иное значение, в частности пск. *мгла* ‘мокрый холодный туман, мелкий моросящий дождь’, а также ‘туча’ [ПОС]. Ср. наличие в “Слове” также последнего значения (прим. 326).

⁷⁹ **Говоръ галичь убуди <ся>** ‘пробудилось карканье галок’. См. прим. 63.

⁸⁰ **Убуди**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 63.

⁸¹ **Ч<ьрв>леными**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 74.

⁸² **Съ заран<ъ>я**. Юго-западный диалектизм. Укр. *зарання* ‘утреннее время’ [Гринченко], *заране* ‘Morgenfrühe, früher Morgen’ [Желеховский 1886]; белор. (могил.?) *заранне* ‘утро’ [Носович 1870] и русск. диал. *заранне* ‘с утра; очень рано’ Брян. [СРНГ]. В. А. Козырев [1975А: 79] приводит брянск. *зарание* ‘раннее утро’ с ц.-слав. суффиксальным оформлением. См. прим. 134.

⁸³ **Пят<ъ>къ**. Юго-западный (?) диалектизм: русск. диал. *пяток* ‘пятница’ Ворон., Дон. и Брян., также Моск. [СРНГ].

⁸⁴ **Поганы<и> п<ъл>кы полов<ъчьс>кы<и>**. Здесь и далее эпитет *поганъи* используется в общеславянском дохристианском значении ‘иноверец (поэтому нечистый, “поганый”): по всему тексту “Слова” *поганый* не противопоставляется *христианскому*. Лишь в заключительном “внедиалектном” XV фрагменте “Слова” обнаруживается *здрави князи и дружина побарая за христьяны на поганья плъки*. См. сравнительный анализ употребления *поганъи* в “Слове” и в синхронной летописи в [Адрианова-Перетц 1968: 82–83].

⁸⁵ **Р<о>ссуша с<ѣ> стрѣлами** ‘разогнали/рассредоточили их (этих), стреляя по ним из луков’. Юго-западный диалектизм: укр. *розсувати*, *розсунути* ‘раздвигать, рассовывать’; *розсуватися*, *розсунутися* ‘раздвигаться, рассовываться’ [Гринченко], *розсувати*, *розсунути* ‘auseinanderrücken, -stellen; hier- und dahinlegen’ [Желеховский 1886]. Также русск. брянск. *рассунуться* ‘раздвинуться’, также ‘разъединиться (о связке лодок), сделать один залов ярыгой’ [Козырев 1975А: 141]. От сходного глагола *розсути* (наст. вр. *розсъну*, *-съпеть*) ‘рассыпать’ 3 л. мн. ч. сигматического тематического аориста имеет вид *розсъноша*, асигматического — *розсъну*. Предполагать здесь архаическую форму сигматического атематического

аориста *розуша* (встречающуюся, например, в старославянских памятниках в виде *расоуш.а*) вряд ли уместно ввиду отсутствия подобных форм в памятнике.

⁸⁶ **Сѣ** вин. п. мн. ч. м. р. от *си* 'этот'.

⁸⁷ **Помъчаша**. Юго-западный диалектизм: укр. диал. *помчати* 'быстро понести, повезти' [Гринченко]. Более узкие значения у русск. диал. *помчати* 'понести, погнать (ветром)' Киров., 'пугнуть' Алт. [СРНГ].

⁸⁸ **Паволокы**. В украинском фольклоре (см. цитату ниже и в [Плисецкий 1982: 201]), а также русск. сев. и сиб. *паволока* 'ткань, бумажная и шелковая, привозная, дорогая, чем обволакиваются либо одеваются; шелк' Иркут.; 'верх меховой шубы' Олон., Беломор. [СРНГ].

⁸⁹ **Мосты мостити**. Значение *мост* 'гать' отмечено в различных вост.-слав. ареалах: русск. (северное слово) пск. *мост* 'бревенчатый настил через болотистое место' [ПОС]; *мост* 'бревенчатый настил через болотистое место' Сев., Арх.; *мост* 'деревянная мостовая' Арх., Костром., Онеж., Сев., Сиб., Урал. [СРНГ]. В украинском *мџст* 'гать' в говорах Полесья [Лексика Полесья: 175]. Обращает на себя особое внимание сочетание *мости* (мн. ч.!) *мостити* в западноукр. фольклоре — в частности, в песне ([Головацкий 1878, 4: 87], см. ее варианты в [Грушевский 1993–1995, 1], глава "Мотиви обрядової поезії"), в которой одновременно с этим, как и в "Слове", упомянуты *паволоки* и *жемчуга* ж. р.:

Із-під гіренька, із-під соненька
Надіялася свого милого:
Гатила гати — дорогими шати,
Мостила мости жуковинами,
Садила сади все виногради,
Вбирала ліси паволоками,
Сіяла поле дрібнов жемчугов.

Формула *мости мостити*/-ь известна из украинского, полесского, белорусского свадебного фольклора и севернорусских былин [Плисецкий 1982: 186].

⁹⁰ **Грязивымъ**. Юго-западный диалектизм. С этим суффиксом только русск. брянск. *грязі́вий* 'болотистый, топкий' [СБГ], ср. укр. *грязіво* 'грязь' [Гринченко; Желеховский 1886]).

⁹¹ **Узорочьи**. Из совр. диалектов только неподтвержденное *узороцье* Пск. у Даля.

⁹² **Чърв>лень**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 74.

⁹³ **Чърв>лена**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 74.

⁹⁴ **Че>лька**. Здесь "челка стяговая — плат или пелена, полотняная или шелковая, привязываемая к стягу" [Савваитов 1896: 166]. Ср. русск. *чѣлка* 'украшение спереди девичьего праздничного головного убора' Арх. [СРНГ]; укр. закарпатск. *чїлка* 'головной убор засватанной девушки' (Гринч.).

⁹⁵ **Нъ** 'ни', см. [Зализняк 2008а: 260–268].

⁹⁶ **Кречету**. Русск. диал. *крѣчетко*, *крѣчень*, *крѣчат* и т. п. [СРНГ] только в северном фольклоре, обычно чередуется или объединяется с таким же полумифическим *соколом*. Ср. также *крѣтѣтник* 'охотник или служитель при *ловчих*

кречетах' ([Даль], без указания места). Фактически нет оснований полагать, что русский *кречет* обозначает хотя бы где-то определенный вид диких птиц (на Русском Севере он не обитает). Укр. *крéчет* 'кречет (*Falco rusticolus*)' [Гринченко], *кречёт* 'weisser Edelfalke (*Falco candicans*)' [Желеховский 1886] обозначает как дику (на Украине она обычна), так и ловчую птицу.

⁹⁷ **Конъчакъ ему слѣдъ править** 'Кончак направляется вслед за ним'. Два северных диалектизма. *Слѣдъ* — послелог, ср. русск. диал. *след* 'следом, непосредственно за кем-, чем-л.' Пудож. [СРНГ]. Также ср. русск. диал. *прáвить доро́гу* 'идти дорогой, совершать путь' Олон. [СРНГ]. См. прим. 43, 354.

⁹⁸ **Вельми**. Юго-западный диалектизм. Укр. *вѣльми* [Гринченко; Желеховский 1886], южно-русс. брянск. *вѣльми* 'в большой степени, очень' [СБГ], ворон. *вельмо́* 'очень, весьма' [СРНГ] и белор. (могил.?) *вѣльми* 'весьма, очень' [Носович 1870].

⁹⁹ **Повѣдають**. Наряду со значением 'возвещают' возможна игра со значением 'ведут с собой / за собой'. Ср. *поведать* (от *vědati 'вести' — имперфективная основа, аналогичная *lětati) 'вести, отвести куда-л. (коня и т. д.)' Казан. Урал [СРНГ]. См. прим. 359.

¹⁰⁰ **Тучи** 'грозовые тучи'. Юго-западный диалектизм: укр. *ту́ча* 'гроза' или 'грозовая туча' [Гринченко], 'Gewitter, Ungewitter, Sturm, Platzregen' [Желеховский 1886].

¹⁰¹ **Хотять прикрыти** 'вот-вот прикроют', глагол *хотъти* здесь вспомогательный в форме "ближайшего буд. времени". См. прим. 132.

¹⁰² **Приламати**. Юго-западный диалектизм. Ср. белор. (могил.?) *прила́мываць, прилома́ць* [здесь -о- — дань великорусской орфографии] 'приучивать к какой-л. работе или ремеслу' [Носович 1870]. В омонимичном украинском глаголе архаическая огласовка *ламáти* 'ломать', в отличие от сев.- и вост.-русск. *ломать*. См. прим. 36.

¹⁰³ **Потручати**. Юго-западный диалектизм: укр. *потруча́ти* 'потолкать' [Гринченко], в русских говорах *тручати* не записано.

¹⁰⁴ **Тут<ь>неть**. Ср. русск. диал. *тутнать, тутнуть* 'стучать, шуметь, гудеть, зычать' ([Даль], без указания места), с другой основой укр. *дудніти* 'гудеть, греметь, шуметь' [Гринченко], 'dumpfes Geräsch von sich geben; rollen, dröhnen' [Желеховский 1886] с экспрессивной звонкостью (ср. *верещáти/верещáти*) — ср. сущ. *дудон, тутон, тутно́*.

¹⁰⁵ **Рѣкы мутьно текуть**. Ср. близкое по значению и *Двина болот<ь>мь течеть*, прим. 264.

¹⁰⁶ **Пороси**. Юго-западный диалектизм: укр. *пóрох* 'пыль' [Гринченко; Желеховский 1886]; русск. брянск. *пóрѣх* 'пыль' [Козырев 1975а: 105]. В остальных русских говорах производные и специализированные значения [СРНГ].

¹⁰⁷ **Г<оло>голють** 'предвещают недоброе'. Юго-западный диалектизм: русск. брянск. *глаго́лить* 'предвещать' [СБГ]. Глагол имеет ц.-слав. форму, однако может и просто представлять лексикализацию формы с полной редукцией гласного во втором предударном слоге под влиянием ц.-слав. слов (*гълаго́лить* > *глаго́лить*).

Ср. также орл. *голобо́лить* ‘ругаться, браниться, при этом говорить неправду, лгать’ [СОГ]. В псковских говорах глагол имеет значение, сходное с южнославянским: *голобо́лить* ‘говорить, болтать’ [ПОС]. Рефлексы праслав. *golgolъ имеют значения ‘речь, слово’ в южнослав. языках (из них русское ц.-слав. значение), другие значения в зап.-слав. чеш. *hlahol* ‘шум, гам, пение’, слвц. *hlahol* ‘звук, звучание’.

¹⁰⁸ <О>ступиша ‘обступили’. В издании *отступиша*, в котором *от-*, скорее всего, в результате сноса надписного *t* в ошибочном *ѡступиша* вместо *вступиша*.

¹⁰⁹ **Дѣти бѣсови.** Юго-западный диалектизм: укр. *бісові діти* (в ряду *бісів син, бісів батько, бісова худоба* и т. д.), от обычного слова *біс* ‘черт’ [Гринченко]. В русском из этого ряда только *бесово семя* Сарат. и отдаленно пск. *бесова ночлѣжка, бесова хватовиціна* [СРНГ, ПОС]. Самостоятельный *бес* вообще не отмечен, только в идиомах типа *беса ломать, беса тѣшить* и т. п. Калуж., Пск., Вологод., Костром. [СРНГ].

¹¹⁰ **Чѣрв>леными.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 74.

¹¹¹ **Грѣмлешѣ.** Юго-западный диалектизм: укр. *гриматися* ‘сердиться’, *гримотати, -іти* ‘гремять’, *гримнути* ‘загремять’ [Гринченко], *гримати* ‘poltern, derb schlagen’ [Желеховский 1886]. Ср. также белор. (могил.?) *гримнуць* ‘с грохотом приехать, въехать; упасть с грохотом’ [Носович 1870]; русск. пск. *гримнуть* ‘издать громкий отрывистый звук’ [ПОС]. См. прим. 135.

¹¹² **Харалужьными.** Ср. укр. *харалужний* ‘eʃ:ern [железный]’ [Желеховский 1886] — со ссылкой на Ивана Франко. Также *харалужний меч* ([Гринченко] со ссылкой на драматургию П. Кулиша) — не ясно, традиционное ли это сочетание или литературное заимствование (из “Слова”). Устойчивое сочетание *харалужьньми мьчи* вряд ли маркирует диалект соответствующего фрагмента. См. прим. 136, 218.

¹¹³ **Поскочаше** “имперфект сов. вида”. См. прим. 15.

¹¹⁴ **Поскѣпаны.** Юго-западный диалектизм. Укр. *скіпати* ‘колоть, раздроблять в щепы’ [Гринченко]; белор. (могил.?) *скепáць, раскепáць* ‘щепать, колоть’, *скепáцьца, раскепáцьца* ‘колоться, раскалываться; лопаться’ [Носович 1870]; русск. *скепать* ‘расщеплять’ Брян., *скепать* ‘расщеплять’; *скепаться* ‘трескаться, шелушиться (о коже рук)’ Смол. [СРНГ] — ср. *щепать* в прочих русск. говорах. Неясна этимология *скепать* ‘стучать (о дожде, граде)’ Данил. Яросл. 1981 [СРНГ].

¹¹⁵ **Поскѣпаны [. . .] от тебе** ‘расколоты тобою’, конструкция с *от* в инструментальном значении. См. прим. 25.

¹¹⁶ **Коромолу.** Юго-западный диалектизм. Укр. *коромо́ла* ‘крамола, заговор’ [Гринченко]; *коромо́ли* ‘Ránke’ [Желеховский 1886]. См. прим. 127, 154, 168, 274.

¹¹⁷ **Коромолу коваше.** Укр. *коромо́ли кова́ти* ‘Ránke schmieden, spinnen gegen jmdn.’ [Желеховский 1886], также *кува́ти лі́хо, кувáти рече́ недобрї́* [Гринченко]. В русск. говорах такое значение глагола *ковать* не отмечено. См. прим. 155, 168.

¹¹⁸ **Стремень.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 59, 240.

¹¹⁹ **Давьнѣи.** По-видимому, ‘старый (по возрасту)’. Выбор значений из ‘старый (по возрасту)’ и ‘давний, древний’ зависит от решения, о каком из Ярославов здесь идет речь. Юго-западный диалектизм (?). Значение как у русск. брянск. *да́вний, да́вный* ‘достигший глубокой старости’ (укр. *да́вний* и русск. диал. *да́вний*,

да́вный ‘давний, давнишний, древний’ [Гринченко; СРНГ]. Предполагается, что фрагмент *Ярославъ* [. . .] *Володимѣрь* нуждается в изменении порядка слов. Варианты конъектур см. в [СССПИ] и [Чернов 2010: 117].

¹²⁰ **Уши закладаше** (“имперфект совершенного вида”, см. прим. 15, 113, 195, 290) ‘запирал засовы (каждое утро)’, одновременно игра словами — ‘затыкал уши’. Юго-западный (?) диалектизм. В этом случае *закладати* имеет значение в основном южнорусск. глагола *закладать* ‘заделывать, закладывать какое-либо отверстие, дыру’ Южн., Тамб., Калуж. (также Новг., Том.) [СРНГ], откуда ‘закрывать, запирать (с помощью какой-либо задвижки, запора)’ — Курск., Орл. Сочетание *ухи закладати* ‘запирать засовом’ (брян., твер.) значит ‘затыкать проушины’; укр. *закладати* ‘закладывать чем-л. что-либо, за что-л.’ [Гринченко], *закладати вуха* ‘закладывать уши’.

¹²¹ **На судъ приведе** ‘привела к смерти’ — ср. *Братцю моему судъ пришесть* Пис. Влад. Вон., 1096 г. и т. д. [Срезневский]; *ида на суд* ‘умирая’ в звенигородской (на Белке) берестяной грамоте Звен. 2 [Зализняк 2004: 346–347].

¹²² [**инаканину**]. *Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе инаканину зелену паполому постла за обиду Олгову храбра и млада князя*. Речь идет о событии, описанном в Повести временных лет под 1078 г.: Речь же Олегъ к Борисови: *Не ходивъ противу, не можевь стати противу четьремъ княземъ . . . И рече ему Борисъ: Ты готова зри, азъ имъ противенъ вьсмъ . . . Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившася велми*. Обстоятельства и место убийства Бориса, которые могли бы пролить свет на сообщение “Слова”, нам неизвестны.

Паполوما значит ‘погребальное покрывало’. *Слава паполому постла* в целом значит ‘тщеславие совершило похоронный обряд’; ср. *Не постланъ одръ* Фед. Студ. Ост. [Срезневский].

Канинъ м. р. засвидетельствован как топоним — ручей (или овраг? лес?) — где-то близ Чернигова [Лавр. лет.: 1152 г.]: *Гюргеви же идуцю в Русь, пришедь ста у Глухова; и приде къ нему множество половець и Ольговичъ Святославъ, и здумавше вси поидоша к Чернигову, и перешедше Сновъ, и ста у Гуричева близъ города, перешедше Канинъ*. Точное местонахождение не только Канина, но и Гуричева не выяснено. Буквальное прочтение “на Канину зелену паполому постла” допускает две интерпретации:

1) Здесь содержится известный *Канинъ* в местном падеже (это скорее всего притяжательное прилагательное от *каня/Каня*, поэтому окончание местн. п. -у в нем настораживает), а *паполوما* была зеленого цвета. Так как для погребального обряда это необычный цвет, предполагается метафора, *зеленая паполوما* = *зеленая трава*. В другом месте “Слова” Святославу снится, что его хоронят, обернув черной паполумой. Погребальная паполوما расстилалась, на нее клали покойника и потом закрывали его оставшейся тканью. Зеленая трава с трудом представляется в виде савана, в который заворачивают покойника.

2) Топоним был женского рода, и фраза трактуется как “тщеславие постелило паполому на зеленую Канину” (иными словами, совершило над ним погребальный обряд в этой местности). Однако топоним *Канина* ж. р., который должен был бы обозначать что-то вроде луга, неизвестен. Если бы топоним был двусоставным, он бы имел вид *Зеленая Канина*, а не *Канина Зелена*. Даже в случае

простого определения в сочетании с топонимами использовались как правило членные (определенные) формы качественных прилагательных, в “Слове” в этой позиции засвидетельствованы только членные формы. Наричательное существительное “канина” неизвестно. В топонимах типа *Новъ городъ* или *Бело озеро* краткие прилагательные стоят не перед собственными, а перед нарицательными именами. Также возможно толкование “на Канину зелену” как местн. п. дв. ч.

В написании *наканину* находится последовательность букв, которая на каком-то этапе переписывания могла утратить смысл и быть превратно истолкована копиистами, в первую очередь из за сходного начертания букв К, Н и П. Если предположить неверную идентификацию букв переписчиками, то допустимы варианты прочтения этой последовательности — в частности, “. . . на ниву”. Одна из возможных интерпретаций отрывка — и <ка <на ни<в>у зелену наполому постыла, где *ка* — сравнительный союз/частица ‘как, словно, будто’: русск. диал. *ка* Курск., Новг., Калужск. [СРНГ]. Отрывок может быть переведен как “Бориса же Вячеславлича тщеславие на суд привело и на зеленой ниве как будто расстелило [для него] погребальное покрывало [в наказание] за оскорбление, нанесенное Олегу”. Не исключено, что имелась в виду Нежатиная нива в окрестностях Чернигова, где в 1078 г. погиб великий князь Изяслав Ярославич.

¹²³ **За обиду** ‘за несправедливость’ или ‘за несправедливость в отношении . . .’

¹²⁴ **По-л-елѣя** ‘повез’. В “Слове” глагол *лелѣяти* (также с приставками) — только переходный и обычно употребляется в значении ‘нести, доставлять’ (с коннотациями “покачивания” и “на/по воде”). В частности, *полелѣяти* ‘доставить (“меж лошадьми”)), *възлелѣяти* ‘доставить (вверх по течению)’. Ср. русск. диал. *прилелѣться* ‘приплыть (о карабле), причалить’ Ряз., *прилелѣять* ‘принести водой, прибить’ Курск., Нижегород.; *залелѣять* ‘тихо, плавно качая на водах, принести, занести куда-л. (о реке)’ [СРНГ, без указ. места] [СРНГ]. Так же как в значении ‘качать’, этот глагол мог быть как переходным, так и непереходным: русск. диал. *лелеять* ‘приходить’ Орл. [СРНГ]. *Лелѣяти* (*кѣнзя на вѣлнахѣ*) и *взлелѣяти* в значении ‘воспитать (ребенка)’ отражают второе значение — ‘качать’. Непереходная пара — русск. диал. *лелеять* ‘волноваться, плескаться, вздыматься волнами’ Курск., Ворон., Смол., Брян., Ворон., Олон., ‘бурно течь’ Ряз. [СРНГ]; *полелѣять* ‘плескаться, волноваться некоторое время (о воде)’ Белг., ‘бурно потечь (о водных потоках)’ Ряз. [СРНГ]. Еще одно развитие значения в *травку залелеяло* ‘трава зазеленела’ Арх., *залелѣять* травой ‘густо зарости травой’ Тул. [СРНГ]. Ср. остальной диалектный материал, приведенный в [Козырев 1975а: 92–96]. В укр. только *леліяти* в том же значении, что русск. литер. *лелеять* ‘лелеять, нежить (ребенка)’, ср. русск. *полелѣяться* ‘понежиться’ Ворон. [СРНГ]. Слав. редупликационный глагол *leleŭti/*leleŭjati. См. прим. 211, 314, 318, 320, 341.

¹²⁵ **Сѣяшьеть ся**. О фольклорной теме “война как сеяние” см. [Плисецкий 1982: 194–195]. См. прим. 138, 287.

¹²⁶ **Ся [. . .] р<ос>тяшьеть**. Юго-западный (?) диалектизм. Имперфект от *рости* или от *роз-тяти ся* (‘сеялась и разжиналась’, при этом очевидна игра слов). О преимущественно украинском характере глагола *тяти* (прим. 27). В случае истолкования *р<ос>тяшьеть* как имперфекта от *рости* в нем также должна быть реконструирована о-огласовка.

¹²⁷ **К<оро>молахъ.** Юго-западный (?) диалектизм, см. прим. 116.

¹²⁸ **К<ы>кахуть.** Северный диалектизм. Русск. диал. *кíкать* ‘кричать, пону-кать животное, гнать’ Вологод. [СРНГ]. Ср. другое значение укр. *кíкати* ‘куковать’ (прим. 308).

¹²⁹ **Грахуть.** Северный диалектизм, см. прим. 355. Вост-слав. *граяти* (без приставки) достоверно известен только из севернорусских говоров: *граять* ‘гаркать, каркать’ Вят., Вологод., Арх., Новг., Север., Твер., Яросл., ‘кричать’ Яросл., Вологод., ‘громко смеяться, хохотать’ Арх., Олон., Вологод., Новг., Перм. и др. [СРНГ].

¹³⁰ **Труп<ъ>я.** Юго-западный диалектизм. Укр. *труп’я* ед. ч. ‘трупы’ [Гринченко]. В “Слове” форма мн. ч., если только это не позднее исправление из *трупіе*.

¹³¹ **Галиц<ѣ> [. . .] говоряхуть.** В тексте игра слов — галки ‘каркают’ свою речь, см. выше *говоръ галичь* ‘карканье галок’. Ср. брянск. (Трубч.) *говорить* ‘каркать (о галках)’, яросл. (Якушкин) *Галки говорят к дождю* [КОЗЫРЕВ 1975А: 68], арх. *говорить* ‘о крике, щебетанье птиц выражаются, что они говорят’ [ПОДВЫСОЦКИЙ 1885]. Редкое значение глагола, не маркирующее диал. ареалы.

¹³² **Хотять полетѣти** ‘вот-вот полетят’, глагол *хотѣти* как вспомогательный в форме “ближайшего буд. времени”. См. прим. 101.

¹³³ **Уѣд<ъ>е.** Юго-западный (?) диалектизм. Сходно с укр. диал. *уїдище* ‘кормежка’ [Гринченко].

¹³⁴ **Съ заран<ъ>я.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 82.

¹³⁵ **Гримлють.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 111.

¹³⁶ **Харалужьн<а>я.** См. прим. 112.

¹³⁷ **Незнаемѣ.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 57.

¹³⁸ **Земля подъ копыты костыми была посѣяна.** См. о *сѣяти* применительно к битвам прим. 125.

¹³⁹ **Польяна.** Юго-западный диалектизм. Укр. *ляти* ‘лить’ [Гринченко; ЖЕЛЕХОВСКИЙ 1886], также с приставками. В русских говорах известны только производные от этой основы: *ляк* ‘форма для отливки’, *ляло* ‘отверстие, через которое льют воду и т. п.’ [СРНГ]. См. прим. 166, 217, 235.

¹⁴⁰ **Рано пред зорями** ‘утром перед рассветом’. Юго-западный диалектизм: укр. *ра́но* ‘утром’ [Гринченко; ЖЕЛЕХОВСКИЙ 1886], в русск. говорах в этом значении не отмечено.

¹⁴¹ **Заворочаеть.** Северный диалектизм: русск. пск. *заворочать* ‘заставлять вернуться, возвращать’ [ПОС], также *ворочать* ‘возвращать кого-л. куда-л., к чему-л.; заставлять, просить кого-л. вернуться’ в основном в северных говорах: Твер., Новг., Арх., Перм., Барнаул., Куйбыш., Смол., также Орл. Ср. непереходный укр. *ворочати* ‘возвратиться’ и ‘возвращать’ [Гринченко], *ворочати* ‘wenden, kehren’ [ЖЕЛЕХОВСКИЙ 1886].

¹⁴² **Ничить.** Юго-западный диалектизм. Форма глагола *ničati ‘падать навзничь, приникать, наклоняться’ или *ničiti ‘наклонять(ся)’ [ЭССЯ]. Из поздних свидетельств — только укр. XVII в. *ничати* ‘наклоняться’ [ЭССЯ] sub *ničati.

¹⁴³ **Жалощами.** Юго-западный диалектизм: укр. *жа́лощі* ‘скорбь, печаль; соболезнование, сожаление’ [Гринченко; Желеховский 1886], из русских говоров не известно.

¹⁴⁴ **Година въ<с>стала** ‘время настало’. Юго-западный диалектизм: укр. *го́дина* ‘время, пора’ [Гринченко; Желеховский 1886]; белор. (могил.?) *годзі́на* ‘час, говоря неопределенно; время вообще; короткое время, на ожидание определенное’ [Носович 1870]; русск. *годи́на* ‘время, пора’ Курск., Орл. [СРНГ]. См. прим. 232, 299.

¹⁴⁵ **Пустыни.** *Пустынь* или *пустыни* ‘степь, “пустая” (бесплодная) земля’.

¹⁴⁶ **Обида** ‘вражда, междоусобица’.

¹⁴⁷ **Въ силахъ** ‘в войсках’.

¹⁴⁸ **Въ<с>стала обида въ силахъ Дажьбожа вънука** ‘между славянскими/русскими (?) войсками возникла вражда’. См. прим. 44.

¹⁴⁹ **Въсплескала.** Юго-западный диалектизм: русск. диал. *всплеска́ться* ‘начать усиленно плескаться, разбрызгивать воду’ Тул., Курск. [СРНГ], брянск. *восплеска́ться* ‘начать хлопать по воде, всплескивая ее [гуси]’ [СВГ].

¹⁵⁰ **На Синѣмъ морѣ** ‘на Азовском море’ (см. подробно [СССПИ] sub *синий*).

¹⁵¹ **Убуди.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 62. Возможно, что здесь нужно исправление на *упуди*, ср. укр. *упуді́ти* = *умочі́ти* ‘макать, обмакивать’ [Гринченко]. Возможна игра словами с квазиомонимом — укр. *пудити* ‘гнать, пугать’ [Гринченко].

¹⁵² **Жирья** ‘обильные (?)’. Северный (?) диалектизм, см. прим. 167, также 182. Основа *žigъnjъ, параллельная к *žigъnjъ.

¹⁵³ **Усобица къняземъ на поганы<и> погыбе.** Грамматически темное место — при трактовке *погыбе* как ‘прекратилась’ непонятны дат. п. *къняземъ* и вин. п. *на поганыѣ*. Не исключено, что *погыбе* — аорист от **rogy(b)nōti* ‘подвинуть’ (ср. чешск. *rohъvati/pohnouti* ‘двигать/двинуть’, срб.-хрв. *gibati* ‘двигать’), как предположил Л. А. Булаховский [1950: 158].

¹⁵⁴ **К<оро>молу.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 116.

¹⁵⁵ **К<оро>молу ковати.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 117.

¹⁵⁶ **Одалече** ‘далеко’. Именно так, а ‘О! далече’ — второе возможное прочтение. Ср. русск. диал. *одалече* ([Даль], без указания места) = *одаль* [СРНГ]; русск. диал. *одаль*, укр. *одаль* ‘вдали, поодаль’ [СРНГ; Гринченко].

¹⁵⁷ **Крѣсити.** Юго-западный (?) диалектизм. В украинском не известно, русск. диал. *кресі́ти* ‘воскрешать, оживлять’ Тул. [СРНГ].

¹⁵⁸ **Карьна.** Юго-западный диалектизм. Субстантивированное прилагательное, ср. укр. *ка́рний*, *-а* ‘наказуемый, уголовный’, *ка́рність* ‘наказание’ [Гринченко; Желеховский 1886]. Связь этих слов с *карати* ‘качать, наказывать’ подразумевает (“экстравертное”) *карьна* ‘наказание, кара’. Ср. “интравертное” значение у брянск. *ка́рна* ‘(внутреннее) волнение, терзание’: *У меня братец пагин, тѣк я и тяперь плачу па нѣм, карна меня гладаеть па нѣм. Жалею, валнуюсь, тамнуюсь — эта будеть карна, такая карна меня бяреть, скуच्या, валнуюсь, с ума сходим мы,*

матки ж [Козырев 1975А: 102]. Далее русск. *карнуша* ‘одна из болезней–“трясовиц”’ Онеж.; *карнее* ‘скисшее без заквашивания молоко, слитое в кадку на корм скоту’ Арх. [СРНГ].

¹⁵⁹ **Ж<е>ля.** Несомненно *желя*, а не уникальное “жъля”. Ср. русск. устар. *жѣля* ‘жаль, сожаление, печаль, грусть, скорбь’ [Даль], др.-русск. *желя* ‘скорбь, плач, терзание’ [Срезневский]. По-видимому, слово было написано *жъля* с нередким для текста “Слова” графическим тождеством *e = ъ = ѣ*, а при переписывании “непроизносимый” *ерь* был пропущен.

¹⁶⁰ **Смагу** ‘(адское) пламя’ (только [Даль]) и ‘печаль, горесть, нужду’, *смагу мычучи* ‘мыкая горе’ и ‘таща пламя’ — здесь вероятно игра словами и смыслами. Особое внимание надо обратить на *смага* ‘горесть, печаль’ Путивл. Курск., 1886 [украинский говор]; *смагу принимать* ‘терпеть нужду, испытывать неприятности’ Жиздр. Калуж. [СРНГ]. Другие диал. значения слова *смага*, *смагá* вряд ли годятся для интерпретации *смагу мыкати*: русск. диал. ‘осадок (сажа, копоть, черный налет и т. п.) на поверхности дымохода, мундштука трубки и т. п.; темные пятна на лице беременной; чернота, темный цвет чего-л.; сухость во рту, на губах от жажды, усталости, болезни и т. п.; слизь, гнойные образования, белый налет и т. п. на губах, в горле при болезни, от жажды и т. п.; слюна; ушная сера; пыль, грязь’ [СРНГ]; укр. *смага*, *смагá* ‘сухость губ, воспалительный налет на губах от жажды и труда’ [Гринченко], *смага*, *смагá* ‘Streif, Streifen’ [Желеховский 1886].

¹⁶¹ **Мычучи** ‘таща, волоча, принося’, ср. также русск. *горе мыкать*. В издании 1800 г. *смагу мычучи*, однако в Екатерининской копии *смагу людемъ мычучи*. Не ясно, пропущено ли слово в первоиздании, — скорее оно добавлено “для смысла” в Екатерининской копии.

¹⁶² **Въ пламянѣ розѣ** ‘в огненном роге’. Распространенное истолкование фразы *смагу (людемъ) мычучи въ пламянѣ розѣ* как ‘меча на людей греческий огонь’ произвольно. Смысл всего рассказа неоднозначен: “*За нимъ* (вслед за ним?) воскликнула *каръна* (наказание, месть? скорбь?), а по земле поскакала *желя* (скорбь, плач), *мычучи* (которая тащит/мыкает) *смагу* (пламя/горе) в огненном роге (значение?)”.

¹⁶³ **Въсплакаша с<я>**. Юго-западный (?) диалектизм. Ср. русск. брянск. *восплакаться*, *всплакаться* ‘начать сильно, много или безудержно плакать; расплакаться’ [СБГ], ‘заплакать’ фолькл. Тул., Терск., также Арх. [СРНГ].

¹⁶⁴ **Съглядати.** Юго-западный диалектизм. Укр. *зглядáти* ‘взглядывать’, *зглядáти оком* ‘охватить взглядом’ [Гринченко]; русск. брянск. *сглядать* ‘увидеть’, *сглядывать* ‘видеть’ [Козырев 1975А: 137].

¹⁶⁵ **Потрепати** ‘попользоваться’. По-видимому, северный диалектизм, образование от *трепати* ‘приобретать, пользоваться’ (омоним к *трепати* ‘бить, трепать’ — см. прим. 267), отсюда смол. *потрепать* ‘поесть’ [СРНГ]. Наверное, игра с омонимичным *потрепати ‘потрепать’. См. прим. 265, а также *притрепетать* в прим. 173.

¹⁶⁶ **Розл<ь>я ся.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 139.

¹⁶⁷ **Жирина** ‘обильная’. Северный диалектизм, ср. русск. *жирной лес* Пск., *жирное семейство* (пчел) Казан., *жирный свет* Иван. [СРНГ]. Другие значения

в русских говорах [СРНГ] и в украинском: *жірний* 'откормленный, жирный' [Гринченко], *жирний* 'fett, feist' [Желеховский 1886]. Ср. *j*-основу *žigъnjъ в *жирья*. См. прим. 152.

¹⁶⁸ **К<оро>молу коваху.** Юго-западный диалектизм. См. прим. 116, 117.

¹⁶⁹ **Нар<ы>щуче.** Северный (?) диалектизм. Ср. русск. диал. *нарыснуть* 'на-пасть' Сев.-Двин. [СРНГ].

¹⁷⁰ **Лъжу.** *Лъжа* в предполагаемом значении 'распри' известно только из др.-русских памятников неизвестной локализации, однако и в этом случае слово наверное имеет коннотацию 'распри в результате наветов, обмана'. Брянск. *лжа*, с гипотетическим значением 'раздор, несогласие', на которое обратил внимание В. А. Козырев [1975А: 96], по-видимому имеет другое значение, определенное информантом: *Брихня, пиряводы какие зря — эта и есть лжа. Лжа — эта брихня, идет, адин нъ аднаво брешуть, а тога ш и ня было, а ана брешыть* (Трубч.). Пример из этого же Трубчевского р-на, которым В. А. Козырев подтверждает значение *лжа* 'раздор, несогласие': *В доме лжа развелась, бронюцца уси <бранятся из-за взаимной "брехни">. — Авт.> — ср. значение орл. голоболить 'ругаться, браниться, при этом говорить неправду, лгать' [СОГ]. Также пск. Порх. *лжа* 'неправда, обман; ложь' [ПОС] и укр. диал. *лжа* (О. Партицкий), *олжа* (П. Куліш) 'Lüge, Lug, etwas Falsches, Falschheit' [Желеховский 1886].*

¹⁷¹ **Убуди<ста>.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 63.

¹⁷² **Грозою** 'угрозой'.

¹⁷³ **Притрепetail** 'приобрел (?)' и 'устрашил (?)'. В первом значении северный диалектизм — глаголы *притрепати* 'приобрести' и *притрепetailи*, по-видимому, синонимичны, см. прим. 165. Ср. русск. *притрепать* 'принести, добыть' Арх. [СРНГ]. Игра смыслами: *трепetailи* еще 'трепетать', в данном случае "мимо грамматики": *трепetailи* 'трепетать' — непереходный глагол.

¹⁷⁴ **Х<ъл>мы.** Северный диалектизм. В украинских и белорусских говорах отсутствует. В русских говорах *холм, холон* 'холм, кочка, остров на реке и т. д.' Пск., Арх., Костр., Ярослав. [ЭССЯ] sub *xъlmъ.

¹⁷⁵ **Яругы.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 56.

¹⁷⁶ **Озеры.** По-видимому (см. тут же *болота* с регулярным *-а*), это вин. п. мн. ч. от *озерь* м. р., ср. русск. диал. Деулино Ряз. *óзер*, также словацк. диал. *ježer*, словен. *jêzer*, срб.-хрв. *jèzer* [ЭССЯ] sub *ezero.

¹⁷⁷ **Из луку.** Северный диалектизм. В "Слове" представлен род. п. двойственного числа от *lŏka 'изгиб берега', ср. русск. диал. *лукá* 'дорога, огибающая залив' Твер.; 'залив' Твер., Пск., Новг., Урал. [СРНГ]. Помимо "Слова": *Одно лише во всемъ городе церковь Миколы [. . .] осталас, потому что стояла въ луку к морю под гору.* Аз. пов. (Булсл.) 150 (XVII в.) (цит. по [СССПИ]).

¹⁷⁸ **Вихрь.** Как и *вихръ* в "Слове", к *vixъ (о-основа) восходят русск. диал. *вихр, вихор* 'вихрь' Пск., Твер., Петерб., Новг., Вят., Ряз., Калуж., Тул., Курск. [СРНГ] и укр. *віхор* 'вихрь' [Гринченко; Желеховский 1886].

¹⁷⁹ **Выт<ъ>рже.** В современных вост.-слав. диалектах алломорф *търг-*, по-видимому, вытеснен алломорфом *търк-*, см. также прим. 339. Ср. белор. (могил.?)

выторка́ць, вы́торкнуць ‘высовывать’, русск. брянск. (только Трубчевский р-н) *вы́торгну́ть* ‘извлечь, вынуть, вытащить, достать’ [Козырев 1975А: 67] (в [СБГ] отсутствует) и *вы́торнуть* ‘вытолкнуть’ Пск., *вы́торнуться* ‘неожиданно появиться’ Пск., ‘выставиться, обнаружиться’ Петерб., *выторкать* ‘вытеребить, выдергать’ Сев., Пск. [СРНГ] с корневым *-к-*. Ср. этот же корень в укр. *торка́ти, торкну́ти* ‘трогать; толкать’. Так как в Трубчевском р-не записаны только формы с суффиксом *-ну/-не-*, возможна неправильная интерпретация В. А. Козыревым реального *вы́торнути* [vútʲɔɾnʲ-] как [vútʲɔɾfɪn-] под влиянием этимологии. Существовал также корень *тырг-* с близким значением (в частности, в др.-новг. *ся вытьрьгъ* ‘вырвавшись’ [Зализняк 2004: 723]).

¹⁸⁰ **Каю́ть** ‘порицают, ругают’. Юго-западный диалектизм: ср. укр. *ка́яти* ‘jmdm. Vorwürfe machen, Reue empfinden’ [Желеховский 1886]; белор. (могилевск.) *ка́иць* ‘качать’, *пока́иць* ‘покачать’; *ка́инне* ‘наказание, кара’ [Носович 1870]. Также *Старого не бьют, мертвого не кают* [Даль 1879, 1:443]. Специализированное значение у русск. диал. *каять* ‘(перен.) бить’ Олон. [СРНГ]. “В переводах «Слова» вместо «кают» появляются синонимы «корят», «укоряют», «порицают». Со значением, в известной мере близким семантике данных синонимов, — бранить, резко порицать; бранить, ругать, выведывая, добываясь признания; пытаться — слово «каять» употребляют в курско-орловских говорах. В Первом Скородном Золотухинского р. глагол «каять» означает «кого-нибудь придирчиво выспрашивать, выпытывать»; в соседнем районе, Поньровском, нам попалось выражение: «*мы тибѣ ка́йм, а ты ни сказываиши пра́вду усю*» (д. Рудка). «Каять» в смысле «бранить, порицать за что-либо» известно, например, в д. Верхососна (Дросковский р.). Оно в устах отдельных обитателей Орла звучит как синоним слов «бранить, проклинать» [Котков 1958: 23]. Совсем другие значения у русск. диал. *каять* ‘ныть, выпрашивать’ Иркут. [СРНГ]; белор. *ка́иць* ‘говорить’ [Носович 1870], а также южнорусск. *каять* ‘заботиться, воспитывать, жалеть’ [Козырев 1975А: 86–87]. Как эти значения соответствуют основному значению праслав. *kaĵati (и его экспрессивного варианта *xaĵati, русск. *хаять*), остается неясным.

¹⁸¹ **Погрузи́** ‘утопил’ (ср. *погрузиста ся* ‘утонули’). Северный диалектизм: русск. *погрузи́ть* (в воду); урал. *погружа́ть* ‘совершать обряд крещения’ Том., Новосибир., ‘ставить сети, мережи’ Пск. [СРНГ]. В украинском только *гру́знути* ‘вязнуть, увязать’ [Гринченко], ‘ein-, versinken (in e. Sumpf)’ [Желеховский 1886]. См. прим. 204.

¹⁸² **Жи́рь** ‘добро, пожики’, а возможно и ‘человеческие жизни’. Северный (?) диалектизм, ср. русск. пск. *жи́рь* ‘очень много чего-н.’ [ПОС], также брянск. *жи́р* ‘богатство, достаток’ [СБГ] — производное от *жить* (в отличие от *жи́р* ‘жир’). Ср. также северное образование *жи́рньи/жи́рнѣи* ‘обильный’. См. прим. 152, 167.

¹⁸³ **В<ъ> дънѣ́** ‘в водах, внутри’. Юго-западный (?) диалектизм. То же, что (с вторичным окончанием *-у* вместо *-і*) карпатоукр. *удну́* ‘внутри’ [Гринченко; Желеховский 1886; МКЭ].

¹⁸⁴ **Кош<ѣ>ево**. Юго-западный диалектизм, ср. *кошѣи*, см. прим. 236.

¹⁸⁵ **Пони́че**. Ср. русск. *пони́кнуть* ‘пропадать, исчезать’ Курск., *поникло дело* Нижегород. [СРНГ].

¹⁸⁶ **Одѣвах<у>т<ь>** — в издании (и, очевидно, в списке) *одѣвахъте*, т. е. форма в “бытовой” записи, наверное сохранившаяся из протографа. В *одѣвахъте* = /одѣвахоть/ примечательно $\text{ъ} = \text{o}$, которое вряд ли является искажением “ука” (при утрате “рожек” осталось бы *o*), диграфа *ou* (он, как правило, не писался как *ѡ*) или субститутом ъ (вряд ли можно предположить знание писцом относительно позднего болгарского произношения). Эта форма может быть сравнена с *по добію* ‘по дубнякам’ (см. прим. 69) и укр. *дiбрoвa* ‘дубрава’ < позднепраслав. *dǫbrova, где праслав. *o перешло в ареальное *ǫ (как правило *ǫ — рефлекс *o перед слабыми редуцированными: укр. *kit* < *kǫtъ < *kotъ, *nič* < *nǫktъ < *noktъ и т. д.).

¹⁸⁷ **На кроват<и>** — в издании (и, очевидно, в списке) *на кровати*. Не исключено, что это местн. п. от *кровата* ‘кровать’, ср. *Над кроватюю-ту прямо ввели спицки же, А и как весли-то ключи да золотые же* (былина). Печор. [СРНГ sub *кровата*]. В этом случае это второй пример на местн. п. с окончанием *-ы*, как в дат. п. *голови* (в *тяжко ти голови кромь плечю*).

¹⁸⁸ **На кроват<и> тисовѣ.** *Тисова кровать* как устойчивое сочетание известно из русского [СССПИ] и укр. фольклора [Гординский 1963: 40]. Из русской народной поэзии известна также *тесовая кровать*, где эпитет *тесовый* заменил первоначальный эпитет *тисовый* ввиду того, что на территории старого расселения восточных славян тис ягодный растет только на юго-западе Украины и в Беловежской пуще.

¹⁸⁹ **Съ трудѣмь.** *Трудѣ* ‘страдание, мучение; болезнь, недуг’ — эти др.-русс. значения в современных диалектах не отмечены, сохраняется только в производных, см. *трудѣнѣи*, прим. 3.

¹⁹⁰ **Тѣщами тулы** ‘из пустых колчанов’.

¹⁹¹ **Т<ь>л<ь>ковинѣ.** По-видимому, здесь — этноним *тиверцы* (южное восточнославянское племя, упомянутое в “Повести временных лет”). *Толковины* ‘толкователи’ — “кабинетная” этимология, так как толмач, переводчик — др.-русс. *тѣлковѣникъ* [Срезневский]. Образования на *-инѣ*, обозначающие профессии и занятия, из др.-русского языка и из других древних слав. языков практически неизвестны (единственный пример — *воинѣ*). Указание в “Повести временных лет” *Тиверци яже сум толковины* [Лавр. лет.: 907 г.] может просто значить, что у племени было два названия, оба с неясной этимологией. Археологическая культура, считающаяся тиверской, исчезла не позже начала XI в. [Седов 1982: 129–131], поэтому упоминание толковинов-тиверцев в связи с историческим Святославом, возможно, бывавшим в Плеснеске, является анахронизмом. Можно предположить, что “Сон Святослава” — обработанный фольклорный текст, в котором имя Святослав (Всеволодович, после 1116 — 25.07.1194) является субституцией другого имени или принадлежало другому персонажу. Не исключено, что в предании имеется в виду Святослав Игоревич (942–972), при жизни которого тиверцы еще жили в Южной Руси. Архаичность языка “Сна Святослава” подтверждает его древность.

¹⁹² **Нѣгують мя.** В “Слове” переходный глагол. Ср. развитие этого значения в русск. брянск. *неговать* ‘баловать’ (перех.): *Уш так негують малышика и matka, и батька . . .* [КОЗЫРЕВ 1975А: 98]. Также сев. *негованьѣ* ‘содержание в неге, заботе’ Сев.-Двин. [СРНГ]. У Даля *нѣговать* ‘нежить, баловать; содержать в неге, беречь,

холить, лелеять' без указания места. В украинском не отмечено. Презенс в ряду имперфектов (*ньгують*) означает 'одевали [. . .] лили [. . .] сыпали [. . .] (а теперь) ласкают'. Есть соответствующий непереходный глагол: русск. диал. *неговать* 'наслаждаться собой, лаской, заботой' Вологод. [СРНГ], также брянск. *неговать* [КОЗЫРЕВ 1975А].

¹⁹³ **Без кн<е>с<е>** 'без верхнего продольного (князевого) бревна, к которому прикрепляются концы досок кровли'. По форме юго-западный диалектизм. Рефлекс праслав. *кпесь [род. п. *кпѣса* — по-видимому, субститут род. п. консонантной основы *кнесе] 'потолочная балка или верхнее бревно крыши' (корректное германское соответствие в [ФАСМЕР] sub *князѣк*, и.-е. праформа *кнес-). На то, что в "Слове" речь идет именно о князевом бревне (князевой слеги, коньке — если крыша была двускатной) или о верхней матице (если крыша четырехскатная), а не об охлупне (шеломе), указывает форма *въ теремь*, а не *на теремь*, как было бы сказано о гребне крыши; рассказчик увидел отсутствие кнеса — отсутствие охлупня он бы не заметил. Охлупень в строениях с двускатной крышей укладывается на вершину, прикрепляется к князевому бревну и прижимает верхние концы тесаной кровли, а в южнорусской хате прижимает кровельную солому, и таким образом не находится внутри строения — в отличие от князевого бревна. В "Слове", брянских и смоленских говорах форма с архаической фонетикой, в других ареалах ее заменило вторичное *князь*. В русск. юго-зап. говорах *кнесь* и вторичное *князь* имеют значение 'потолочная балка': смол. *На кнѣсе усѣ дѣски пѣталкѣ лижѣтъ* [1975а: 27]; Рославск. Смол. [СРНГ] *князь* 'основная балка, поддерживающая потолочный настил, матица'; смол. *князь* 'перекладина в избе' [Добровольский 1914]; брянск. *кнесь* в *Крепка пѣ кнису тикѣтъ* [КОЗЫРЕВ 1975А: 91] [неясное значение — 'верхняя матица' (как в смоленских говорах)? 'конек, князек' (как в северных говорах)?]. В северных, центральных и восточных русских говорах *князь*, *кнезь*, *князѣк*, *кнѣзик* имеют значения 'верхнее продольное бревно, к которому прикрепляются концы досок крыши' и 'бревно, которое кладется на князевое с целью удержания досок крыши, охлупень; гребень двускатной крыши': Яросл., Белоз., Вологод., Олон., Арх., Костр., Ленингр., Север., Кимр., Моск., Ряз., Пенз., Тамб., Ворон., Липец., Дон., Перм., Орл., Калуж. [СРНГ]; пск. (Опочецкий р-н) *князѣк*, *князѣц* 'гребень двускатной крыши, конек' [ПОС]. Об обрядовой семантике фразы *дѣски без кнѣса* см. [АЛЕКСЕЕВ 1950].

¹⁹⁴ **Б<усо>в<ѣ> в<оро>н<ѣ>** (в списке, по-видимому, перестановлены *о* и *у*). Ср. *веремя Бусово*. Вряд ли имеет смысл исправлять на *бусыѣ вороны*.

¹⁹⁵ **Възгряяху**. Форма "имперфекта сов. вида" (см. прим. 15, 113, 120, 290). Юго-западный диалектизм, ср. брянск. *возгряяться* 'начать каркать (о вороне)' [СБГ]. Беспрефиксальный глагол *гряяти* известен только из северных русских говоров [ЭССЯ], см. прим. 129.

¹⁹⁶ **На болони** 'на выгоне'. Юго-западный диалектизм. Ср. белор. (могил.?) *болонь* 'обширное, открытое ровное место при селении, или в поле, поляна' [Носович 1870], укр. *оболонь* [Гринченко], *оболонь* [Желеховский 1886] 'низменное луговое пространство' (с вторичным префиксом *о-), также *болонѣ* 'Blachfeld, Ebene; Au, Trift, Weide' [Желеховский 1886]. Ср. специализированное значение русск. диал. *болонь* 'низкое, болотистое место, болотце' Смол. [СРНГ].

¹⁹⁷ **Бѣшадебрькисаню.** Фрагмент переписан с искажениями и, возможно, не полностью, поэтому разумной дешифровке он едва поддается. Очевидно, что это место было целиком непонятно копиисту, поэтому он копировал элементы букв, идентифицируя их по своему разумению. Существуют многочисленные варианты неправильного прочтения букв на каком-то этапе копирования (и, соответственно, возможности подбора разумного чтения).

Йосип Гронский предположил, что “дебрь Кисаня” соответствует топониму *Дебра Куцинова* (близ исторического Плеснеска), известному из иосифлянских метрик XVIII в. — он же в документах XIX в. *Кицарки, поле Кицарки, сіножать Кицирѣвка, пасовицько Козарки* [Гронський 2005: 33]. Фонетика этих украинских топонимов не позволяет отождествить их с гипотетическим “дебрь Кисаня” в “Слове”. Еще менее вероятно сравнение в указанной работе (вслед за В. Щуратом) топонима “Кысаня” с *Кісьова долина* (принадлежащая семье *Кісь* или *Кісяй* согласнo метрикам). Распространено также толкование *дебрькисаню* как *дѣбрь(с)кы сани* ‘болотные (лесные, овражные, адские . . .) змеи/сани’. В частности, А. Ю. Чернов (личное сообщение) предлагает перевод: “Всю ночь, с вечера, Бусовы вороны принимались грать у Плеснеска в долине, — адовым (*дебрь<с>к<ы>*, нар.) этим граем отпевали (<n>ъша) Саню (змею) и несли ее (*несоша ю*) к синему морю”. Чтение *дебрькисаню* как *дѣбрь(с)кы сани* ‘болотные (лесные, адские . . .) змеи’ с двумя конъектурами и сравнение *сани* с др.-русск. *сань* ‘змея’ сомнительно. Др.-русск. *сань* (реально написано *санѣ!*) есть только в следующем контексте: *На змя на санѣ бѣзаяуци на змя на санѣ лоукавоюу* (Ис. XVIII. 1. Парем. 1271 г.) [Срезневский]. В обоих случаях сочетание *на змя на санѣ* соответствует греч. ἐπὶ τὸν δράκοντα ‘на дракона’. При этом *санѣ*, хотя и неправильно написан с ером на конце, сочетается с прилагательным женского рода (*на змя на санѣ лоукавоюу*). Можно предполагать или чрезвычайную редкость и диалектность этого др.-русского слова, или то, что слово находилось в протографе, писанном одноеровым письмом. В форме ед. ч. слово есть только в чешском и словацком языках: *сай* ‘дракон, змей’. В других языках это слово в значении ‘змея’ не отмечено, но общеизвестно в рефлексах праслав. *sani ‘сани’, *sapъka ‘полос саней’.

В почерках XIII–XVI вв. “беглый полуустав” буква А с узкой петлей может быть принята за Л (Λ) и наоборот (см. ниже *несошлю* вместо кажущегося несомненным *несоша ю*), А с широкой петлей и коротким штрихом — за О. Буквы А и Λ бывают трудноразличимы. Буквы Н и И пишутся с разным наклоном черты и иногда с трудом различаются, также Н, И могут быть прочитаны на месте К (если К — цельная буква). Могут смешиваться П, Б и прямоугольное В (без срединной черты). Буква К обычно состоит из I и отдельно стоящего “ломаного” С (<), буква Ы также пишется отдельно как Ъ + I или Ъ + I. Иногда Ю пишется отдельно как I + O, оно может быть спутано с IA (с сочетанием двух букв и с йотированным А), IE (сочетанием букв) и IЕ. В протографе “Слова” любая буква из набора Е, Ъ, Ь могла быть написана в соответствии с этимологическими *e*, *ъ* и *ь*; Ъ мог соответствовать этимологическому *o*, О — этимологическому *ъ* [Дыбо 2006: 429]. Эта черта “бытовой графики” сохранилась (хоть и в небольшом количестве) в дошедшем до нас списке. При копировании писец XV–XVII в. заменял *гы, кы, хы* на *ги, ки, хи* и пропускал Ъ, Ь, которые считал непроизносимыми. Поэтому, например, . . . ДЕБРЬКИСАНОЮ . . . может быть копией с . . . ДЕБРЬКИЛИЮ . . . —

различно неясное *бѣша дѣь брысили ю* (есть только др.-русск. глагол *брысати* ‘вытирать’).

Ближе к тексту чтение . . . ДЕПРЬКЫСАНОЮ . . . — здесь различимо вполне разумное *бѣша дѣь <n>р<e>кы* (или *<ne>р<e>кы*, если первый “немой” Ъ был пропущен копиистом) *Саню*. Ср. др.-русск. наречие *перекы* ‘поперек, наперерез, навстречу’ ([Ипат. лет.]: *перекы* 4× 1147 г., 1157 г., 1195, *перекъ* 1185 г.; в [Лавр. лет.] *перекы* отсутствует), в ц.-слав. форме *прекы* — предлог с дат. п. ‘поперек, наперерез и т. п.’ (*прекы* [Ипат. лет.: 988 г.]; *прекі* [Лавр. лет.: 988 г.]). Стоит отметить, что именно Ипатьевский список “Повести временных лет” имеет систему склонения, сходную с системой “Слова” (§ 2.2.3.2). Ср. русск. *пéрек* (предлог) ‘поперек’: *Не становись мне перек дороги* Смол. [?], Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ]. Дат. п. *Саню* — ср. укр. *Сян*, польск. *San*, др.-русск. (“Повесть временных лет”) *Санъ*, местн. п. на *Сану* ‘река Сан’; ввиду вариативности *Сан* и *Сян* возможен и вариант *Сань. Не исключено, что в рукописи ошибочное *Саню* вместо *Сяну*. Предлагаемое прочтение требует только одной нетривиальной конъектуры: *n* вместо *b* в издании, ср. сходную замену *времены* вместо *бремены*.

И несош<a> ю ‘и несли ее (?)’ (? *дебрькисаню*). *Несошлю* в копиях “Слова”, вероятно, должно читаться как *несоша ю* (во многих почерках XV–XVI вв. “аз” пишется с очень узкой петлей и мог быть легко спутан издателями с “люди”). Впрочем, и *ю* может быть неправильно прочитанным *ся*, так как наверное было выносим с, а выносное *с* было прочитано как *ю* под влиянием ложного согласования с *-саню*. Впрочем, и небрежно написанное *СА* могло быть считано как *Ю*. По-видимому, здесь *несоша ся* надо переводить как ‘летели’, ср. др.-русск. *нести ся* ‘двигаться, устремляться’ [СлРЯ XII–XVII].

Одно из кажущихся осмысленными прочтений всего “темного места” — *Б<усо>ви в<оро>ни [. . .] бѣша дѣь пр<e>кы* (или *п<ере>к<ы>*) *Саню и несоша <ся> къ Си<n>ему морю* ‘Говорили, что вороны Буса из-за Сана направлялись к Азовскому морю’. Если же предположить существование неподтвержденного “болота Кисани” у Плеснеска, то текст сможет выглядеть следующим образом (требуется палеографически нетривиальное исправление окончания в *Кисаню*): *Б<усо>ви в<оро>ни [. . .] бѣша дѣь бр<ь> К<ы>сан<и> и несоша <ся> къ Син<ю>му морю* ‘Вороны Буса [. . .] были (жили) в дебри Кысань, а направлялись к Азовскому морю’. Здесь беспредложный местн. п. *дѣь бр<ь>* от *ja*-основы *дѣьja с диалектным отвердением мягкого *-р’* перед *-а-*, как в укр. надднестровск. *дѣбра* (ср. мн. ч. *дѣбри*) ‘болото, трясовина’ [Шило 2008].

¹⁹⁸ **Полонила.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 28.

¹⁹⁹ **Крыльца** ‘крылышки’. Юго-западный диалектизм: укр. *крыльце́* (уменьш.) ‘крыло’ [Гринченко]; русск. брянск. *крыльце* id. [Козырев 1975А: 92].

²⁰⁰ **Припѣшали.** В “Слове” переходный глагол, в отличие от русск. диал. непереходного глагола: *припѣшитъ* ‘устать (от ходьбы, бега), умориться’. Смол.; *Не припешили ль его скоры ноженьки?* (песня). Пск. *Лошадь припешила*. Орл. [СРНГ], ср. укр. *припѣшати* ‘сделаться пешим, утратив лошадей и волов, а затем и вообще обеднеть’.

²⁰¹ **Путины.** Северный диалектизм. Ср. русск. диал. *путины* ‘пути’ Беломор. (другие значения слова *путина* также северные — Вологод., Беломор.; [СРНГ]).

²⁰² **Ся поволокоста.** Юго-западный диалектизм. Может быть поставлено в прямую связь с брянск. *поволочиться* ‘покрыться (облаками, о небе)’ [Козырев 1975А: 104].

²⁰³ **Ся [...] и въ морѣ погрузиста** ‘и утонули в море’. *Погрузиста* — северный диалектизм, см. прим. 181.

²⁰⁴ **Буиство** ‘смелость, дерзость’. Здесь возможна игра со вторым др.-русск. значением *буиство* ‘невежество, глупость’. Юго-западный диалектизм, так как производное от *буи* ‘смелый’, прим. 49.

²⁰⁵ **Буиство подаст<а>** ‘возбудили дерзость’. Ср. *Сълучающая ся бѣды Египтови и въ Мурѣ мятежъ подадать* Изв. XXX.5, Упырь Лихой [Срезневский].

²⁰⁶ **И въ морѣ погрузиста и великое буиство подаст<а> х<ы>нов<ѣ>.** Эти две строчки логически должны находиться после *тьмою ся поволокоста*, но в издании (и, по всей видимости, в рукописи) находятся после *аки пардуже гнѣздо*. Скорее всего, строка была написана не на должном месте. Подавляющее большинство исследователей справедливо считает перестановку строк ошибкой переписчика. По предположению А. Ю. Чернова [2010: 414], здесь представлен поэтический прием, напоминающий скальдический тмесис (переплетение предложений). Гипотеза А. Ю. Чернова опровергается отсутствием частицы *ся* (должно быть *ся* [...] *погрузиста*), которая обнаруживается в *тьмою ся поволокоста* (общая частица при однородных глаголах). Автор “Слова”, несмотря на “тмесис”, из соображений элементарной грамматичности должен был сказать *и въ море ся погрузиста* (такое же мнение в [Дыбо 2010Б: 62]).

²⁰⁷ **Парѣдуже.** Притяжательное прилагательное от *пардужь, формы, параллельной более обычной *пардусь*. Южная реалия (охотничий гепард), однако диалектным маркером не являющаяся.

²⁰⁸ **Ну<ж>а.** Юго-западный (?) диалектизм. Точное значение *нужа* в “Слове” неизвестно, однако оно кажется более близким к белор. (могил.?) *ну́жа* ‘недостаток продовольствия’ [Носович 1870], укр. *ну́жа* ‘вши, блохи’ [Гринченко; Желеховский 1886], калуж. *ну́жа* ‘зуд’ [СРНГ]. В северных русских говорах *ну́жа* ‘нужда’ [СРНГ].

²⁰⁹ **В<ѣр>же с<я>.** Юго-западный диалектизм, укр. *вѣргнути*, *вѣргти* [Гринченко], *верѣчи* [Желеховский 1886], ‘бросать, кидать’. В русских говорах с морфологической перестройкой: *вѣржеть* ‘забросить, закинуть’ Шадр. Перм., Бирюков [СРНГ], далее *вѣржить* ‘бросаться в глаза’ [СРНГ]. Непрямое соответствие с брян. *вѣргнуться* (< *въвѣргнути ся) ‘броситься, кинуться, прыгнуть в реку, в омут’ [СБГ]. См. прим. 255, 277.

²¹⁰ **Дивѣ.** Юго-западный (?) диалектизм, см. прим. 65.

²¹¹ **Лелѣють м<ѣ>сть Шароканю.** Букв. ‘лелеют (пестуют) месть за Шарокана’, о развитии значения *лелѣяти* ‘качать > воспитывать’ см. прим. 124.

²¹² **Жадъни.** Юго-западный диалектизм: укр. *жадний* ‘желающий, жаждущий’ [Гринченко], ‘*begierig nach etwas*’ [Желеховский 1886]; в русских говорах в этом значении не отмечено.

²¹³ **Изрони.** Юго-западный (?) диалектизм: укр. *зроніти* ‘дать упасть, уронить’ [Гринченко; Желеховский 1886]; белор. (могил.?) *зронивацьца*, *зроніцьца*

‘рождать преждевременно мертвого; терять, ронять’. Однако есть редкое русск. диал. *изронять* ‘обронить, выронить’ Вологод., 1902 [СРНГ]. См. прим. 269.

²¹⁴ **Злато**. Здесь можно предполагать неполногласие в оригинале “Слова”, так как прослеживается рифмоид *Святославъ — злато слово*.

²¹⁵ **Сыновь<ц>а** ‘племянники (сыновья брата)’. Юго-западный диалектизм: укр. *синовець* [Гринченко], ‘племянник’, *синовець* ‘des Bruders Sohn’ [Желеховский 1886].

²¹⁶ **Цвѣлити**. Юго-западный диалектизм: укр. *цвіліти* ‘стегать, хлестать’ [Гринченко; Желеховский 1886], в русских говорах это значение не записано.

²¹⁷ **Полъ<ь>ясте** — *по-* в издании 1800 г., но *про-* в Екатерининской копии. Не исключено, что в последней *-р-* добавлено копиистом, ср. русск. диал. *полить* ‘налить’ Свердл. [СРНГ]. Юго-западный диалектизм, см. прим. 139.

²¹⁸ **Въ жестоц<ѣ>м<ъ> харалузѣ съкована а въ буести закалена** ‘выкованы из прочного харалуга и закалены в храбрости’. В этой фразе вызывает сомнение перевод *въ харалузѣ* как ‘из харалуга’, ср. *съковати* ‘оковать’ в *И брусь дубовѣ обьсивѣ на ужищѣ посреди ихъ поперекъ, и конецъ его обручемъ желльзнымъ скова* (XVI в.) [Львов. лет. 1: 302]. Вариант перевода — ‘окованы крепким харалугом’. См. *харалужьнѣи*, прим. 112. Трактовка в данном отрывке слова *жестокѣй* как ‘горячий’ сомнительна. Одно из значений *жестокѣй* в брянских говорах — ‘горячее, имеющее высокую температуру (тело)’, приводится только один пример, в котором *жестокѣй* относится к неодушевленному предмету: *А тохвѣм зѣтапѣть — тѣк да вечера печька жастокѣя будеть, духу многа ат яго* [Козырев 1976: 96–97]. Если исходить из “брянского” значения, *въ жестоцемъ харалузѣ съкована* значит ‘выкованы в горячей печи’, что не соответствует традиционной трактовке *харалуг* как ‘разновидность стали’.

²¹⁹ **Въ буести**. Юго-западный диалектизм, так как содержит семантику прилагательного *буи-*, см. прим. 49. В русских говорах *буестъ* ‘отвага, удаль’ с локализацией известно только из вторичных говоров: Юж.-Сиб., Енис. [СРНГ].

²²⁰ **Съ могуты**. Скорее всего, не связано с восточными апеллятивами и значит ‘силачи, богатыри’. Ср. северное русск. диал. *могут* ‘силач, богатырь; сильный, рослый человек’ Пск., Новг., Печер. [СРНГ], *могутай* ‘силач, богатырь’ Осташк. Твер., Пск. [СРНГ].

²²¹ **Съ шельбиры**. Так как здесь речь идет о войске весьма пестрого состава, то вероятно сравнение с укр. *шалъвіра, шаливіра* ‘мошенник’, вторично сближаемым с производными от *шалити*, но на самом деле восходящим к польск. *szalbierz* ‘обманщик, мошенник, отъявленный, одиозный’, которое в свою очередь заимствовано из ср.-нем. *schalcbære* ‘коварный, свирепый’ ([ФАСМЕР] *sub шельбиры*). Точное время перехода *sch* > /š/ в восточных говорах ср.-в.-нем. языка не известно, при этом польским /š/ могло быть передано и нем. /šx/ или /sx/. О древности заимствования говорит переход *ie* > *i* в украинском. Следовательно, слово могло бытовать в староукраинском языке XII–XIII вв., а *-и-* в форме из “Слова” свидетельствует о переходе *ie* > *i* в части староукр. говоров. “Восточные” этимологии менее приемлемы, ср. [СССПИ].

²²² **Съ засапожьники.** Северный (?) диалектизм. Отмечено только русск. *засапожьник* 'короткий нож, который кладется за голенище сапога' Сев., Арх., Сиб. [СРНГ].

²²³ **Клик<ъ>мь** 'окликом, вызовом', ср. прим. 260.

²²⁴ **Пре<е>реднюю** 'прежнюю'. Юго-западный (?) диалектизм: укр. *перёдній* 'прежний' [Гринченко], *перёдний* 'früher, vorig' [Желеховский 1886], также русск. — в переселенческих южнорусских (?) говорах: ср. и нижн. теч. р. Урал *передний* 'предыдущий, бывший перед этим' [СРНГ]. Антоним к *задний* 'будущий' (здесь же).

²²⁵ **Пох<ы>тимъ** 'поддержим, подхватим'.

²²⁶ **Заднюю с<и> сами подѣлимъ** 'будущую сами между собою поделим'. Форма *ся*, возможно, ошибочно написана (или восстановлена из выносного *с*) из-за недопонимания смысла фразы, и можно восстановить здесь *си* 'себе': *си сами* 'сами себе, сами между собою'. В этом случае нет необходимости считать форму *заднюю* ошибочной вместо *заднею или считать ее диалектным творительным падежом (ср. русск. диал. *палкуй, грязюй*).

²²⁷ **А чи** 'а разве'. Юго-западный диалектизм, см. прим. 46.

²²⁸ **Коли соколь въ мыт<ъ>хъ бываетъ** 'если сокол взрослый (после нескольких линек)'. *Мыть* — юго-западный диалектизм, соответствует брянск. *мыть* 'выпадение перьев (у птиц при линьке)': *У кажнѣй птичьки када мыть, кагда аперение, што куры, то и птицы, усе перебаливают* [Козырев 1975А: 96–97]. О *мыть* в ловчей терминологии см. подробно в [СССПИ]. С русск. диал. *мыть*, укр. *мить* 'болезнь лошадей' [СРНГ; Гринченко] связано опосредованно.

²²⁹ **Възбиваетъ** 'гонит вверху'. Юго-западный диалектизм, ср. укр. *збивати, збіти*: *збіти бучу* 'поднять шум, скандал, тревогу', *збіти крилами* 'захлопать крыльями' [Гринченко]. См. прим. 64.

²³⁰ **Нъ се зъло ми [. . .] неспособ<ъ>е** 'но это для меня — серьезное неудобство'. Ср. русск. Олон. *неспособный* 'такой, который не подходит, не годится для чего-л.' [СРНГ].

²³¹ **На нич<ъ> ся години обратиша** 'времена/судьбы вывернулись наизнанку'. Здесь, по-видимому, игра др.-русск. [Срезневский] значениями *години* 'времена' и *години* 'судьбы'. Имеется в виду, что бывшие побежденные теперь становятся победителями. Северный диалектизм: русск. диал. *ничь* 'изнанка' Казан., *наничь* 'наизнанку' Пск., Твер., Костром., Новг., Киров., так же Влад. (sub *ничь*); 'не так как следует, наоборот' Костром. [СРНГ]; пск. *наныч, наныц* 'изнанка', *наничью, наничью* 'изнаночной стороной наружу', *нананичь* 'обратная лицевой стороны изделия, изнанка' [ПОС]. Одновременно *на ничь* может содержать *ничь* 'ничто', и фраза может быть переведена как 'времена/судьбы превратились в ничто'.

²³² **Години.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 144.

²³³ **У Римъ.** Топоним в летописях представлен в двух вариантах: 1) *Римовъ*: *И идѡхом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе — избихом я, а другия поимахом*. Поуч. Вл. Моном. (впрочем, здесь за *Римовъ* может передавать *за Римъвъ, вин. п. от *Римы* ж. р.), 161. 2) *Римъ* (*и*-основа) или *Римы* (*й*-основа: дат. ед. *Римови*

или *Римъви; римовичи* или *римъвичи*), и корень *Рим-*: *То слышавше половци, и возвратишася от Переяслава. Идуци же мимо приступиша к Римови. Римовичи же затворишася в городъ. [. . .] да которъи же гражанъ выидоша изъ града, и бяхуться ходяще по Римьскому болоту, то тъи избыша плъна [Ипат. лет.: 1185 г.]. В “Слове”, судя по форме род. п. мн. ч., топоним имеет вид *Рими* м. или *Римы* ж. р.*

²³⁴ **Р<о>скропоти.** Юго-западный диалектизм: русск. брянск. *раскропѣть* ‘окропляя что-то, разбрызгать всю жидкость’ [СРНГ], ‘расплескать’ [Козырев 1975А: 195]. Также *раскроплять, раскропить воду, уксус* ‘брызгая, окропляя что, извести, разбрызгать весь запас жидкости’ ([Даль], без указания места).

²³⁵ **Выльяти.** Юго-западный диалектизм, прим. 139.

²³⁶ **Кош<ѣ>и** ‘пленник, невольник, раб, слуга’. Тюркизм, юго-западный диалектизм. Отмечено в брянских говорах: *Слуги, работники, тѣх ых тады кашизями звали. Слуги у богатых прислужывѣли им, кашизями нѣзывали, у богатых жыли* [Козырев 1975А: 91]. См. прим. 184, 246.

²³⁷ **Буи** ‘смелый’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²³⁸ **Не ваю ли** <.....>. Как верно предполагает А. В. Дыбо [2010б: 63], здесь пропущены слово *были* ‘баяре’ и какое-то определение к нему — слово *были* могло быть принято копиистом за глагольную форму и сочтено плеонастическим (*были [. . .] плаваша*).

²³⁹ **Незнаемѣ.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 57.

²⁴⁰ **Стремен<и>.** Здесь по смыслу необходимо дв. ч., по-видимому, *стремень* в списке вместо *стремени*. См. прим. 59, 118.

²⁴¹ **Бу<я>го.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²⁴² **Затворивъ Дунаю ворота** ‘закрыв проход к Дунаю’. Видимо, кроме общего значения ‘проход’, *ворота* здесь обозначает Ворітський (русск. *Верецкий*, в мадьяризированной форме) перевал, основной переход через Украинские Карпаты.

²⁴³ **Меча <б>ремены чрез облак<ы>**, букв. ‘навьючивая на облака переметные сумы (с товарами)’. Форма <б>ремены отражает основу *беремен-* м. р. либо является не винительным, а творительным падежом.

²⁴⁴ **Суды рядя до Дуная** ‘отправляя (снаряжая) суда (по Тисе) до Дуная’.

²⁴⁵ **Грозы тво<и>** ‘ужас от тебя’.

²⁴⁶ **Кошѣя.** В этом фрагменте вряд ли значит ‘невольник, слуга’, скорее значение близко к первоначальному тюркскому, вероятно просто ‘кочевник’ (с пейоративным оттенком). См. прим. 236.

²⁴⁷ **Бу<я>го.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²⁴⁸ **Буи.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²⁴⁹ **Высоко плавае<та>**. Не окказиональная метафора, ср. ‘плыть’ об облаках, птицах во всех слав. языках.

²⁵⁰ **Въ буести.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²⁵¹ **Ширяя ся.** Юго-западный диалектизм: укр. *ширяти* ‘парить, реять’ [Гринченко; Желеховский 1886].

²⁵² **Пѣти<ч>у.** Дат. п. ед. ч. от *пѣтичь*, так как *одолѣти* управляет дательным падежом: *Нѣ обаче подобааше одолѣти Д(у)ху С(вя)тоумоу. Любовно одолѣти похотемъ* и т. п. [СРЕЗНЕВСКИЙ]. См. прим. 62.

²⁵³ **Въ буиствъѣ.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²⁵⁴ **Пап<ъ>рзи.** Северный диалектизм. По всей видимости, то же, что русск. диал. (диминутив) *папорзок* 'второй сустав крыла птицы' Новг., Волог. [СРНГ]. Мнение о том, что в "Слове" *папорзи* должны читаться как *наворози* (русск. диал. *навороз* 'шнурок, завязка у мешка, пояс-очкур' у Даля без указания места) и обозначают часть доспехов, требует слишком много допущений. Очевидно, здесь *папорзи* употреблены в прямом смысле: '(так как) у вас (в крыльях) железные суставы' (князя представлены птицами). Далее следует новое предложение *Подъ шеломи латиньскыми тѣми трѣсну земля . . .*, в котором *тѣми* является "полуартиклем" при *шеломи* (*шеломи ти*, аналог русск. диал. *дом-от, дома-те*).

²⁵⁵ **Пов<ъ>ргоша.** Юго-западный диалектизм, ср. укр. *поверѣчи* 'hinwerfen; zurückstossen' [ЖЕЛЕХОВСКИЙ 1886]. Из русских диалектов только производный *i*-глагол *поверѣжитъ* 'заставить упасть' Томск. [СРНГ]. См. прим. 209.

²⁵⁶ **Ут<ъ>рп<е>** 'ослаб'.

²⁵⁷ **С<ъ>лнцу** 'солнца' (дательный принадлежности).

²⁵⁸ **Не болог<ъ>мь** 'не к добру'. Юго-западный диалектизм. Ср. прямое соответствие в русск. брянск. *бологѣ* (в знач. сущ.) 'добро, хорошее', ср. также *бологѣ* нар. 'хорошо', *болозѣ* 'хорошо, приятно' [СБГ], *бологом* нар. 'добром' [ЖОЗЫРЕВ 1975б: 27]. См. прим. 287.

²⁵⁹ **Крѣсити.** Юго-западный (?) диалектизм: русск. диал. *кресити* 'воскрешать, оживлять' только Тул. [СРНГ].

²⁶⁰ **Донъ ти княже кличь и зоветь князи** 'Дон тебе, князь, кричит и зовет князей . . .' Другое прочтение — 'Князь, Дон-то выкликает и призывает князей . . .' Ср. укр. *кликати* 'называть по имени' [Гринченко], русск. диал. *кликати* 'в свадебном обряде — приглашать, вызывать кого-либо, провозглашая в честь его здравицу' Тул., Твер. [СРНГ].

²⁶¹ **Доспѣли.** Неясно, в каком из значений здесь *доспѣли*. Если 'обучены воевать', то ср. русск. новг. *доспѣть* 'уметь, быть в состоянии сделать что-л.' [СРНГ]. Если 'изготовились к бою', то ср. русск. брянск. *доспѣть* 'приготовиться, собраться' [СБГ]. Если 'поспешили', то ср. белор. (могил.?) *доспѣх* 'поспешность, стремление к скорому действию' [Носович 1870].

²⁶² **Кое** 'где?'. Юго-западный диалектизм: русск. диал. *коѣ* 'где?' Тамб., Ворон., Курск., Орл., Калуж., Ряз., 'куда?' Курск., Калуж., Тамб. [СРНГ].

²⁶³ **Бу<я>го.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

²⁶⁴ **И Двина болот<ъ>мь течеть** 'и Двина жидкой грязью течет'. Юго-западный диалектизм. Значение, близкое к укр. *болото* 'грязь' [Гринченко], 'Кот' [ЖЕЛЕХОВСКИЙ 1886], карпатоукр. *болото* 'жидкая грязь' [МКЭ]. В русских говорах не отмечено. Ср. *рѣкы мутьно текуть*, прим. 105.

²⁶⁵ **Притрепа** 'приобрел, добыл'. Северный диалектизм, ср. русск. *притрепать* 'принести, добыть' Арх. [СРНГ]. См. прим. 165.

²⁶⁶ **Чърв>леними.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 74.

²⁶⁷ **Притрепань** ‘прибитый, израненный’. Северный диалектизм, ср. русск. диал. *притрёпывать, притрепáть* ‘порвать, изорвать’ Арх., также ‘бить, колотить’ Тул., Ср. Урал.

²⁶⁸ **[исхотиюнакрОВАТЬиРЕКЪ]**. Темное место, которое можно истолковать по-разному (одну из приемлемых интерпретаций см. в [Дыбо 2006: 73]). *Съ хотью накрОВА* — возможно, ‘в предчувствии скорой кончины/погребения’ (*хоть* здесь по значению соотносимо с *хотѣти* в форме “ближайшего буд. времени”, см. прим. 101). Ср. в первую очередь *накрОВ* ‘покрывало’ Осташк. Твер., далее др.-русск. *накрОВѣ* ‘крышка’ (два примера XVII в. в [СлРЯ XI–XVII]). Возможно, *накрОВѣ* — то же, что *чърная папОЛОМА* в “Сне Святослава”. Таким образом, отрывок читается как *и с хотѣю накрОВА тѣ>и РЕКЪ* (с тривиальной для текста “Слова” конъектурой *ь* → *ѣ*) ‘в предчувствии скорой кончины он сказал’. Вариант прочтения, предложенный А. В. Дыбо [2010б: 177]: *и съхоти ю* [траву. — С. Н.] *на крОВѣ, ать и РЕКЪМО* . . . Здесь *РЕКОМО* (несмотря на отсутствие следов *-омо*) восстановлено на месте *РЕКЪ* по настоянию А. Ю. Чернова в связи с его предположением, что у автора “Слова” и у его современников была на слуху “Жизнь двенадцати цезарей” Светония, и в данном фрагменте обыгрывается Августово “Об этом позаботятся птицы!” [Чернов 2010: 177]. Форма *и съхоти ю* (‘и захотел ее’) предполагает уникальный для “Слова” переход *ь* → *и* под ударением. В понимании А. Ю. Чернова текст *дружину твою княже птицѣ крылы пріодѣ* . . . обращен к умирающему Изяславу, хотя, если не подвергать текст деформации (*съхоти* → *съхотѣ*; *РЕКЪ* → *РЕКОМО*), это — повинная речь Изяслава, обращенная к его деду Всеславу, дружина которого (доставшаяся Изяславу по наследству) погибла.

²⁶⁹ **Изрони.** Юго-западный (?) диалектизм, см. прим. 213.

²⁷⁰ **Пониче.** Юго-западный диалектизм. Ср. русск. диал. *поникать, поникнуть* ‘пропадать, исчезать, иссякать’: *Колодези поникли, ключи поникли*. Курск. (но также и *поникло дело* Нижегород., [СРНГ]); белор. (могил.?) *нікаць, никнуць* ‘укрывать по углам, прятаться’ [Носович 1870].

²⁷¹ **Ярослав<л>и вьси вьнуц<и> <и> Вьсеславлѣ.** По-видимому, неясные *-е* должны быть исправлены: в *Ярославеи* неправильно прочитанное *Ярославлѣи*; *внуце* — неправильно прочитанное копиистами или издателями выносное *и*, которое писалось в виде двойной вари: *внуцѣ*; двойная вариа была принята за выносную букву *e*. Не исключено также, что на месте *e* в издании в рукописи стояла лигатура, состоящая из двух *и* (точнее, I + H). Чтение *Ярославлѣи* вместо *Ярославеи* было предложено Д. С. Лихачевым [1950: 15–16].

²⁷² **Понизит<е>.** Юго-западный диалектизм, ср. русск. брянск. [Козырев 1975А] и укр. *понижати, понизити* ‘понижать, понизить’ [Гринченко; Желеховский 1886]. В более узком значении русск. диал. *понижить* ‘наклонить вниз, опустить (голову)’ Олон., Арх. [СРНГ].

²⁷³ **Верезен<ы>.** Юго-западный диалектизм. Наиболее близки по значению значения: белор. (могил.?) *верѣдзиць* ‘вредить’: *Морозом поверѣдило яблокам* [Носович 1870] и брянск. *верезѣнный* ‘имеющий повреждения (о предмете)’: *Ана ужэ верезонъя, семь лет нѣ пѣталку лежала* [СБГ]; *верѣдитъ* ‘причинять вред,

вредить' Калуж., Смол., также Новг. В более узких значениях 'ушибать (руку, ногу и т. п.)' Новг., Арх. [СРНГ], 'портить' ([Даль], без указ. места); *верезжёный* в *верезжёная лошадь* 'испорченная, больная от возки тяжестей' Пск. [СРНГ], брянск. *На вит чилавек, а слабый, весь верезжёный, всей ранетый нъ вайне* [СБГ]; *вередиться* 'ушибаться' Арх., Пск., Перм., 'заболеть от ушибов' Волог., 'надрываться, делая чрезмерные усилия' Пск. [СРНГ].

²⁷⁴ **К<оро>молами.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 116.

²⁷⁵ **Которо<ю>.** Юго-западный (?) диалектизм, ср. укр. *котора́* 'ссора, раздор; обида' [Гринченко; Желеховский 1886], однако также и русск. *котора* 'вражда, ссора' Свердл. [СРНГ] в говоре неизвестного происхождения.

²⁷⁶ **На седьмомъ вѣцѣ Троянѣ.** Не может быть переведено как 'через семь веков после Трояна', так как *век* 'столетие' — позднейшее русское значение. Древнерусские значения 'вечность; период существования, жизнь; определенный период времени, эпоха; тысячелетие' [СлРЯ XI–XVI; Срезневский].

²⁷⁷ **В<ьр>же.** Юго-западный диалектизм, см. прим. 209.

²⁷⁸ **Клюками подьпъръ ся** букв. 'оперевшись на хитрости'. Юго-западный диалектизм, ср. укр. *клюкі робіти* 'умышленно запутывать дорогу; делать увертки, увертываться' [Гринченко] и русск. брянск. *клюка́* 'хитрость, обман', производные *клюка́вый, клюка́стый* 'хитрый, изворотливый' [Козырев 1975б: 28].

²⁷⁹ **Окони** 'как будто, словно', параллельная форма *оконѣ* (*оконо* [Срезневский]) — см. [Зализняк 2008А: 268–280].

²⁸⁰ **Лютымъ звѣр<ь>мь.** *Лютый звѣрь* как название льва (?) было известно по всей Руси (по крайней мере после XV в.), однако только в рассказе Мономаха оно "живое" (хотя непонятно, кто ему реально вскочил на бедра). Слово сочетание *лютий звѣр* бытует в укр. народной поэзии [Гординский 1963: 40]. См. также [Топоров 1988].

²⁸¹ **Объси ся** [. . .] **мьглѣ** приблизительно значит 'обвесился туманом, завис в тумане', *мьгла* 'туман' — юго-западный диалектизм (прим. 78) Второе толкование — 'повис на облаке', в этом случае *мьгла* имеет "северное значение" (прим. 326). Ср. *Елень же восхити царя рогомъ своимъ за поясъ, и обьсися на рогу его.* Ник. лет. IX: 13, XVI в. [СлРЯ XI–XVII].

²⁸² **Ут<ьр>же в<аз>ни.** В списке *воззни*. По-видимому, род. п. от др.-русск. *вазнь* 'счастье, удача' [Срезневский] (производное от *vezti). *Ут<ьр>же* — аорист от др.-русск. *утъргнути* (наряду с *утьргнути*, контаминация корней *тъгк- и *търг-) 'оторвать, отсечь, отделить' [Срезневский] — см. прим. 179. Вся фраза приблизительно значит 'урвал удачу с трех попыток'. Можно также предположить, что *воззни* — искаженное *вязни*, обозначение каких-то укреплений, которые нужно было преодолеть, чтобы войти в город. Ср. словообразовально сходные русск. диал. *вязной*: *Двери [в избах] делаются гладкие из досок — простые или вязные, т. е. свяывается рама, и в нее вставляются филенки* Молог. Яросл. [СРНГ]; пск. *вязень* 'охапка' [ПОС], а также укр. *в'язень* 'заключенный, узник' [Желеховский 1886].

²⁸³ **Съ тр<ь>и кусъ** 'с трех попыток'. По-видимому, *кусь* 'проба, попытка' восходит к незасвидетельствованному в других слав. языках *kusъ, выделенному

из германизма *kusiti ‘пробовать, отвеживать’ (от него образовано, в частности, *искус* < *jъz-kusъ, ср. *изкусити Дону великаго*; этот же корень в *въкусити, покусити* ся и т. д.), а не к *kоqъ ‘кусок’, как это традиционно считается.

²⁸⁴ **Р<ос>шибе.** Помимо прямого значения глагола, ср. русск. *расшибить* ‘приводить в ненормальное, болезненное состояние, расслаблять, делать кого-л. разбитым, расстроеным’ Ряз., Ярослав.; Арх.

²⁸⁵ **Животъ кладуть,** букв. ‘кладут жизнь’, но возможно и ‘кладут живых людей’, ср. русск. диал. *животъ* ‘всякое живое существо’. *Всякий живот боится смерти* (поговорка). ([Даль], без указания места). *У столба я хожу, У дубового хожу, Наделю я столба животом, Красной девицей-душой.* Байкал., Станиловский [СРНГ].

²⁸⁶ **Немизѣ кр<ъ>вави брез<и>** ‘берега кровавой Немиги’ (*Немизѣ* dat. possessivus).

²⁸⁷ **Не болог<ъ>мь бяхуть посѣяни,** здесь ‘не зерном были засеяны’. См. прим. 125 и 258.

²⁸⁸ **Рыскаше** ‘бегал, носился’.

²⁸⁹ **Дор<ы>скаше** ‘Неоднократно добежал’, “имперфект сов. вида”. Юго-западный диалектизм — прямое соответствие только в брянск. *дорыскать* ‘добежать’: *Дарыскѣй дѣ бригадирки* [КОЗЫРЕВ 1975А: 110], там же *нарыскать* ‘добыть, достать’.

²⁹⁰ **Прерыскаше** ‘неоднократно перебежал’, “имперфект сов. вида”, см. прим. 15, 113, 120, 195.

²⁹¹ **Рано** ‘утром’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 140.

²⁹² **Вѣща.** В данном случае ‘колдовская, демоническая’, ср. русск. диал. *вѣщій* (сущ.) ‘колдун, кудесник, знахарь’ Костром., Сиб., Южн., Урал. [СРНГ]. См. прим. 8.

²⁹³ **Вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ.** Душа Всеслава была “вещей” (колдовской, демонической), когда пребывала во второй (волчьей) оболочке. Ср. русск. диал. *другая половина* ‘домовой, леший’ Олон. [СРНГ]. Всеслав был не только оборотнем (у которого одна душа, но который может произвольно изменять свой внешний вид), но и “двоедушником” — существом, рожденным с двумя душами или с двумя сердцами (человеческим и демоническим) и поэтому обладающим демоническим свойством. См. подробно в [СДЭС, 2: 29–31; 4: 466–471].

²⁹⁴ **Вѣщ<ъ>и.** См. прим. 8.

²⁹⁵ **И п<ъ>рвое** ‘и прежде’. Ср. русск. диал. *пѣрвое* ‘в прошедшие годы’ Вят. (Картотека СРНГ по [КОЗЫРЕВ 1975А: 103]), брянск. *первое* ‘прежде’ [ТАМ ЖЕ], далее русск. диал. *пѣрво, пѣрво* ‘сначала, сперва, прежде’ (по всем ареалам, СРНГ), *пѣрвѣе, пѣрве, пѣрвей, пѣрвѣй* Новг., КАССР, Перм, Арх., Вят., Свердлов., Забайк. ‘прежде, раньше, скорее’ [СРНГ].

²⁹⁶ **Припѣвка.** В основном северный диалектизм: русск. диал. *припѣвка* Пск., Твер., Ярослав., Сев., Ленингр., Свердлов., Перм., но отмечен также Брян. [СРНГ].

²⁹⁷ **Пѣти<ч>ю.** Дат. п. ед. ч. от *пѣтичь*. См. прим. 62.

²⁹⁸ **Ни хытру ни горазду ни пѣти<ч>ю горазду** ‘ни мудрому, ни умелому, ни искусному в гадании по птицам’. Ср. русск. диал. прилагательное *горáзд* ‘искусен, способен, ловок, сведущ’ повсеместно [СРНГ]; белор. (могилевск.) *гораздый* ‘готовый, скорый на все’ [Носович 1870]. В украинском только наречие *гарáзд* (карпатоукр. *горáзд*) ‘хорошо, ладно, благополучно’ и сущ. *гарáзд* (диал. *горáзд*) ‘достаток, благополучие’ [Гринченко; Желеховский 1886].

²⁹⁹ **Пѣръ>вуюгодину** ‘первоначальные времена’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 144.

³⁰⁰ **Пригвоздити.** Юго-западный (?) диалектизм, ср. укр. *пригвозді́ти* ‘поставить, приткнуть’ (Гринч.).

³⁰¹ **Розь>но.** Юго-западный диалектизм: укр. *різно* ‘врозь, в разные стороны’ (Гринч.); белор. (могил.?) *рoзно* ‘отдельно, врозь; различно, различным образом; несогласно’ [Носович 1870]; русск. *розно* ‘врозь, порознь, отдельно’ Брян., Пск., Смол., Орл. [СРНГ; Козырев 1975А: 136].

³⁰² **Хобот<и>** ‘бунчуки (конские хвосты на древках знамен)’. Юго-западный диалектизм: укр. *хобот* ‘хохол, хохолок, бунчук’ (Гринч.).

³⁰³ **Ся пашуть** ‘развеваются’. Северный диалектизм: русск. диал. *пахаться* ‘веять, дуть (о ветре)’ Арх., также *пахать* и *пáхать*, сов. *пахнуть* ‘полыхать, бушевать (об огне)’ Новг., Арх.

³⁰⁴ **Поють.** Северный диалектизм. В украинском старое *пiти* сохранилось в юго-зап. говорах в значении ‘петь (о петухе)’, о человеке только *співáти*. В сев.-русском другое развитие значения, отраженное в “Слове”: *петь* ‘звенеть’ Волог., Новг., ‘жужжать (о мухах)’ Арх. [СРНГ]. Именно “северное” значение мы находим в данном фрагменте “Слова”. *Пѣти* в значении ‘воспевать’, частотном в “Слове”, в современных диалектах не отмечено. См. прим. 17.

³⁰⁵ **Зегъзицею** ‘кукушкой’. “Юго-западные” формы с огласовками *-e-*, *-o-*, *-a-*: укр. *зозу́ля* (Гринч.), *зазу́ля*, *зезу́ля*, *зозу́ля* [Желеховский 1886]; русск. диал. *зезу́ля* Пск., Брян., *зозу́ля* Зап., Юж., Курск., Твер., Тобол., *заго́шка* Олон., *заго́за* Новг., *заго́зка* Новг., Олон., Пск., Смол., Ленингр. [СРНГ] и т. п., др.-русск. *зоззица* ‘кукушка’ от корня *зегъз-/зогъз-*, общеславянская (чешск. *žezhule*, словц. *žezhulica*, польск. *gżegżółka*) и и.-е. **ǵegh-/ǵogh-* ‘кукушка’. Уникальное *зегъзица* ‘иволга’ Курск. 1886 [СРНГ] взято (с пропуском вопросительного знака при значении) из статьи М. Г. Халанского [1886]. Сокращение “Курск.” в данном случае раскрывается как “Путивльский у. Курской губернии”. В итоговой работе Халанского [1904], в которой также приводятся списки диалектных слов и выражений (с. 18–24; 361–378), путивльская *зегъзица* не упомянута. В. А. Козырев [1975А: 81] отметил: “Весьма примечательно, что вопросительным знаком сопровождается не само слово [. . .] а его толкование”. Под большим вопросом остается *зегъзица* ‘иволга’ в воронежских говорах, о которой известно из недокументированного сообщения Г. М. Левиной [1975]. В. А. Козырев [1975А: 81] также цитирует *зегъзица* ‘ласточка’ и ‘ласковое обращение к женщине’ в современных говорах Горьковской области (Ковалевская). Переход значения ‘кукушка’ > ‘иволга’ маловероятен из-за контрастности облика, пения и образа жизни этих

птиц. Полет жены (возлюбленной) к мужу (возлюбленному) по Дунаю в образе кукушки нередок в укр. фольклоре, например [Головацкий 1878, 1: 246]:

Ах кобы я мала вѳрловии крыла,
Вѳрловии крыла, зазулені очі,
Я бы поленула в ночи о пѳвнчій
Я бы поленула по за тихий Дунай,
По за тихий Дунай, по над мѳсто Збараж.

В польских легендах нареченная, узнав о смерти любимого, становится кукушкой и кукует на его могиле [Никитина 2002: 123]. «Жалкий голосок» кукушки (*куковать* — значит горевать, плакать, жаловаться, голосить) стал у славян символом женского одиночества, горя и тоски [. . .] В текстах русских, и шире, восточнославянских похоронных причитаний отмечается устойчивая параллель образов горюющей девушки /женщины и кукующей птицы и уподобление плачущей кукушке» [Никитина 2002: 130].

³⁰⁶ **Незнаем<ѳ>** ‘незаметно’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 57. Наречие на -ль (как *добрь* и т. д.) (в списке “Слова” *незнаемъ* с -ь = /e/).

³⁰⁷ **Рано** ‘утром’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 140.

³⁰⁸ **Кычать** ‘кукует’. Юго-западный диалектизм: укр. *кїкати*, -аю ‘куковать’ [Гринченко]. Более широко представлен вариант *кїкати*, -каю (вместо старого *кїчу) ‘куковать’. Русские значения глагола *кычать* иные, см. прим. 128. Звукообозначающий глагол с корнем **кyk-* (в котором второе *k* — субморф звукообозначающих корней: *rykati, *mykati и т. д., по этой же модели русск. *тыкать*, *выкать*, *якать*) восходит к балто-слав. **kūk-*, который, по-видимому, обозначал в частном случае ‘куковать’, в общем — ‘кричать ку!’. После изменения **kūk-* > **kyk-* глагол по традиции сохранил значение ‘куковать’ (в частности, в украинском) и звукообозначающее значение ‘кричать кы!’, последнее значение соотносится с криком лебедя и т. д., а также человека (*кїкать*, *кїкать* в сев.-русских говорах, [СРНГ]). После перехода **kyk-* > *kik-* в истории слав. языков он также стал значить ‘кричать ки!’, таким образом сфера звукообозначения глаголом *kykati значительно расширилась — см. [ЭССЯ] sub *kykati.

³⁰⁹ **Зегъзицею**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 305.

³¹⁰ **Жестоцѳмь**. Юго-западный диалектизм. Значение, синонимичное *буий* (см. прим. 49), близкое к укр. *жорстокий* ‘свирепый’ [Гринченко], русск. брянск. *жестокий* ‘резвый, горячий, стремительный (о человеке и животных); горячий (о теле человека); бойкий, находчивый’ [Козырев 1975А: 97], пск. *жестокий* ‘сильный, быстрый (о лошади)’ [СРНГ], производные: пск. *жесточенный* ‘упрямый, своевольный’ [ПОС], *жестокущий* ‘упорный, усердный в работе’ [СРНГ].

³¹¹ **Рано**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 140.

³¹² **Насильно**. Юго-западный диалектизм: русск. брян. *насильный*, *насильно* ‘лобовой (о ветре)’. *Ветер дуить насильна, пряма у лицо; Какой ветир в пирѳт дуит — насильный* [Козырев 1975А: 98].

³¹³ **Гор<ѳ>** ‘вверх, наверх’ (дат. п.). Юго-западный диалектизм, ср. наречный дат. п. в укр. *горі* ‘вверх’ [Гринченко], *гѳрі* ‘вверх, наверх’ [Желеховский 1886]. В русск. говорах не отмечено.

³¹⁴ **Лелѣ<я> корабли на Сине мор<е>** ‘доставляя корабли на Азовское море’, см. прим. 124.

³¹⁵ **По ковыль<ю>**. Собирательное образование от *ковыль* или *ковыля*. Юго-западный диалектизм: укр. *ковилá* ‘ковыль’ [Гринченко]. В русских говорах отмечено в другом значении: *ковыль* ‘растение *Lasiogrostis splendens* (чий блестящий)’ Оренб. [СРНГ]. Ареалогия русск. *ковыль* ‘ковыль (*Stipa*)’ не исследована. В любом случае слово южного ареала, так как в Европе растет только в степях.

³¹⁶ **Рано**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 140.

³¹⁷ **Словути<ч>у**. Вокатив на *-и* от *jo*-основы, см. прим. 39.

³¹⁸ **Лелѣяль** ‘нес, доставлял’, см. прим. 124.

³¹⁹ **Н<а>сады**. Северный диалектизм. Только русск. *насáд* ‘судно, изготовленное из одного цельного дерева с набитыми бортами из досок’ Олон., ‘плоскодонное судно’ Яросл., ‘большая лодка’ Заонеж. Олон., ‘лодка, судно’ (фолькл.) Южно-Сиб., Иркут., Олон, Вологод., Арх., Новг., Яросл., Урал. [СРНГ]. В укр. диалектах другие значения: *насáд* ‘часть телеги: подушка поверх оси; часть саней, которыми гужулы свозят срубленные деревья: перекладина, лежащая на *копилáх* и связывающая полозья’ [Гринченко], надднестр. *насáд* ‘поворотна подушка передньої частини воза; перекладина, якою скріплені полозки воза’ [Шило 2008].

³²⁰ **Възлелѣи** ‘доставь (вверх по течению)’, см. прим. 124.

³²¹ **Рано**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 140.

³²² **Рано**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 140.

³²³ **Свѣтълое и тр<ь>свѣтълое с<ьл>нъце**. Юго-западный диалектизм, см. прим. 25.

³²⁴ **Луки съпряже** ‘ослабило тетиву у луков’ (восстановление пропущенного в [СССПИ] старого толкования в [Зализняк 2008а: 250–254]).

³²⁵ **См<ь>рци** ‘дымы (?)’. Северный диалектизм: праслав. *smъrkъ > пск. Локн. *смóрок* ‘дым, чад (от печки), смрад’ [МРЭ] — форма с псковским “вторым полногласием”. Это же слово в сибирском переселенческом говоре: *Сморок* *разносится*. *Сморок* — *дух человеческий, когда горит кто-нибудь*. Кемер., 1964 [СРНГ].

³²⁶ **Мьглами** ‘тучами, облаками’. Северный диалектизм, см. прим. 335. Это значение есть в др.-русском [Срезневский], также в юго-вост. пск. Локн. *мгла* ‘(мрачные) тучи’ [ПОС]. Отличается от *мгла* ‘туман’ в “юго-западных” фрагментах “Слова” — см. прим. 78. Показательно сочетание в “Слове” двух “локнянских” слов *смърци* и *мгла* в значениях, близких к локнянским. Толкование формы *смърци* как ‘смерчи’ (с неясным *о=ъ* вместо *ь*) не выдерживает критики, так как они ночью не возникают (см. [Шарлемань 1951: 54–55]).

³²⁷ **Вечеру** ‘вечером’. Северный диалектизм: русск. диал. *вѣчеру* и *вечеру* ‘вечером’ Пск., Твер., Калуж., Олон., Арх., Онеж., Вят., Тобол. [СРНГ], то есть в кривичских и ильменско-словенских по происхождению говорах. Наречие имеет форму дат. п. Ср. с “кривичским” ударением *вечѡра* ‘вчера вечером’ Луж. Петерб. [СРНГ], пск. (северные р-ны Псковской обл.) *вечѡрася*, *вечѡрась* ‘вчера вечером, вчера’ [ПОС].

³²⁸ **Р<о>зумѣти.** Северный диалектизм: русск. диал. *разуметь* ‘вдуматься, вникнуть, в чье-л. положение’: *И разумеите, суседы спорядовые. Уж я так, бедна горюша, срадовалась. Как я дождалась годова будто праздничка* Север, Барсов. [СРНГ]. Ср. другое значение у укр. *розуміти* ‘понимать’.

³²⁹ **Н<ѣ>быть кликну** ‘как бы окликнул (не позвал, а свистнул)’. *Ньбыть* (*нь-бы-ть*) сложная частица с модальным значением. В “Слове” вариант с *-ть*, предполагающий также *ньбыти, ср. *ати* и *ать*, *ньтути* и *ньтуть*. Форма *нѣбыти* ‘якобы’, в частности, представлена в говоре с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл. [МКЭ]. Ср. русск. диал. *небы* значит ‘пожалуй, еще; может быть’ Пск., Смол., Калуж.. [СРНГ]; укр. *нібито* (< *нь-бы-то) ‘якобы’.

³³⁰ **Подви<г>аша ся** ‘отступили’. Юго-западный диалектизм. В списке “Слова” ц.-слав. (?) форма *подвиаша ся*, соответствующая укр. *подви́гаться, подві́гнутися* ‘отступить, отступить перед кем-л.’ [Гринченко]. Другие значения у русск. орл. *подви́гаться* ‘становиться близким, приближаться к какому-л. временному пределу (о возрасте)’ [СОГ], арх. *подвигаться, подвинуться* ‘подвигаться; идти, направляясь куда-л.’ Арх. [СРНГ].

³³¹ **Г<ъ>рн<о>ста<и>мь.** Русск. литерат. форма *горноста́й* неясного диал. происхождения. Диал. *горноста́ль*, реже *корноста́ль* — формы псковско-новгородского круга [СРНГ], ареалогия формы *горноста́й* неизвестна. В вост.-слав. языках рефлекс **гъгп-*, в остальных славянских **gogn-* (польск. *gronostaj*, словац. *hranostaj* и т. д.). Укр. *горноста́й*, *горноста́ль* ‘Hermelin’, но в украинских говорах часто ‘вид птицы’ [МКЭ], также *Летів горноста́й через сад, росну́стив пир’ячко на весь сад* [Гринченко]. В *Гаєм — маєм, лебедем — Дунаєм, а степами — бистрим горностаєм* [Гринченко] перечисляются птицы (*май* ‘вид сокола’, *лебе́дь*) и в ряду их *горноста́й*.

³³² **Къ трѣст<ь>ю** ‘к зарослям тростника (или камыша)’.

³³³ **Въ<з>в<ь>рже ся** ‘вскинулся, вскочил’. Очевидна утрата выносного *з* (на коня нельзя “в-кинуться”, можно только “вс-кинуться”). В данном случае глагол имеет значение, отличающееся от *въргнути* ‘бросить’, поэтому не обязательно должен считаться диалектизмом — см. прим. 209.

³³⁴ **Б[у]сымь.** Северный диалектизм. Русск. диал. *бусой/бусый* ‘серый, пепельный, дымчатый’ Арх., Вологод., Вят., Урал., Сиб., ‘серый, пепельный, дымчатый (о масти животных)’ Вят., Сиб.; ‘серо-голубой’ Сиб.; ‘седой’ Вологод.; ‘белый в крапинку’ Вологод., Урал. и пр. [СРНГ], также в [СГРС] ‘серый, дымчатый’ и т. п.; брянск. (северное, возможно, распространившееся из староверческих говоров, слово) *бусый, бусый* ‘серый, дымчатый [кот, лошадь]’ [СБГ]. По-видимому, в говорах вне Новгородской земли произошла контаминация *бусый* ‘серый’ и *босый* ‘босой’. Брянск. *босый волк* ‘светлой масти волк, сменивший окраску шерсти в результате весенней линьки’ [СБГ] по форме совпадает с укр. *босий* ‘(о собаке) темной шерсти с белыми лапами; (о быке) с белыми копытами’ [Гринченко], явно происходящим от *bosъ ‘босой’. Также и пск. *босый волк* ‘быстрый, резвый (?)’ в *Достань [в] босава волка столицу с-под божницы* Чернышев Сказ. и лег.: 316 ([ПОС] sub *босый*) существует одновременно с южнопск. *Босый* ‘кличка кота с белыми лапами’ [ПОС].

³³⁵ **Подъ мъглами** ‘под облаками’. Северный диалектизм, см. прим. 326.

³³⁶ **Избивая** ‘убивая’. Северный (?) диалектизм, ср. русск. *избить* ‘убить’: *Они избивли всех жителей* (убили, перебили). [Даль], (без указания места). *У нас тут были избиты два партизана, похоронены тут рядом*. Кемер. [СРНГ]. Ср. также пск. *избить* ‘разрушить, погубить, расстроить’ [ПОС]. В украинском это значение не отмечено.

³³⁷ **Зау>трьку**. Северный диалектизм. В фонетич. вариантах *завтрак*, *завтрак*, *завтрак*, *заутрок* отмечен в псковско-новгородских и производных от них уральских и сибирских говорах, также в донских, воронежских, тульских, калужских [СРНГ]. *Завтрак* (неправильное написание вместо *завтрак*) распространилось как заимствование из литер. языка.

³³⁸ **Ужинѣ**. Северный диалектизм. Форма *ужина* ж. р. — севернорусская: Пск., Новг., Твер., Калиг., Влад., Казан., Яросл., Вят., Петерб., Олон., Арх., Прионеж., Мурм., Перм., Басс. ср. теч. Оби, Енис. (картотека [СРНГ] по [Козырев 1975а: 114]). Параллель ко всему фрагменту — смол. *Лежень у зайтрику напъетца водачки, въ ужини и у абъди лежню водачка* [Добровольский 1894: 191].

³³⁹ **Прет<ър>госта**. Северный (?) диалектизм. Обычно переводится как ‘изнурили, загнали’, хотя подобное значение у глагола не отмечено ни в памятниках, ни в диалектах. Не исключено, что *п<е>рет<ър>госта* значит просто ‘перевели на другое место’. Ср. русск. диал. *перетóркнуть* ‘перебросить, перевести на другое место’ Верхотур. Свердлов. [СРНГ]. Относительно алломорфов *търк-/търг-* см. прим. 179.

³⁴⁰ **Нелюб<ъ>я** ‘неудобства, пакости’. Ср. некоторые значения сев.-русских производных от основы *нелюб-*: *нелюбо*, *нелюбо* ‘плохо, скверно’ Арх., ‘неудобно’; *нелюбо* безл. ‘неприятно, мерзко (о погоде)’; *нелюбой* ‘имеющий непривлекательную внешность, некрасивый’ Сев.-Двин. [СРНГ] и укр. *нелюбий* в значении ‘неприятный’ (наряду с ‘немилый, нелюбимый’ [Гринченко]). Слово *нелюбие* ‘неприятнь, вражда’ с ц.-слав. суффиксом приводится для брянских (трубчевских) говоров [Козырев 1975а: 132].

³⁴¹ **Лелѣявшу** ‘покачивавшему’, см. прим. 124.

³⁴² **М<ъ>глами** ‘туманами’. Юго-западный диалектизм, см. прим. 78.

³⁴³ **Подъ сѣн<ъ>ю зелену древу**. Род. п. дв. ч. *зелену древу* (‘под сенью двух [. . .] деревьев’), либо *dativus possessivus* ед. ч. *зелену древу* (‘под сенью [. . .] де-рева’).

³⁴⁴ **Стрежаше <и>** ‘ты оберегал его (в образе то гоголя, то чаек, то крякв)’. В этой фразе архаическое 2 л. ед. ч. имперфекта и не менее архаичная форма, соответствующая др.-русск. вин. п. ед. ч. м. р. *и*. Здесь она записана как *е*. Восходит к праслав. *ъ.

³⁴⁵ **Чаицами**. Северный диалектизм: сев.-зап. русск. *цѣица* Олон., *чайца* Арх. ‘чайка’ [ЭССЯ]. В южнорусском и украинском *чаица*, *чайка*, как правило, ‘чибис (*Vanellus vanellus*)’ (в значении ‘чайка’ — по-видимому, русизм). Вопреки [Козырев 1975а: 101], в данном фрагменте “Слова” имеются в виду именно (речные) чайки (*Larus*).

³⁴⁶ **Не тако ли рече рѣка Стугна [. . .] уношу князя Ростислав<а> затвори.** В этом предложении *не* относится к сказуемому. Буквальный перевод риторического вопроса — ‘Так ли и река Стугна [. . .] не поглотила юношу князя Ростислава?’ Имеется в виду, что Стугна, в отличие от Донца, не отнеслась к пловцу благосклонно.

³⁴⁷ **Струги.** Юго-западный диалектизм: укр. *стру́га* ‘ручей, струя’, аналогичные значения в зап.-русских говорах [Козырев 1975б: 30].

³⁴⁸ **Ро<с>стрюена** ‘распростерта, расширена’. Ср. русск. брян. *Ба́нка — эта адно́, а то́ кукшы́н, виш, с ру́шишькѣй, нѣварху́ растрѣ́ный* (то есть ‘расширенный, более широкий’, [Козырев 1975а: 32]). Это причастие является диалектизмом, так как образовано с помощью суффикса *-en-* от глагола подвижной акцентной парадигмы — регулярная праславянская форма *stǫrta.

³⁴⁹ **Ростренакусту.** Эту фразу следует читать *росстрюена къ усту* (‘расширена к устью’), а не *росструъ* (расстелила юношу?) / *рострюе* (растерла?) *на кусту*, что бессмысленно.

³⁵⁰ **Затвори** ‘поглотила’, букв. ‘заключила (в свои объятия)’ (?). Не очень понятно, почему в *Рѣка стугна [. . .] уношу князю Ростиславу затвори* словосочетание *князю Ростиславу* стоит в дательном падеже. Создается впечатление, что одно из окончаний написано неправильно. Возможны варианты исправления: 1) *уношу князя Ростислав<а> затвори* — это не требует предположения о пропуске слов в копии; 2) *унош-и> князю Ростиславу затвори* — в этом случае надо предполагать пропуск слова (что “затворила” юноше?). Предположение, что имеется в виду *затвори Днѣпръ> темнь березъ*, не прибавляет ясности, так как непонятно, каким образом река, в которой утонул князь, могла “затворить” его на берегу Днепра. Не более осмысленно прочтение *затвори Днѣпръ> темнь березъ* ‘затворила Днепр на темном берегу (?)’.

³⁵¹ **Днѣпръ> тѣмнѣ березѣ.** Вероятно, начало нового предложения (‘мать Ростислава плачет на берегу на темном Днепре’ = ‘на берегу темного Днепра’). *Днѣпръ* здесь местн. п. от *Днѣпръ*, а не от прилагательного *Днѣпръ.

³⁵² **Жалобю.** Северный диалектизм: русск. *жа́лоба, жалоба́ и жалобá* ‘жалость, печаль, огорчение’ Костром., Смол. (также юго-вост., [СРНГ]), брянск. Трубч. ‘горе’ в *Мне п каму-нибудь пра сваю жалѣбу рѣсказать* [Козырев 1975а: 72]. Дальнейшее развитие в укр. *жалоба́* ‘траур, траурная одежда’ [Гринченко]; белор. (могил.?) *жалоба́* ‘траур’ [Носович 1870]. Укр. *жа́лоба* ([Гринченко], русизм?) и в большинстве русск. говоров *жалоба́* ‘жалоба’.

³⁵³ **Въ<с>троскоташа.** Ср. русск. брянск. *траскотáть* ‘стрекотать (о птицах)’: *Пушки в лясу и пають, и траскочють. Сароки траскочють*. [Козырев 1975а: 101], также пск., тверск. *троскотать* ‘трещать, часто говорить’ [СССПИ], укр. *троскотáти* ‘кокотать (о курице)’.

³⁵⁴ **На слѣду Игоревѣ** ‘вслед за Игорем’. Ср. юго-западный диалектизм *вѣ тропу*, укр. *в тропі* ‘по следу’. См. прим. 43, также 97.

³⁵⁵ **Не гра<я>хуть.** Северный диалектизм, см. прим. 129.

³⁵⁶ **Помъ<л>коша** ‘замолчали’. Юго-западный диалектизм — прямое соответствие в укр. *помовкнути* ‘умолкнуть (о многих)’ [Гринченко]. Далее брянск.

памолкнутъ ‘замолкнуть, замолчать, затихнуть’ [Козырев 1975А: 105], *помолкну́тъ* ‘помолчать’: *Он помолкнул немного и пошел*. Брян. [СРНГ].

³⁵⁷ **По лозь<ь>ю**. Северный диалектизм: вероятнее всего именно *по лозьбю*: зап. и сев. *лозьбе* ‘лозняк (ивовый кустарник)’ Смол., *лозьбё* ‘длинные гибкие ветви некоторых кустарников, преимущественно ивы’ Новг., ‘ветви берез, из которых делают веники’ Костром., Яросл. [СРНГ]. Укр. закарп. *лозьзя* (Кобів 2004 *sub* *Salix gsmarinifolia* L.) – новообразование, судя по /о/ в слове перед слабым редуцированным. Согласно А. А. Зализняку [2008А: 254–260], *полозью* ‘ползком’ (т. е. “пешком” – о птицах). Наречия на -ью встречаются в говорах разных групп.

³⁵⁸ **Дятьлове**, им. п. мн. ч. от *и*-основы. Ср. *sokolъ, прим. 13.

³⁵⁹ **Свьтъ повѣдаютъ**. Относительно значения *повѣдати* см. прим. 100. “Соловьи” здесь поэтическая вольность, т. к. они не “оповещают о рассвете”, а поют с сумерек до утра. Ср. “естественное” употребление *свьтъ повѣдати* о петухе в приписке-загадке книжника Ефросина: *Кы^а прр^окъ двюю родился? — То^а коурь*. Первое коурица яице снесла, изъ яица второе вылупился, то есть родился. А про-рокъ е^с, свѣ^т повѣдаеть людемъ рано (кон. XV в.: Кир.-Бел. Сб. №9, л. 263об.). Словосочетание *повѣдати свьтъ* использовалось и при других значениях слова *свьтъ*: Гречи хоулаще всѣ законы, свои же хвалаще и мнѣго глѣша сказаюуще Ѡ начала мироу. сж^т же хитро сказаще. яко и друугыи свѣ^т повѣдаю^т быти (*Ипат. лет.*, л. 40 об.). Относительно фразы *соловию веселыми пѣсьми свьтъ повѣдаютъ* ср. русск. диал. *весёлая ночь* ‘ночь, под которую с вечера поют петухи’ Ворон., Орл.; ‘лунная светлая ночь’ Калуж. [СРНГ].

³⁶⁰ **Соколича**. Диминутив от *соколъ* (другой диминутив в тексте — *соколиць*).

³⁶¹ **Рече**. В этой форме можно предполагать также утрату выносного *т*, т. е. наст. вр. *речѣ<ть>*, ср. параллельное *молвить* в предыдущем предложении.

³⁶² Диминутив (другой диминутив — *соколичь*) от *соколъ*.

³⁶³ **Вѣ соколица опутаевѣ** [. . .] **д<ѣ>вицею** ‘мы соколику сосватаем [. . .] девицу’. Северный диалектизм, ср. русск. диал. *опутать* ‘посватать, сосватать’ Новг., Север., Оренб. [СРНГ]. Отмечено также орл. *опутаться* ‘выйти замуж’ [СОГ]. См. прим. 365.

³⁶⁴ **И ре<к>**. В издании 1800 г. *рече*, в Екатерининской копии *рекъ*, что, вероятно, означает разное прочтение выносной буквы.

³⁶⁵ **Опутаевѣ**. Северный диалектизм, см. прим. 363.

³⁶⁶ **Пѣтиц<ѣ>**. Единственная в “Слове” форма от *пѣтица* — в остальных фрагментах в значении ‘птицы’ используется собирательное *пѣтичь*. Ср. прим. 62.

³⁶⁷ **Рекъ Боян<ь>и Ходына** (?). Темное место. В первоиздании слова поделены как *Боянъ и ходы на*. По крайней мере форма *рекъ* и дальнейшие формы согласования не способствуют трактовать *Боянъ* и *Ходына* как имена Бояна и соратника, ученика или последователя Бояна, как предполагает ряд исследователей ([СССПИ] *sub* *Ходына*). Введение второго “песнетворца” позволяет толковать формы на -а и *хоти* как формы двойственного числа (однако не обязательно требует исправления формы *рекъ* на *рекъша* или *рѣкоста*, так как глагольная форма стоит в препозиции). Таким способом сооружается громоздкая синтаксическая

конструкция, смысл которой не менее темен, чем у пресловутого “и ходы на” в издании 1800 г. В переводе И. Д. Тиунова [1950] “Возгласили Боян и Ходына, оба Святославовы песнотворцы, певшие старое время Ярославово-Олегово — государевы любимцы”, в переводе А. Ю. Чернова [2010: 205] “Сказали Боян и Ходына, оба песнотворцы Святославовы, воспевшие старое время Ярославово и Олегово два государевых любимца”.

Существует возможность прочтения “темной” строки с ъ вместо ь: *Рекъ Бояньи Ходына*, где *Бояньи* — полная форма притяжательного прилагательного от *Боянь*: “Сказал Боянов Ходына . . .” Древнерусские (как и старославянские) полные формы притяжательных прилагательных довольно редки, их функциональное соотношение с преобладающими краткими формами не изучено: *и потомъ посла Стославъ жены ихъ Михалкову и Всеволожую* [Ипат. лет.: 1176 г.], *въ княжихъ крамолахъ* в “Слове”. *Бояньи Ходына* может служить указанием на косвенное отношение к Бояну (“любимец Бояна”), а не на принадлежность ему / происхождение от него (“неотъемлемую принадлежность”).

Все формы на -а в отрывке *Святъславля пѣсньтворца стараго веремене Ярославля Ольгова коганя хоти*, вероятно, стоят в род. п. ед. ч., причем одни согласуются с род. п. *веремене*, а другие являются определениями к *хоти*. Таким образом удается избежать введение “лишней сущности” — Вещего Бояна — как одного из двух субъектов высказывания, обойтись без исправления формы *рекъ* и объяснить анахронизм, из-за которого Вещий Боян говорит о князе Игоре: “Сказал Боянов Ходына, любимец Святославова воспевателя древних времен Ярослава, Олега кагана/-ов”.

Существование мужского имени *Ходына* не доказано, вост.-слав. мужских имен с суффиксом -ына (а не -ыня) мало, обычно они имеют пару на -ыня: *Бьлына*, *Добрыня* / *Добрына*, *Плоскыня* / *Плоскына*, *Сухына* [Васильев 2005: 95]. Из “Словоуказателя к берестяным грамотам (из раскопок 1951–2003 гг.)” А. А. Зализняка следует, что единственным надежным примером является приводимое в [Зализняк 2004: 716] *Бьлына* м. р. (им. п. *Бьлына* Гр. 351) — по-видимому, образование от *бъл*- ‘белый’. Также надежно свидетельство о др.-новг. *Добрына* [там же: 203]. Возможно, таким же именем является *Шеломына* (им. п. *Шеломына* Гр. 924). Остальные подобные имена — *Лбына* или *Лбыня* (м. или ж.?), *Сбына* или *Сбыня* (м. или ж.?), *Тетына* или *Тетыня* (м. или ж.?) — только форма какого-то падежа *Тетынь* — являются именами на -ына или -ыня. Мужское имя *Медыня* или *Медына* отражено в отчестве *Медыничъ* (р. ед. у *Ме[d]ын-[ц]*- Гр. 710).

Согласно В. Л. Васильеву [2005: 95–98], топонимы с основой *Ходын-* (< *ходунj-) отмечены на левом берегу Ловати южнее Старой Русы — село (также волость) *Ходыни* мн. ч., *Ходыня*, *Ходынич* южнее Старой Русы на Ловати. По-видимому, топоним д. *Ходыни Близкие* под Вяткой имеет новгородское (в широком смысле этого слова) происхождение. Прочие топонимы с основой *ходунj- находятся в ареале расселения смоленско-полоцких и тверских (происходящих от смоленских) кривичей X–XIII вв.: *Ходынич* дер., сел. и ус. близ р. Тростяница Кобринского у. Гродненской губ. и, по всей вероятности, геогр. *Ходынич* дер. Угличского у. Ярославской губ., гидроним *Ходынь* (*Ходынка*, *Ходыня*?) под Москвой; д. *Ходынино* на р. Вожа в окрестностях Рязани [Васильев 2005: 95–98]. От имени *Ходына* или *Ходыня* образовано засвидетельствованное отчество: *Останко*

Ходынич, крестьянин в Мозыре, из акта 1552 г. [Тупиков 1903: 87]. Др.-болг. *Ходинъ*, *Ходина* (и др.-серб. *Ходина*), вопреки В. Л. Васильеву, являются формами с суффиксом (?) *-инъ*, *-ина*. Топонимы *Ходыни* мн. ч., *Ходыня*, *Ходынич* отмечены в южнополюско-селижаровском ареале, в котором предположительно локализуется диалект “Слова”.

Разумеется, можно было бы подозревать, что в оригинале “Слова” было написано *Ходыка* и *-к-* было ошибочно переписано как *-н-*. Мужское имя *Ходыка* известно из Киева (5×), Житомира (1×), Полоцка (2×), “Юго-Запада” (1×), Москвы (2×) (XV–XVII вв.) [Тупиков 1903: 415], также отчества *Ходыкин* (Смоленск, XVI в.) и пан Тишко *Ходыкович* Кореневский (XV в.) [там же: 807]). Географическое распределение имени *Ходыка* соответствует локализации диалекта “Слова”. Однако имя *Ходыка* засвидетельствовано поздно, при этом нужно предполагать ошибочное прочтение *к* как *н* одним из копиистов.

³⁶⁸ **Хоти** ‘любимец’ (*хоті* общ. р.) или **хоти** ‘любимцы’ (дв. ч. от *хоть* или *хоти*), в зависимости от интерпретации всего фрагмента, ср. прим. 367.

³⁶⁹ **Буи туру**. Несклоняемое краткое прилагательное (?). Юго-западный диалектизм, см. прим. 49.

Библиография

Адрианова-Перетц 1968

Адрианова-Перетц В. П., “Слово о полку Игореве” и памятники русской литературы XI–XIII веков, Ленинград, 1968.

Алексеев 1950

Алексеев М. П., “К «сну Святослава» в «Слове о полку Игореве»”, в: “Слово о полку Игореве”. Сборник исследований и статей, Москва, Ленинград, 1950, 226–248.

АНТТ 2013

Абраменко О. А., Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н., “Системы соотношения *gen.* и *dat.-loc. a-*основ в восточнославянских языках: сравнительно-исторический аспект”, в: *Исследования по славянской диалектологии*, 16: *Грамматика славянских диалектов. Механизмы эволюции. Утраты и инновации. Историко-типологические явления*, Москва, 2013, 63–165.

Бервецкий 1990

Бервецкий З., сост., *І скажемо правду в очі всім. Пісні української національно-визвольної боротьби*, Дрогобич, 1990.

Бобров 2005

Бобров А. Г., “Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» и Ефросин Белозерский”, *Acta Slavica Iaponica*, 22, 2005, 238–298.

Булаховский 1950

Булаховский Л. А., “«Слово о полку Игореве» как памятник древнерусского языка”, в: “Слово о полку Игореве”. Сборник исследований и статей, Москва, Ленинград, 1950.

Васильев 2005

Васильев В. Л., *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*, Великий Новгород, 2005.

Высоцкий 1966

Высоцкий С. А., *Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв.*, 1, Киев, 1966.

Головацкий 1878, 1–4

Головацкий Я. Ф., *Народные песни Галицкой и Угорской Руси*, 1–4, Москва, 1879.

Гординський 1963

Гординський Св., *Слово о полку Ігореві и українська народна поезія*, Вінніпег, 1963.

Грінченко

Грінченко Б., *Словарь української мови*, 1–4, Київ, 1907–1909.

Грушевський 1993–1995, 1–6

Грушевський М. С., *Історія української літератури*, 1–6, Київ, 1993–1995.

Гронський 2005

Гронський Й., “Топоніміка літописного Пліснеська”, в: А. СЕРЕДЯК, підг., *Ольжині читання. Пліснеськ, 10 жовтня 2005 р.*, Львів, 2005, 27–35.

Даль

Даль В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 1–4, Москва, 1903–1909.

— 1879

Даль В. И., *Пословицы русского народа*, 1–2, С.-Петербург, Москва, 1879.

ДАРЯ 1–2

Диалектологический атлас русского языка, 1: *Вступительные статьи. справочные материалы. Фонетика*; 2: *Морфология*, Москва, 1986, 1989.

Добровольский 1894

Добровольский В. Л., сост. *Смоленский этнографический сборник*, 3: *Пословицы*, С.-Петербург, Москва, 1894.

— 1914

Добровольский В. Л., *Смоленский областной словарь*, Смоленск, 1914.

Дыбо 2006

Дыбо А. В., “Проблема реконструкции первоначального текста «Слова о полку Игореве» с лингвистической точки зрения”, в: А. Ю. Чернов, *Хроники изнаночного времени. “Слово о полку Игореве”: текст и окрестности*, С.-Петербург, 2006.

— 2010а

Dybo A., “Bulgars and Slavs: Phonetic Features in Early Loanwords,” in: E. MAŃCZAK-WOHNFELD, B. PODOLAK, ed., *Studies on the Turkic World. Festschrift in Honour of Stanisław Stachowski*, Kraków, 2010, 21–40.

— 2010б

Дыбо А. В. “Примечания к реконструкции древнерусского текста и к переводу А. Ю. Чернова”, в: [Чернов 2010], 57–208.

Желеховский 1886

Желеховский С., *Малоруско-німецький словар*, 1–2 Львів, 1886.

Житие Авраамия Ростовского

Титов А. А., “Житие преподобного Авраамия Ростовского чудотворца: По рукописи XVII в.”, *Ярославские губернские ведомости*, 1892, ч. неофиц., 52, 2; 53, 2 (рпк. XVII в. “Жития Авраамия и Иринарха Ростовских”, РНБ, Тит., 3691).

Зализняк 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

— 2008а

Зализняк А. А., “Слово о полку Игореве”: *взгляд лингвиста*, 3-е изд., Москва, 2008.

— 2008б

Зализняк А. А., *Древнерусские энклитики*, Москва, 2008.

——— 2010

Зализняк А. А., *Труды по акцентологии*, 1, Москва, 2010.

——— 2014

Зализняк А. А., *Древнерусское ударение: общие сведения и словарь*, Москва, 2014.

Ипат. лет.

Полное собрание русских летописей, 2: *Ипатьевская летопись*, 1: *Повесть временных лет*, изд. 3-е, Петроград, 1923.

Иродионов 1788

Иродионов П., *Исторические, географические и политические известия, до города Торопца и его округа касающиеся*, 2-е изд., С.-Петербург, 1788.

Кобів 2004

Кобів Ю., *Словник українських наукових і народних назв судинних рослин*, Київ, 2004.

Козырев 1975А

Козырев В. А., “Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах”, в: *Брянские говоры*, 3, Ленинград, 1975, 56–149.

——— 1975Б

Козырев В. А., “«Слово о полку Игореве» и современные русские народные говоры”, *Русская речь*, 5, 1975, 25–33.

——— 1976

Козырев В. А., “Словарный состав «Слова о полку Игореве» и лексика современных русских народных говоров”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*, 31, Ленинград, 1976, 93–103.

Котков 1958

Котков С. И. “Слово о полку Игореве” (*Заметки к тексту*), Москва, 1958.

Лавр. лет.

Полное собрание русских летописей, 1: *Лаврентьевская летопись*, 1: *Повесть временных лет*, изд. 2-е, Ленинград, 1926.

Левина 1975

Левина Г. М. “Кукушка, какушка, загоска”, *Русская речь*, 6, 1975, 71–72.

Лексика Полесья

Лексика Полесья. Материалы для полесского диалектного словаря, Москва, 1968.

Лихачев 1950

Лихачев Д. С., “Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве»”, в: *Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей*, Москва, Ленинград, 1950, 5–52.

Львов. лет.

Полное собрание русских летописей, 20: *Львовская летопись*, 1–2, С.-Петербург, 1910–1914.

МКЭ

Материалы диалектологических экспедиций Института славяноведения 1987–2013 гг., посвященных изучению карпатукраински говоров (Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН, г. Москва).

МРЭ

Материалы диалектологических экспедиций Института славяноведения 1994–2013 гг., посвященных изучению русских говоров (Отдел славянского языкознания Института славяноведения РАН, г. Москва).

Никитина 2002

Никитина А. В., *Кукушка в славянском фольклоре*, С.-Петербург, 2002.

Николаев 1988

Николаев С. Л., “Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи”, в: *Балто-славянские исследования 1986*, Москва, 1988, 115–154.

——— 1989

Николаев С. Л., “Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи (окончание)”, в: *Балто-славянские исследования 1987*, Москва, 1989, 187–225.

——— 1994

Николаев С. Л., “Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов”, *Вопросы языкознания*, 3, 1994, 23–49.

——— 2001

Николаев С. Л., “Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров”, в: *Вопросы русского языкознания*, 9: *Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах*, Москва, 2001, 104–118.

——— 2008

Николаев С. Л., “Балкано-карпатские изоглоссы как реликт позднепраславянского лингвистического ландшафта”, в: *Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой*, Москва, 2008, 125–139.

——— 2011

Николаев С. Л., “Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи”, *Славяноведение*, 6, 2011, 3–19.

——— 2012

Николаев С. Л., “Восточнославянские рефлексy акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *и-* основами”, в: *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011*, 2, Москва, 2012, 32–189.

Николаев и др. 2013

Николаев С. Л., Тер-Аванесова А. В., Толстая М. Н., “Вокализм полесских говоров в праславянской перспективе”, в: *Славянское языкознание: XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2013.

Носович 1870

Носович И. И., *Словарь белорусского наречия*, С.-Петербург, 1870.

Плисецкий 1982

Плисецкий М. М., “Героико-эпический стиль в восточнославянских колядках”, в: *Обряды и обрядовый фольклор*, Москва, 1982, 179–212.

Подвысоцкий 1885

Подвысоцкий А. И., *Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении*, С.-Петербург, 1885.

ПОС

Псковский областной словарь, 1–22, Ленинград, Санкт-Петербург, 1967–2011.

Рыбаков 1971

Рыбаков Б. А., “Слово о полку Игореве” и его современники, Москва, 1971.

Савваитов 1896

Савваитов П. И., *Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное*, С.-Петербург, 1896.

СБГ

Словарь брянских говоров, 1–4, Ленинград, 1976–1984.

СБГПЗ

Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, 1–5, Мінск, 1979–1986.

Седов 1982

Седов В. В., *Восточные славяне в VI–XIII вв.*, Москва, 1982.

СГРС

Словарь говоров русского Севера, 1–4, Екатеринбург, 2001–2009.

СДЭС

Толстой Н. И., общ. ред., *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*, 1–5, Москва, 1995–2012.

СлРЯ XI–XVII

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29–, Москва, 1975–2011–.

СОГ

Словарь орловских говоров, 1–11, Ярославль, Орел, 1989–2000.

СРЕЗНЕВСКИЙ

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, 1–4, С.-Петербург, 1893–1912.

СРНГ

Словарь русских народных говоров, 1–44–, Ленинград, С.-Петербург, Москва, 1965–2011–.

СССПИ

Виноградова В. Л., сост., *Словарь-справочник “Слова о полку Игореве”*, 1–6, Ленинград, 1965–1984.

СУЕТЕНКО 1980

СУЕТЕНКО В., “Со дна глубокого колодца”, *Литературная Россия*, 25 июля 1980, 20.

Тиунов 1950

Тиунов И. Д., “Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве»”, в: *Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей*, Москва, Ленинград, 1950, 196–203.

Толстая 2012

Толстая С. М., “Желать и жалеть: этимология и семантика”, в: *Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: слово и текст*, Москва, 2012, 266–280.

Топоров 1983

Топоров В. Н., “Ещё раз о Велесе-Волосе в контексте «основного» мифа”, в: *Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане*, Москва, 1983, 50–55.

——— 1988

Топоров В. Н., “Вокруг «лютого зверя» (голос в дискуссии)”, в: *Балто-славянские исследования. 1986*, Москва, 1988, 249–258.

Тупиков 1903

Тупиков Н. М., *Словарь древнерусских личных собственных имен*, С.-Петербург, 1903.

ФАСМЕР

ФАСМЕР М., *Этимологический словарь русского языка*, 1–4, Москва, 1964–1973.

Халанский 1886

Халанский М. Г., “Сведения и заметки о говорах русского языка. II. О некоторых особенностях народного говора в северной части Путивльского у. Курск. губернии”, *Русский филологический вестник*, 16/4, 1886, 220–234.

Халанский 1904

Халанский М. Г., “Народные говоры Курской губернии. (Заметки и материалы по диалектологии и народной поэзии Курской губернии). Приложение к отчету по 2-му отд.

- Акад. наук за 1902 г.", *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*, 76/5, 1904, 1–379.
- ХРОНОГРАФ 1679
Полное собрание русских летописей, 31, Ленинград, 1977.
- ЧЕРНОВ 1986
ЧЕРНОВ А. Ю., "Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве»", в: Д. С. ЛИХАЧЕВ, отв. ред., *Исследования "Слова о полку Игореве"*, Ленинград, 1986, 279–293.
- 2006
ЧЕРНОВ А. Ю., *Хроники изначального времени. "Слово о полку Игореве": текст и окрестности*, С.-Петербург, 2006.
- 2010
ЧЕРНОВ А. Ю., стих. пер., комментированный прозаич. пер. и посл., *Слово о полку Игореве*, А. В. ДЫБКО, прим., БОБРОВ А. Г., ст., С. К. РУСАКОВ, илл., Москва, 2010.
- ШАРЛЕМАНЬ 1951
ШАРЛЕМАНЬ Н. В., "Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве»", в: *Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*, 8, Москва, Ленинград, 1951, 53–67.
- ШИЛО 2008
ШИЛО Г., *Наддністрянський регіональний словник*, Львів, Нью-Йорк, 2008.
- ЭССЯ
Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд, О. Н. ТРУБАЧЕВ, ред., 1–, Москва, 1974–.
- ЯВОРНИЦКИЙ 1920
ЯВОРНИЦКИЙ Д. И., *Словник української мови*, 1, Катеринослав, 1920.
- ЯКОВСОН 1966
ЯКОВСОН R., "La Geste du Prince Igor", in: ИДЕМ, *Selected Writings*, 4, The Hague, Paris, 1966, 106–300.
- 1985
ЯКОВСОН R., "The Slavic God Veleś and His Indo-European Cognates," in: ИДЕМ, *Selected Writings. Contributions to Comparative Mythology: Studies in Linguistics and Philosophy, 1972–1982*, Berlin, New York, 1985, 33–48.
- ТІМБЕРЛЕЙК 1999
ТІМБЕРЛЕЙК А., "On the Imperfect Augment in «Slovo o Polku Igoreve»," in: H. BARAN, S. I. GINDIN ET AL., eds., *Roman Jakobson: Texts. Documents. Studies*, Moscow, 1999, 771–786.

References

- Abramenko O. A., Nikolaev S. L., Ter-Avaneso-va A. V., Tolstaya M. N., "Sistemy sootnosheniia gen. i dat. loc. a osnov v vostochnoslavianskikh iazykakh: sravnitel'no istoricheskii aspekt," in: *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, 16, Moscow, 2013, 63–165.
- Adrianova-Peretts V. P., "Slovo o polku Igoreve" i pamiatniki russkoi literatury XI–XIII vekov, Leningrad, 1968.
- Alekseev M. P., "K «snu Sviatoslava» v «Slove o polku Igoreve»," in: "Slovo o polku Igoreve". *Sbornik issledovaniĭ i stateĭ*, Moscow, Leningrad, 1950, 226–248.
- Bervets'kii Z., ed., *I skazhem pravdu v ochi vsim. Pĭsni ukrains'koi natsional'no-vyzvol'noi borot'by*, Drohobych, 1990.
- Bobrov A. G., "Problema podlinnosti «Slova o polku Igoreve» i Efosin Belozerskii," *Acta Slavica Iaponica*, 22, 2005, 238–298.
- Bulakhovskii L. A., "«Slovo o polku Igoreve» kak pamiatnik drevnerusskogo iazyka," in: "Slovo o polku Igoreve." *Sbornik issledovaniĭ i stateĭ*, Moscow, Leningrad, 1950.
- Charlemagne N. V., "Zametki naturalista k «Slovu o polku Igoreve»," in: *Tруды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*, 8, Moscow, Leningrad, 1951, 53–67.
- Chernov A. Iu., "Poeticheskaia polisemiia i sfragida avtora v «Slove o polku Igoreve»," in:

D. S. Likhachov, ed., *Issledovaniia "Slova o polku Igoreve"*, Leningrad, 1986, 279–293.

Chernov A. Iu., *Khroniki iznatochnogo vremeni. "Slovo o polku Igoreve": tekst i okrestnosti*, St. Petersburg, 2006.

Chernov A. Iu., *Slovo o polku Igoreve*, Moscow, 2010.

Dybo A. V., "Problema rekonstruktsii pervonachalnogo teksta «Slova o polku Igoreve» s lingvističeskoj točki zreniia," in: A. Iu. Chernov, *Khroniki iznatochnogo vremeni. "Slovo o polku Igoreve": tekst i okrestnosti*, St. Petersburg, 2006.

Dybo A., "Bulgars and Slavs: Phonetic Features in Early Loanwords," in: E. Mańczak-Wohlfeld, B. Podolak, ed., *Studies on the Turkic World. Festschrift in Honour of Stanisław Stachowski*, Kraków, 2010, 21–40.

Dybo A. V. "Primechaniia k rekonstruktsii drevnerusskogo teksta i k perevodu A. Iu. Chernova," in: Chernov A. Iu., *Slovo o polku Igoreve*, Moscow, 2010, 57–208.

Gronskiy I., "Toponimika litopysnogo Plisnes'ka," in: A. Serediak, ed., *Ol'zhyni chytannia. Plisnes'ka, 10 zhovtnia 2005 r.*, Lviv, 2005, 27–35.

Hordynskiy Sv., *Slovo o polku Igorevi i ukrains'ka narodna poeziia*, Vinnipeg, 1963.

Hrushevskiy M. S., *Istoriia ukrains'koï literatury*, 1–6, Kiev, 1993–1995.

Iavornyts'kyi D. I., *Slovyk ukrains'koï movy*, 1, Katerynoslav, 1920.

Jakobson R., "La Geste du Prince Igor," in: Idem, *Selected Writings*, 4, The Hague, Paris, 1966, 106–300.

Jakobson R., "The Slavic God Velesъ and His Indo-European Cognates," in: Idem, *Selected Writings. Contributions to Comparative Mythology: Studies in Linguistics and Philosophy, 1972–1982*, Berlin, New York, 1985, 33–48.

Kobiv Iu., *Slovyk ukrains'kykh naukovykh i narodnykh nazv sudynnykh roslyn*, Kiev, 2004.

Kotkov S. I. "Slovo o polku Igoreve" (*Zametki k tekstu*), Moscow, 1958.

Kozyrev V. A., "Slovarnye paralleli k leksike «Slova o polku Igoreve» v sovremennykh brianskikh i drugih narodnykh govorakh," in: *Brianske govory*, 3, Leningrad, 1975, 56–149.

Kozyrev V. A., "«Slovo o polku Igoreve» i sovremennye russkie narodnye govory," *Russkaia rech'*, 5, 1975, 25–33.

Kozyrev V. A., "Slovarnyi sostav «Slova o polku Igoreve» i leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov," in: *Trudy Otdela drevnerusskoï literatury Instituta russkoï literatury (Pushkinskii Dom) AN SSSR*, 31, Leningrad, 1976, 93–103.

Levina G. M. "Kukushka, kakushka, zagoska," *Russkaia rech'*, 6, 1975, 71–72.

Likhachov D. S., "Istoricheskie i politicheskie krugozory avtora «Slova o polku Igoreve»," in: *Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniï i statei*, Moscow,

Leningrad, 1950, 5–52.

Nikitina A. V., *Kukushka v slavianskom fol'klore*, St. Petersburg, 2002.

Nikolaev S. L., "Sledy osobennosti vostochnoslavianskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikoruskikh govorakh. I. Krivichi," in: *Balto-slavianskie issledovaniia 1986*, Moscow, 1988, 115–154.

Nikolaev S. L., "Sledy osobennosti vostochnoslavianskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikoruskikh govorakh. I. Krivichi (okonchanie)," in: *Balto-slavianskie issledovaniia 1987*, Moscow, 1989, 187–225.

Nikolaev S. L., "Ranee dialektnoe chlenenie i vneshnie svyazi vostochnoslavianskikh dialektov," *Voprosy iazykoznanii*, 3, 1994, 23–49.

Nikolaev S. L., "Iz istoricheskoï fonetiki i prosodii severo-zapadnykh govorov," in: *Voprosy russkogo iazykoznanii*, 9, Moscow, 2001, 104–118.

Nikolaev S. L., "Balkano-karpatские izoglossy kak relikty pozdnepraslavianskogo lingvisticheskogo landshafta," in: *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft. Iazyk i kul'tura. Pamiati Galiny Petrovny Klepikovoi*, Moscow, 2008, 125–139.

Nikolaev S. L., "Sledy osobennosti vostochnoslavianskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikoruskikh govorakh. Verkhnevolzhskie (tverskie) krivichi," *Slavianovedenie*, 6, 2011, 3–19.

Nikolaev S. L., "Vostochnoslavianskie refleksy aktsentnoi paradigmy *d* i indoevropeskie sootvetstviia slavianskim aktsentnym tipam sushchestvitel'nykh muzhskogo roda s *o*- i *u*-osnovami," in: *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Iazyk i kul'tura. 2009–2011*, 2, Moscow, 2012, 32–189.

Nikolaev S. L., Ter-Avanesova A. V., Tolstaya M. N., "Vokalizm polesskikh govorov v praslavianskoï perspektive," in: *Slavianskoe iazykoznanie: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady Rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013.

Plisetskii M. M., "Geroiko-epicheskie stil' v vostochnoslavianskikh kolliadkakh," in: *Obriady i obriadovyi fol'klor*, Moscow, 1982, 179–212.

Rybakov B. A., "Slovo o polku Igoreve" i ego sovremenniki, Moscow, 1971.

Sedov V. V., *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv.*, Moscow, 1982.

Shilo H., *Naddnistrians'kyi regional'nyi slovnyk*, Lviv, New York, 2008.

Suetenko V., "So dna glubokogo kolodtsa," *Literaturnaia Rossiia*, July 25, 1980, 20.

Timberlake A., "On the Imperfect Augment in «Slovo o Polku Igoreve»," in: H. Baran, S. I. Gindin et al., eds., *Roman Jakobson: Texts. Documents. Studies*, Moscow, 1999, 771–786.

Tiunov I. D., "Neskol'ko zamechaniï k «Slovu o polku Igoreve»," in: *Slovo o polku Igoreve: Sbornik issledovaniï i statei*, Moscow, Leningrad, 1950, 196–203.

Tolstaia S. M., "Zhelat' i zhalet': etimologiya i

semantika," in: *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Paleoslavistika: slovo i tekst*, Moscow, 2012, 266–280.

Toporov V. N., "Eshche raz o Velese-Volose v kontekste «osnovnogo» mifa," in: *Balto-slavianskie etnoiazykovye otnosheniia v istoricheskom i areal'nom plane*, Moscow, 1983, 50–55.

Toporov V. N., "Vokrug «liutogo zveria» (golos v diskussii)," in: *Balto-slavianskie issledovaniia. 1986*, Moscow, 1988, 249–258.

Vasilyev V. L., *Arkhaicheskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia)*, Veliky Novgorod, 2005.

Vasmer M., *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka*, 1–4, Moscow, 1964–1973.

Vinogradova V. L., *Slovar'-spravochnik "Slova o polku Igoreve"*, 1–6, Leningrad, 1965–1984.

Vysotskii S. A., *Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi XI–XIV vv.*, 1, Kiev, 1966.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Zalizniak A. A., "Slovo o polku Igoreve": *vzgliad lingvista*, 3rd ed., Moscow, 2008.

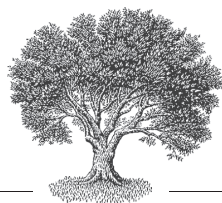
Zalizniak A. A., *Drevnerusskie enklitiki*, Moscow, 2008.

Zalizniak A. A., *Trudy po aktsentologii*, 1, Moscow, 2010.

Zalizniak A. A., *Drevnerusskoe udarenie: obshchie svedeniia i slovar'*, Moscow, 2014.

Сергей Львович Николаев, д. филол. наук
ведущий научный сотрудник Отдела славянского языкознания
Института славяноведения РАН
119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Россия/Russia
sergenicko@mail.ru

Old Russian
Graffito Inscription
in the Abbey
of Saint-Gilles,
South of France

Древнерусская
надпись-граффито
в аббатстве
Сен-Жиль
на юге Франции

Anne-Sophie Brun

University of Provence / National Centre
for Scientific Research (Aix-en-Provence)

Анн-Софи Брюн

Университет Прованса /
Национальный центр научных
исследований (Экс-ан-Прованс)

Andreas Hartmann-Virnich

University of Provence / National Centre
for Scientific Research (Aix-en-Provence)

Андреас Хартманн-Фирних

Университет Прованса /
Национальный центр научных
исследований (Экс-ан-Прованс)

Estelle Ingrand-Varenne

University of Poitiers, Center for Advanced
Studies in Medieval Civilization / National
Centre for Scientific Research (Poitiers)

Эстелль Ингран-Варенн

Университет Пуатье, Центр изучения
средневековой цивилизации /
Национальный центр научных
исследований (Пуатье)

Savva M. Mikheev

Institute for Slavic Studies of the Russian
Academy of Sciences (Moscow)

Савва Михайлович Михеев

Институт славяноведения Российской
академии наук (Москва)

Abstract

The abbey of Saint-Gilles-du-Gard near Arles in the south of France was one of the most prominent pilgrimage sites in medieval Europe.

Recent archaeological investigation has shown that construction of the abbey church, one of the most significant Romanesque pilgrimage churches in southern France, began ca. 1170/1180. The lower church (crypt) with the tomb of St. Giles (Lat.

Aegidius, Fr. *Gilles*) and some of the walls of the upper church belong to that period.

A well-preserved Cyrillic graffito was discovered on a pier of the upper church, close to the spot where the tomb of St. Giles is located in the crypt below. The text contains a prayer with a common formula: ГН ПОМЪЗН | РАБОУ СВЪ|ЕМУ СЪМКЪ|ВН НННОСАА|ВНУЮ 'Lord, help your servant Semko, son of Ninoslav.' Palaeographic and linguistic analysis shows that the graffito is of Russian origin. It was probably made at some time between 1180 and 1250 by a pilgrim travelling from Russia to Santiago de Compostela, and it is the most geographically remote Old Russian graffito inscription discovered so far in western Europe.

Keywords

France, Saint-Gilles-du-Gard, medieval epigraphy, graffiti, palaeography, Cyrillic, Old Russian, pilgrims, pilgrimage roads, Santiago de Compostela, archaeology, building archaeology, 12th century, 13th century

Резюме

Одним из значительных паломнических центров средневековой Европы было аббатство Сен-Жиль-дю-Гар недалеко от Арля на Юге Франции. Согласно недавним археологическим исследованиям, возведение собора аббатства, одной из наиболее крупных позднероманских паломнических церквей на Юге Франции, началось около 1170/1180 года. К первой стадии строительства относятся нижний храм (крипта) с гробницей святого Эгидия (лат. *Aegidius*, фр. *Gilles*) и часть стен верхней церкви.

Хорошо сохранившееся кириллическое граффито было обнаружено на колонне верхней церкви, расположенной рядом с тем местом, под которым в крипте находится гробница св. Эгидия. Текст состоит из молитвы, записанной при помощи типичной формулы: ГН ПОМЪЗН | РАБОУ СВЪ|ЕМУ СЪМКЪ|ВН НННОСАА|ВНУЮ 'Господи, помоги рабу своему Семку Нинославичу'. По палеографическим и лингвистическим данным граффито является древнерусским и датируется временем не позже конца XIII века, предпочтительно — не позже середины XIII века.

Вероятно, найденное граффито было оставлено паломником, следовавшим из Руси в Сантьяго-де-Компостела примерно между 1180 и 1250 годами. На сегодняшний день это самая западная из выявленных древнерусских надписей-граффити.

Ключевые слова

Франция, Сен-Жиль-дю-Гар, средневековая эпиграфика, граффити, палеография, кириллица, древнерусский язык, паломники, паломнические дороги, Сантьяго-де-Компостела, археология, архитектурная археология, XII век, XIII век

1. The Abbey of Saint-Gilles-du-Gard

Since the early 11th century the abbey of Saint-Gilles-du-Gard in southern France was one of the most prominent pilgrimage sites in Western Europe. Such was the fame of its patron saint, the hermit Giles (Lat. *Aegidius*), that 12th-century sources refer to the southernmost pilgrimage road to Santiago de Compostela starting in

Arles as the *via Egidiana*. A record of the miracles of Saint Giles compiled between 1120 and 1170 and titled *Liber miraculorum sancti Egidii* suggests that Giles was particularly popular in Germany and in the countries of Northern and Eastern Europe.

The decline of the pilgrimage route and subsequent impoverishment of the monastery led to its secularization in 1538, and religious wars of the late 16th and early 17th century resulted in the destruction of the abbey church. After 1562 the church was used as a Protestant fortress. Its destruction was ordered and partially achieved at the Protestant garrison's departure in 1622. The spire was undermined to make it collapse, and the collapse caused severe damage to the transept and choir. In 1650–1655 a new church, fitted with a new polygonal apse, was erected within the six westernmost bays of the Romanesque nave. The dismantled choir and transept served as a quarry, and leftover stone was sold for a profit. The new church was rib-vaulted at a lower height than the medieval church, and the rib-vaulting was done in a post-gothic style popular in the southern regions of 17th-century France [HARTMANN-VIRNICH 2013B].

Beginning in 2009, a French-German archaeological research program conducted by the Laboratoire d'Archéologie Médiévale et Moderne en Méditerranée in Aix-en-Provence (LA3M UMR 7298 University of Aix-Marseille / CNRS) and the Institute of History of Architecture of the University of Stuttgart, has performed a stone-by-stone survey and analysis of the church and the ruins of monastic buildings of the abbey of Saint-Gilles-du-Gard. The team was directed by A. Hartmann-Virnich, Klaus Jan Philipp, and Heike Hansen.¹ Archaeological excavations were performed on the site where the cloister garth used to be.² Building archaeology, numismatic and carbon dating have now firmly established that the construction of the existing church did not start in 1116, as one of its inscriptions seemed to suggest. The stone with the inscription, presently located in the southern wall of the Romanesque crypt, was reused in the last quarter of the 12th century together with other ashlar material from the earlier building. In keeping with the dimensions of the largest pilgrimage churches of the time, the 12th-century church was built on a much larger scale than the earlier structure.

Though the late Romanesque abbey church was never completed, it was used for worship, as soon as the crypt and lower parts of the nave were ready. Pilgrims

¹ Program ANR–DFG AEGIDIANA–AEGIDIANA–*L'abbaye de Saint-Gilles-du-Gard. Recherches archéologiques, d'archéologie du bâti et archivistiques sur l'histoire monumentale d'un chef d'œuvre oublié de l'art roman en France / Die Abtei Saint-Gilles-du-Gard. Bauforschung, Archäologie und archivalische Studien zur Baugeschichte eines vergessenen Hauptwerks der französischen Romanik*. Co-directors: A. Hartmann-Virnich, Laboratoire d'Archéologie Médiévale et Moderne en Méditerranée LA3M UMR 7298 Aix-Marseille Université AMU / CNRS; K. J. Philipp and H. Hansen, Institut für Architekturgeschichte IFAG, University of Stuttgart.

² Cf. the works [HARTMANN-VIRNICH 2011; BUFFAT, SCHNEIDER, HARTMANN-VIRNICH 2011; HARTMANN-VIRNICH 2012; 2013A; HARTMANN-VIRNICH, HANSEN 2011; 2013A; 2013B; 2014; ECHTENACHER, HARTMANN-VIRNICH, HANSEN 2012; HARTMANN-VIRNICH ET AL. 2013].

had access to the three westernmost bays and to a large staircase in the third bay of the main nave. The staircase led into the lower church with its tomb of saint Giles in the fourth bay of the central nave. In the upper church, the bays of the central nave beyond those accessible to the pilgrims were concealed behind a choir screen. It was shaped like a large transverse wall and built at a later date between the western piers of the bay. Although at present there are no traces of solid walls between the central nave and the aisles, there can be no doubt that those spaces used to be separated, possibly by wooden screens or stalls of the choir. An altar was located in the fourth bay, one level above the tomb of the saint in the crypt. Another staircase, used exclusively by the monks, allowed access to the choir from the cloisters. The door from the crypt to that staircase was located in the third bay of the south aisle. The last of the three staircases, constructed at an earlier stage, provided access from the upper altar to the tomb of saint Giles below. It was built into the northern wall of the central bay of the crypt and adapted to the structure of the upper church.

Archaeological analysis of the church suggests that the construction of the nave was interrupted in the early 13th century. By then the lower church, the four westernmost bays of the aisles of the upper church, and the ambulatory of the upper church had been completed. From ca. 1261 on, construction continued at a slow pace in the eastern bays of the nave and the transept. While later visitors' descriptions suggest that the church was never completed, collapse of the upper stories, absence of iconographic evidence, and contradictions in historical records make it impossible to form a clear picture of the edifice before its ruin. Some parts of the choir were still in existence in the early 19th century, but little survives today.

2. The Inscription

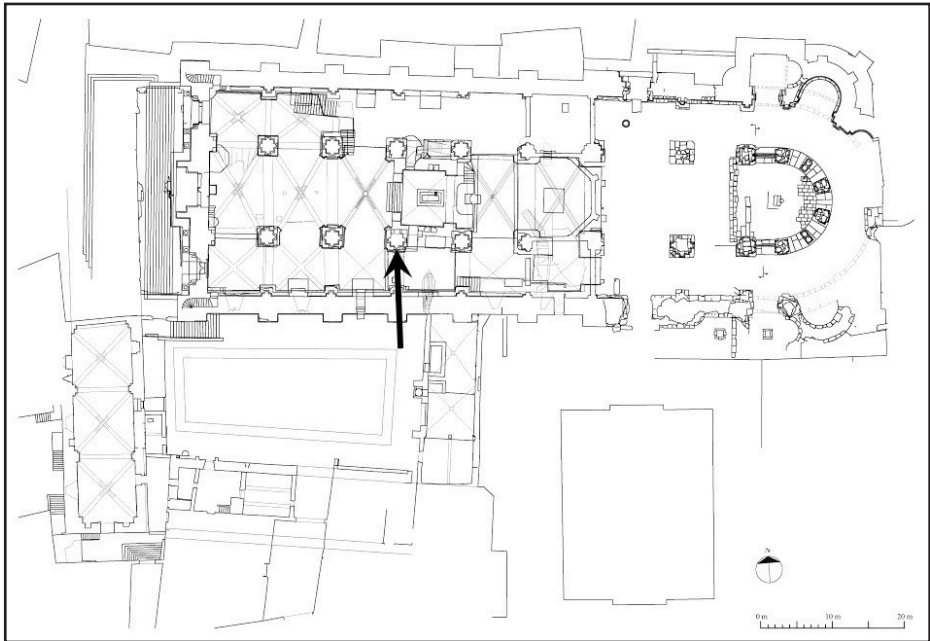
A detailed survey of the piers of the upper church by A. Hartmann-Virnich led to the discovery of an as yet unnoticed inscription, scratched on the shaft of the southern column of the south-western pier of the fourth bay from west to east. The pier is close to the altar above the tomb of saint Giles. The enigmatic characters of the inscription are filled with traces of what appears to be 17th-century paint, which suggests that the inscription is older than the 1650–1655 restoration of the church. Although some characters were tentatively identified by the archaeologist as Cyrillic, the hypothesis of a Slavic origin of the inscription seemed altogether implausible. Nevertheless, it was confirmed by further investigation.

The discovery of this highly unusual inscription provided an excellent occasion for a collective study by medievalists from different fields of specialization. Valuable input was provided by A.-S. Brun, masters student in building archaeology and epigraphy in charge of the project of scientific study of the abbey church inscriptions [BRUN 2013; 2014: 273–274, 312–313, fig. 38–41] under overall guidance from A. Hartmann-Virnich who also provided historical and architectural contextualization for the discovery. Further epigraphic

research by A.-S. Brun and E. Ingrand-Varenne of the Centre d'Études Supérieures de Civilisation Médiévale (CESCM) of the University of Poitiers, with support from S. M. Mikheev, a Slavist who examined the text and its Old Russian context, confirmed the hypothesis of the Slavic origin of the inscription.³

The inscription is preserved in situ on the southern side of the south-western pier of the fourth bay of the upper church, erected between ca. 1170/1180 and ca. 1210 (see fig. 1 and 2). The pier rests on a massive square footing which raises its base to ca. 60 cm above floor level. The base is shared by the pier and its engaged columns. The inscription is engraved above the base on the shaft of the southern column, 1.07 m above floor level. The area of the inscription is 18.5 cm wide and 14.5 cm high. The inscription is well preserved, mostly due to a whitewash coating.

Figure 1. Ground plan of the lower and upper church showing the location of the inscription by the black arrow (H. Hansen, University of Stuttgart, 2009–2012)⁴

³ We would like to thank Andrey Yu. Vinogradov and Alexander G. Avdeev for their help in connecting the future co-authors of this paper, and Alexey A. Gippius, Aleksandr E. Musin, Ilya B. Itkin, Aleksandr V. Nazarenko, Jos Schaeken for their helpful advice.

⁴ The to-scale stone-by-stone tacheometrical drawings were created by H. Hansen (Institut für Architekturgeschichte, Universität Stuttgart) for the French-German ANR–DFG research project AEGIDIANA (Laboratoire d'Archéologie Médiévale et Moderne en Méditerranée LA3M UMR 7298 Aix-Marseille Université/CNRS, Institut für Architekturgeschichte, Universität Stuttgart, 2009–2011).

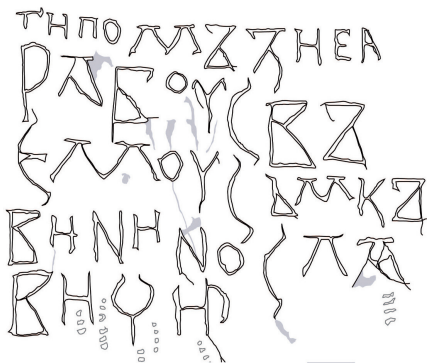
Notably, the pier is one of the four closest to the tomb of the saint in the lower church, and the inscription is located in the aisle. As stated above, the same pier was adapted at a later date, probably as early as the 13th century, to accommodate a massive choir screen. The screen separated the three western bays accessible to the pilgrims, and the central part of the nave used exclusively by the monastic community. The central part included the altar above the tomb of the saint. The aisles were probably accessible to laymen, visitors and pilgrims alike, and, obviously, the author of the inscription wanted to place it as close to the altar as possible.

Figure 2. Photograph of the pier showing the location of the inscription by the red arrow (A. Hartmann-Virnich)

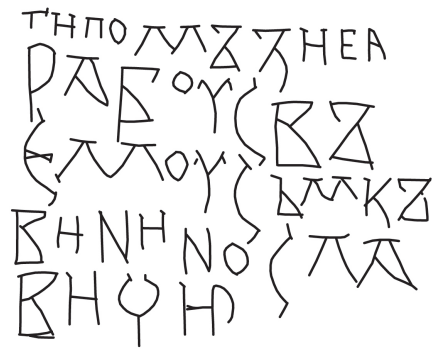

The text of the inscription is laid out in five horizontal lines. The letters were scraped in the stone, not incised by a professional stonemason's tool. Although the depth of the profile is low, the entire text is legible under strong light beamed from various angles. However, due to deep vertical tool marks on the surface of the stone, some letters are blurred. The two drawings of the inscription shown below (fig. 3) give two slightly different readings of the text. The first drawing was done by direct tracing of the outlines of the letters, and the second—by figuring out the general pattern from photographs.

Figure 3. Photograph and drawings of the inscription. The photograph was taken by A.-S. Brun, traced from the original by A.-S. Brun (left) and drawn from photographs by S. M. Mikheev (right)

Most notable defects
Traces of tools

0 5 10

The tracing was done on transparent film and is full scale. The second drawing is a digitally remastered copy of the tracing, proposing a reconstruction of the originally inscribed text. Features deemed accidental and irrelevant to the reading are omitted from the second drawing.

Tool marks around the inscription predate the epigraphic text. Letters were scratched into the surface of the stone. Irregular shape and size of individual letters could result from the fact that the writer did not have a proper cutting tool. Letters vary in size, and their contours are rounded and imprecise. Obviously, the cutter was not a professional, and was not equipped with a chisel and mallet. Although of a harder variety than in other parts of the church, the limestone of the pier was soft enough for fast work with rudimentary tools. It is clear that the inscription was made rather hastily with neither frame, nor pattern.

Letters do not follow a straight line, and lines sometimes curve to avoid crisscrossing letters from the row above. The text is regularly aligned only on the left side. Capital letters are irregular in shape with many size variations. Letters of the first line are particularly small, the first being 0.7 cm high and 1.7 cm wide. By comparison, the largest letter of the inscription (the last letter of the second line) is 4.2 cm high and 2 cm wide.

Although these features support the classification of the inscription as a graffito, its content is more in line with an inscription proper, a fact which puts in question the traditional division between the two epigraphic genres. In France medieval graffiti have so far been excluded from thorough scientific study,⁵ and are regrettably absent from Robert Favreau's overview of French medieval epigraphy [FAVREAU 1997].⁶ In Italy the study of graffiti, described by Armando Petrucci as "spontaneous textuality" [PETRUCCI 1996: 64],⁷ is more advanced [MIGLIO, TEDESCHI 2012]. A graffito is currently defined as an informal inscription made by a non-professional with any tool at hand. In most cases the author and the inscriber are the same person. A period-specific version of cursive writing is frequently used. Graffiti are further characterized by hasty execution (although a professional stonemason would have done the same job even faster), and poor legibility. Finally, in many cases graffiti are only detectable under grazing light, and thus easily escape researchers' observation.

Medieval West-European graffiti can be very roughly divided into two periods. From the 6th or 7th century AD to the end of the 12th century, graffiti tend to be found exclusively within religious and sacred context. Devotional graffiti near a sanctuary, near a relic, liturgical or obituary graffiti immortalizing the deceased were the most common types. From the 13th century on,

---

⁵ [TREFFORT 2004] is one of the exceptions.

⁶ For a definition, it is necessary to refer to the former article of [LECLERCQ 1925].

⁷ On graffiti, see also: [KRAACK, LINGENS 2001].

graffiti multiply and their content diversifies considerably. They can be found in different places, on different surfaces, and in a multitude of graphic forms [MIGLIO, TEDESCHI 2012].

The inscription in the abbey church of Saint-Gilles seems to belong to the earlier period. It is a traveller's, and more precisely, a pilgrim's graffito, though the formula *hic fuit*, consistent with graffiti from the late Middle Ages is absent. In the sanctuaries of Christendom the custom of leaving devotional graffiti on walls and columns close to saints' relics, crypts, altars, confessionals, etc. existed among worshipers since an early date. In general terms, a graffito commemorates an individual's visit to the holy place and sometimes gives its date.

Graffiti occupy a somewhat different place among the epigraphic production of Old Russia. Literacy levels were fairly high, and every church that has kept its original interior plastering has hundreds of graffiti left by parishioners. Such well-preserved churches can be found in Kiev, Novgorod, and Polotsk. Most of the inscriptions contain short prayers, or simply name the person praying (the prayer remains implied), yet other content is occasionally represented.⁸ There is a substantial body of Old Russian inscriptions outside Russia: pilgrims' graffiti have been found in Asia Minor, in Bethlehem, in Italy.⁹ They are particularly numerous in Istanbul: out of the seventy Cyrillic inscriptions found there all but one are Russian.¹⁰

A fair number of the once countless graffiti in and around the abbey church of Saint-Gilles have survived. Two early graffiti are located on the wall of the former arcade of the Romanesque cloisters facing the large western wall of the lower church. Poorly preserved, they are barely visible today, and though individual letters can be distinguished, the whole text remains illegible. Judging by the style, these inscriptions date back to the 12th century, and most likely predate the destruction of the northern walkway of the cloister in the last third of the 12th century when the abbey church was erected. The inscriptions may have referred to tombs originally located in the destroyed walkway [BRUN 2014: 310–311, fig. 35–37].¹¹ Figurative graffiti of an obviously later date are found on column shafts of the façade of the abbey church: men in armour carrying weapons; buildings; a crowned man carrying a fleur-de-lis. Since the 19th century the latter has been identified as St. Louis [RÉVOIL 1873: 64–65, fig. 1–2], although there is no positive proof for this interpretation.

⁸ On graffiti inscriptions in Old Russia see especially [МЕДЫНЦЕВА 2000: 74–83; FRANKLIN 2002: 71–74; ФРАНКЛИН 2010: 131–137]. Cf. the newest publications [КОРНИЄНКО 1–3; КАЛЕЧЫЦ 2011; ГИППИУС, МИХЕЕВ 2013].

⁹ See [DELL'AGATA 1973–1974; ДЕЛ'АГАТА 1978; АРТАМОНОВ, ГИППИУС, ЗАЙЦЕВ 2014].

¹⁰ See [АРТАМОНОВ, ГИППИУС 2012; АРТАМОНОВ, ГИППИУС, ЗАЙЦЕВ 2012].

¹¹ These two graffiti are not mentioned in the Corpus of inscriptions of medieval France [CIFM 13]. The only published bibliographical reference is [HARTMANN-VIRNICH, HANSEN 2013b: 300].

The newly discovered inscription from Saint-Gilles represents a unique case of text written in Cyrillic, previously not found in medieval epigraphic production in France. The majority of French medieval inscriptions are in Latin with a slow shift to vernacular languages in the Late Middle Ages. There are some examples of Greek, Arabic, and Hebrew texts catalogued in the “Corpus des inscriptions de la France médiévale,” but no inscriptions in Slavic languages. The very recent discovery of the yet unpublished Saint-Gilles inscription explains its absence in the thirteenth volume of the “Corpus” published in 1988 and dedicated to the epigraphic documents in the Gard, Lozère and Vaucluse departments known at the time [CIFM 13: 65–83 (notices 56–75)]. Two primary reasons explain why this inscription remained undiscovered for so long: first, the engraved text has been partially covered by distemper. Second, the inscription is located in a part of the church with low light, and is therefore not easily visible. Finally, its general appearance of a graffito rather than a formal inscription seems to be responsible for the lack of interest from scholars.

The text reads as follows:

- 1 ГНПОМЗЗНЕА
- 2 РАБОУСВЗ
- 3 ЕМОУСЪМКЗ
- 4 ВННННОСАА
- 5 ВНЧЮ

There are no punctuation marks, no blank spaces between words, and no obvious decorative elements; scriptio continua is used for the whole text. Words are divided between syllables (*свѣ|емоу, Съмкѣ|ви, Ниносла|вичю*), which explains the slight variations in the length of the five lines of the inscription. There is only one, very common, abbreviation: the word *Гу* (*Gi*) is a standard shortening for *Господу* (*Gospodi*) ‘Lord,’ though the shortening sign on top of the word (*титло*) is missing (a spelling that is not unknown). This word was rarely written unabbreviated.

There are two Latin letters *EA* in the end of the first line (after the word *помъзи* ‘help’), which do not belong to the Old Russian inscription. The first of these symbols is an E of rectangular shape (unlike the roundish *Е*-like letter in the Cyrillic text), the second letter is an A, which is graphically different from a typical Cyrillic A. The two letters are aligned with the other letters of the first line. It seems probable that the Latin letters, which remain unexplained in the context of the Russian text, were added more or less simultaneously by a contemporary who misinterpreted the Cyrillic writing and tried to complete it having in mind a different meaning, which we are unable to reconstruct.

Normalized transcription and translation of the Old Russian text:

ГН	ПОМЗЪН		РАБОУ	СВЪ ЕМОУ	СЪМКЪ ВН	НННОСЛА ВНЧЮ
g[ospod]i	pomozi		rabu	svoemu	semkovi	ninoslavičju
VOC.SG	IMPV.2SG		DAT.SG	DAT.SG.M	DAT.SG	DAT.SG.M
gospodъ	pomoči		rabъ	svoi	Semko	Ninoslavičъ
Lord	help		servant	POSS.REfl	Semko	son of Ninoslav

Translation: ‘Lord, help your servant Semko, son of Ninoslav.’

The text is written in the so-called *everyday system* (бытовая система) which allows to replace letter *e* with *ь* and letter *o* with *ѡ*—*помѡзи* instead of <помози>, *свѡемоу* for <своемоу>, *Сѡмкѡви* for <Семкови>. Everyday systems of writing of this kind were frequently used in Russia between roughly 1150 and 1300. Inscriptions using the formula *Господу помози рабѡу своему X* (initially a translation of the Greek formula *Κύριε βοήθει τὸν δουλὸν σου X*) are the most common among Old Russian epigraphy (especially in graffiti inscriptions on church walls), competing only with the short formula *X ньсалъ* ‘X wrote (it),’ cf. [FRANKLIN 2002: 72; ФРАНКЛИН 2010: 134]. The most noticeable palaeographic features of the inscription are the following: a *p* with a round loop and straight stroke (type Ia according to [ЗАЛИЗНЯК 2000]); mirror-*a* (type 5); *c* and *e* with marked serifs. Unfortunately for dating, there is only one position of the tell-tale etymological *yer* in the inscription. The weak *yer* (extra-short vowel etymologically) between *m* and *k* is absent in the word *Сѡмкѡви* <Семкови> which would be normal for an inscription written after 1150 or thereabout.¹²

The name *Semko* (Семко) is a short form of the Christian name *Semeon/Simeon*. *Ninoslav* (Нинославъ) is a Slavic name, well-known among Southern Slavs [МОРОШКИН 1867: 139]. Its second root *-slav-* is one of the most common among Slavic personal names, whereas the first root *Nin-* is less frequent. In Old Russia it can be traced only in Novgorod in forms like *Ninoněgъ*, *Ninomirъ*, *Ninъka*, *Ninъko*.¹³ Since the use of non-baptismal names in Russia decreased constantly from the 11th to the 13th century (cf. [ЗАЛИЗНЯК 2004: 211–216]), it may be concluded that 1180 to 1250 is a more probable dating than the latter half of the 13th century. Dativus singularis with the ending

¹² Palaeographic and linguistic dating according to [ЗАЛИЗНЯК 2000]: 1140–1280, preferred 1160–1280. Dating features: *a* (type 5) “mirror” (1140–1380, prefer. after 1160); *в* (type V) “the lower sidelong line—unto the mast” (after 1140, prefer. before 1380); *д*, *л*, *а*, *а* regularly with cover (3/3) (before 1280); *м* (type 2) “top serifs” (prefer. before 1280); language: the extra-short vowels are lost (1×) (after 1120, prefer. after 1160).

¹³ Cf. [ВАСИЛЬЕВ 2005: 211–212; 2012: 268]. The name *Ninomirъ probably appears in the Saint Sophia Cathedral, Novgorod, inscriptions №№ 18 and 50 which its publisher did not decipher properly [МЕДЫНЦЕВА 1978: 42, 65] (the reading was suggested by A. A. Gippius).

-*ovi* (instead of -*u*) was very common in South-Western, Western and North-Western parts of Russia. However, in the Novgorod region it was not in use after the beginning of the 13th century [ЗАЛИЗНЯК 1986: 134–135; ИТКИН, КОГАН 2006]. The use of Dativus singularis -*ovi* (*Сѣмкъѡви*) and the lack of *ts—ch* merger (*Нинославиѡю*) in the Saint Gilles inscription points to the fact that Semko was not from Novgorod.

3. Russian Pilgrims on the Road to Santiago de Compostela

The newly-found graffito is the most remote of known Old Russian inscriptions. Fortunately, we can demonstrate that Semko Ninoslavich was not the only Old Russian pilgrim to follow the pilgrimage roads between Rome and Santiago de Compostela.

There are many objects that were brought to Russia by pilgrims from the West—from Rome to Cherven' (nowadays—Czermno in Poland) at the end of the 12th and in the 13th century, from Bari to Novgorod at the end of the 12th century, from Santiago de Compostela to Novgorod, Staraya Russa, Vitebsk (present day Belarus), and Iziaslavl' (nowadays—Shepetivka in Ukraine) in the 13th, 14th, and 15th centuries.¹⁴

On the road from Rome to Santiago, in St. Martin's Cathedral in Lucca, two Russian pilgrims left their graffiti between the mid-11th and the mid-13th century. According to the study published in [DELL'AGATA 1973–1974] and [ДЕЛ'АГАТА 1978], the first text reads:

+	ЛАЗОРЬ	ПСЛЛЗ ·	АР[Ы]ШЕВНЪ ·	РОСТН[СЛА]ВЛЬ ·
	Lazorъ	psalъ	Jar[y]ševičъ	Rosti[sla]vľ
	NOM.SG	L-PART.SG.M	NOM.SG.M	NOM.SG.M
	Lazorъ	ръsati	Jaryševičъ	Rostislavlъ
	Lazor'	write	son of Yarysh	of Rostislav

Translation: 'Lazor' wrote, son of Yarysh, [. . .] of [the prince] Rostislav.'

The inscription is quite decorative, with a ligature *ми* at the end of the second line. The most probable reconstruction of the patronymic is *Ар[ы]шевичь* (*Jar[y]ševičъ*).¹⁵ There is an additional slanting line after the dot in the third line, which probably was the first line of a letter left unfinished by Lazor'. This line can be attributed to an *л* (*l*), a *д* (*d*) or an *м* (*m*). It can be interpreted as the first letter of a new word, which contextually would have to be a noun. Perhaps it was the word *дьякъ* (*dъjakъ*) or *дьяконъ* (*dъjakonъ*), not in the sense of

¹⁴ Particularly about these finds see [МУСИН 2009: 252–256; МУСИН 2012].

¹⁵ Cf. the name *Jaryšъ* in three birchbark letters of the 12th and 13th centuries from Novgorod and Smolensk [ЗАЛИЗНЯК 2004: 822], *Jaryševa*, name of the street in Novgorod (first mentioned in 1195), and Ivan Yaryshevich, a Novgorodian, mentioned in the chronicle in 1217 [НПЛ: 57, 258].

‘deacon,’ but in the sense of ‘scribe,’ i.e., ‘scribe of Rostislav.’ In Old Russia the name *Rostislav* was used only by the ruling dynasty of Rurikids, and was one of their favourite names in the 12th and 13th centuries. Some help to identify the prince may be provided by the second Russian graffito from Lucca, which is much smaller in size and immediately follows the inscription of Lazar’:

ДЪЈАКОНЪ	МОУРО МЬСКЪН	ПСАЛЪ
dъjakonъ	muromъskъi	psalъ
NOM.SG	NOM.SG.M	L-PART.SG.M
dъjakonъ	muromъskъi	pъsati
scribe	of Murom	write

Translation: ‘Scribe from Murom wrote [it].’¹⁶ As we have already mentioned above, the word *dъjakonъ* was used in Old Russian in two senses—‘deacon’ and ‘scribe’ and in our case there are some clues for a preferential reading. The quoted graffito stands out with its strange formula. Hundreds of Old Russian inscriptions use the formula X *pъsalъ* ‘X wrote [it],’ but there is no name of the author in this case. That is why this text probably has to be treated as a complement to the unfinished inscription of Lazar’. In that case the two inscriptions from Lucca would in fact be a single graffito of Lazar’ Yaryshevich, a scribe of Rostislav, prince of Murom. The only Rostislav to rule in Murom was Rostislav, Yaroslav’s son, who ruled the principality of Murom in 1145–1147 and 1149–1153.¹⁷

The reason why Russian pilgrims worshipped the tomb of St. Giles may be found in Polish history. It would have been widely known in Old Russia that the birth of the future Polish king Bolesław III Wrymouth (1086–1138), son of Władysław I Herman, had been attributed to the help of saint Giles. Władysław I Herman ordered the construction of no fewer than three churches dedicated to Saint Aegidiusz in Kraków, Inowłodz and Giebultow. By 1102 Bolesław married a Russian princess Zbyslava, daughter of Sviatopolk, prince of Kiev. Two sisters and two daughters of Bolesław were married to Russian princes.

¹⁶ This graffito stands out with its dialect East Slavic *-ъи* (*-ъi*) instead of *-ьи* (*-yi*) in an unstressed position [СОБОЛЕВСКИЙ 1907: 229–233].

¹⁷ The dual inscription of Lazar’ Jaryshevich is reminiscent of a scribe’s inscription in the St. Sophia Cathedral in Novgorod which also falls in two parts: a carefully done beginning and a sloppy ending. Graffito no. 115/252 reads: МЖТНЖНРЪ ОГА|ФАНГ|Є|Л|ОВИЦЕ | ПНСЕЦЬ ВО ГЮРГ|Є|ВЕ ДВОРЪ ‘Mutizhir Ogafangelovich, scribe at the Giorgi’s (= George’s) court’ [Гиппиус, Михеев 2013: 161–162] (somewhere in the middle of the second line the shape of the letters and the graphic system change altogether). It seems that at least two Old Russian scribes incising their graffiti on church walls in the 11th–12th centuries used two ways of writing in their texts: Mutizhir, scribe of Giorgi (probably identical to Giuriata, who was a Novgorod posadnik in the end of the 11th–beginning of the 12th century), and Lazar’, scribe of prince Rostislav in the middle of the 12th century.

4. Conclusions

The recently discovered Old Russian Cyrillic graffito in the church of the abbey of Saint-Gilles-du-Gard was made no earlier than 1170 or 1180 and, most likely, no later than 1250 or thereabout. The terminus post quem is based on thorough examination of new building archaeology data for the abbey church, and the terminus ante quem on palaeographic and linguistic analysis of the inscription.

Scratched onto a column in the upper church as close as possible to where there used to be an altar one floor above the tomb of St. Giles, the graffito was probably made by a pilgrim. It is the only direct evidence of the worship of this saint in Russia, and at the same time the most significant evidence of the pilgrimage from Old Russia to Santiago de Compostela.

Bibliography

BRUN 2013

Brun A.-S., *Archéologie du bâti et Épigraphie médiévale. L'exemple de l'Abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard* (masters thesis, 1–2, Aix-Marseille Université, 2013).

——— 2014

Brun A.-S., “Les inscriptions lapidaires de l'abbaye saint-gilloise: inventaire et étude, entre problématiques méthodologiques et résultats de la recherche,” in: A. Hartmann-Virnich, H. Hansen, M.-P. Bonetti, A.-S. Brun, *Projet collectif de recherche “AEGIMAIOR. L'ancienne abbaye de Saint-Gilles-du-Gard. Archéologie et histoire monumentale d'un site monastique majeur du Midi de la France.” Année 2012, n° d'autorisation 12/557-8899* (Rapport de complément d'activité. Janvier 2014, Montpellier, 2014, 253–339).

BUFFAT, SCHNEIDER, HARTMANN-VIRNICH 2011

Buffat L., Schneider L., Hartmann-Virnich A., “Saint-Gilles: Les Jardins du Cloître,” *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon 2010*, 2011, 85–86.

CIFM 13

Favreau R., Michaud J., Mora B., éd., *Corpus des inscriptions de la France médiévale, 13: Gard, Lozère, Vaucluse*, Paris, 1988.

DELL'AGATA 1973–1974

Dell'Agata G., “Antiche iscrizioni cirilliche nel Duomo di Lucca,” *Ricerche slavistiche*, 20–21, 1973–1974, 5–14.

ECHTENACHER, HARTMANN-VIRNICH, HANSEN 2011

Echtenacher G., Hartmann-Virnich A., Hansen H., “Reconstructing the Building Process of Saint-Gilles-du-Gard Abbey. 3-D Modelling as an Instrument for Archaeological Analysis of Historic Architecture. Work in progress,” in: C. PÈRE, J. ROLLIER-HANSELMANN, éd., *Arch-I-Tech 2010: Actes du colloque. Cluny (France), 17–18–19 novembre 2010* (= *Archéovision*, 5), Bordeaux, 2011, 171–77.

FAVREAU 1997

Favreau R., *Épigraphie médiévale*, Turnhout, 1997.

FRANKLIN 2002

Franklin S., *Writing, Society, and Culture in Early Rus, c. 950–1300*, Cambridge, 2002.

HARTMANN-VIRNICH 2010

HARTMANN-VIRNICH A., "Saint-Gilles-du-Gard. Projet de recherche AEGIDIANA," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2009, 2010, 90–92.

——— 2012

HARTMANN-VIRNICH A., "L'inscription de la fondation de l'abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard: réflexions sur un problème archéologique," in: R. ALCOY ET AL., éd., *Le plaisir de l'art du Moyen Age. Commande, production et réception de l'uvre d'art. Mélanges en hommage à Xavier Barral i Altet*, Paris, 2012, 140–148.

——— 2013A

HARTMANN-VIRNICH A., "Saint-Gilles. AEGIMAIOR ancienne abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2012, 2013, 100–101.

——— 2013B

HARTMANN-VIRNICH A., «Et le dessin dicelle nestre pas en forme deglize». Déchéance, infortune et réparation de l'abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard aux XVIe et XVIIe siècles," in: C. BLONDEAU, B. BOISSAVIT-CAMUS, Y. BOUCHERAT, P. VOLTI, éd., *Ars auro gemmisque prior: Mélanges en hommage à Jean-Pierre Caillet* (= Dissertationes et monographiae), Zagreb, Motovun, 2013, 259–266.

HARTMANN-VIRNICH ET AL. 2013

HARTMANN-VIRNICH A., BRUN A.-S., CRESPIN A., BONETTI M.-P., DABAS M., GUIBAL F., JALLET-PONS C., HANSEN H., BÉNÉZET J., PALAZZO-BERTHOLON B., VACHEYROUX G., *Projet collectif de recherche "AEGIMAIOR. L'ancienne abbaye de Saint-Gilles-du-Gard. Archéologie et histoire monumentale d'un site monastique majeur du Midi de la France."* Rapport pour l'année 2012, Montpellier, 2013.

HARTMANN-VIRNICH, HANSEN 2010

HARTMANN-VIRNICH A., HANSEN H., "Saint-Gilles, ancienne abbaye, programme de recherche franco-allemand ANR-DFG AEGIDIANA," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2010, 2010, 82–84.

——— 2013A

HARTMANN-VIRNICH A., HANSEN H., dir., *L'ancienne abbaye de Saint-Gilles-du-Gard: Nouvelles recherches sur un monument majeur de l'art roman* (= *Bulletin monumental*, 171/4), Paris, 2013.

——— 2013B

HARTMANN-VIRNICH A., HANSEN H., "Saint-Gilles-du-Gard: L'église abbatiale et les bâtiments monastiques: Nouvelles recherches archéologiques," in: HARTMANN-VIRNICH, HANSEN 2013A, 293–339.

——— 2014

HARTMANN-VIRNICH A., HANSEN H., "Saint-Trophime in Arles und Saint-Gilles-du-Gard. Neuere und aktuelle archäologische Forschungen zu den romanischen Kirchenbauten und ihren Skulpturenfassaden an der provençalischen *Via Egidiana*," in: B. NICOLAI, ed., *Santiago de Compostela. Pilgerarchitektur und bildliche Repräsentation in neuer Perspektive. Arquitectura de peregrinación y representaciones iconológicas desde una nueva perspectiva. Pilgrimage Architecture and Pictorial Concepts in a New Perspective. Actes du colloque international, Berne, 25–27 mars 2010*, Bern, to be published in 2014.

KRAACK, LINGENS 2001

KRAACK D., LINGENS P., *Bibliographie zu historischen Graffiti zwischen Antike und Moderne*, Krems, 2001.

LECLERCQ 1925

LECLERCQ H., "Graffites," in: *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, 6/2, Paris, 1925, 1501–1541.

MIGLIO, TEDESCHI 2012

MIGLIO L., TEDESCHI C., "Per lo studio dei graffiti medievali. Caratteri, categorie, esempi." in: P. FIORETTI, ed., *Storie di cultura scritta. Scritti per Francesco Magistrale*, Spoleto, 2012, 605–628.

MUSIN 2012

MUSIN A., "Z wiecznego Rzymu nad Bug — znaki pielgrzymie z Czerмна (Czerwienia). Aus dem ewigen Rom bis zum Bug: Die Pilgerzeichen aus Czerмно (Červen'). Da Roma città eterna al fiume Bug Occidentale: placchette di pellegrini da Czerмно (Červen'). От Вечного Рима к течению Буга: паломнические реликвии из Чермно (Червеня)," in: J. BAGIŃSKA, M. PIOTROWSKI, M. WOŁOSZYN, red., *Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem: Katalog wystawy. Červen' — eine Burg zwischen Ost und West: Ausstellungskatalog. Červen' — un castrum tra Oriente e Occidente: Catalogo della mostra. Червень — град між Сходом і Заходом: Каталог виставки*, Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów, 2012, 243–255.

PETRUCCI 1996

PETRUCCI A., "Graffito", in: *Enciclopedia dell'arte medievale*, 7, Roma, 1996, 64–66.

RÉVOIL 1873

RÉVOIL H., *Architecture romane du midi de la France*, 2, Paris, 1873.

TREFFORT 2004

TREFFORT C., "Les «graffitis» sur tables d'autel aux époques pré-romane et romane. Note à propos des inscriptions de l'autel de Gellone," in: X. BARRAL I ALTET, C. LAURANSON-ROSAZ, ed., *Saint-Guilhem-le-Désert. La fondation de l'abbaye de Gellone. L'autel médiéval. Actes de la table ronde d'août 2002*, Aniane, 2004, 137–146.

АРТАМОНОВ, ГИППИУС 2012

АРТАМОНОВ Ю. А., ГИППИУС А. А., "Древнерусские надписи Софии Константинопольской", в: К. В. НИКИФОРОВ, отв. ред., *Славянский альманах 2011*, Москва, 2012, 41–52.

АРТАМОНОВ, ГИППИУС, ЗАЙЦЕВ 2012

АРТАМОНОВ Ю. А., ГИППИУС А. А., ЗАЙЦЕВ И. В., "Древнерусские надписи-граффити Константинопольской Софии: Предварительные итоги исследования", в: В. Б. ПЕРХАВКО, сост., *1150 лет Российской государственности и культуры: Материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященного Году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.)*, Москва, 2012, 282–292.

— 2013

АРТАМОНОВ Ю. А., ГИППИУС А. А., ЗАЙЦЕВ И. В., "«И с отцом, и с матерью, и со всею братьею...»: Два древнерусских граффито из базилики Рождества Христова в Вифлееме", *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*, 2 (52), 2013, 86–91.

ВАСИЛЬЕВ 2005

ВАСИЛЬЕВ В. Л., *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*, Великий Новгород, 2005.

— 2012

ВАСИЛЬЕВ В. Л., *Славянские топонимические древности Новгородской земли*, Москва, 2012.

ГИППИУС, МИХЕЕВ 2013

ГИППИУС А. А., МИХЕЕВ С. М., "О подготовке свода надписей-граффити Новгородского Софийского собора", в: А. М. МОЛДОВАН, отв. ред., *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г.: Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 152–179.

Дел'Агата 1978

Дел'Агата Дж., "Стари кирилски надписи в катедралата «Сан Мартино» в град Лукка", в: Н. Годоров, В. Тыпкова-Заимова, Н. Драгова, М. Жечев, Л. Генова, ред., *Славянские культуры и Балканы*, 1: IX–XVII вв., София, 1978, 62–65.

Зализняк 1986

Зализняк А. А., "Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения", в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.)*, Москва, 1986, 89–219.

— 2000

Зализняк А. А., "Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование", в: В. Л. Янин, А. А. Зализняк, *Новгородские грамоты на бересте*, 10: (Из раскопок 1990–1996 гг.). *Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование*, Москва, 2000, 134–429.

— 2004

Зализняк А. А., *Древненовгородский диалект*, 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг., Москва, 2004.

Иткин, Коган 2006

Иткин И. Б., Коган Ю. К., "Окончание дательного падежа *-ови* в древненовгородском диалекте", *Русский язык в научном освещении*, 2 (12), 2006, 204–212.

Калечиц 2011

Калечиц Г. Л., *Эпиграфика Беларуси X–XIV стст.*, Минск, 2011.

Корнієнко 1–3

Корнієнко В. В., *Корпус графіті Софії Київської (XI – початок XVIII ст.)*, 1–3, Київ, 2010–2011.

Медынцева 1978

Медынцева А. А., *Древнерусские надписи новгородского Софийского собора: XI–XIV века*, Москва, 1978.

— 2000

Медынцева А. А., *Грамотность в Древней Руси: По материалам эпиграфики X – первой половины XIII века*, Москва, 2000.

Морошкин 1867

Морошкин М., *Славянский именовослов, или Собрание славянских личных имен в алфавитном порядке. = Onomasticon Slavicum, seu Collectio Personalium Slavicorum Nominum*, С.-Петербург, 1867.

Мусин 2009

Мусин А. Е., "Паломничество в Древней Руси: исторические концепции и археологические реалии", в: Л. А. Беляев, ред.-сост., *Archeologica Abrahamica: Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама*, Москва, 2009, 231–272.

НПЛ

Насонов А. Н., ред., *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Москва, Ленинград, 1950.

Соболевский 1907

Соболевский А. И., *Лекции по истории русского языка*, 4-е изд., Москва, 1907.

Франклин 2010

Франклин С., *Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.)*, С.-Петербург, 2010.

References

- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., "Drevnerusskie nadpisi Sofii Konstantinopol'skoi," in: K. V. Niforov, ed., *Slavianskii al'manakh 2011*, Moscow, 2012, 41–52.
- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V., "Drevnerusskie nadpisi-graffiti Konstantinopol'skoi Sofii: Predvaritel'nye itogi issledovaniia," in: V. B. Perkhavko, ed., *1150 let Rossiiskoi gosudarstvennosti i kul'tury: Materialy k Obshchemu sobraniu Rossiiskoi akademii nauk, posviashchennogo Godu rossiiskoi istorii*, Moscow, 2012, 282–292.
- Artamonov Yu. A., Gippius A. A., Zaitsev I. V., "«I s ottsom, i s mater'iu, i so vseiu brat'eiu...»: Dva drevnerusskikh graffito iz baziliki Rozhdestva Khristova v Vifleeme," *Drevnitaia Rus': Voprosy medievistiki*, 2 (52), 2013, 86–91.
- Buffat L., Schneider L., Hartmann-Virnich A., "Saint-Gilles: Les Jardins du Cloître," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2010, 2011, 85–86.
- Dell'Agata G., "Antiche iscrizioni cirilliche nel Duomo di Luca," *Ricerche slavistiche*, 20–21, 1973–1974, 5–14.
- Dell'Agata G., "Stari kirilski nadpisi v katedralata «San Martino» v grad Lukka," in: N. Todorov, V. Typkova-Zaimova, N. Dragova, M. Zhechev, L. Genova, eds., *Slavianskie kul'tury i Balkany*, 1: IX–XVII vv., Sofia, 1978, 62–65.
- Echtenacher G., Hartmann-Virnich A., Hansen H., "Reconstructing the Building Process of Saint-Gilles-du-Gard Abbey. 3-D Modelling as an Instrument for Archaeological Analysis of Historic Architecture. Work in progress," in: C. Pere, J. Rollier-Hanselmann, eds., *Proceedings of the International Conference. Actes du colloque international Arch-I-Tech, Archéologie / architecture Ingénierie-Technologie, Cluny, 17–19 novembre 2010*, Bordeaux, 2011, 171–77.
- Favreau R., *Épigraphie médiévale*, Turnhout, 1997.
- Favreau R., Michaud J., Mora B., éd., *Corpus des inscriptions de la France médiévale*, 13: Gard, Lozère, Vaucluse, Paris, 1988.
- Franklin S., *Writing, Society, and Culture in Early Rus, c. 950–1300*, Cambridge, 2002.
- Franklin S., *Pis'mennost', obshchestvo i kul'tura v Drevnei Rusi (okolo 950–1300 gg.)*, St. Petersburg, 2010.
- Gippius A. A., Mikheev S. M., "O podgotovke Svoda nadpisei-graffiti Novgorodskogo Sofiiskogo sobora," in: A. M. Moldovan, ed., *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki: XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.: Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 152–179.
- Hartmann-Virnich A., "Saint-Gilles-du-Gard. Projet de recherche AEGIDIANA," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2009, 2010, 90–92.
- Hartmann-Virnich A., "L'inscription de la fondation de l'abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard: étude de cas d'un problème archéologique," in: R. Alcoy, G. Mallet, V. Lucherini, M. Gianandrea, éd., *Le plaisir de l'art du Moyen Age. Commande, production et réception de l'œuvre d'art. Mélanges en hommage à Xavier Barral I Altet*, Paris, 2012, 140–148.
- Hartmann-Virnich A., "Saint-Gilles. AEGIMAIOR ancienne abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2012, 2013, 100–101.
- Hartmann-Virnich A., "Et le dessain dicelle nestre pas en forme deglize. Déchéance, infortune et réparation de l'abbatiale de Saint-Gilles-du-Gard aux XVIe et XVIIe siècles," in: M. Jurkovic, éd., *Mélanges en hommage à Jean-Pierre Caillet*, Turnhout, 2013, 259–266.
- Hartmann-Virnich A., Brun A.-S., Crespin A., Bonetti M.-P., Dabas M., Guibal F., Jallet-Pons C., Hansen H., Bénézet J., Palazzo-Bertholon B., Vacheyroux G., *Projet collectif de recherche "AEGIMAIOR. L'ancienne abbaye de Saint-Gilles-du-Gard. Archéologie et histoire monumentale d'un site monastique majeur du Midi de la France." Rapport pour l'année 2012*, Montpellier, 2013.
- Hartmann-Virnich A., Hansen H., "Saint-Gilles, ancienne abbaye, programme de recherche franco-allemand ANR-DFG AEGIDIANA," *Bilan scientifique de la région Languedoc-Roussillon* 2010, 2010, 82–84.
- Hartmann-Virnich A., Hansen H., "Saint-Gilles-du-Gard: Légende abbatiale et les bâtiments monastiques: Nouvelles recherches archéologiques," in: Hartmann-Virnich A., Hansen H., dir., *L'ancienne abbaye de Saint-Gilles-du-Gard: Nouvelles recherches sur un monument majeur de l'art roman* (= *Bulletin monumental*, 171/4), Paris, 2013, 293–339.
- Hartmann-Virnich A., Hansen H., "Saint-Trophime in Arles and Saint-Gilles-du-Gard. Neuere und aktuelle archäologische Forschungen zu den romanischen Kirchenbauten und ihren Skulpturenfassaden an der provençalischen Via Egidiana," in: B. Nicolai, ed., *Santiago de Compostela. Pilgerarchitektur und bildliche Repräsentation in neuer Perspektive. Arquitectura de peregrinación y representaciones iconológicas desde una nueva perspectiva. Pilgrimage Architecture and Pictorial Concepts in a New Perspective. Actes du colloque international*, Berne, 25–27 mars 2010, Bern, 2014.
- Itkin I. B., Kogan Yu. K., "Okonchanie datel'nogo padezha -ovi v drevnenovgorodskom dialekte," *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*, 2 (12), 2006, 204–212.

Kalechyts I. L., *Epigrafika Belarusi X–XIV stst.*, Minsk, 2011.

Korniienko V. V., *Korpus hrafti Sofii Kiivs'koï (XI – pochatok XVIII st.)*, 1–3, Kiev, 2010–2011.

Kraack D., Lingens P., *Bibliographie zu historischen Graffiti zwischen Antike und Moderne*, Krems, 2001.

Leclercq H., “Graffites,” in: *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie*, 6/2, Paris, 1925, 1501–1541.

Medyntseva A. A., *Drevnerusskie nadpisi novgorodskogo Sofijskogo sobora: XI–XIV veka*, Moscow, 1978.

Medyntseva A. A., *Gramotnost' v Drevnei Rusi: Po materialam epigrafiki X – pervoi poloviny XIII veka*, Moscow, 2000.

Miglio L., Tedeschi C., “Per lo studio dei graffiti medievali. Caratteri, categorie, esempi,” in: P. Fiorretti, ed., *Storie di cultura scritta. Scritti per Francesco Magistrale*, Spoleto, 2012, 605–628.

Musin A. E., “Palomnichestvo v Drevnei Rusi: istoricheskie kontseptsii i arkhologicheskie realii,” in: L. A. Beliaev, ed., *Archeologica Abrahamica: Issledovaniia v oblasti arkhologii i khudozhestvennoi traditsii iudaizma, khristianstva i islama*, Moscow, 2009, 231–272.

Musin A., “Z wiecznego Rzymu nad Bug – znaki pielgrzymie z Czermna (Czerwienia),” in: J. Bągińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn, red., *Czerwieni – gród między Wschodem a Zachodem: Katalog*

wystawy, Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów, 2012, 243–255.

Petrucci A., “Graffito,” in: *Enciclopedia dell'arte medievale*, 7, Roma, 1996, 64–66.

Treffort C., “Les «graffitis» sur tables d'autel aux époques pré-romane et romane. Note à propos des inscriptions de l'autel de Gellone,” in: X. Barral i Altet, C. Lauranson-Rosaz, ed., *Saint-Guilhem-le-Désert. La fondation de l'abbaye de Gellone. L'autel médiéval. Actes de la table ronde d'août 2002*, Aniane, 2004, 137–146.

Vasilyev V. L., *Arkhaicheskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantropimnye obrazovaniia)*, Veliky Novgorod, 2005.

Vasilyev V. L., *Slavianskie toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli*, Moscow, 2012.

Zalizniak A. A., “Novgorodskie berestiane gramoty s lingvistsicheskoi tochki zreniia,” in: V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977–1983 gg.)*. *Kommentarii i slovoukazatel' k berestianym gramotam (iz raskopok 1951–1983 gg.)*, Moscow, 1986, 89–219.

Zalizniak A. A., “Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie,” in: V. L. Yanin, A. A. Zalizniak, *Novgorodskie gramoty na bereste*, 10: *(Iz raskopok 1990–1996 gg.)*. *Paleografiia berestianykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie*, Moscow, 2000, 134–429.

Zalizniak A. A., *Drevnenovgorodskii dialekt*, 2nd ed., Moscow, 2004.

Anne-Sophie Brun, MA

Laboratoire d'Archéologie Médiévale et Moderne en Méditerranée LA3M UMR 7298,
Aix-Marseille Université / Centre National de la Recherche Scientifique
Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme, BP 647, 5 Rue du Château de
l'Horloge, 13094 Aix-en-Provence Cedex
France
asophie.brun@gmail.com

Prof. Andreas Hartmann-Virnich, Dr. habil.

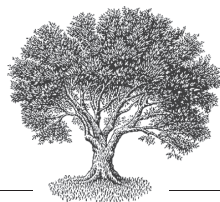
Laboratoire d'Archéologie Médiévale et Moderne en Méditerranée LA3M UMR 7298,
Aix-Marseille Université / Centre National de la Recherche Scientifique
Maison Méditerranéenne des Sciences de l'Homme, BP 647, 5 Rue du Château de
l'Horloge, 13094 Aix-en-Provence Cedex
France
hartmann-virnich.andreas@neuf.fr

Estelle Ingrand-Varenne, PhD

Centre National de la Recherche Scientifique,
Centre d'Études Supérieures de Civilisation Médiévale
Hôtel Berthelot, TSA 81118, 24 rue de la Chaîne, 86073 Poitiers Cedex 9
France
estelle.ingrand.varenne@univ-poitiers.fr

Савва Михайлович Михеев, канд. ист. наук

Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник
Отдела типологии и сравнительного языкознания
119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32а
Россия/Russia
mikheev@gmail.com

Историческая эрудиция составителя “Слова о Халкидонском соборе”*

The Historical Erudition of the Compiler of *The Word on the Council of Chalcedon*

**Дмитрий Георгиевич
Полонский**

Архив Российской Академии наук
(Москва)

Dmitri G. Polonski

Archive of the Russian Academy
of Sciences (Moscow)

Резюме

В статье рассматриваются обстоятельства создания и история бытования в славянской рукописной традиции памятника книжности, повествующего о христологических спорах V в. и событиях вокруг IV Вселенского (Халкидонского) собора. Приводится перечень 42 восточнославянских рукописей XV–XVII вв., содержащих историко-догматическое произведение под названием “Слово о Халкидонском соборе”. Оказывается, что в 39 списках этот памятник служит введением к полному тексту славянского перевода послания римского папы Льва I Великого константинопольскому архиепископу Флавиану, которое было принято IV Вселенским собором в качестве важнейшего вероучительного документа (451 г.). Как свидетельствует происхождение рукописей, в XV–XVII вв. “Слово о Халкидонском соборе” вместе с переводом послания папы Льва активно читалось и переписывалось в монастырях и храмах Москвы, Волока Ламского, Переславля Рязанского, Великого Новгорода, а также на русском Севере. Славянский перевод послания папы Льва Великого, как показал в 1848 г. его первый исследователь О. М. Бодянский, был осуществлен с греческого языка в XII в. монахом Феодосием. Однако атрибуция этому переводчику “Слова о Халкидонском

---

* Сердечно благодарю А. А. Пичхадзе, А. А. Турилова и Ф. Б. Успенского за ценные замечания, высказанные при обсуждении соображений, легших в основу данной работы.

соборе” остается недоказанной. В настоящей работе показано, что анонимный составитель “Слова о Халкидонском соборе” был хорошо осведомлен о событиях церковной истории V в. Он знал и помнил многие исторические подробности, которые скорее всего мог напрямую почерпнуть из греческих, но не переводных славянских источников. Вместе с тем, исторические неточности, которые допустил составитель, заставляют предполагать, что он наверняка не имел перед глазами текстов, на которые мог бы опереться для проверки сообщаемых им сведений, а полагался на свою память, которая иногда его подводила. Тем не менее, несмотря на отдельные фактические ошибки и компилятивный характер изложения, краткое “Слово о Халкидонском соборе” оказывается в некоторых аспектах информативнее сообщений ряда византийских хронистов.

Ключевые слова

славянская рукописная традиция, славянские письменные источники, переводы с греческого на славянский, Вселенские соборы, Халкидон, папа римский Лев I Великий, архиепископ Флавиан Константинопольский, Феодосий Грек, Осип Максимович Бодянский, византийские хроники

Abstract

The article focuses on a literary monument presenting Christological debates of the 5th century and the circumstances of the Fourth Ecumenical Council (the Council of Chalcedon), its sources, and the history of dissemination in the Slavic manuscript tradition. It introduces a list of forty-two East Slavic manuscripts of the 15–17th centuries, including *The Word on the Council of Chalcedon*, a work on the history of Christianity and its dogmas. In thirty-nine of the manuscript copies, the literary monument serves as an introduction to the Slavic translation of Pope Leo the Great's Tome to Archbishop Flavian of Constantinople (449), confirmed by the Fourth Ecumenical Council as an essential document of dogma. Judging by the provenance of the manuscript sources, in the 15–17th centuries *The Word on the Council of Chalcedon*, along with the translation of Pope Leo's Tome, were widely read and copied in the monasteries and churches of Moscow, Volok Lamsky, Pereyaslavl-Ryazansky, and Novgorod Veliky, as well as those of northern Russia. As its first researcher, O. M. Bodianskii, showed in 1848, the Slavic translation of the pope's Tome was made from Greek by the monk Feodosii (“Theodosius the Greek”) in the 12th century. However, the attribution of *The Word on the Council of Chalcedon* to the same translator remains to be proved. The present work shows that the anonymous compiler of *The Word on the Council of Chalcedon* was well aware of the church history of the 5th century, remembering many historical details he would most probably have come across in Greek rather than in translated Slavic sources. On the other hand, several historical mistakes made by the compiler suggest that he lacked the texts necessary to verify the facts and had to rely on his memory, which occasionally failed him. Nevertheless, despite occasional factual errors and a compilative narrative structure, *The Word on the Council of Chalcedon* is in some ways more informative than many Byzantine chronicles.

Keywords

Slavonic manuscript tradition, Church Slavonic written sources, translation from Greek into Old Church Slavonic, Ecumenical Councils, Chalcedon, Pope Leo the Great, Archbishop Flavian of Constantinople, Theodosius the Greek, Osip Bodianskii, Byzantine Chronicles

1. Археографические сведения

“Слово о Халкидонском соборе” (далее — СХС) не является названием, строго закрепленным в историографии за памятником, выявлению списков и источников которого посвящена настоящая статья. Небольшое анонимное славянское сочинение с заголовком “О четвертом соборе, иже в Халкидоне, слово святых отец шестисот и тридесят”, содержащее предысторию и изложение событий на состоявшемся в 451 г. в Халкидоне IV Вселенском соборе, О. М. Бодянский называл “сказанием” [Бодянский 1848: XVI], архиеп. Филарет (Гумилевский) — “повестью” [Филаретъ 1859: 46–47], а А. А. Шахматов — “словом” [Шахматовъ 1897: 828]. Последнее наименование, как правило, встречающееся в рукописях, используется и в данной работе.

Несмотря на то что СХС еще в начале XIX в. оказалось в поле зрения археографов, это сочинение парадоксальным образом относится к не слишком известным, но весьма распространенным памятникам восточнославянской книжности. Кроме того, СХС до сих пор, насколько мне известно, не замечено ни в греческих, ни в южнославянских списках — и этот факт, с учетом исторических сведений, позволяет полагать, что памятник был составлен в восточнославянских землях.

Впервые СХС отмечено как “Слово”, входящее в сборник XV в. в описании рукописей Иосифо-Волоколамского монастыря, составленном в 1817 г. П. М. Строевым по поручению графа Н. П. Румянцева и полностью напечатанном только в конце столетия [Строевъ 1891: Отд. I. № IX. С. 5]; современный шифр кодекса *Волок431*: л. 294об.–296об. Первое печатное упоминание СХС в каталоге рукописных книг принадлежит К. Ф. Калайдовичу и П. М. Строеву, указавшим этот текст в составе сборника под названием “Пятидесятница” XVI в. из собрания рукописей Ф. А. Толстого [Калайдовичъ и Строевъ 1825: Отд. I. № 106. С. 57], современный шифр *РНБ224*: л. 339об.–341об.

Первый и единственный раз СХС опубликовано О. М. Бодянским [1848: 1–3] по списку первой четверти XV в. *Увар509*: л. 299 об.–301. Первый исследователь и публикатор памятника отметил, что в этом кодексе текст СХС предшествует переведенному с греческого языка посланию (“Томосу”) римского папы Льва I Великого константинопольскому архиепископу Флавиану о соединении божественной и человеческой природ в единой ипостаси Христа, направленному против вероучения Евтихия. Это догматическое сочинение было написано 13 июня 449 г. на латинском языке и отправлено Флавиану [ARENS 1982: 88], а 10 октября 451 г. в греческом переводе¹ оглашено на IV Вселенском соборе в

¹ Текст “Томоса” папы Льва I, полностью и в отрывках, сохранился в более чем 50 греческих списках X–XVI вв. [*Pinakes*], из которых 18 были привлечены

Халкидоне, участники которого после семидневных обсуждений решили, что в послании содержится исповедание веры “отцов и апостолов”, провозглашенное через папу Льва самим апостолом Петром [Болотов 1918: 286–287; SELLERS 1961: 109–115]². Как писал О. М. Бодянский, “Послание или Епистолия тесно связано с Сказанием «о четвертем Сборе, иже в Халкидоне», само собой из него вытекает, составляя как бы продолжение его” [Бодянский 1848: XV]. Изучив предисловие и послесловие к славянскому переводу папского послания, О. М. Бодянский установил личность инициатора перевода — внука великого князя киевского Святослава Ярославича, Святоши Давыдовича (ок. 1080 – после 1142/1143 г.), постригшегося в 1106 или 1107 г. в Киевском Печерском монастыре [ПСРЛ, 1/1: 281; 2: 258; 6/1: 218] и известного по сказанию Киево-Печерского патерика под именем Николы Святоши [Абрамовичь 1911: 185].

Наблюдения О. М. Бодянского, указавшего, что в предисловии переводчик послания римского понтифика инок Феодосий³ говорит о вдохновителе своего труда над “богомудрой и догматской епистолией” как о живом, а в послесловии — уже как об усопшем, позволили определить Киев как вероятное место создания славянского перевода и установить, что труд переводчика был завершён после кончины Николы Святоши. Существенно, что Феодосий выступает автором славянского памятника наряду с папой Львом I. Еще О. М. Бодянский обратил внимание на это обстоятельство, подчеркнув, что он “встречается нам [. . .] в двойном виде, как *переводчик* [. . .] и как *писатель* предисловия и послесловия к этому своему переводу” (курсив О. М. Бодянского [1848: XXI]). Таким образом, в *Увар509* (впрочем, так же, как в *Волок431* и *РНБ224*) оказываются связанными четыре различных сочинения: СХС, предисловие Феодосия, выполненный им перевод папского послания и послесловие переводчика.

После издания в 1848 г. работы О. М. Бодянского составители печатных описаний ряда рукописных собраний неоднократно указывали на факты вхождения в сборники XV–XVII вв. “Слова о Халкидонском соборе” и переводной “епистолии” папы Льва. В том же году П. М. Строев

Э. Шварцем для подведения разночтений в публикации [АСО 2, 1/1: V–XVII, XVIII].

² Публикация греческого текста “Томоса” папы Льва архиеп. Флавиану: [PL, 54: 756–780; АСО 2, 1/1: 10–19]; библиография исследований, посвященных этому догматическому посланию, исчисляется десятками наименований: [ARENS 1982: 705–713; WESSEL 2008: 389–408; GREEN 2008: 254–266; NEP 2009: 170–178].

³ В историографии переводчик получил именование Феодосия Грека [Буланина 1987; Подскальски 1996: 294–298]. Как справедливо отмечали С. Франклин и Д. М. Буланин, признание переводчика греком по происхождению сомнительно [FRANKLIN 1992: 72; Буланин 2014: 560].

в изданном им каталоге собрания И. Н. Царского отметил еще два списка СХС [СТРОВЕВЪ 1848: № 612, с. 654–663; № 364, с. 353–355]. В 1870–1890-е гг. присутствие названных произведений в рукописях описанных ими собраний также отмечали, в частности, В. М. Ундольский [1870: 412–418, 418–423, 425–429], архим. Амфилохий (Сергиевский-Казанцев) в описании библиотеки Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря [Амфилохий 1876: 161–166], иеромонахи Иларий и Арсений из Троице-Сергиевой Лавры [Иларий и Арсений 1878: 33–35], иеромон. Иосиф в описании части собрания Иосифо-Волоколамского монастыря [Иосифъ 1882: 51–57, 61–65], И. Я. Порфирьев с сотрудниками в описании рукописей Соловецкого монастыря [ПОРФИРЬЕВЪ 1885: 451–457], архим. Леонид (Кавелин) в описании части собрания Московской духовной академии [ЛЕОНИДЪ 1887: 54–60] и собрания А. С. Уварова [ЛЕОНИДЪ 1891: № 329, с. 428–436; 1894: № 1774, с. 19–21], а затем в XX в. — Д. И. АБРАМОВИЧЪ [1907: 131–154] и Г. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ [1915: 344–345]. Фактически значительный массив информации о списках СХС и “эпистолии” Льва I мог быть накоплен уже в XIX – нач. XX вв., однако в основном эти сведения остались разрозненными. Единственный известный мне опыт их систематизации тех лет был предпринят Н. К. Никольским, собравшим в своей картотеке сведения о семи списках СХС и перевода Феодосия⁴. О других рукописях СХС и “эпистолии” знали только отдельные специалисты, но и они явно не имели подробной картины бытования этого памятника. Например, в отношении хранившейся в Государственном историческом музее в Москве рукописи Чуд262 работавший там в 1920-х гг. научным сотрудником А. Д. Седельников сделал запись в инвентарной книге: “Один из старейших списков” [ПРОТАСЬЕВА 1980: 148]. Таким образом, исследователю первой половины XX в. было известно, что рукописей “эпистолии” по крайней мере несколько. Во второй половине XX в., несмотря на то, что были изданы описания славянских рукописных книг, вводившие в научный оборот новые для того времени списки, содержащие СХС и комментированный перевод Феодосия [ЩАПОВ 1959: 73–77; ТИХОМИРОВ 1963: 299–303], эти сведения тоже не получили специального внимания исследователей. Так, вопреки указаниям археографов, Т. В. Буланина полагала, что “перевод «эпистолии» Льва I известен на сегодняшний день в единственном списке [. . .], по которому он был опубликован О. Бодянским” [БУЛАНИНА 1987: 460]. В новейшем критическом обзоре связанных с переводом Феодосия исследований Д. М. Буланин также сообщил, что “до недавнего

⁴ Номера карточек с указанием современных шифров рукописей в *Картотеке Никольского*: №№ 543 – Волок433, 544 – Увар384, 545 – Син996, 546 – РНБ224, 95450 – Волок431, 95452 – Унд560, 95455 – ТСЛ678.

времени на учете был всего лишь один список памятника”, то есть *Увар509* [Буланин 2014: 566]. На самом же деле учет и введение списков в научный оборот осуществлялись археографами еще с первой половины позапрошлого столетия, причем эти труды относились к хорошо известным рукописным собраниям и были начаты до выхода в свет работы О. М. Бодянского. Проблема состояла в том, что учтенные сведения не обобщались и не систематизировались.

Положение изменилось в конце прошедшего столетия, когда в фундаментальном каталоге Т. В. Черторицкой были опубликованы сведения о десяти списках СХС, входивших в триодные четьи сборники [СЕРТОРІСКАЈА 1994: 419–420]. Однако корпус из четырех отмеченных выше текстов (СХС, предисловие Феодосия, “эпистолия” Льва I, послесловие переводчика) исследовательница структурировала своеобразно и, на мой взгляд, неоправданно, выделив СХС как самостоятельное произведение [Ibid.: №18.0.05], потом все четыре памятника как одно целое, тем самым еще раз учтя СХС [Ibid.: №18.0.06], затем отдельно предисловие переводчика под названием “Сказание римския епистолии” [Ibid.: №18.0.07], и, наконец, перевод послания папы Льва в соединении с послесловием Феодосия [Ibid.: №18.0.08].

Перечень списков, приведенных в каталоге Т. В. Черторицкой, следует существенно расширить: с учетом как собранных ею данных, так и сведений, известных археографам XIX–XX вв., удалось выявить и систематизировать сведения о 42 кодексах триодных и минейных Торжественников, июльских Миней четьих и иных сборников XV–XVII вв., содержащих СХС⁵. Таким образом, оказывается, что широкое распространение памятника обусловлено восточнославянской книгописной традицией составления сборников уставных чтений⁶. Как показывает

⁵ Я глубоко признателен А. А. Турилову, который указал мне списки *Маз616* и *Мальц227*, и Л. В. Мошковой, предоставившей детальное описание первого из них. Моя искренняя благодарность также адресована А. Б. Бильдог, С. А. Волковой, Г. С. Гадаловой, Е. Д. Конусовой, Ж. Л. Левшиной, А. Г. Хачаянц, М. Ю. Глазкову и А. Б. Постникову за помощь, оказанную при работе в хранилищах рукописей Владимира, Пскова, С.-Петербурга, Саратова и Твери.

⁶ Предварительные наблюдения над принципами включения СХС вместе с комментированным переводом Феодосия в уставные четьи сборники приведены в работе [Полонский 2012], где список *Пер3* ошибочно датирован XIV в. вместо правильной датировки пер. четв. XV в., на что мне впоследствии указал А. А. Турилов. Замечу, что Д. М. Буланин, основываясь на неполных данных, приведенных в моих прежних публикациях, счел, что я “не принял во внимание” списки, учтенные в каталоге Т. В. Черторицкой [Буланин 2014: 567]. Это не так. Сведения о выявившихся списках в сопоставлении с данными этого каталога я не раз сообщал на различных семинарах и конференциях: семинаре под руководством Ф. Б. Успенского в Институте славяноведения РАН (Москва, сентябрь 2012); международной конференции “VII Загребинские чтения. Хранители рукописной книги: традиции и преемственность” в РНБ (С.-Петербург, октябрь 2012); конференции “Информационная структура текстов

происхождение рукописей, памятник активно читался и переписывался в монастырях и храмах Москвы, Волока Ламского, Переславля Рязанского, Великого Новгорода, а также на русском Севере. В хронологическом отношении списки СХС распределяются следующим образом⁷:

- **XV в. (14 списков):** *Увар509* (л. 299об.–301), *Пер3* (л. 3–4об.)⁸, *Ела2111* (л. 222об.–225), *Чуд262* (л. 368об.–370), *ИИСО53* (л. 529об.–531)⁹, *Увар511* (л. 304об.–307об.), *Унд560* (л. 294–295об.), *Пон148* (л. 425об.–426об.), *Увар384* (534об.–535об.), *Тих420* (л. 254об.–256об.), *Лук85* (л. 217–218), *РНБ895* (л. 631–632об.), *РНБ900* (л. 536об.–537об.), *Арх40* (л. 213–214об.);

- **кон. XV – нач. XVI вв. (5 списков):** *Волок431* (л. 294об.–296об.), *НАРК30* (л. 557об.–559)¹⁰, *ВМ5636* (л. 356–357об.), *Унд561* (л. 522–524об.), *Унд564* (л. 236об.–238);

- **XVI в. (20 списков):** *ТСЛ678* (л. 277–280), *Воскр109* (л. 155–156об.), *Волок433* (л. 198–200), *Соф1323* (л. 134об.–138об.), *Погод199* (л. 447об.–449об.), *Син996* (л. 188об.–189), *Син182* (л. 248об.–249об.), *Маз616* (л. 164об.–189об.), *МДА95* (л. 229об.–231об.), *Унд1249* (л. 284–286), *СОР1133* (л. 246об.–250), *Мальц227* (л. 127об.–130об.), *Рогож558* (л. 345об.–347об.), *ГАТО981* (л. 418–419), *РНБ224* (л. 339об.–341об.), *Арх108* (л. 340–342), *Тих235* (л. 824об.–827об.), *Погод817* (л. 282об.–284об.), *РНБ686* (л. 163об.–165об.), *Чуд316* (л. 496–498);

- **кон. XVI – нач. XVII вв. (1 список):** *Писк129* (л. 843об.–845);

- **XVII в. (2 списка):** *Сол516* (л. 145об.–147об.), *Больш412* (л. 366–367об.).

Сопоставление составов некоторых из перечисленных кодексов не раз становилось предметом внимания археографов и текстологов: так, Г. П. Георгиевский заметил сходство значительных по объему фрагментов содержания триодных Торжественников *Больш412* и *Унд564* [Георгиевский 1915: 344–345]; Т. Д. Алексеева сопоставила содержание

разных жанров и эпох” в Институте языкознания РАН (Москва, май 2013); VI круглом столе “Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе” (Москва, июнь 2013); VII международной научной конференции “Комплексный подход в изучении Древней Руси” (Москва, сентябрь 2013) и др.

⁷ В приводимом ниже перечне в ряде случаев без специальных оговорок уточнены типологические характеристики сборников и датировки рукописей по сравнению с печатными описаниями (см. перечень рукописных источников в конце этой статьи).

⁸ Недавно установлено, что эта рукопись, выполненная писцом Серапионом, была частью кодекса *ОЛДП 215* [Левшина 2013].

⁹ Этот кодекс de visu мной не изучался, сведения приводятся по печатным описаниям. Следует заметить, что датировка кодекса 1440-ми гг. [СЕРТОРИСКАЈА 1994: №9.011, S. 557] получена путем расчета “средней статистической нормы” [Черторицкая 1977: 163–164], поскольку разброс датировок по различным филиграммам колеблется от 1399 до 1469 гг.

¹⁰ Список известен мне по фотокопии.

сборников *Волок431* с *Поп148*, *Рогож558* и *Унд1249* [АЛЕКСЕЕВА 1976: 240–243]; Т. В. Черторицкая отметила совпадение состава *Арх40* с триодными частями *ИИСО53* и *РНБ900* [ЇЕРТОРІСКАЈА 1994: 559]; М. Димитрова привлекала сведения о составе *Увар384*, *Увар509*, *ИИСО53*, *РНБ895*, *РНБ900*, *ОЛДП215*, *Лук85* и ряда других рукописей для поста-тейного сравнения с содержанием “Златоуста” Ягича *РНБ. Q.n.I.56* [ДИМИТРОВА 2011: 62–78]; Ж. Л. Левшина обратила внимание на сходство составов *ИИСО53* и *НАРК30* с *ОЛДП215*, включавшего ранее *Пер3* [ЛЕВШИНА 2013: 31–32]; наконец, недавно М. А. Спасова и А. В. Пигин выявили в составе *НАРК30* группу архаических переводов греческих го-милией, сопоставив их с текстами нескольких славянских рукописей, в том числе *ОЛДП215*, *Волок431*, *РНБ895* [СПАСОВА И ПИГИН 2014].

Как можно заметить, в составе триодных Торжественников и триодных частей Торжественника общего СХС вместе с прокомментированной переводчиком Феодосием “эпистолей” папы Льва встречаются ранее, чем в других сборниках — в пер. четв. XV в. (*Увар509*; *Елаг111*; *Пер3*); в минейных Торжественниках — во втор. пол. XV в. (*Унд560*); затем в пер. четв. XVI в. памятник входит в Минеи четьи (*ТСЛ678*)¹¹.

Для настоящего исследования важно, что корпус из четырех свя-занных с Халкидонским собором текстов (СХС, предисловие Феодосия, “эпистолия” папы Льва I и послесловие переводчика) содержится в пол-ном составе в 39 из отмеченных выше 42 списков. В оставшихся трех рукописях СХС также присутствует целиком, но в отношении полноты корпуса они являются дефектными, причем характер дефектов различ-чен¹². Таким образом, почти в четырех десятках списков присутствует устойчивая связь СХС с полным текстом прокомментированного Феодосием перевода послания папы Льва I, и этот факт плохо согласуется с указанием Т. В. Черторицкой на то, что отдельные части корпуса “могли восприниматься как самостоятельные сочинения” [ЇЕРТОРІСКАЈА 1994:

¹¹ В *ТСЛ678*, как следует из кодикологического анализа А. М. Молдована, СХС вместе с переводом “эпистолии” и комментариями Феодосия (предисловием и послесловием) находятся на листах поздней части этого кодекса-конволюта и выполнены в 1520-е гг. двумя писцами под редакцией третьего [Молдован 1981: 65–70].

¹² В *Унд564* на л. 239об. из-за утраты листов текст “эпистолии” обрывается, а в кодексе *Погод817* на л. 286об. незавершенность списка обусловлена сознательным пропуском писца, который привел лишь пять первых строк перевода папского послания, оставив на листе место для последующего текста, но не закончил его. Соответственно отсутствует в двух этих кодексах и послесловие переводчика. Дефект рукописи *Лук85* иной: здесь присутствуют СХС, предисловие и послесловие переводчика, но полностью опущен перевод “эпистолии”, что, по-видимому, следует объяснить особенностями работы писца Ивана Михайловича, который многократно отвлекался от своего труда, записывая на полях кодекса жалобы на утомление, голод и похмелье. Эти записи опубликованы в [Щапов 1959: 73–75].

420]¹³. Вместе с тем, если перевод Феодосия, по справедливому выражению А. В. Назаренко, остается “практически неизученным памятником”, с которым “связано немало загадок” [Назаренко 2001: 642], то в еще большей мере эти слова следует относить к “Слову о Халкидонском соборе”.

2. Авторство, содержание и источники “Слова о Халкидонском соборе”

2.1. Вводные замечания

Обращаясь к проблеме авторства СХС, нужно заметить, что имя составителя памятника, как и время его создания до сих пор достоверно не установлены. Исследователи выражали противоположные мнения по этому вопросу: так, А. А. Шахматов, благодаря которому переводчик послания Льва I вошел в историографию под именем Феодосия Грека, не сомневался, что именно он и был составителем СХС [Шахматовъ 1897: 828], тогда как А. И. Соболевский уверенно, но не приводя обоснований утверждал, что автором СХС был не Феодосий, а “другой, уже русский ревнитель православия” [Соболевский 1914: 97]. И то, и другое предположение до настоящего времени остается не только не доказанным, но и не подкрепленным убедительными аргументами.

Несмотря на то что СХС композиционно и тематически связано с осуществленным Феодосием переводом папского послания, приписывать авторство этому переводчику без привлечения дополнительных сведений было бы неосновательно.

Вместе с тем, во-первых, как свидетельствуют десятки списков, СХС практически не встречается в источниках как самостоятельное произведение. Во-вторых, в финале текста памятника особо подчеркивается вероучительное значение послания папы Льва I, провозглашенное IV Вселенским собором (подробнее об этом ниже), что тем самым создает явный композиционный переход к комментированному переводу папского послания, помещавшемуся в славянских рукописях после СХС. В более чем 50 византийских рукописях, содержащих греческий текст послания папы Льва I, ни в одном известном случае не выявлен сопроводительный текст, близкий по содержанию к СХС [*Pinakes*]. Не

¹³ Единственная известная мне рукопись, где содержится текст переведенной “эпистолии” папы Льва I, но исключены СХС, предисловие и послесловие Феодосия, — некалендарный историко-гомилетический сборник РНБ F.IV. № 835 (XVII в.), в описании названный Хронографом [Отчетъ ИПБ 1902: 168–176]. Это явное свидетельство в пользу тезиса Т. В. Черторицкой, однако ясно, что состав сборника не отражает обширной традиции бытования корпуса как целостной совокупности произведений.

обнаружен такой текст и среди сказаний о Вселенских соборах, широко распространенных в греческих канонических сборниках и догматических сочинениях [Munitiz 1974: 149–170]: СХС отличается от множества таких произведений более пространным изложением и вниманием составителя к подробностям исторических событий. Поэтому можно полагать, что СХС было специально составлено либо Феодосием, либо иным лицом в качестве вводного сочинения, предвещающего комментированный перевод послания римского понтифика.

Таким образом, *terminus post quem* создания СХС следует определять серединой XII в., когда, видимо, был закончен перевод послания папы Льва I¹⁴, а *terminus ante quem* — очевидно, первой четвертью XV в., на которую приходится старшие из известных списков, к которым относятся *Увар509*, *Елаг111*, *Пер3*. Пока нет достаточных сведений, которые позволили бы сузить этот широкий, охватывающий более двух с половиной столетий хронологический интервал, на протяжении которого характер бытования памятника в рукописях остается неизвестным. Соответственно, нет оснований утверждать, что СХС было составлено одновременно с комментированным переводом послания папы Льва I, и тем более считать, что весь комплекс исходно предназначался для календарных сборников уставных чтений.

Заметим, что в послесловии Феодосия к переводу послания Льва I также содержатся комментарии исторического характера, касающиеся действий и судьбы архиепископа Флавиана, его переписки со Львом I, а также сведение о том, что понтифик лично не присутствовал на IV Вселенском соборе в Халкидоне [Бодянский 1848: 18–19]. Это обстоятельство позволяет допускать, что СХС составлялось не одновременно с комментированным переводом, и, возможно, разными лицами, потому что иначе фигурирующие в послесловии исторические комментарии были бы включены в СХС, образуя более целостную композицию. Г. Подскальски справедливо отметил, что папское “послание переведено целиком, за исключением последнего абзаца” [Подскальски 1996: 297, прим. 778]. Этот абзац, сохранявшийся в греческих списках, содержит перечисление имен легатов Льва I, направлявшихся им в Константинополь для передачи “Томоса” Флавиану [АСО 2, 1/1: 19–20]. Тот факт, что переводчик позволил себе опустить эти имена, очевидно, показывает, что Феодосия и инициатора его труда Николу Святошу интересовало богословское содержание, а не конкретно-историческая сторона посла-

---

¹⁴ Предположение о вероятной датировке осуществления славянского перевода 1151 г. и мотивах переводчика тезисно сформулировано в сообщении [Полонский 2013], в ближайшее время я надеюсь посвятить этим вопросам отдельную статью.

ния, комментарий для которой в виде СХС и отчасти послесловия переводчика понадобились позднее.

В связи с этим интересны, но явно недостаточны для решительных выводов суждения К. А. Костромина, который, основываясь на публикации О. М. Бодянского, обратил внимание на “разность языка” СХС, предисловия Феодосия и его перевода, и, охарактеризовав СХС как “красивый литературный текст”, предисловие — как “труднопонятный набор слов и словосочетаний, написанный человеком, плохо владевшим славянским языком”, а сам перевод послания Льва I — как “вполне вразумительный”, выдвинул гипотезу о соотношении времен написания различных частей корпуса [Костромин 2011: 62]. Полноценное лингвотекстологическое исследование, которое могло бы приблизить нас к ответам на вопросы об авторстве, времени и месте составления СХС, пока отсутствует¹⁵, поэтому представляется немаловажным прояснение проблем исторического и источниковедческого характера, возникающих при обращении к тексту памятника.

2.2. Содержание “Слова о Халкидонском соборе”

Рассказ составителя СХС охватывает четырехлетний период и включает краткое изложение событий 448 г. на поместном соборе в Константинополе, проведенном под председательством архиепископа Флавиана; затем излагаются события на созванном императором Восточной Римской империи Феодосием II в 449 г. II Эфесском соборе (позднее благодаря папе Льву I получившем в терминологии сторонников халкидонской христологии название “Разбойничье”¹⁶); наконец, завер-

¹⁵ На мой взгляд, без детального сопоставительного лингвотекстологического исследования, требующего, в частности, анализа лексики и грамматики текстов отдельных частей всего четырехчастного корпуса, невозможно не только доказательно атрибутировать СХС переводчику Феодосию, но и разрешить ведущийся с конца XIX в. спор об атрибуции “Слова о вере крестьянской и о латыньской”, подробному историографическому обзору которого посвящена работа [Костромин 2011]. Единственное историографическое дополнение, которое уместно сделать к обстоятельной статье К. А. Костромина, касается мнения Г. С. Баранковой, отказавшейся рассматривать версию об отождествлении Феодосия Грека с одноименным игуменом и полагающей, что составитель славянского переложения послания папы Льва мог принадлежать к “кругу переводчиков при митрополичьей кафедре” [Баранкова 2003: 319]. Хотя в работе К. А. Костромина приведены новые аргументы в пользу авторства “Слова о вере крестьянской и о латыньской” Феодосия Грека (которого он считает игуменом Киево-Печерского монастыря) и исследователь полагает, что они лучше обосновываются “косвенными свидетельствами, чем противоположное мнение” об атрибуции памятника Феодосию Печерскому, ему самому “вопрос представляется окончательно не решаемым”.

¹⁶ Формулировка употреблена папой Львом I в письме императрице Пульхерии 26 июня 451 г. [АСО 2, 4: 51]. В СХС, впрочем, это название применительно к II Эфесскому собору не используется.

шается рассказ изложением деяний IV Вселенского собора в Халкидоне в 451 г. и сообщением о его итогах. Даты событий, однако, нигде в тексте не приводятся¹⁷.

Автор СХС начинает сочинение с краткого введения, где в первую очередь перечисляет важнейших, с его точки зрения, исторических лиц, действовавших во время Халкидонского собора. Он последовательно называет императора Восточной Римской империи (в славянском варианте титулатуры — “царя”) Маркиана; папу римского Льва I и затем константинопольского патриарха Анатолия (сменившего на кафедре скончавшегося в 449 г. архиепископа Флавиана, адресата послания папы Льва I). Далее автор называет лиц, которых осудил Халкидонский собор: защитника монофиситов александрийского патриарха Диоскора и духовного лидера монофиситского вероучения, авторитетного архимандрита одного из константинопольских монастырей Евтихия. Характер этого перечисления действующих лиц весьма схож с преамбулой, которой начинается посвященный IV Вселенскому собору раздел статьи *О стѣнхъ и мирьскыхъ шести съборѣхъ*, помещенной в Изборнике 1073 г.¹⁸, где также названы Маркиан, папа Лев, затем архиепископ (после Халкидонского собора — патриарх) Ювеналий Иерусалимский (его имя, однако, отсутствует в СХС), потом Анатолий, после чего следуют имена Евтихия и Диоскора [*Изборник 1073: 24об.*]¹⁹. После перечисления имен сходство между этими текстами заканчивается: сущность учения монофиситов в СХС описана не так, как в статье Изборника 1073 г., где, в отличие от СХС, весь последующий текст о IV Вселенском соборе посвящен изложению христологической доктрины, утвержденной в Халкидоне [*Изборник 1073: 24об.–26*]. Составитель СХС, приводя имена Евтихия и Диоскора, сообщает²⁰, что *сии во спса нашего ба ис ха въчлвчение Ѡметаста весьма съпроста въ привидѣнии его плоть носивша*

¹⁷ Хронологическая сводка событий, связанная с конфликтом ортодоксов и монофиситов приведена в работе [Болотов 1918: 237–238]. Более подробная, чем у В. В. Болотова, хронология посланий папы Льва I после 13 июня 449 г. дана Г. Аренсом [ARENS 1982: 88–90].

¹⁸ Зачин каждого из разделов статьи *О стѣнхъ и мирьскыхъ шести съборѣхъ* с перечислением имен отличается от аналогичных разделов статьи в Ефремовской Кормчей [Бенешевич 1987: 34–38], ср. [Щапов 1977: 333–334].

¹⁹ Примечательно, что в некалендарном четъем сборнике *Мазб16*, в отличие от сборников календарных, СХС помещено после той же статьи *Ѡ стѣ и ѡ мирьскѣхъ шести съборѣхъ* в редакции Изборника 1073 г. (перед “Написанием о правой вере” Михаила Синкелла), вследствие чего весь корпус текстов о Халкидонском соборе выполняет роль не памятника гомилетики, как в Торжественниках и Минеях четъих, а историко-догматического дополнения к изложению богословского значения шести Вселенских соборов [*Мазб16: л. 155–164об.*].

²⁰ Цитаты здесь и далее приводятся по списку *Елаг111*, при необходимости указаны смысловые разночтения по публикации [Бодянский 1848: 3] и списку *Пер3*.

баснословаца [Елаг111: л. 223], и тем самым предваряет изложение исторических событий ортодоксальной оценкой учения монофиситов как ереси, отрицавшей совершенное человечество Христа²¹.

После этого автор рассказывает о решении IV Вселенского собора в отношении Евтихия, Диоскора и всех других сторонников учения монофиситов, а также главным, с точки зрения составителя СХС, постановлении собора, — провозглашении соединения во Христе двух природ, вследствие чего в нем неслитно и неразделимо сосуществуют совершенный Бог и совершенный человек:

прѣкляша вкоупѣ съ єдиномыслєнымі нѣ вѣтвєно єже повелѣніє
вѣзгласівъ. бѣ съврєшена и чѣлка съврєшена въ двою єстьствоу.
несмѣсно, нераздѣльно. гѣ нашего и бѣ. проповѣда [Елаг111: л. 223].

В СХС особо подчеркнута роль послания папы Льва I архиепископу Флавиану в качестве важнейшего вероучительного текста, закрепившего такое понимание Христа:

сѣгаго же папы лєвнта єпістолюю, иже къ сѣтомуу патрнархоу флавіаноу.
іако столпъ правовѣрнїю прїаша [Елаг111: л. 223].

Выражение “столп правоверия” по отношению к посланию папы Льва I известно как формула, принятая IV Вселенским собором [АСО 2, 2/2: 13]²². В восточнославянских памятниках эта метафора присутствует в следующих домонгольских переводах с греческого языка: 1) в тексте церковной службы папе Льву на 18 февраля, содержащейся, в частности, в древненовгородских минеях [МФ 2: 549]; 2) в Хронике Георгия Амартола при описании событий на Халкидонском соборе, когда его участники папежа Римскаго Левнта ꙗпистолюю исписаноу къ Флавиантоу, іако столпъ простославныи, приаша [ИСТРИН, 1: 403]²³; 3) в послании киевского митрополита последней четверти XI в. Иоанна II к антипапе Клименту III, где о “святой мудрой епистолии” Льва I сказано как о важнейшей части фундамента богословской платформы, общей для западной и восточной церквей [ПОНЬРКО 1992: 31].

²¹ Как о “баснословающих” о Евтихии и Диоскоре говорится также и в славянском переводе Хроники Георгия Амартола, где в целом рассказ о событиях вокруг Халкидонского собора существенно отличается от СХС и объемом изложения, и характером деталей [ИСТРИН, 1: 403].

²² Во второй книге “Церковной истории” Евагрия Схоластика об этом послании говорится так: *κοινήν τινα στήλην ὑπάρχουσαν κατὰ τῶν κακοδοξούτων* [PG, 86/2: 2507–2508B], ср. [ЕВАГР.: 118].

²³ Как указал исследователь памятника, славянские книжники переводили греческое *ὀρθοδοξία* как простославнѣ, а *ὀρθόδοξος* — и как правовѣрнѣ, и как православнѣ, и как простославнѣ, — таким образом, эти слова ими воспринимались как полные синонимы [ИСТРИН, 3: 134]; ср. замечания Е. В. Беляковой о вытеснении термина “правоверие” термином “православие” [БЕЛЯКОВА 2002: 50].

Греческий источник вводной части СХС обнаруживается в изложении событий на IV Вселенском соборе, помещенном в издании Х. Юстеля приписываемого патриарху Фотию Номоканона 14 титулов [НОМОКАНОН 1615: 181]²⁴. Здесь присутствуют и совпадающее со славянским текстом перечисление имен участников событий, и точно та же характеристика вероучения монофиситов, и завершающая введение формула о “столпе правоверия”: τοῦ ἁγίου Λέοντος ἐπιστολὴν τὴν πρὸς τὸν ἁγιώτατον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως Φλαβιανὸν ὡς στήλην ὀρθοδοξίας. Однако о переводе можно говорить только в отношении введения, поскольку последующий славянский текст не только содержательно отличается от греческого, но является и гораздо более пространным.

Сообщением о принятии IV Вселенским собором “столпа правоверия” заканчивается вводная часть СХС, и автор переходит к непосредственному изложению событий в хронологической последовательности. Он рассказывает об обвинении епископа Дорилеи Евсевия в отношении лидера монофиситов, повлекшем обсуждение вероучения Евтихия на поместном соборе в Константинополе, который проходил под председательством архиепископа Флавиана. Излагая эти сведения, автор сообщает, как собор осудил учение Евтихия, лишил его сана, но после этого Евтихий прибег к поддержке византийских придворных, в первую очередь императорского фаворита Хрисафия. Как пишет автор СХС, поместный собор змѣтаетъ еүтіхиа. не хотѣвшаго ѿложити ереси. твѣгда еүтіхия по изврженни велико подвиженіе творить на флавіана. имѣа съпоспѣшники ины многы ѿ полатѣ. и коүвикуларіа хрисафіа [Елаг111: л. 223об.].

Упоминание византийского придворного чина постельничего (κουβικουλάριος) — относительная редкость в славянских памятниках, в отношении СХС, очевидно, свидетельствующая о непосредственном знакомстве составителя с греческим текстом, сообщавшем о Хрисафии и его статусе. Хроника Иоанна Малалы [Истрин 1994: 313] послужила единственным источником для этого слова в академическом издании словаря русского языка²⁵; славянский перевод Хроники Георгия Амартола о Хрисафии умалчивает, в переводах хроник Симеона Метафраста

²⁴ Памятник опубликован “по древнему списку” из библиотеки палатина Рейнского, курфюрста Пфальца Фридриха V, причем публикация стала первым изданием “подлинного греческого текста Фотиева номоканона” [БЕНЕШЕВИЧ 1905: 9–10]. Как считается, это издание XVII в. “still remains the principal source for our knowledge of an important document, which during centuries has enjoyed a quasi-official status [...] as the account of the Councils” [MUNITZ 1974: 148]

²⁵ [СлРЯ XI–XVII вв., 8: 103]; что касается более поздних по отношению к славянскому переводу Малалы памятников, то в Стишном прологе под 15 декабря отмечено житие мч. Елевферия Кувикулария [Петков и Спасова, 4: 54–55], под 3 июля — мч. Иакинфа Кувикулария [Петков и Спасова, 11: 10–11].

и Константина Манассии о нем сказано без упоминания придворного чина [МЕТАФРАСТ: 50; МАНАССИЯ: 155].

Созванный вследствие интриг Хрисафия по распоряжению императора Феодосия II новый собор в Эфесе, собравший около 150 епископов Христианского Востока, проходил под руководством александрийского патриарха Диоскора²⁶, поддержавшего Евтихия [HONIGMANN 1950: 233–237; SELLERS 1961: 70–87]. Согласно изложению автора СХС, Эфесский собор отменил решения поместного собора в Константинополе и провозгласил истинность учения монофиситов, так как Диоскор разделял вероучение Евтихия (оутвердивше вѣроу еутиховоу. исповѣдавшоу и диоскороу тожѣ мыслии еже и еутіхъ [Елаг111: л. 224]). Исповедание двух природ Христа Эфесским собором было осуждено (проклінають же исповѣдающаа двѣ хвѣ естествоѣ. по съединеніи [ТАМ ЖЕ]). После этих событий, как сообщается в СХС, Евтихий отправился в свой монастырь, где вскоре умер, а затем последовала смерть императора Феодосия II. Здесь в тексте памятника присутствует хронологическое указание, причем относительное, но весьма точное. О кончине императора сказано лѣтоу же всемоу не испльншоу сѧ. оумираеть и црь [ТАМ ЖЕ], что совершенно верно: события на II Эфесском соборе от смерти Феодосия II отделял неполный год, так как собор происходил в августе 449 г., а император умер в июле 450 г.

Далее, как сообщает рассказчик, на престоле воцарился император Маркиан, который удовлетворил жалобу Евсевия и распорядился о созыве IV Вселенского собора. Халкидонским собором были отменены решения предшествовавшего собора в Эфесе, осуждено монофиситство, подтверждено осуждение несторианства (проклінает же и еутіхини. и паки несториин [Елаг111: л. 224об.]) и утверждено вероучение о двух природах Христа в одной ипостаси (повелѣваетъ же сѧ²⁷ и въ двоу естествоу исповѣдати х̄а. єдиноу же єго вѣдати ипостась [ТАМ ЖЕ]). Согласно рассказу, во время этих событий собор получил послание папы Льва I, где содержалось обоснование положения о богочеловеческой природе Христа:

тогда бо авие ѿ рима посланаа левннтоу папоу римскимъ епистолиа приспѣ. юже весь с̄т̄ын вселенскын четвертын, с̄н. съворъ почтьть. и столпомъ правовѣрннѧ нарекоша [Елаг111: л. 225].

На вышеприведенных словах, повторяющих известную формулу о папском послании, рассказ составителя СХС о христологических

²⁶ П. В. Гидулянов полагал, что предложение императору о созыве собора в Эфесе исходило от Диоскора, который “действовал, как высший епископ всего востока” [Гидуляновъ 1908: 694].

²⁷ В публикации по списку *Увар509* здесь смысловая ошибка: напечатано не повелѣваетъ же̄ [Бодянский 1848: 3], но в рукописи на л. 301 отрицательная частица отсутствует.

спорах и событиях вокруг IV Вселенского собора заканчивается. Как можно заметить, в этой финальной фразе присутствует историческая неточность: послание Льва I было получено на Христианском Востоке не Халкидонским собором осенью 451 г., а еще летом 449 г. и должно было быть оглашено на “Разбойничьем” соборе в Эфесе, чего не произошло [Болотов 1918: 256–257; СНАДВИСК 2001: 560–561], и на IV Вселенском соборе вина за это была возложена на Диоскора [ЕВАГР.: 116, 146].

Примечательно, что о последнем обстоятельстве не знал не только составитель СХС, но, очевидно, не был осведомлен и переводчик Феодосий, которому атрибутируется послесловие к переводу “епистолии”. В послесловии сказано:

бл̄жнѣйшїи флавїанѣ. немаше тако на тѣхъ ради. еже в бывшихъ ерѣтихъ ради. авіе писати къ римоу. аky не вселеньскому бывшоу събороу. нѣ своета емоу власти. соушоу съкривившему въ вѣрѣ. и вбличеноу и не кашоу сѣ. изверженоу бывшоу. нынѣ же не поизволенію. но владоуцими посылаемъ²⁸ къ ефесоу. посылаеть грамоты в бывши. да видѣти великоу леонтоу. еѣ же ради вины и папа невѣдын вписа. сие посыланіе, аky к живомуу соушоу. вному же преставльшоу сѣ. нде²⁹, и достожалостноу смр̄ть тако ааронѣ. и моїсї прїатѣ [Елаг111: 229об.].

Из этих слов следует, что, по мнению Феодосия, Флавиан не мог получить “Томос” папы Льва, так как к тому времени, когда содержание этого послания стало известно на Христианском Востоке, константинопольского епископа уже не было в живых. Это неверно: послание папы Льва было отправлено 13 июня 449 г., а Флавиан, как признано историками, успел принять доставивших “Томос” папских легатов, подвергнуться 8 августа осуждению на руководимом Диоскором соборе в Эфесе и вскоре после этого скончался в том же августе [СНАДВИСК 1955: 17–21, 34; ODB, 2: 789–790; WESSEL 2008: 42; СНАДВИСК 2001: 560]³⁰. Таким образом, информация о времени получения “Томоса” на Христианском Востоке у составителя СХС и переводчика Феодосия была сходной: оба ошибочно полагали, что оно стало известно только на Халкидонском соборе.

2.3. Умолчания “Слова о Халкидонском соборе”

В целом рассказ составителя СХС о драматической и полной обоюдных интриг борьбе сторонников монофиситского вероучения с представителями

²⁸ посылаеѣ [Бодянский 1848: 18], посылаемъ [Перз: 11].

²⁹ Две буквы (нд) в Елаг111 стерты, восстановлено по [Бодянский 1848: 18; Перз: 11].

³⁰ Папа Лев I не знал о смерти архиепископа Флавиана по крайней мере несколько месяцев, поскольку 13 октября 449 г. написал ему еще одно послание [СНАДВИСК 1955: 33; SELLERS 1961: 82, № 6; ARENS 1982: 88].

ортодоксального направления чрезвычайно лаконичен, и множество деталей автор опускает. Так, по сравнению с хроникой событий, представленной в “Церковной истории” Евагрия Схоластика, которая, по определению И. В. Кривушина, является “единственным источником, последовательно излагающим и интерпретирующим [. . .] историю Византийской церкви от Халкидонского собора (451 г.) до религиозного эдикта Юстина II (471 г.) с точки зрения православия” [ЕВАГР.: 11], ср.: [Кривушин 1998: 202–214], в изложении автора СХС отсутствует целый ряд существенных подробностей истории конфликта. Так, ничего не сообщается в СХС о роли Ювеналия Иерусалимского, бывшего в 449 г. вместе с Диоскором сопредседателем “Разбойничьего” собора в Эфесе и высказавшегося в пользу Евтихия, а два года спустя изменившего церковно-политическую позицию (об этом см. [HONIGMANN 1950: 237, 242]). Не называет автор СХС и двух легатов, которых папа Лев I отправил вместо себя на Халкидонский собор: епископов Паскасиана и Луценсия (иначе: Пасхазина и Луценция)³¹. Кроме того, составитель не знал или умалчивал о том, что Евтихий еще в 448 г. после обвинений Евсевия Дорилейского письменно обращался с жалобой к папе Льву, который покровительственно ответил ему [ARENS 1982: 52–53; WESSEL 2008: 40–41; NEIL 2009: 37–38], и только позднее понтифик в послании архиепископу Флавиану отозвался о вероисповедании Евтихия резко критически.

Кроме того, составитель СХС не упоминает ключевую фигуру византийской политики середины V в. — сочувствовавшую архиепископу Флавиану императрицу Пульхерию [GOUVERT 1951; НОЛУМ 1982: 79–111], старшую сестру скончавшегося в 450 г. императора Феодосия II, который, в свою очередь, историками церкви считался попустителем монофиситства³². Заняв трон после кончины Феодосия II, произошедшей, как считается, вследствие несчастного случая на охоте³³, Пульхерия вскоре казнила фаворита покойного императора, евнуха Хрисафия (он активно поддерживал Евтихия, бывшего его духовником), и вступила в брак с сенатором Флавием Маркианом, который разделил

³¹ Имена этих лиц фигурируют не только в актах Халкидонского собора, и не только у Евагрия Схоластика [ЕВАГР.: 108], о них упоминает также Хроника Георгия Амартола [DE BOOR, 2: 612], ср. [Истрин, 1: 403], Троицкий хронограф [ТСЛ728, л. 374].

³² А. Тьерри в свойственной ему художественной манере писал даже не только о приверженности Феодосия II вероучению Евтихия, но и об одержимости императора “теологической манией” (“la manie théologique”), приведшей к многочисленным несчастьям как для императорской семьи, так и для Церкви [THIERRY 1878: 179, 200].

³³ Версию о насильственной смерти Феодосия II вследствие инициированного Пульхерией “религиозного переворота” см. в [СНЕВ 2006].

с ней престол и по ее инициативе потребовал созыва собора³⁴. Из числа переводных исторических хроник о Пульхерии упоминается у Георгия Амартола [Истрин, 1: 402], Симеона Метафраста [МЕТАФРАСТ: 50–51], Константина Манассии [МАНАССИЯ: 154–157], характер повествования которых о событиях 449–451 гг. позволяет полагать, что ни одна из этих хроник не могла быть прямым источником СХС³⁵. Также из круга вероятных источников СХС можно исключить сообщавшую о Пульхерии хронике Иоанна Малалы, который в изложении событий вокруг Халкидонского собора был предельно лаконичен и вообще не касался богословских вопросов [Истрин 1994: 315], ср. [СФНВ 35: 289].

Составленное автором СХС краткое изложение предыстории, хода IV Вселенского собора и последующих событий, а также предельно упрощенное изложение богословско-догматических воззрений участников дает основания думать, что “Слово о Халкидонском соборе” не представляет собой самостоятельного исторического труда. Как отмечено выше, в тексте СХС отсутствуют указания на даты событий, и это позволяет предполагать, что славянский памятник не является фрагментом хронографического описания событий церковной истории, некогда извлеченным или переведенным из более объемистого сочинения, а изначально составлялся после перевода папского послания с тем предназначением, чтобы служить в качестве сопроводительного текста для перевода Феодосия. Сомнительно, чтобы при написании СХС его автор имел непосредственную возможность пользоваться греческими текстами деяний Вселенских соборов. Отмеченная выше ошибка составителя СХС относительно сроков получения на Христианском Востоке послания Льва I также свидетельствует против возможных предположений о знакомстве автора славянского памятника как с греческими текстами соборных протоколов, хранившихся в Константинополе, так

³⁴ Известно, что папа Лев I находился в активной переписке с Пульхерией, в частности, он писал к ней в тот же день 13 июня 449 г., когда отправил ставшее впоследствии знаменитым послание Флавиану [ARENS 1982: 74–75; GREEN 2008: 203], и характер их последующего эпистолярного общения позволяет исследователям говорить о религиозно-политическом альянсе между императрицей и понтификом [Нолум 1982: 202–204].

³⁵ Основываясь на наблюдениях В. М. Истрина, О. В. Творогова и Е. Г. Водолазкина о зависимости палейного изложения событий вокруг Халкидонского собора от Хроники Георгия Амартола (через посредство Хронографа по Великому Изложению или напрямую), можно полагать, что и текст Полной Хронографической Палеи не был источником для СХС [Истринь 1906: 193; Творогов 1975: 301; Водолазкин 2008: 349], однако этот вопрос требует дополнительного исследования. Ср. также данные пофрагментного описания событий вокруг IV Вселенского собора в Хронике Амартола в сопоставлении с текстами в Троицком хронографе, двух редакциях Летописца Еллинского и Римского, а также Софийском хронографе [Водолазкин 2008: 334, 355, 365–366, 372].

и с каким-либо греческим списком “Церковной истории” Евагрия Схоластика. Мысль А. В. Назаренко о том, что “библиотека Киевской митрополии” могла располагать собраниями деяний Вселенских соборов [Назаренко 2001: 642], к сожалению, не подтверждается известными мне источниками. Конечно, для составления СХС были необходимы не сборники материалов канонического права и перечни утвержденных соборами правил (из которых невозможно узнать исторические подробности), а протоколы соборов либо исторические хроники. Вполне вероятно, что составитель СХС излагал события на основе какого-то основанного на деяниях Вселенских соборов исторического сочинения. Ключевой вопрос состоит в том, было оно славянским переводом труда византийского историка или греческим текстом такого труда.

2.4. Функция времени в “Слове о Халкидонском соборе” и жанровые особенности памятника

Как можно заметить по приведенным выше цитатам из СХС, в этом произведении неоднократно и даже последовательно употребляется настоящее время в рассказе о прошлом. Стилистическая особенность изложения в СХС, составитель которого придерживался *praesens historicum*, отличает его от множества славянских исторических памятников.

Согласно наблюдениям Т. В. Пентковской, “в старославянском языке случаи появления настоящего исторического немногочисленны”, и использование этой формы характерно для языка Супрасльского сборника, где зафиксировано 28 примеров ее употребления; единичные случаи, представленные глаголами несовершенного вида, отмечены также в ранних переводах Евангелия; при этом спорадически формы *praesens historicum* “появляются и в более поздних переводах под влиянием греческого оригинала” [Пентковская 2009: 112–113]. К последним исследователи относят Пандекты Никона Черногорца [Пичхадзе 2006: 64–65] и Житие Василия Нового [Пентковская 2009: 113]. Как отмечала Е. А. Горбунова, в текстах русских летописей и хождений употребление *praesens historicum* тоже встречается редко и представлено одиночными формами глаголов несовершенного вида в окружении форм прошедшего времени (аористов и имперфектов, также обозначающих длительные действия в прошлом) [Горбунова 1997–1998: 256]. В тех славянских текстах рубежа XI–XII вв., где настоящее историческое появляется неоднократно, – переводе евангельских текстов в Толковом Евангелии Феофилакта Болгарского, евангельском тексте и толкованиях на Евангелие от Иоанна – употребление презентных форм копирует греческие оригиналы [Пентковская 2009: 121, 124–125, 131–132; Пичхадзе 2013: 262]. Позднее, в XIV в., как показала

Т. В. Пентковская, *praesens historicum* также в соответствии с греческим оригиналом систематически употребляется в Чудовской редакции Нового Завета [Пентковская 2008: 10–26; 2009: 134], которая во многом основывается на Толковом Евангелии.

Таким образом, поскольку нечастые в целом случаи употребления настоящего исторического в славянских текстах XI–XIV вв., как правило, представляют собой проявления переводческого буквализма, то можно думать, что и использование *praesens historicum* в СХС является если не свидетельством, то существенным аргументом в пользу перевода памятника с неизвестного пока греческого источника³⁶.

Однако причины использования *praesens historicum* в СХС нельзя рассматривать в отрыве от прагматической функции употребления этой формы и особенностей распространения памятника. Лингвисты не раз отмечали, что употребление настоящего исторического “включает представление об адресате”, когда “говорящий хочет, чтобы адресат представлял себе действие как бы происходящим у него на глазах; он говорит о нем так, как будто сам находится в том времени, к которому относится действие” [Гловинская 1996: 456], при этом адресат помещается “в непосредственный контакт с повествователем”, а его вовлечение порождает особый “элемент экспрессии” [Падучева 1996: 289]; наконец, “настоящее историческое, в отличие от форм прошедшего времени, оживляет повествование за счет того, что делает повествователя и читателя как бы непосредственными наблюдателями ситуации изнутри” [Горбунова 1997–1998: 268]. Таким образом, имитация вовлеченности читателя/слушателя в события прошлого, которую создает употребление *praesens historicum*, вполне соответствует задачам и приемам учительного красноречия.

Стремление проповедников представить действие живо и наглядно благодаря соответствующим риторическим ходам наблюдается и в произведениях, которые исследователи относят к оригинальным славянским поучениям. Как писала М. В. Рождественская, для апокрифического “Слова на Лазарево воскресение”, созданного на Руси на рубеже XII–XIII вв. [Рождественская 1987: 426], характерен “основной из риторических приемов – перенос событий из прошлого в настоящее”, а употребление его автором глаголов в настоящем времени “близко по значению современному *praesens historicum*” [Рождественская 1972: 117]. Позднее, по наблюдениям В. Д. Петровой, употребление настоящего исторического в текстах поучений стало “отличительной чертой языка тырновских книжников”; придерживался этой формы и митрополит Киприан, для которого ее использование в “Житии митрополита

³⁶ Благодарю А. А. Пичхадзе, указавшую мне на это обстоятельство.

Петра” и “Похвальном слове” этому иерарху представляет собой “регулярное явление” [ПЕТРОВА 2010: 187]. Несмотря на отсутствие явных связей составителя СХС с Тырновской школой³⁷, эти примеры можно рассматривать как проявления общей тенденции, которой следует и СХС, поскольку употребление *praesens historicum* отвечает жанровой задаче этого произведения, служащего историческим введением к догматическому посланию папы Льва I, преобразованному в славянской версии в памятник гомилетики.

Как показывает рукописная традиция, именно в качестве поучения, читавшегося на Неделю свв. Отцов (в триодных сборниках) и на день памяти Отцов шести Вселенских соборов 16 июля (в сборниках минейных), обычно распространялся весь корпус из четырех текстов, включающий СХС, предисловие переводчика Феодосия, переведенную им “эпистолию” Льва I и послесловие [ЇЕРТОРСКАЈА 1994: 419–420; Полонский 2012: 135–136]. При этом послесловие и, соответственно, корпус в целом завершаются “гимнообразной похвалой” сочинению папы Льва и “личным посвящением” Николе Святоше [Подскальски 1996: 297], причем последнему в большинстве рукописей предшествует писцовая помета, либо включавшаяся в текст, либо выносившаяся на поля под знаком вставки: **Сїє рци високогласно (сѣло)**. Такая помета (с различными вариациями орфографии, иногда с усиливающим дополнением, иногда без него) встречается уже в старших списках пер. четв. XV в.: она присутствует в *Пер3* (л. 11об.), а также явно находилась изначально и в рукописи *Увар509*, где на верхнем поле на л. 310 видны следы стершихся букв, отчетливо читается только часть слова **высоко** (в публикации О. М. Бодянского это не отмечено). Неоднократно воспроизводилась та же помета в рукописях XVI в., причем вне зависимости от типа четвертого сборника, — например, в триодном Торжественнике *Волок433* (л. 211) и Минее четвѣй *Син182* (л. 255). Помещена помета и в самых поздних из известных мне списков XVII в. *Сол516* (л. 158) и *Больш412* (л. 377об.).

Следовательно, СХС вместе с другими текстами корпуса предназначался для чтения вслух, и указание на эту особенность распространения текста регулярно воспроизводилось в рукописной традиции бытования памятника. Конечно, традиция его устного чтения (разумеется, если читатели следовали указаниям пометы) могла возникнуть спустя годы после составления корпуса как единой последовательности текстов. Косвенно на это указывают результаты труда И. М. Грицевской,

³⁷ Случай списка *Пер3*, выполненного писцом Серапионом, придерживавшегося среднеболгарских (тырновских) орфографических норм [Левшина 2013: 32–35], по отношению к традиции бытования памятника представляет собой явление исключительное.

проанализировавшей 186 списков “индексов истинных книг” — рекомендательных библиографий, содержащих имена отцов церкви и названия книг, наиболее значимых в кругу чтения православного монаха. Как установила исследовательница, имя папы Льва встречается далеко не во всех известных средневековых русских библиографиях, а только в определенной группе “индексов”, называемых “Книгам имена”, которые известны в одном списке кон. XV в. и пяти списках XVII в. [Грицевская 2003: 101, 190, 242].

Тем не менее, даже если устное чтение СХС вместе с другими составляющими корпуса не предполагалось составителем “Слова о Халкидонском соборе” изначально, а наблюдающаяся в рукописях регламентация чтения вслух является отражением восприятия текстов корпуса книжниками более позднего времени, не приходится сомневаться, что употребление *praesens historicum* представляет собой сознательный стилистический прием составителя. По-видимому, прием был обусловлен контекстом и коммуникативным заданием СХС, которое состояло в том, чтобы приблизить к читателю/слушателю панораму драматической борьбы за утверждение истинного вероучения. Это обстоятельство, как и характер бытования СХС в сборниках календарных уставных чтений, сближает его историко-догматический по содержанию текст с памятниками эпидейктического красноречия.

Как отмечено выше, пока не обнаружены доказательства перевода СХС с греческого языка (за исключением вводной части, вполне точно воспроизводящей по-славянски текст о IV Вселенском соборе из Номоканона в издании Х. Юстеля), однако прослеживаются явные свидетельства знакомства его составителя с византийскими источниками. Подробнее эти особенности памятника рассматриваются в двух следующих разделах настоящей статьи.

2.5. Исторические детали в “Слове о Халкидонском соборе”

Несмотря на сжатое изложение и явный компилятивный характер, СХС содержит несколько подробностей из истории христианской церкви середины V в., отсутствующие в других известных мне славянских источниках, в том числе в переводах византийских хроник. Эти подробности таковы.

Во-первых, в СХС отмечено, что духовный лидер монофиситства Евтихий, распространение учения которого стало поводом для созыва IV Вселенского собора в Халкидоне, был архимандритом монастыря Иова, расположенного в Евдоме (Эвдомоне), предместье к юго-западу от Константинополя, на европейском берегу Мраморного моря [Janin 1950: 408–411] (ср. замечание Э. Хонигмана о вероятном происхождении названия монастыря [Honigmann 1950: 230]):

Халкидоньска же събора. пицеваніє сіце бы. еѹтїхїи. іархімандрї пребывага
въ монастырі нарицаемѣмъ іѡвль. иже естъ въ еѡдѡмѣ вѣнѣ константіна
гра^а [Елаг111: л. 223].

Все иные известные мне переводные славянские источники называют Евтихия константинопольским архимандритом без точного указания названия и местоположения монастыря. Между тем, такие указания присутствуют в некоторых византийских хрониках, славянские переводы которых неизвестны: написанной в начале VI в. “Церковной истории” Феодора Чтеца (Анагноста) [ПАΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1901: 11; HANSEN 1995: 97], которая, по выражению А. П. Каждана, “пользовалась в свое время широкой известностью как в греческих, так и в латинских кругах Средиземноморья” [КАЖДАН 1976: 275], а также в хронике кон. XII – нач. XIII вв. Никиты Хониата [PG, 140: 37–38D]. Однако предположение о знакомстве составителя СХС с историей Никиты Хониата сомнительно, поскольку в этой хронике сообщается, что Диоскор и его окружение не позволили огласить на “Разбойничьем” соборе послание папы Льва I, доставленное в Эфес римскими легатами Юлием и Иларием [PG, 140: 39–40D]. Если бы составитель СХС был знаком с хроникой Хониата, то наверняка не ошибся бы, написав, что это послание было получено Халкидонским собором.

Во-вторых, в СХС указано, что инициатор расследования Константинопольского поместного собора о вероучении монофиситов Евсевий Дорилейский и архимандрит Евтихий до того, как Евсевий обратился к собору с обвинениями против Евтихия, были друзьями, многократно проводившими время в богословских беседах:

евсѣ^{ви}и же вѣшаше тогда епїпъ дорила града тако нарицаема. влїжнини
сын дроугъ его. иже множицею снїмъ вѣсодова. въ кнїжнѣмъ разоумѣ.
и тако оувидѣ того развращенїе ключаца³⁸. и премѣнѣющася³⁹ ѡ ереси.
пїшетъ абїе на кого⁴⁰ и вдаеть епїпоу константіна града флавіаноу
[Елаг111: 223об.]

О прежней дружбе и неоднократных теологических дискуссиях с Евтихием, как отмечали исследователи, Евсевий сам заявлял на соборе в Константинополе 8 ноября 448 г., отвергая предложения архиепископа Флавиана о примирении позиций обвинителя и заочно обвиняемого в ереси Евтихия [TNIERRY 1878: 205; Гидуляновъ 1908: 689;

³⁸ Слово отмечено А. А. Пичхадзе как редкое, зафиксированное только в древнерусских переводных и оригинальных текстах [Пичхадзе 2011: 97].

³⁹ Здесь явная смысловая ошибка писца Елаг111, опустившего отрицательную частицу: ср. *непремѣнѣющася* [Бодянский 1848: 3], *непремѣнѣющася* [Пер3: 3об.].

⁴⁰ *того* [Бодянский 1848: 3; Пер3: 3об.]

SELLERS 1961: 58]. Это зафиксировано в документах поместного собора, которые позднее были зачитаны в Халкидоне и поэтому сохранились в составе актов IV Вселенского собора [ACO 2, 1/1: 102]⁴¹. Византийские хроники, где был бы отмечен этот аспект отношений Евсевия и Евтихия, мне неизвестны. Вместе с тем примечательно, что до нас дошли составленные в Византии сборники, содержащие переписку по богословским и политическим вопросам Феодосия II, Пульхерии, Маркиана и папы Льва I, а также, помимо эпистолярия, включающие обширные материалы протоколов поместного Константинопольского и IV Вселенского соборов. Примером такого сборника является кодекс Z555, написанный в XI в. и находившийся по крайней мере до 1446 г. в Константинопольском Студийском монастыре, а уже в XX в. привлеченный Э. Шварцем в качестве одного из основных при издании греческого текста соборных актов [ACO 2, 1/1: V]. Понятно, что для составителя СХС, который, как можно предполагать на основании вышеприведенных данных, свободно читал по-гречески, кодекс такого содержания должен был представлять не меньший интерес, чем повествующая о Вселенских соборах византийская историческая хроника. Именно из кодекса, схожего по содержанию с Z555, составитель СХС мог почерпнуть упоминание о прежней дружбе Евсевия и Евтихия.

Однако наиболее загадочной можно было бы счесть третью подробность, сообщаемую автором СХС: согласно его изложению, александрийский патриарх Диоскор, выступивший покровителем Евтихия на “Разбойничьем” соборе в Эфесе, где был осужден Флавиан, в результате решения IV Вселенского собора был сослан и скончался в ссылке:

изверженъ діоскоръ бывае, и проклѣтъ. и въ въземьствіе всоуджа-
еться въ часть островъ. и тамо оумірае [Елаг111: 223об.].

Упоминание в СХС острова “Оас” как места ссылки изверженного из сана патриарха Диоскора, как выясняется, противоречит всем другим известным источникам, повествующим о последствиях решений IV Вселенского собора, и одновременно оказывается важным признаком, позволяющим лучше понять характер составления памятника.

2.6. Таинственный остров “Оас”

Казалось бы, под названием места ссылки Диоскора, упомянутого в СХС, можно без особой уверенности понимать искаженное название

⁴¹ По выражению Р. Прайса и М. Гэддиса, акты II Эфесского (“Разбойничьего”) собора включены в документы IV Вселенского собора как “a set of Chinese boxes, or matryoshka dolls” [PRICE, GADDIS, 1: 112]. То же, как показывает составленная этими исследователями схема взаимоотношения актов, можно сказать и о документах поместного Константинопольского собора 448 г. [Ibid.: 113].

одного из двух греческих островов: Иос (Ἴος) либо, что еще менее вероятно, Хиос (Χίος). Написание *оасъ* присутствует в *Увар509* (л. 301) [Бодянский 1848: 3] и *Лук85* (л. 218), но в ряде старших списков СХС, помимо цитированного выше *Елаг111*, фигурирует *оасъ*, и именно такое название таинственного острова наиболее часто встречается в рукописях: *Пер3*, л. 4; *Чуд262*, л. 370; *ТСЛ678*, л. 279об.; *Маз616*, л. 168; *МДА95*, л. 231; *Унд564*, л. 237об.; *Волок431*, л. 296⁴².

Однако как указание места ссылки Диоскора в тексте СХС, так и любая из приведенных интерпретаций топонима не согласуется практически со всеми известными греческими и латинскими источниками по истории церкви эпохи Вселенских соборов. В частности, “Церковная история” Евагрия Схоластика (II.5) [PG, 86/2: 2509–2510С; ЕВАГР.: 120], историческая хроника Феодора Чтеца [HANSEN 1995: 102], “Хронография” Феофана Исповедника [ТНЕОРН.: 164] и “Бревиарий” Либерата (глава XIV) [PL, 68: 1016В] однозначно указывают место ссылки Диоскора, где прошли последние годы его жизни (ум. 454/458 г.): это город Гангра (греч. Γάγγρα, лат. *Gangra*) в Малой Азии, в провинции Пафлагония (современный Чанкыры в Турции). Также Гангру в качестве последнего места ссылки бывшего александрийского патриарха называют и сирийские источники, созданные в среде противников Халкидонского собора: об этом говорится у Псевдо-Захарии Ритора (III.2) [НАМИЛТОН, ВРООКС 1899: 48], а хроника преемника Диоскора на александрийской кафедре миафисита Тимофея II (Элура) уточняет, что Диоскор был выслан сначала на полуостров Кизик в Малой Азии, затем в Ираклию, и только потом в Гангру [РО 13: 210]. Существуют, впрочем, коптские источники, также созданные антихалкидонитами, называющие Гангру “островом”⁴³. К ним относится коптский Синаксарь, изданный в немецком переводе с арабского, где фигурирует “die Insel Gagara” [WÜSTENFELD 1879: 89]. Как показал В. В. Болотов, ложные сведения о находившемся на материке городе Гангре как острове восходят к одному памятнику — содержащемуся в коптской рукописи 957 г. апокрифическому панегирику епископу города Ткоу Макарию, авторство которого приписано самому Диоскору, причем подлинный анонимный автор панегирика не имел представления о действительном географическом положении места ссылки бывшего патриарха [Болотовъ 1884: 610–613], ср. комментарии А. И. Бриллиантова в [Болотов 1918: 281–283]. Разумеется, “остров” Гангра из коптских апокрифов имеет с “Оас” из славянского

⁴² Разночтения: *асъ* — в *Унд560* (л. 295об.), *ВМ5636* (л. 357об.), *Мальц227* (л. 130); *оасъ* — в *НАРК30* (л. 559), *Рогож558* (л. 347об.); *оасъ* — в *Больш412* (л. 367об.).

⁴³ На эти источники опирается историография Коптской православной церкви Александрии, где Диоскор почитается как святой, скончавшийся в ссылке “на острове Гангра в Пафлагонии” [СЕ, 3: 914].

текста СХС только то общее, что тот и другой “острова” не соответствовали реальному месту пребывания Диоскора в опале. Нет никаких оснований думать, что составитель СХС, чье сочинение выдержано в строго ортодоксальном духе, мог быть знаком с антихалкидонитскими произведениями коптов и заимствовать упоминание “острова” из них, при этом по неизвестным причинам превратив Гангру в “Оас”.

Почему СХС оказывается единственным из известных памятников, назвавшим пунктом ссылки низложенного александрийского патриарха остров “Оас”, позволяет понять обращение к тексту Изборника 1073 г.

В славянском Изборнике изложение исторических событий на IV Вселенском соборе в Халкидоне, содержащееся в статье **О ѿтъныхъ и мирскихъхъ шести съборѣхъ**, практически полностью отсутствует, а рассказ сводится к объяснению принятых на соборе богословских установлений [*Изборник 1073*: 24об.–26]. Соответственно, не указано в этом тексте и место ссылки Диоскора. Однако рассказ о событиях на предыдущем, Третьем, Вселенском соборе в Эфесе (431 г.), где было осуждено вероучение Нестория, несмотря на лаконизм изложения, насыщен именами действующих лиц и историческими деталями [там же: 23об.–24об.]. Заканчивается этот рассказ сообщением о месте, ставшем пунктом ссылки бывшего константинопольского архиепископа: **несторни же изгънанъ бы въ свасть** [там же: 24–24об.]⁴⁴. В публикации славянского текста Изборника, подготовленного к печати О. М. Бодянским, буква **с** в слове **свасть** опущена, а в греческом тексте, опубликованном по Куаленовскому списку X в. (Coislinianus 120), который долгое время считался рукописью византийского прототипа Изборника⁴⁵, эта фраза фигурирует как *Νεστόριος δὲ εἰς Ὠασιν, ἐξορίσθη* [*Избор. ЧОИДР*: 56–57]. Указание местности под названием Ὠασιν, куда был сослан Несторий, присутствует также у Евагрия Схоластика (I.7) [PG, 86/2: 2437–2438A], что современными исследователями интерпретируется как “оазис египетской Фивиады”, располагавшийся в Ливийской пустыне в 200 км западнее Луксора [WESSEL 2004: 269; СЕЛЕЗНЕВ 2005: 32], см. комментарий И. В. Кривушина [ЕВАГР.: 71].

⁴⁴ Ср. в позднем списке той же статьи: **несторни же изгънанъ быѣ въ свасть** [*Мазб16*: 157об.].

⁴⁵ См. описание кодекса, принадлежавшего Лавре св. Афанасия на Афоне и имеющего, по предположению М. В. Бибикова, константинопольское происхождение: [Бибиков 1996: 47–52]. Как показал исследователь, из сопоставления текстов и составов кодекса Coislinianus 120 и Изборника 1073 г. следует, что первый не мог быть непосредственным прототипом второго [там же: 247–255, 292–294], ср. [SIESWERDA 2001: 299–300]. Однако содержание греческого и славянского сборников во многом совпадает [ЩАПОВ 1977: 335, 337], а в статье Изборника о Вселенских соборах присутствует прямая зависимость славянского текста от греческого.

Помимо статьи **О сѣтихъ и мирьскихъ шести съборѣхъ** из Изборника 1073 г. и близких к нему по составу кодексов⁴⁶, упоминание места ссылки Нестория также присутствует в переводе Хроники Георгия Амартола, но там сказано, что *несторини же вземьствованъ въ асини* [Истрин, 1: 400] (в оригинале: *Νεστόριος δὲ ἐξωρίσθη εἰς Ὠασιν* [DE BOOR, 2: 606]).

Таким образом, причина ошибки в СХС, где неверно указано место ссылки уклонившегося от ортодоксального вероучения Диоскора, становится понятной: составитель “Слова о Халкидонском соборе” явно перепутал этот географический пункт с местом ссылки Нестория — другого крупнейшего деятеля периода христологических споров, осужденного предшествующим III Вселенским собором. Как отмечено выше, Несторий упоминается в СХС как ересиарх, чье имя и вероучение были прокляты участниками IV Вселенского собора заодно с именами и вероучением монофиситов, что исторически совершенно верно, и это обстоятельство могло дать книжнику дополнительные основания для путаницы.

Вкравшаяся в СХС фактическая ошибка с перепутанным топонимом, как представляется, позволяет сделать предположение о характере работы составителя с источником: книжник не имел перед глазами списка статьи **О сѣтихъ и мирьскихъ шести съборѣхъ**, но читал ее ранее, а затем по памяти составлял свою историческую компиляцию. Неясно, однако, на каком этапе к слову *свасъ*, преобразованному в СХС в *васъ*, было добавлено отсутствующее в статье слово *островъ*, и принадлежит эта лишняя подробность, еще более запутывающая исторические обстоятельства, самому составителю СХС или позднему переписчику протографа. Во всяком случае понятно, что составитель и тем более переписчик вряд ли могли ориентироваться на славянский перевод Хроники Георгия Амартола. Как следует из упоминаемых составителем СХС исторических фактов, содержащихся в византийских источниках, он должен был хорошо знать греческий язык и поэтому мог некогда пользоваться не славянской статьей о Вселенских соборах, входившей в сборник Симеона-Святослава, а ее греческим оригиналом *Περὶ τῶν ἀγίων καὶ οἰκουμένων ζ' συνόδων*, воспроизведя *Ὠασιν* по-славянски как *васъ* или *оасъ*.

⁴⁶ Перечень содержащих сборник Симеона-Святослава кодексов, основанный на археографических разысканиях К. Куева, включает “27 славянских списков Изборника, вплоть до рукописных копий XIX в.” [Бибииков 1996: 38–39]. Согласно исследованиям последних лет, “более или менее полный текст *Симеонова сборника* сохранился в 20 независимых свидетельствах и 5 зависимых от одного из них списках” [VROOLAND, VEDER 2006: 69].

3. Заключение

Итак, “Слово о Халкидонском соборе” представляет собой памятник славянской книжности, созданный, по всей видимости, не ранее сер. XII и никак не позднее пер. четв. XV в. Этот памятник, как верно отметил его первый исследователь О. М. Бодянский, тесно связан с переводом послания римского папы Льва I архиепископу Флавиану, выполненным в XII в. с греческого языка по инициативе инок Киевского Печерского монастыря Николы Святоши монахом, известным теперь в историографии как Феодосий Грек. Наблюдения над характером рукописной традиции подтверждают отмеченную О. М. Бодянским связь: в 41 восточнославянской рукописи XV–XVII вв. “Слово о Халкидонском соборе” выполняет роль исторического введения к комментированному переводу Феодосия (в 39 кодексах содержатся полные тексты этого корпуса, еще в двух кодексах есть дефекты). Текст СХС показывает, что он специально составлен с этой целью, и не является извлечением из какого-то иного, более обширного, сочинения. Среди сборников, включающих СХС вместе с переводной “эпистолией” папы Льва и комментариями Феодосия, преобладают календарные сборники уставных чтений. Тем самым жанровая особенность СХС, обусловленная его включением в Торжественники, состоит в том, что это историческое произведение, служащее введением к догматическому тексту, который в славянском переводе благодаря этому введению и комментариям переводчика стал выполнять функцию целостного памятника гомилетики. В славянской письменности неизвестны другие случаи, когда посвященное догматическим вопросам переводное эпистолярное произведение было бы снабжено историческим введением и обстоятельными комментариями переводчика. Поэтому корпус, содержащий СХС вместе с комментированным переводом “Томоса” папы Льва, как в отношении комплексного содержания, так и по характеру бытования в списках занимает исключительное место среди учительных текстов.

До сих пор остается недоказанным, был составителем СХС сам Феодосий Грек или другой книжник, однако исторические подробности, сообщаемые составителем, свидетельствуют о его знакомстве с византийскими источниками, известными только в греческих, но не славянских списках. Можно уверенно полагать, что введением к СХС послужил перевод греческого текста о IV Вселенском соборе, содержащегося в одной из редакций Номоканона 14 титулов, по которой этот греческий текст был издан еще Х. Юстелем в 1615 г. Однако происхождение основной содержательной части СХС представляется значительно более проблематичным. Поскольку не приходится сомневаться, что греческий язык был знаком составителю СХС, существуют

две возможности: либо источником для него послужила неизвестная нам пока византийская компиляция, с которой был сделан славянский перевод; либо памятник изначально составлялся на славянском языке с использованием греческих текстов.

Аргументом в пользу первой из возможных версий могут служить лингвистические данные (неоднократное употребление в тексте формы *graesens historicum*), а контраргументом — наличие исторических ошибок, которые вряд ли допустил бы образованный византийский книжник. Тем не менее, на данном этапе исследования противопоставление этих тезисов не дает оснований для окончательного суждения.

Вторая версия — о славянской компиляции, составленной на основании греческих источников, — приводит к выводу, что источниками для СХС могли послужить история Феодора Чтеца (Анагноста) и тексты протоколов IV Вселенского собора, широко распространявшиеся в византийских сборниках X–XV вв. Кроме того, существуют основания думать, что составитель СХС мог читать статью “О шести святых Вселенских соборах” в одном из списков славянского сборника Симеона-Святослава (Изборника 1073 г.) или какой-либо византийской рукописи, содержащей греческий прототип этой статьи. Разумеется, аргументов в пользу знакомства автора СХС с византийскими источниками недостаточно для уверенного отождествления этого лица с Феодосием Греком.

Вместе с тем, как исторические подробности, так и неточности, допущенные составителем “Слова о Халкидонском соборе”, дают возможность объемнее представить облик этого автора и лучше понять, как именно он работал с текстами, послужившими основой для его труда. Он явно был эрудированным в области церковной истории и внимательным к деталям книжником. При этом можно предположить, что время его знакомства с частью источников было значительно отдалено от времени написания СХС. Складывается впечатление, что составляя свою историческую компиляцию, он не имел перед глазами всех текстов, на которые мог бы опереться для проверки сообщаемых им сведений, и отчасти, вероятно, полагался на свою неплохую память, которая, однако, иногда его подводила. Тем не менее, несмотря на отдельные фактические ошибки и компилятивный характер изложения, краткое “Слово о Халкидонском соборе” оказывается в некоторых аспектах информативнее сообщений ряда византийских хронистов.

Библиография

Сокращенные названия библиотек, древнехранилищ и фондов

БАН	Библиотека Российской академии наук (С.-Петербург), Научно-исследовательский отдел рукописей
ВСМЗ	Государственный Владимиро-Суздальский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник (Владимир)
ГАТО	Государственный архив Тверской области (Тверь)
ГИМ	Государственный исторический музей (Москва), Отдел рукописей и старопечатных книг
ИИСО	Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИРЛИ	Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук (С.-Петербург)
НАРК	Национальный архив Республики Карелия (Петрозаводск)
НБСГУ	Зональная научная библиотека им. В. А. Артисевич Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (Саратов)
ПМЗ	Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (Псков)
РГАДА	Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ	Российская национальная библиотека (С.-Петербург)
ВNM	Biblioteca Nazionale Marciana (Venezia)

*Базы данных**Картотека Никольского*

БАН, картотека Н. К. Никольского.

Pinakes

Pinakes = Πινάκες: Textes et manuscrits grecs (<http://pinakes.irht.cnrs.fr>).

*Источники**Славянские рукописи**Арх40*

БАН, ф. 1 (Архангельское собр.), № Д40, Торжественник триодный, 1480–90-е гг.; описания: [Амосов 1989: 44; СЕКТОРИСКАЈА 1994: № 9.012, S. 558–559].

Арх108

БАН, ф. 1 (Архангельское собр.), № Д108, Торжественник триодный, 1580-е гг., из библиотеки Антониево-Сийского монастыря; описание: [Амосов 1989: 123–130].

Больш412

РГБ, ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова), № 412, Торжественник триодный, пер. пол. XVII в.; описание и сопоставление состава с *Унд564*: [ГЕОРГИЕВСКИЙ 1915: 344–345].

ВМ5636

ВСМЗ, № В–5636/77, Патерик Сводный с дополнительными статьями (житиями и поучениями из минейного и триодного Торжественников), посл. четв. XV в. (кроме

оглавления на л. 1–10, датируемого посл. четв. XVII в.); описание состава (определен в соответствии с записью XVIII в. на л. I кодекса как Патерик Скитский); [Недешевъ 1906: № 133, С. 122–137].

Волок431

РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 431, Торжественник триодный, кон. XV – нач. XVI вв.; описания: [Иосифъ 1882: 51–57; Алексеева 1976: 248–253; ЇЕРТОРІСКАЈА 1994: № 9.010, S. 556–557].

Волок433

РГБ, ф. 113 (собр. Иосифо-Волоколамского монастыря), № 433, Торжественник триодный, 1535 г., писан в Иосифо-Волоколамском монастыре; описание: [Иосифъ 1882: 61–65].

Воскр109

ГИМ, Собр. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, № 109, Торжественник триодный и Синаксарь, вторая половина XVI в.; описание: [Амфилохій 1876: 161–166], ср. [Костюхина 1962: 280].

ГАТО981

ГАТО, ф. 1409, оп. 1, д. № 981, Сборник “Рай” на основе Торжественника триодного, 1530–1540-е гг. (конволют, предположительно собранный в тр. четв. XVII в.); описание Г. С. Гадаловой и библиография: [Поздеева 2012: № 79, С. 157–163].

Елаг111

ПМЗ, Отдел рукописных и старопечатных книг (Древлехранилище), ф. 241 (собр. И. П. Елагиной), № 111, Торжественник триодный (без начала и конца), 1420–1430-е гг. (кроме вкладных л. 1–7 – XVIII в.); описание: [Осипова 1991: 8–10].

ИИСО53

ИИСО, № 53/71, Торжественник общий, 1440-е гг. (?); описания: [Черторицкая 1977: 162–198; ЇЕРТОРІСКАЈА 1994: №9.011, S. 557–558].

Лук85

РГБ, ф. 152 (собр. И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича), № 85, Торжественник общий (без начала и конца), посл. четв. XV в.; описания: [Щапов 1959: 73–77; ЇЕРТОРІСКАЈА 1994: № 9.013, S. 560].

Маз616

РГАДА, ф. 196 (собр. Ф. Ф. Мазурина), оп. 1, № 616, Сборник богословско-энциклопедический, тр. четв. XVI в. В предисловии к сборнику (л. 3) он назван “Кормчий душам”, в оглавлении (л. 10) – “Кормитель душам и наставник” (по первому тексту сборника). Кодекс датирован и детально описан Л. В. Мошковой (описание не опубликовано); о составе сборника: [Темчин 2012: 137–142]; об истории приобретения рукописи: [Шибанов 1972: 178–179].

МДА95

РГБ, ф. 173.I (собр. Московской духовной академии), № 95, Миняя четья на июль 1558 г., переписана с ТСЛ678, писцы Иоасаф и Фирс; описание: [Леонидъ 1887: 54–60].

Мальц227

НБСГУ, № 227 (из собр. П. М. Мальцева), Никодимово Евангелие и Торжественник триодный, тр. четв. XVI в.

НАРК30

НАРК, ф. 889, оп. 1, д. № 30(27), Торжественник общий, кон. XV – нач. XVI вв.; описание: [Пигин 2010: 103–118]; исследование состава: [Спасова и Пигин 2014].

ОЛДП215

РНБ, ф. 536 (Общество любителей древней письменности), оп. 1, № F.215, Торжественник общий, кон. пер. четв. XV в.; описание и исследование: [Левшина 2013: 5–36].

ПерЗ

ИРЛИ, ф. Р–IV (Собр. древнерусских рукописей и старопечатных книг, Древлехранилище им. В. И. Малышева), колл. В. Н. Перетца, № 3, Торжественник общий (16 л. без начала и конца, отрывок из *ОЛДП215*), кон. пер. четв. XV в.; описания: [ЅЕРТОРІСКАЈА 1994: № 7.018, S. 543; Левшина 2013: 22].

Писк129

РГБ, ф. 228 (собр. Д. В. Пискарева), № 129, Златоуст, кон. XVI – нач. XVII вв.; описание: [ЅЕРТОРІСКАЈА 1994: № 12.001, S. 673–675].

Погод199

РНБ, ф. 588, оп. 2 (собр. М. П. Погодина), № 199, Торжественник триодный 1541 г.; описание: [СобРПогодина 1: 145–148].

Погод817

РНБ, ф. 588, оп. 2 (собр. М. П. Погодина), № 817, Торжественник минейный, втор. пол. XVI в.; описание: [СобРПогодина 4: 52–58].

Поп148

РГБ, ф. 236 (собр. А. Н. Попова), № 148, Торжественник общий, ок. 1440–1450 гг.; сопоставление состава с *Волок431*: [Алексеева 1976: 240–241].

РНБ224

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги, ОСРК), № F.I.224, Торжественник триодный, ок. 1560–1570 гг. (из собр. Ф. А. Толстого); описание состава: [Калайдовичъ и Строевъ 1825: Отд. I, № 106, С. 51–59].

РНБ686

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги, ОСРК), № F.I.686, Миняя четья на июль 1594 г. (из собр. П. Д. Богданова); описание: [Бычковъ 1891: № 48, С. 51–53].

РНБ895

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги, ОСРК), № F.I.895, Торжественник общий, посл. треть XV в.; описания: [Отчетъ ИПБ 1909: 114–136; ЅЕРТОРІСКАЈА 1994: №9.036, S. 578–579].

РНБ900

РНБ, ф. 550 (Основное собрание рукописной книги, ОСРК), № F.I.900, Торжественник общий и Синаксарь, посл. треть XV в.; описания: [Отчетъ ИПБ 1909: 94–114; ЅЕРТОРІСКАЈА 1994: №9.037, S. 580–581].

Рогож558

РГБ, ф. 247 (собр. Старообрядческой общины при Рогожском кладбище), № 558, Торжественник триодный и Синаксарь (без конца), тр. четв. XVI в.; сопоставление состава с *Волок431* и *Поп148*: [Алексеева 1976: 241].

Син182

ГИМ, Синодальное собр., № 182, Миняя четья на июль (из Царского свода Великих Миней четьих), сер. XVI в.; описание: [Протасьева 1970: №804, с. 203–205].

Син996

ГИМ, Синодальное собр., № 996, Миняя четья на июль (из Успенского свода Великих Миней четьих), сер. XVI в.; описания: [Јосифъ 1892: 293–394; Протасьева 1970: №794, с. 185–186], филигранные: [Костюхина 1999: 61–62].

Сол516

РНБ, ф. 717 (Библиотека Соловецкого монастыря), № 516/535, Миняя четья на июль, XVII в.; описание: [ПОРФИРЬЕВЪ 1885: № 634(516), С. 451–457].

СОР1133

РГБ, ф. 218 (собр. Отдела рукописей), № 1133, Торжественник триодный (без начала и конца), втор. пол. XVI в.; описание: [ТИХОМИРОВ 1963: 299–303].

Соф1323

РНБ, ф. 728 (Библиотека Новгородского Софийского собора), № 1323, Миняя четья на июль (из Софийского свода Великих Миней четьих), 1538–1541 гг., писец монах Пафнутьева монастыря (г. Боровск) Аркадий; описание: [АБРАМОВИЧЪ 1907: 131–154].

Тих235

РГБ, ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 235, Торжественник общий 1596 г., писан в Глушицком Сосновецком (Дионисиеве) монастыре Иоанна Предтечи близ г. Кадчиковка под Вологдой, писец иеромонах Евстрат (в миру Лобан); инвентарное описание: [ГЕОРГИЕВСКИЙ 1913: 37].

Тих420

РГБ, ф. 299 (собр. Н. С. Тихонравова), № 420, Торжественник триодный с дополнительными статьями, посл. четв. XV в.; описание: [ЅЕРТОРИСКАЈА 1994: № 9.023, S. 566–567].

ТСЛ678

РГБ, Ф. 304. I. (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 678, Миняя четья на июль, конволют XV и XVI вв.; описание: [ИЛАРИЙ И АРСЕНИЙ 1878: 33–35]; исследование и библиография: [МОЛДОВАН 1981: 64–76].

ТСЛ728

РГБ, Ф. 304. I. (собр. Троице-Сергиевой Лавры), № 728, Хронограф, нач. XV в.

Увар384

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 384, Торжественник общий, втор. пол. XV в.; описания: [СТРОЕВЪ 1848: №612, с. 654–663; ЛЕОНИДЪ 1891: № 329, с. 428–436].

Увар509

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 509, Торжественник общий, пер. четв. XV в.; описания: [СТРОЕВЪ 1848: № 362, с. 345–352; ЛЕОНИДЪ 1894: № 1772, с. 13–18; ЅЕРТОРИСКАЈА 1994: № 9.051, S. 595].

Увар511

ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 511, Торжественник триодный (без конца), сер. XV в.; описания: [СТРОЕВЪ 1848: № 364, с. 353–355; ЛЕОНИДЪ 1894: № 1774, с. 19–21; ЅЕРТОРИСКАЈА 1994: № 9.052, S. 596].

Унд560

РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 560, Торжественник минейный, втор. пол. XV в.; описание: [УНДОЛЬСКИЙ 1870: 412–418].

Унд561

РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 561, Торжественник триодный, посл. четв. XV в. – нач. XVI вв., описание: [УНДОЛЬСКИЙ 1870: 418–423].

Унд564

РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 564, Торжественник триодный (без конца), кон. XV – нач. XVI вв.; описание: [УНДОЛЬСКИЙ 1870: 425–429]; состав в сопоставлении с *Больш412*: [ГЕОРГИЕВСКИЙ 1915: 344–345]; сопоставление с *Волок431*: [АЛЕКСЕЕВА 1976: 242–243].

Унд1249

РГБ, ф. 310 (собр. В. М. Ундольского), № 1249, Торжественник триодный и Синаксарь, №1249, XVI в. (многие утраченные листы дописаны в XVIII в.); состав в сопоставлении с Волок431 и Унд564: [АЛЕКСЕЕВА 1976: 243].

Чуд262

ГИМ, Чудовское собр., № 262, Торжественник общий, 1443 г.; краткое описание: [ПРОТАСЬЕВА 1980: 147–148].

Чуд316

ГИМ, Чудовское собр., № 316, Миняя четья на июль (из комплекта Годуновских миней), 1600 г.; краткое описание: [ПРОТАСЬЕВА 1980: 184–185].

Греческие рукописи

Z555

BNM, Gr. Z. 555 (coll. 788), Сборник писем исторических лиц и актов IV Вселенского собора, сер. XI в.; краткая история кодекса и издание текстов: [ACO 2, 1/1]; палеографические сведения: [ATSALOS E ORSINI 2008].

Издания

АБРАМОВИЧЪ 1911

АБРАМОВИЧЪ Д. И., ред., *Патѣрикъ Кіевскаго Печерскаго монастыря*, С.-Петербургъ, 1911.

БЕНЕШЕВИЧЪ 1905

БЕНЕШЕВИЧЪ В. Н., *Каноническій сборникъ XIV титуловъ со второй четверти VII вѣка до 883 г.*, С.-Петербургъ, 1905.

— 1987

БЕНЕШЕВИЧЪ В. Н., *Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований*, 2, Ю. К. БЕГУНОВ, И. С. ЧИЧУРОВ, Я. Н. ЩАПОВ, подгот. и доп., София, 1987.

ЕВАГР.

ЕВАГРИЙ СХОЛАСТИК, *Церковная история*, И. В. КРИВУШИН, пер. с греч., вступ. ст., комм., прилож. и указ., изд. 2-е, исправ., С.-Петербург, 2010.

Изборник 1073

Изборник Святослава 1073 г., 1: факсимильное издание, Москва, 1983.

Избор. ЧОИДР

“Текстъ Святославова Изборника съ греческимъ и латинскимъ чтеніями”, *Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*, 4, 1882, 1–184.

ИСТРИН, 1–3

ИСТРИН В. М., *Хроника Георгія Амартола в древнем славяно-русском переводе*, 1 – Петроград, 1920; 2 – Петроград, 1922; 3 – Ленинград, 1930.

— 1994

ИСТРИН В. М., *Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе: Репринтное воспроизведение материалов В. М. Истрина*, М. И. ЧЕРНЫШЕВА, подгот. изд., вступ. стат. и прил., Москва, 1994.

МАНАССИЯ

Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах, И. С. ДУЙЧЕВ, М. А. САЛМИНА, исслед., М. А. САЛМИНА, подгот. текстов, София, 1988.

МЕТАФРАСТ

Симеона Метафраста и Логовета Списаніе мѣра отъ Быгѣм и Лѣтоуникъ собранъ отъ различныхъ Лѣтописецъ: Славянскій переводъ Хроники Симеона Логовета съ дополненіями, С.-Петербургъ, 1905.

ПЕТКОВ И СПАСОВА 1–12

ПЕТКОВ Г., СПАСОВА М., *Търновската редакция на Стихията пролог. Текстове. Лексикален индекс*, 1–12, Пловдив, 2008–2014.

ПОНЫРКО 1992

ПОНЫРКО Н. В., *Эпистолярное наследие Древней Руси XI–XIII: Исследования, тексты, переводы*, С.-Петербург, 1992.

ПСРЛ

Полное собрание русских летописей, 1/1: *Лаврентьевская летопись, Повесть временных лет*, изд. 2-е, Ленинград, 1926; 2: *Ипатьевская летопись*, изд. 2-е, С.-Петербург, 1908; 6/1: *Софийская первая Летопись старшего извода*, Москва, 2000.

ACO 2

SCHWARTZ E., ed., *Acta conciliorum oecumenicorum, Concilium universale Chalcedonense*, 2, Berolini et Lipsiae: 1/1, 1933; 2/2, 1936; 4, 1932.

CFHB 35

THURN I., rec., *Ioannis Malalae Chronographia* (= Corpus fontium historiae Byzantinae, 35: Ser. Berolinensis), Berolini, 2000.

DE BOOR, 1–2

DE BOOR C., ed., *Georgii Monachi chronicon*, 1–2, Lipsiae, 1904.

HAMILTON, BROOKS 1899

The Syriac Chronicle Known as That of Zachariah of Mitylene, F. J. HAMILTON, E. W. BROOKS, trans., London, 1899.

HANSEN 1995

HANSEN G. Ch., Hrgs., *Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte*, 2., durch. Auf., Berlin, New York, 1995.

MF 2

ROTHER H., Hrsg., *Gottesdienstmenäum für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GIM). Historisch-kritische Edition* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften, 113. Patristica Slavica, 13), besorgt und kommentiert von D. CHRISTIANS et al.; Teil 2: *10. bis 19. Februar*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.

NOMOCANON 1615

JUSTELLUS C., *Nomocanon Photii* [. . .] *Accessere eiusdem Photii* [. . .] *et Anonymi tractatus de Synodis oecumenicis*, Parisiis, 1615.

PG

MIGNE J. P., ed., *Patrologiae cursus completes, Series graeca*, 86/2: *Evagrii Scholastici Historia Ecclesiastica*, Parisiis, 1865, 2405–2906; 140: *Nicetae Choniatae Opera Omnia*, Parisiis, 1887.

PL

MIGNE J. P., ed., *Patrologiae cursus completes, Series latina*, 54: *Sancti Leonis Magni Romani Pontificis Opera Omnia*. . . , Parisiis, 1846; 68: *Liberatus. Breviarium causae Nestorianorum et Eutylianorum*. . . , Parisiis, 1866, 969–1096.

PO 13

GRAFFIN R., NAU F., eds., *Patrologia Orientalis*, 13, Paris, 1919.

PRICE, GADDIS, 1–3

PRICE R., GADDIS M., transl., intr., notes, *The Acts of the Council of Chalcedon* (= Translated Texts for Historians, 45), 1–3, Liverpool, 2005.

THEOPH.

CLASSEN J., ed., *Theophanis Chronographia* (= Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, 43), 1, Bonnae, 1839.

WÜSTENFELD 1879

WÜSTENFELD F., übers., *Synaxarium, das ist Heiligen-Kalender der coptischen Christen*, Gotha, 1879.

ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ 1901

ΠΑΠΑΔΟΠΟΥΛΟΣ-ΚΕΡΑΜΕΥΣ Α., “Νέα τεμάχια τῆς ἐκκλησιαστικῆς ἱστορίας Θεοδώρου ἀναγνώστου τοῦ ἐντολέως”, *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 333, Отдѣлъ классической филологіи, С.-Петербургъ, 1901, 1–24.

Литература (описания рукописей, исследования, словари)

АБРАМОВИЧЪ 1907

АБРАМОВИЧЪ Д. И., *Описание рукописей С.-Петербургской духовной академіи. Софійская бібліотека, 2: Четыи Минеи. Прологи. Патерики*, С.-Петербургъ, 1907.

АЛЕКСЕЕВА 1976

АЛЕКСЕЕВА Т. Д., “Сборники постоянного и варьирующегося состава со словами Кирилла Туровского”, в: *Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР*, 2/1, Москва, 1976.

АМОСОВ 1989

АМОСОВ А. А. и др., сост., *Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР*, 8/1: *Рукописи Архангельского собрания*, Ленинград, 1989.

АМФИЛОХІЙ 1876

АМФИЛОХІЙ (СЕРГІЕВСКІЙ-КАЗАНЦЕВЪ), архим., *Описание Воскресенской Новоіерусалимской бібліотеки, съ приложеніемъ снимковъ со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагу*, Москва, 1876.

БАРАНКОВА 2003

БАРАНКОВА Г. С., “Антилатинские послания митрополита Никифора”, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003*, Москва, 2003, 317–359.

БЕЛЯКОВА 2002

БЕЛЯКОВА Е. В., “Тексты Мазуринской редакции и их происхождение”, в: *Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. Исследование. Тексты*, Москва, 2002, 11–54.

БИБИКОВ 1996

БИБИКОВ М. В., *Византийский прототип древнейшей славянской книги (Изборник Святослава 1073 г.)*, Москва, 1996.

БОДЯНСКІЙ 1848

БОДЯНСКІЙ О., *Славянорускія сочиненія въ пергаменномъ сборникѣ И. Н. Царскаго (= Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*, 1848, 7, Отд. II.), Москва, 1848.

БОЛотовъ 1884–1885

БОЛотовъ В. В., “Изъ церковной исторіи Египта. 1. Разказы Діоскора о халкидонскомъ соборѣ”, *Христіанское чтеніе*, 11–12, 1884, 581–625; 1–2, 1885, 9–94.

БОЛотов 1918

БОЛотов В. В., *Лекции по истории древней церкви, 4: История церкви в период вселенских соборов*, Петроград, 1918.

БУЛАНИН 2014

БУЛАНИН Д. М., “Римская епистолия”, в: Д. М. Буланин, отв. ред., Д. М. Буланин, А. А. Романова, О. В. Творогов, Ф. Томсон, А. А. Турилов, сост., *Каталог памятников древнерусской письменности XI–XIV вв. (Рукописные книги)*, С.-Петербург, 2014, 560–572.

Буланина 1987

Буланина Т. В., “Феодосий Грек”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI – пер. пол. XIV вв., Ленинград, 1987, 459–461.

Бычковъ 1891

Бычковъ И. А., *Каталогъ собранія славяно-русскихъ рукописей П. Д. Богданова*, 1, С.-Петербургъ, 1891.

Водолазкин 2008

Водолазкин Е. Г., *Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.)*, 2-е изд., перераб. и доп., С.-Петербург, 2008.

ГЕОРГИЕВСКИЙ 1913

ГЕОРГИЕВСКИЙ Г. П., *Собрание Н. С. Тихонравова*, 1: *Рукописи*, Москва, 1913.

——— 1915

ГЕОРГИЕВСКИЙ Г. П., *Рукописи Т. О. Большакова, хранящиеся въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ музеѣ*, Петроградъ, 1915.

Гидуляновъ 1908

Гидуляновъ П. В., *Изъ исторіи развитія церковно-правительственной власти. Восточные Патріархи въ періодъ четырехъ первыхъ Вселенскихъ соборовъ*, Ярославль, 1908.

Гловинская 1996

Гловинская М. Я., “Две загадки Praesens historicum”, в: *Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сборникъ статей к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка*, Москва, 1996, 451–457.

ГОРБУНОВА 1997–1998

ГОРБУНОВА Е. А., “Функционирование настоящего исторического в восточнославянских памятниках XI–XIV вв.”, *AION SLAVISTICA: Annali dell’Istituto universitario orientale di Napoli*, 5, 1997–1998, 247–285.

Грицевская 2003

Грицевская И. М., *Индексы истинных книг*, С.-Петербург, 2003.

Димитрова 2011

Димитрова М., “Ягичев Златоуст”: *средновековен български паметник със слова и поуczenia от началото на XIV век*, София, 2011.

Иларій и Арсеній 1878

<Иларій, Арсеній> *Описание славянскихъ рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергіевой лавры*, Ч. Б: *Ркп. хлопчато-бумажныя*, 7, Москва, 1878.

Иосифъ 1882

Иосифъ, іеромон., *Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библиотеки Иосифова монастыря въ библиотеку московской духовной Академіи (= Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ*, 1881, 3), Москва, 1882.

——— 1892

Иосифъ (Левицкій), архим., *Подробное оглавление Великихъ Четихъ Миней Всероссійскаго Митрополита Макарія, хранящихся въ Московской Патріаршей (нынѣ Сундальной) библиотекѣ*, Москва, 1892.

Истринъ 1906

Истринъ В. М., “Редакція Толковой Палеи”, *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словѣсности Императорской Академіи Наукъ*, 10/4, С.-Петербургъ, 1906, 135–203.

КАЖДАН 1976

<КАЖДАН> А. <П.>, [Рец.:] “Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte, hg. von G. Ch. Hansen. Akademie-Verlag. Berlin, 1971, XLI+228 S.”, *Византийский временник*, 37, 1976, 275–276.

КАЛАЙДОВИЧЬ И СТРОЕВЪ 1825

КАЛАЙДОВИЧЬ К., СТРОЕВЪ П., изд., *Обстоятельное описание славяно-россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библиотекѣ [. . .] графа Ѳеодора Андреевича Толстова*, Москва, 1825.

КОСТРОМИН 2011

КОСТРОМИН К., свящ., “Проблема атрибуции «Слова Феодосия, игумена Печерского, о вере крестьянской и о латыньской»”, *Христианское чтение*, 1 (36), 2011, 6–97.

КОСТЮХИНА 1962

КОСТЮХИНА Л. М., “Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря”, в: *Археографический ежегодник за 1960 год*, Москва, 1962, 273–290.

——— 1999

КОСТЮХИНА Л. М., *Палеография русских рукописных книг XV–XVII вв. Русский полуустав*, Москва, 1999.

КРИВУШИН 1998

КРИВУШИН И. В., *Ранневизантийская церковная историография*, С.-Петербург, 1998.

ЛЕВШИНА 2013

ЛЕВШИНА Ж. Л., “«Болгаризованное» письмо русского книжника первой половины XV века Серапиона и второе южнославянское влияние”, в: *Очерки феодальной России*, 16, Москва, 2013, 3–36.

ЛЕОНИДЪ 1887

ЛЕОНИДЪ (КАВЕЛИНЪ), архим., *Свьдѣніе о славянскихъ рукописяхъ, поступившихъ изъ книгохранилища Св. Троицкой Сергіевой Лавры въ библиотечку Троицкой духовной семинаріи в 1747 году (нынѣ находящихся въ библиотекѣ Московской духовной Академіи)*, 1, Москва, 1887.

——— 1891–1894

ЛЕОНИДЪ (КАВЕЛИНЪ), архим., *Систематическое описание славяно-россійскихъ рукописей собранія Графа А. С. Уварова въ четырехъ частяхъ съ 13-ю снимками*, 1–4, Москва, 1891–1894.

МОЛДОВАН 1981

МОЛДОВАН А. М., “К истории составления Троицкой Минеи № 678 (Значение ее для текстологического исследования произведений митрополита Илариона)”, в: *Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР им В. И. Ленина*, 42, Москва, 1981, 64–76.

НАЗАРЕНКО 2001

НАЗАРЕНКО А. В., *Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков*, Москва, 2001.

НЕДЕШЕВЪ 1906

<НЕДЕШЕВЪ С.> *Краткое описание рукописей церковно-историческаго древлехранилища при Братствѣ Св. Бл. Вел. Кн. Александра Невскаго*, 1, Владимиръ, 1906.

ОСИПОВА 1991

ОСИПОВА Н. П., *Каталог славяно-русскихъ рукописей Псковскаго музея-заповедника (XIV – начало XX вв.)*, 1, Псков, 1991.

ОТЧЕТЪ ИПБ 1902

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1902 г., С.-Петербургъ, 1910.

——— 1909

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1909 г., Петроградъ, 1915.

ПАДУЧЕВА 1996

ПАДУЧЕВА Е. В., *Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива)*, Москва, 1996.

ПЕНТКОВСКАЯ 2008

ПЕНТКОВСКАЯ Т. В., “Настоящее историческое в Чудовской редакции Нового Завета”, *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 4, 2008, 9–29.

— 2009

ПЕНТКОВСКАЯ Т. В., *К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета*, Москва, 2009.

ПЕТРОВА 2010

ПЕТРОВА В. Д., “О некоторых особенностях языка Киприана (в сопоставлении с языком книжников Тырновской школы и Епифания Премудрого)”, *Вестник Самарского государственного университета*, Гуманитарная серия, 7 (81), 2010, 185–191.

ПИГИН 2010

ПИГИН А. В., сост., отв. ред., предисл., *Памятники книжной старины русского севера: коллекции рукописей XV–XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия*, С.-Петербург, 2010.

ПИЧХАДЗЕ 2006

ПИЧХАДЗЕ А. А., “К текстологии древнейшего славянского перевода Пандект Никона Черногорца”, в: *Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004–2005*, Москва, 2006, 59–84.

— 2011

ПИЧХАДЗЕ А. А., *Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект*, Москва, 2011.

— 2013

ПИЧХАДЗЕ А. А., “Лингвистические особенности славянских толковых переводов XI–XII вв.”, в: *Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г. Доклады российской делегации*, Москва, 2013, 246–265.

ПОДСКАЛЬСКИ 1996

ПОДСКАЛЬСКИ Г., *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, А. В. НАЗАРЕНКО, пер., К. К. АКЕНТЬЕВ, ред., 2-е изд., исправ. и доп., С.-Петербург, 1996.

ПОЗДЕЕВА 2012

ПОЗДЕЕВА И. В., ред., *Славяно-русские рукописные книги XIV–XVI веков в хранилищах Тверской земли, Каталог*, Тверь, 2012.

ПОЛОНСКИЙ 2012

ПОЛОНСКИЙ Д. Г., “Место послания папы Льва I о природе Христа в русских рукописных четких сборниках XIV–XVII вв.”, в: *“Румянцевские чтения – 2012”: Материалы Всероссийской научной конференции (17–28 апреля 2012 г.)*, 2, Москва, 2012, 133–138.

— 2013

ПОЛОНСКИЙ Д. Г., “Почему киевский монах Феодосий Грек перевел послание римского папы Льва Великого? (К проблемам мотивации книжника и датировки восточнославянского памятника XII в.)”, *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 3 (53), 2013, 108–109.

ПОРФИРЬЕВЪ 1885

<ПОРФИРЬЕВЪ И. Я., ВАДКОВСКИЙ А. В., КРАСНОСЕЛЬЦЕВЪ Н. Ф.> *Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии*, 2, Казань, 1885.

ПРОТАСЬЕВА 1970

ПРОТАСЬЕВА Т. Н., *Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева)*, 1, Москва, 1970.

— 1980

ПРОТАСЬЕВА Т. Н., *Описание рукописей Чудовского собрания*, Новосибирск, 1980.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ 1972

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., “О жанре «Слова о Лазаревом воскресении»”, в: *Труды Отдела древнерусской литературы*, 27, Ленинград, 1972, 109–119.

— 1987

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ М. В., “«Слово на Лазарево воскресение»”, в: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*, 1: XI – пер. пол. XIV в., Ленинград, 1987, 426–428.

СЕЛЕЗНЕВ 2005

СЕЛЕЗНЕВ Н. Н., *Несторий и Церковь Востока*, Москва, 2005.

СЛРЯ 11–17 вв., 1–29–

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1–29–, Москва, 1975–2011–.

СОБОЛЕВСКИЙ 1914

СОБОЛЕВСКИЙ А. И., “Отношение древней Руси къ раздѣленію церковей”, *Извѣстія Императорской Академіи Наукъ*, 6/2, 1914, 95–102.

СОБРПОГОДИНА 1

ТВОРОГОВ О. В., ЗАГРЕБИН В. М., ред., *Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог*, 1, Ленинград, 1988.

— 4

ТВОРОГОВ О. В., КРУШЕЛЬНИЦКАЯ Е. В., ЛЕВШИНА Ж. Л., РОМАНОВА Т. В., ред., *Рукописные книги собрания М. П. Погодина: каталог*, 4, С.-Петербург, 2010.

СПАСОВА И ПИГИН 2014

СПАСОВА М. А., ПИГИН А. В., “Торжественник конца XV – начала XVI века из собрания Национального архива Республики Карелия”, *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия “Общественные и гуманитарные науки”*, 5 (142), 2014, 1–12.

СТРОЕВЪ 1848

СТРОЕВЪ П., *Рукописи славянскія и россійскія, принадлежащія почетному гражданину и Археологической Комисіи корреспонденту Ивану Никитичу Царскому*, Москва, 1848.

— 1891

СТРОЕВЪ П., *Описание рукописей монастырей Волоколамскаго, Новый-Іерусалимъ, Саввина-Сторожевскаго и Пафнутаева-Боровскаго (= Изданіе Общества любителей древней письменности, 98)*, С.-Петербургъ, 1891.

ТВОРОГОВ 1975

ТВОРОГОВ О. В., *Древнерусские хронографы*, Ленинград, 1975.

ТЕМЧИН 2012

ТЕМЧИН С. Ю., “Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника”, in: MEIŁUNAITE V., MOROZOVA N., eds., *Naįausi kalbų ir kultūrų tyrimai (= Kalbų ir kultūrų sankirtų archyvai, 4)*, Vilnius, 2012, 137–180.

ТИХОМИРОВ 1963

<Тихомиров Н. Б.> “Новые поступления”, *Записки отдела рукописей. Государственная библиотека СССР им В. И. Ленина*, 26, Москва, 1963, 299–303.

УНДОЛЬСКИЙ 1870

УНДОЛЬСКИЙ В. М., *Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія, съ № 1-го по №579-й*, Москва, 1870.

ФИЛАРЕТЬ 1859

ФИЛАРЕТЬ, архіеп., *Обзоръ русской духовной литературы, 862–1720*, Харьковъ, 1859.

ЧЕРТОРИЦКАЯ 1977

ЧЕРТОРИЦКАЯ Т. В., “Торжественник из собрания ИИФиФ (Опыт описания сборника постоянного состава)”, в: *Источниковедение и археография Сибири*, Новосибирск, 1977, 162–198.

ШАХМАТОВЪ 1897

ШАХМАТОВЪ А. А., “Кіевопечерскій патерикъ и Печерская лѣтопись”, *Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словѣсности Императорской Академіи Наукъ*, 2/3, 1897, 795–844.

ШИБАНОВ 1972

ШИБАНОВ П. П., “Полвека со старой книгой и ее друзьями”, в: *Книга: Исследования и материалы*, 24, Москва, 1972, 165–187.

ЩАПОВ 1959

ЩАПОВ Я. Н., *Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича*, Москва, 1959.

——— 1977

ЩАПОВ Я. Н., “«Написание о правой вере» Михаила Синкелла в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции”, в: РЫБАКОВ Б. А., отв. ред., *Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей*, Москва, 1977, 332–341.

ARENS 1982

ARENS H., *Die christologische Sprache Leos des Großen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian*, Freiburg, Basel, Wien, 1982.

ATSALOS E ORSINI 2008

ATSALOS B., ORSINI P., “Minuscole greche informali del X secolo,” *Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque* (Drama, 21–27 septembre 2003) (= *Vivlioamphiastis* Annexe, 1), Athènes, 2008, 41–70.

CE, 1–8

АТИҪА А. S., ed., *Coptic Encyclopedia*, 1–8, New York, Toronto, Oxford, Singapore, Sidney, 1991.

Ї́РТОРИЦКАЈА 1994

Ї́РТОРИЦКАЈА Т. V., *Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz*, H. MIKLAS, Red., Opladen, 1994.

CHADWICK 1955

CHADWICK H., “The Exile and Death of Flavian of Constantinople: a Prologue to the Council of Chalcedon,” *Journal of Theological Studies*, 6/1, 1955, 17–34.

——— 2001

CHADWICK H., *Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great*, Oxford, New York, 2001.

CHEW 2006

CHEW K., “Virgins and Eunuchs: Pulcheria, Politics and the Death of Emperor Theodosius II,” *Zeitschrift für Alte Geschichte*, 55/2, 2006, 207–227.

FRANKLIN 1992

FRANKLIN S., “Greek in Kievan Rus’,” *Dumbarton Oaks Papers*, 46 (= *Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan*), 1992, 69–81.

GOUBERT 1951

GOUBERT P., “Le rôle de sainte Pulchérie et de l’eunuque Chrysaphios,” in: *Das Konzil von Chalcedon. Geschichte und Gegenwart*, 1: *Der Glaube von Chalcedon*, A. GRILLMEIER und H. BACHT, Hrsg., Würzburg, 1951, 303–321.

GREEN 2008

GREEN B., *Soteriology of Leo the Great*, Oxford, 2008.

HOLUM 1982

HOLUM K. G., *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*, Berkeley, Los Angeles, 1982.

HONIGMANN 1950

HONIGMANN E., "Juvenal of Jerusalem," *Dumbarton Oaks Papers*, 5, 1950, 209–279.

JANIN 1950

JANIN R., *Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique*, Paris, 1950.

MUNITIZ 1974

MUNITIZ J. A., "Synoptic Greek Accounts of the Seventh Council," *Revue des études byzantines*, 32, 1974, 147–186.

NEIL 2009

NEIL B., *Leo the Great*, New York, 2009.

ODB, 1–3

KAZHDAN A. P., ed., *Oxford Dictionary of Byzantium*, 1–3, New York, Oxford, 1991.

SELLERS 1961

SELLERS R. V., *Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey*, London, 1961.

SIESWERDA 2001

SIESWERDA D. T.J., "The Σωτήριος, the Original of the Izbornik of 1073," *Sacris Erudiri*, 40, 2001, 293–327.

THIERRY 1878

THIERRY A., *Nestorius et Eutychès: les grandes hérésies du Ve siècle*, Paris, 1878.

VROLAND, VEDER 2006

VROLAND J., VEDER W. R., "О рукописной традиции Симонова сборника", *Полаца кънигописнама*, 35, 2006, 68–80.

WESSEL 2004

WESSEL S., *Cyril of Alexandria and the Nestorian Controversy*, Oxford, 2004.

— 2008

WESSEL S., *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome*, Leiden, Boston, 2008.

References

Alekseeva T. D., "Sborniki postoiannogo i var'iruiushchegosia sostava so slovami Kirilla Turovskogo," in: *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniiu slaviano-russkikh rukopisei dlia Svodnogo kataloga rukopisei, khраниashchikhsia v SSSR*, 2/1, Moscow, 1976.

Amosov A. A. et al., ed., *Opisanie rukopisnogo otdela Biblioteki Akademii nauk SSSR*, 8/1: *Rukopisi Arkhangel'skogo sobraniia*, Leningrad, 1989.

Arens H., *Die christologische Sprache Leos des Großen: Analyse des Tomus an den Patriarchen Flavian*, Freiburg, Basel, Wien, 1982.

Atsalos B., Orsini P., "Minuscole greche informali del X secolo," *Actes du VIe Colloque International de Paléographie Grecque* (Drama, 21–27 septembre 2003) (= *Vivlioamphiastis*, Annexe 1), 2008, 41–70.

Barankova G. S., "Antilatinskie poslaniia mitropolita Nikifora," in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka 2002–2003*, Moscow, 2003, 317–359.

Belyakova E. V., "Teksty Mazurinskoj redaktsii i ikh proiskhozhdenie," in: *Mazurinskaia Kormchaia. Pamiatnik mezhslavianskikh kul'turnykh sviazei XIV–XVI vv. Issledovanie. Teksty*, Moscow, 2002, 11–54.

Bibikov M. V., *Vizantiiskii prototip drevneishei slavianskoi knigi (Izbornik Sviatoslava 1073 g.)*, Moscow, 1996.

Bolotov V. V., *Lektsii po istorii drevnei tserkvi*, 4: *Istoriia tserkvi v period vselenskikh soborov*, Petrograd, 1918.

Bulanin D. M., "Rimskaia epistoliiia," in: D. M. Bulanin, A. A. Romanova, O. V. Tvorogov, Fr. J. Thomson, A. A. Turilov, ed., *Katalog pamiatnikov*

drevnerusskoi pis'mennosti XI–XIV vv. (Rukopisnye knigi), St. Petersburg, 2014, 560–572.

Bulanina T. V., "Feodosii Grek," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 459–461.

Chadwick H., "The Exile and Death of Flavian of Constantinople: a Prologue to the Council of Chalcedon," *Journal of Theological Studies*, 6/1, 1955, 17–34.

Chadwick H., *Church in Ancient Society: From Galilee to Gregory the Great*, Oxford, New York, 2001.

Chernysheva M. I., ed., *Khronika Ioanna Malaly v slavianskom perevode: Reprintnoe vosproizvedenie materialov V. M. Istrina*, Moscow, 1994.

Chew K., "Virgins and Eunuchs: Pulcheria, Politics and the Death of Emperor Theodosius II," *Zeitschrift für Alte Geschichte*, 55/2, 2006, 207–227.

Čerťorickaja T. V., "Torzhestvennik iz sobraniiia IIFiF (Opyt opisaniia sbornika postoianogo sostava)," in: *Istochnikovedenie i arheografiiia Sibiri*, Novosibirsk, 1977, 162–198.

Čerťorickaja T. V., *Vorläufiger Katalog kirchenslavischer Homilien des beweglichen Jahreszyklus aus Handschriften des 11.–16. Jahrhunderts vorwiegend ostslavischer Provenienz*, H. Miklas, Red., Opladen, 1994.

Dimitrova M., "Iagichev Zlatoust": *srednovekoven bulgarski pametnik sūs slova i poucheniia ot nachaloto na XIV vek*, Sofia, 2011.

Duichev I. S., Salmina M. A., *Srednebolgarskii perevod Khroniki Konstantina Manasii v slavianskikh literaturakh*, Sofia, 1988.

Franklin S., "Greek in Kievan Rus'," *Dumbarton Oaks Papers*, 46 (= *Homo Byzantinus: Papers in Honor of Alexander Kazhdan*), 1992, 69–81.

Glovinskaia M. Ia., "Dve zagadki Praesens historicum," in: *Rusistika. Slavistika. Indoeuropeistika: Sbornik statei k 60-letiiu Andreia Anatol'evicha Zalizniaka*, Moscow, 1996, 451–457.

Gorbunova E. A., "Funktsionirovanie nastoiashchego istoricheskogo v vostochnoslavianskikh pamiatnikakh XI–XIV vv.," *AION SLAVISTICA: Annali dell'Istituto universitario orientale di Napoli*, 5, 1997–1998, 247–285.

Goubert P., "Le rôle de sainte Pulchérie et de l'eunuque Chrysaphios," in: *Das Konzil von Chalcedon. Geschichte und Gegenwart*, 1: *Der Glaube von Chalcedon*, A. Grillmeier und H. Bacht, Hrsg., Würzburg, 1951, 303–321.

Graffin R., Nau F., eds., *Patrologia Orientalis*, 13, Paris, 1919.

Green B., *Soteriology of Leo the Great*, Oxford, 2008.

Gritsevskaja I. M., *Indeksy istinnykh knig*, St. Petersburg, 2003.

Hansen G. Ch., Hrsg., *Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte*, 2., durch. Auf., Berlin, New York, 1995.

Holum K. G., *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*, Berkeley, Los Angeles, 1982.

Honigmann E., "Juvenal of Jerusalem," *Dumbarton Oaks Papers*, 5, 1950, 209–279.

Janin R., *Constantinople byzantine: développement urbain et répertoire topographique*, Paris, 1950.

Kazhdan A. P., [rev.:] "Theodoros Anagnostes. Kirchengeschichte, hg. von G. Ch. Hansen. Akademie-Verlag, Berlin, 1971, XLI+228 S.," *Vizantiiskii vremennik*, 37, 1976, 275–276.

Kostiukhina L. M., "Zapisi XIII–XVIII vv. na rukopisiakh Voskresenskogo monastyr'ia," in: *Arheograficheskie zhegodnik za 1960 god*, Moscow, 1962, 273–290.

Kostiukhina L. M., *Paleografiia russkikh rukopisnykh knig XV–XVII vv. Russkii poluustav*, Moscow, 1999.

Kostromin K., "Problema atributsii «Slova Feodosiia, igumena Pecherskogo, o vere krest'ianskoi i o latyn'skoi»," *Khristianskoe chtenie*, 1 (36), 2011, 6–97.

Krivushin I. V., *Rannevizantiiskaia tserkovnaia istoriografiia*, St. Petersburg, 1998.

Krivushin I. V., transl., ed., *Evagrii Shkolastik, Tserkovnaia istoriia*, 2nd ed., St. Petersburg, 2010.

Levshina Zh. L., "«Bolgarizovannoe» pis'mo russkogo knizhnika pervoi poloviny XV veka Serapiona i vtoroie iuzhnoslavianskoe vliianie," in: *Ocherki feodalnoi Rossii*, 16, Moscow, 2013, 3–36.

Moldovan A. M., "K istorii sostavleniia Troitskoi Minei № 678 (Znachenie ee dlia tekstologicheskogo issledovaniia proizvedeniia mitropolita Ilariona)," in: *Zapiski otdela rukopisei. Gosudarstvennaia biblioteka SSSR im V. I. Lenina*, 42, Moscow, 1981, 64–76.

Munitiz J. A., "Synoptic Greek Accounts of the Seventh Council," *Revue des études byzantines*, 32, 1974, 147–186.

Nazarenko A. V., *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh sviazei IX–XII vekov*, Moscow, 2001.

Neil B., *Leo the Great*, New York, 2009.

Osipova N. P., *Katalog slaviano-russkikh rukopisei Pskovskogo muzeia-zapovednika (XIV – nachalo XX vv.)*, 1, Pskov, 1991.

Paducheva E. V., *Semanticheskie issledovaniia (Semantika vremeni i vida v russkom iazyke; semantika narrativa)*, Moscow, 1996.

Pentkovskaya T. V., "Nastoiashchee istoricheskoe v Chudovskoi redaktsii Novogo Zaveta," *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9: Filologiiia*, 4, 2008, 9–29.

Pentkovskaya T. V., *K istorii ispravleniia bogoslužebnykh knig v Drevnei Rusi v XIV veke: Chudovskaia redaktsiia Novogo Zaveta*, Moscow, 2009.

Petkov G., Spasova M., *Türnovskata redaktsiia na Stishniia prolog. Tekstove. Leksikalen indeks*, 1–12, Plovdiv, 2008–2014.

Petrova V. D., "O nekotorykh osobennostiakh iazyka Kipriana (v sopostavlenii s iazykom knizhnikov Tyrnovskoi shkoly i Epifanii Premudrogo)," *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaia seriia*, 7 (81), 2010, 185–191.

Pichkhadze A. A., "K tekstologii drevneishego slavianskogo perevoda Pandekt Nikona Chernogortsa," in: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka 2004–2005*, Moscow, 2006, 59–84.

Pichkhadze A. A., *Perevodcheskaia deiatel'nost' v domongo'skoi Rusi: lingvisticheskii aspekt*, Moscow, 2011.

Pichkhadze A. A., "Lingvisticheskie osobennosti slavianskikh tolkovykh perevodov XI–XII vv.," in: *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istoriia slavistiki. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Minsk, 2013 g. Doklady rossiiskoi delegatsii*, Moscow, 2013, 246–265.

Pigin A. V., ed., *Pamiatniki knizhnoi stariny russkogo severa: kollektii rukopisei XV–XX vekov v gosudarstvennykh khranilishchakh Respubliki Kareliia*, St. Petersburg, 2010.

Podskalsky G., *Khristianstvo i bogoslovskaja literatura v Kievskoi Rusi (988–1237)*, A. V. Nazarenko, trans., K. K. Akentyev, ed., 2nd ed., St. Petersburg, 1996.

Polonski D. G., "Mesto poslaniia papy L'va I o prirode Khrista v russkikh rukopisnykh chet'ikh sbornikakh XIV–XVII vv.," in: "Rumiantsevskie chteniia – 2012": *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (17–28 aprilia 2012 g.)*, 2, Moscow, 2012, 133–138.

Polonski D. G., "Pochemu kievskii monakh Feodosii Grek perevel poslanie rimskogo papy L'va Velikogo? (K problemam motivatsii knizhnika i datirovki vostochnoslavianskogo pamiatnika XII v.)," *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, 3 (53), 2013, 108–109.

Ponyrko N. V., *Epistoliarnoe nasledie Drevnei Rusi XI–XIII: Issledovaniia, teksty, perevody*, St. Petersburg, 1992.

Pozdeeva I. V., ed., *Slaviano-russkie rukopisnye knigi XIV–XVI vekov v khranilishchakh Tverskoi zemli, Katalog*, Tver, 2012.

Price R., Gaddis M., transl., intr., notes, *The Acts of the Council of Chalcedon* (= Translated Texts for Historians, 45), 1–3, Liverpool, 2005.

Protas'eva T. N., *Opisanie rukopisei Sinodal'nogo sobraniia (ne voshedshikh v opisanie A. V. Gorskogo i K. I. Nevostrueva)*, 1, Moscow, 1970.

Protas'eva T. N., *Opisanie rukopisei Chudovskogo sobraniia*, Novosibirsk, 1980.

Rothe H., Hrsg., *Gottesdienstmenüem für den Monat Februar: auf der Grundlage der Handschrift Sin. 164 des Staatlichen Historischen Museums Moskau (GLM). Historisch-kritische Edition* (= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der

Wissenschaften, 113. *Patristica Slavica*, 13), besorgt und kommentiert von D. Christians et al.; Teil 2: *10. bis 19. Februar*, Paderborn, München, Wien, Zürich, 2006.

Rozhdestvenskaja M. V., "O zhanre «Slova o Lazarevom voskresenii»," in: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 27, Leningrad, 1972, 109–119.

Rozhdestvenskaja M. V., "«Slovo na Lazarevo voskresenie»," in: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, 1, Leningrad, 1987, 426–428.

Schwartz E., ed., *Acta conciliorum oecumenicorum, Concilium universale Chalcedonense*, 2, Berolini et Lipsiae: 1/1, 1933; 2/2, 1936; 4, 1932.

Seleznev N. N., *Nestorii i Tserkov' Vostoka*, Moscow, 2005.

Sellers R. V., *Council of Chalcedon: A Historical and Doctrinal Survey*, London, 1961.

Shchapov Ia. N., *Sobranie I. Ia. Lukashevicha i N. A. Markevicha*, Moscow, 1959.

Shchapov Ia. N., "«Napisanie o pravoi vere» Mikhaila Sinkella v Izbornike 1073 g. i Drevneslavianskoi kormchei Efremovskoi redaktsii," in: Rybakov B. A., ed., *Izbornik Sviatoslava 1073 g.*, Moscow, 1977, 332–341.

Shibanov P. P., "Polveka so staroi knigoi i ee druž'iami," in: *Kniga: Issledovaniia i materialy*, 24, Moscow, 1972, 165–187.

Sieswerda D. Tj., "The Sōtērios, the Original of the Izbornik of 1073," *Sacris Erudiri*, 40, 2001, 293–327.

Sobolevskii A. I., "Otnoshenie drevnei Rusi k razdeleniiu tserkvei," *Izvestiia Imperatorskoi Akademii Nauk*, 6/2, 1914, 95–102.

Spasova M. A., Pigin A. V., "Torzhestvennik kontsa XV – nachala XVI veka iz sobraniia Natsional'nogo arkhiva Respubliki Kareliia," *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki,"* 5 (142), 2014, 1–12.

Temčinas S. Ju., "Kirillicheskii rukopisnyi uchebnik drevneevreiskogo iazyka (XVI v.): publikatsiia i obshchaia kharakteristika pamiatnika," in: Meiliūnaitė V., Morozova N., eds., *Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai* (= Kalbų ir kultūrų sankirtų archyvai, 4), Vilnius, 2012, 137–180.

Thurn I., rec., *Ioannis Malalae Chronographia* (= Corpus fontium historiae Byzantinae, 35: Ser. Berolinensis), Berolini, 2000.

Tikhomirov N. B., "Novye postupleniia," *Zapiski otdela rukopisei. Gosudarstvennaia biblioteka SSSR im V. I. Lenina*, 26, Moscow, 1963, 299–303.

Tvorogov O. V., *Drevnerusskie khronografy*, Leningrad, 1975.

Tvorogov O. V., Zagrebina V. M., eds., *Rukopisnye knigi sobraniia M. P. Pogodina: katalog*, 1, Leningrad, 1988.

Tvorogov O. V., Krushel'nitskaia E. V., Levshina Zh. L., Romanova T. V., eds., *Rukopisnye knigi*

sobraniia M. P. Pogodina: katalog, 4, St. Petersburg, 2010.

Vodolazkin E. G., *Vsemirnaia istoriia v literature Drevnei Rusi (na materiale khronograficheskogo i paleinogo povestovaniia XI–XV vv.)*, 2nd ed., St. Petersburg, 2008.

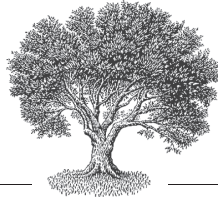
Vrooland J., Veder W. R., "O rukopisnoi traditsii Simeonova sbornika." *Polata Knigopisnaia*, 35, 2006, 68–80.

Wessel S., *Cyril of Alexandria and the Nestorian Controversy*, Oxford, 2004.

Wessel S., *Leo the Great and the Spiritual Rebuilding of a Universal Rome*, Leiden, Boston, 2008.

Дмитрий Георгиевич Полонский, канд. техн. наук
Архив Российской академии наук (www.arra.ru),
старший научный сотрудник
117218 Москва, ул. Новочеремушкинская, 34
Россия/Russia
dpolon@gmail.com

Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond*

Проповедь и проповедничество в России XVIII века: при дворе и вне двора

Ekaterina I. Kislova

Moscow State University

**Екатерина Игоревна
Кислова**

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Abstract

This paper is devoted to the question of the spread of court sermons in 18th-century Russian society. The author describes three types that had been formed by the 1740s: court, seminary, and parish homilies. The main question is how and by what means did the court homilies in Elizabeth Petrovna's time spread the cultural models, thoughts, and ideas created by court preachers throughout Russian society as a whole? Did these texts penetrate traditional culture and how were they adopted? Who read the court sermons, apart from members of the court? To answer these questions, the author describes how court homilies were published and sold, and how they entered the manuscript tradition. The analysis of archival and published materials allows the author to conclude that in the second half of the 18th century, the court sermon was only beginning to penetrate the "traditional" culture. The genre spread primarily in the seminaries, where texts by court

---

* Работа выполнена на средства гранта Президента РФ по государственной поддержке молодых российских учёных — кандидатов наук МК-1573.2013.6, проект "Церковнославянский язык и его место в церковном дискурсе XVIII века". Обсуждение представленной работы состоялось на конференции "IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia" (Leuven, 2014), участие в которой стало возможным благодаря поддержке Германского исторического института в Москве (проект "Семантика социального").

preachers functioned as a “library” of panegyrical and theological elements to be used by students and teachers in their own compositions. With few exceptions, the court tradition does not intersect with texts originating from Old Russian and classical theological traditions, although all such texts are called *slovo* (literally ‘word,’ i.e., ‘sermon’). However, by the end of the 18th century, the new genre became more widely disseminated, following the spread of seminary education and the increase in the number of priests educated in this tradition.

Keywords

homily, preaching, publishing, Russian 18th century, seminary, Russian court

Резюме

Статья посвящена вопросу распространения придворных проповедей в русском обществе XVIII века. Автор описывает три типа проповеди, сформировавшихся к 1740-м годам (придворную, семинарскую и приходскую проповеди). Основной вопрос заключается в том, как придворная проповедь эпохи Елизаветы Петровны распространяла культурные модели, образы и идеи, сформированные придворными проповедниками, в русском обществе, какие именно способы этого распространения использовались. Проникали ли эти образы и модели в традиционную культуру и каким образом они адаптировались? Кто читал придворные проповеди вне придворного круга? Для ответа на эти вопросы автор описывает, как придворные проповеди публиковались, продавались и как они входили в рукописную традицию. Анализ архивных и опубликованных материалов позволяет автору сделать вывод о том, что во второй половине XVIII в. придворные проповеди только начинали проникать в традиционную культуру. В основном они были распространены в семинариях, где тексты придворных проповедников использовались в качестве “библиотеки” панегирических и теологических образов и моделей и служили образцами для студентов и учителей, создававших свои проповеди. Придворная традиция за редким исключением не пересекается с текстами, восходящими к древнерусским и классическим богословским традициям, хотя и те, и другие тексты называются “словами”. Однако к концу XVIII в. новый жанр распространяется всё шире — вслед за распространением семинарского образования и увеличением числа священников, воспитанных в этой традиции.

Ключевые слова

проповедь, проповедничество, издательское дело, Россия XVIII века, семинария, российский двор

By the early 18th century, a new type of homily or sermon¹ had appeared in Russia, a type usually described with the terms “shkol’naia” (school), “scholastic,” or “baroque.” Its origins were in the Ukrainian and Polish and, more widely, Western European baroque traditions.² In Peter’s time such homilies

¹ In this article, I use the English terms “sermon” and “homily” as counterparts of the names of the genre used in the 18th century: *propoved’*, *slovo*, and *predika*.

² For more information see [Живов 1996; Кагарлицкий 1999; Кислова 2010].

were seen as a tool for working with mass consciousness and a means of forming public opinion: the objectives of reforms, the meaning of the changes taking place in society, or the significance of a military victory could be explained in a homily [УОРТМАН 2002: 68–80]. A series of decrees was aimed at requiring the educated monks to preach.³ At the same time, seminaries were being established in Russia, and an educational system for the clergy was formed. This system was based on the Ukrainian ecclesiastical colleges, first of all, on the model of the Kyiv-Mohyla Academy and, consequently, on the Polish Jesuit collegiums in general [СМОЛИЧ 1996: 411–417; ФЛОРОВСКИЙ 1983: IV.4]. The subjects taught at the seminaries were aimed at the formation of an educated monk who had a knowledge not only of theology, but also of rhetoric and poetics. Regular preaching was also developing at the seminaries.

As a result, we can define several co-existing types of homilies by the 1740s:

a) Court homily, usually delivered during festive divine services at the court, often in the presence of the ruler. This type of homily is the best-researched, as these texts were regularly published (see [УОРТМАН 2004; ПОГОСЯН, СМОРЖЕВСКИХ 2002; ЖИВОВ 2004; MARKER 2007]). We discuss this type in detail below;

b) Seminary homily, regularly delivered in churches at seminaries and open to everyone. Staff preachers appeared first at the Slavic-Greek-Latin Academy in Moscow,⁴ and they were approved by the Synod just as the teachers were.⁵ Homilies could be delivered not only by staff preachers but also by teachers and prefects of some provincial seminaries (monks as well as “laymen”). In some provincial seminaries, regular preaching had developed relatively early: for example, since the 1720s in the Smolensk, Novgorod, Tobolsk, and Rostov seminaries, and since the 1740s in the Pereslavl, Kazan, Nizhny Novgorod, and Vyatka seminaries [ХАРЛАМПОВИЧ 1914: 748–752];

c) Parish homily (in the capitals and the provinces), delivered at parish churches and monastery cathedrals. The government routinely issued decrees ordering regular preaching at churches and monasteries, but in the first half of the 18th century, such preaching was rare outside of a monastic setting.⁶

---

³ For example, *Decree of the 31st of January 1724 about Monasticism* (Указ от 31 января 1724 г. о монашестве [ПСПиР, 4: file No. 1197]).

⁴ In the course of the 18th century, this educational institution had several different names (Hellenic-Greek, Latin or Slavic-Latin, Slavic-Greek-Latin, or Moscow Academy); for the purpose of this article, we shall call it the Moscow Academy, after its location.

⁵ See [ПСПиР, 7: files No. 2366, 2486, 2613, and others].

⁶ For example, on July 9, 1729, the Synodal attorney-general Baskakov sent the following query to the Synod: “why were the preachers not sent to all the ranked monasteries in Moscow and near Moscow?” (“во все степенные в Москве и близ Москвы мужские монастыри чего для проповедников не определено?” [ПСПиР, 7:

Apart from court celebrations and divine services attended by the rulers at Uspensky Cathedral in Moscow and Peter and Paul Cathedral in St. Petersburg, homilies were sometimes delivered as early as the beginning of the 1730s, but only in the 1750s did they become regular occurrences.⁷ The spreading of homilies in ordinary parishes was connected with the increase in the number of seminary graduates among the clergy. Preaching and catechesis were beginning to be understood as highly important activities of the clergy, so, for example, already in 1737 in the Vologda Seminary students appointed as priests gave a written statement affirming that they “will preach sermons according to their ability and will instruct the people on a good, honest, and godly life” (‘будут по искусству своему предики сказывать и поучать народ, что подлежит доброму, честному и непорочному житию’ [ХАРЛАМПОВИЧ 1914: 751]). In 1775, Gavriil Petrov’s and Platon Levshin’s *Collection of Various Sermons for all Sundays and Holidays* (“Собрание разных поучений на все воскресные и праздничные дни”) was published. It set an example, providing material for parish homilies and reinforcing the preaching tradition.

Court homilies could be dedicated to a variety of different topics. Many homilies were connected with originally secular holidays: military victories, conclusions of peace treaties, birthdays and name days of the monarchs and their heirs, marriages, anniversaries of a ruler’s ascension to the throne, etc. Their content could be theological or quite historical and publicistic, regardless of the formal subject, although on the whole, there was generally a correlation. For example, Amvrosy Yushkevich’s *Sermon on the Day of the Third Solemn Gratitude Brought to the All-Generous God about the Everlasting Peace between the Russian Empire and the Swedish Crown* (“Слово в день торжественного Всещедрому Богу принесеннаго третияго благодарения о состоявшемся вечном между империею Российскою и короною Шведскою мире,” July 15, 1744) is dedicated mostly to the description of the persecution of the Russian Orthodox Church before Elizabeth’s reign; Simon Todorsky’s *God’s Special Blessing* (“Божие особенное благословение,” a sermon for the marriage of the heir to the throne on August 21, 1745) related in detail the history of Petr Feodorovich’s glorious ancestors and contained a great deal of historical material.

Homilies delivered during church holidays were more often dedicated to theological subjects (the salvation of the soul, the necessity of fasting, lives of individual saints). But there is no strict correlation; obviously, the content of

---

file No. 2246]. The answers to the Synod’s requests show that in the early 1740s, this type of homily was not yet widespread in Moscow monasteries due to a lack of monks who could and would preach (РГАДА, ф. 1184, оп. 4, д. 633, лл. 28–32).

⁷ On homilies at Uspensky Cathedral, see, for example [СКВОРЦОВ 1914: 116–138; ХАРЛАМПОВИЧ 1914: 755–758].

the homily depended on the preacher's desire and the possibilities afforded by the situation or holiday. Homilies delivered without any church or secular context were very rare; the presence of the empress at a divine service, however, would motivate the composition of a sermon (for example, Markell Rodyshevsky's *Sermon in the Presence of Her Imperial Majesty in the Home Church of Her Imperial Majesty* ("Слово при присутствии Ея Императорскаго Величества в домово́й Ея Императорскаго Величества церкви") on March 28, 1742, and his homily on June 22, 1742). All texts delivered in the presence of the empress contained elements of a panegyric, but this element had appeared already during the coronation celebrations in 1742, generally only in the conclusion of the homily; many texts omitted descriptions of the ruler's actions and were quite "theological" in their subjects.

This article is dedicated to a single aspect of homily study:⁸ how did the court homilies in Elizabeth Petrovna's time spread the cultural models, thoughts, and ideas created by court preachers throughout Russian society? Were court homilies sought after, both at court and outside, and was there any difference in the perception of nominally "panegyric" and "theological" texts? Who read them? Did these texts penetrate the traditional culture and how were they adopted?

To answer these questions, let us take a look at how court homilies were published, how they were sold, and how they entered the handwritten tradition.

1. Court Homilies: Publishing and Selling

Although most of the spoken homilies were not printed,⁹ some homilies delivered in the presence of the emperor or empress could be published at the decision and with the permission of the ruler. Before 1710, only two homilies, both by Feofan Prokopovich, were published. After the opening of the St. Petersburg Typography, homilies were actively published there (eighteen editions between 1717 and 1730). In total, between 1701 and 1726, thirty-three texts delivered in this period were published. Each text had from one to three editions. In Anna Ioannovna's time, only four homilies (five editions) were published. Thus, in the first forty years of the 18th century, thirty-seven texts were published (forty-eight issues, forty-one of them in the Church Slavonic orthography and seven in the civil orthography).

⁸ We omit from the present article the Old Russian tradition of *Zlatostrui*, *Izmaragd*, *Margarit*, and other such collections of homilies by church fathers, because the 18th-century court homilies were not included in such collections; we also omit the Old Believers' homilies, because this phenomenon is an independent and separate tradition. As for the Ukrainian homily, we shall speak about it only in a few specific aspects and in connection with the "Great Russian" homily.

⁹ For example, out of forty-five homilies delivered by Gavriil Buzhinsky between 1717 and 1727, only six were published after delivery [ПЕТУХОВ 1901: V–X].

After the 1740s, publication of court homilies became a prominent phenomenon in Russian culture.¹⁰ On March 31, 1742, Elizabeth Petrovna issued a decree on the obligatory printing of homilies delivered in her presence, and on May 14, 1742, she issued a decree on obligatory preaching on Sundays and holidays. From then on, a homily delivered in the presence of the empress was submitted to the Synod for consideration and subsequent publication (from 1743, members of the Synod could send the text to a press immediately). Publication of court homilies in the first ten years of Elizabeth's reign became a significant phenomenon of Russian culture, which is evidenced by the number of published texts (including republications).

	1742	1743	1744	1745	1746	1747	1748	1749	1750	1751
Moscow Typography (Church Slavonic orthography)	34	6	17	8	3	5	1	11	5	3
Typography of the Academy of Sciences (civil orthography)	6	7	4	1						
Typography of the Senate in Moscow (civil orthography)	2									
Total	42	13	21	9	4	5	1	11	4	2

Between 1752 and 1761, only two homilies were published immediately after being delivered; both of them were connected with educational institutions, and only one of them was delivered in the presence of a member of the imperial family.¹¹

Does this mean that the court had lost its interest in homilies? In a certain sense, yes: the homily had fulfilled its propagandistic goal in the first years of Elizabeth's reign, having established her image as an Orthodox ruler. But the publishing policy had also changed: it was re-oriented toward collections of works by contemporary preachers. Collections of sermons by Gedeon Krinovsky (two editions, in 1755–1759 and 1760) and Feofan Prokopovich (1760–1761) were published. Previously, publication of homily collections by contemporary authors had been common only in the Ukrainian-Polish tradition, where collections of a

¹⁰ I have described the appointment of preachers, preparation of homilies, their delivery, publication, and sale in [Кислова 2011А].

¹¹ *The Speech about the Merit and Profit of the Catechesis Pronounced before the Beginning of Study after the Academic Recess in the Imperial Moscow University* [. . .] 17th of August 1759 ("Речь о достоинстве и пользе катихизиса, которую пред начатием после вакансии учения в Императорском Московском университете [. . .] Августа 17 дня 1759 года") by Peter Alexeyev and *The Sermon and Speech Pronounced before the Rank of the Land Nobility Cadet Corps when the New Colors were Dedicated in the Presence of His Imperial Highness* [. . .] Petr Fedorovich 16th of May 1760 ("Проповедь и слово говоренные пред фрунтом Сухопутного шляхетного кадетского корпуса при освещении новых знамен в присутствии его императорского высочества [. . .] Петра Федоровича мая 16 дня 1760 года") by Tikhon Yakubovskiy.

single author's homilies had been published already in the late 17th century (for example, Lazar Baranovich's *The Spiritual Sword* ("Меч духовный," 1666) and his *The Trumpets of Preaching Words* ("Трубы словес проповедных," 1674).

Under Catherine II, the number of published non-court homilies increased, a development connected with the appearance of private and provincial typographies (individual homilies and collections were published by presses associated with educational institutions, typographies in Nizhny Novgorod, Kostroma, Yassy, Yaroslavl, and elsewhere, and private typographies owned by Lopukhin, Shnor, Ponomarev, and others). At the same time, the share of individual, separately published homilies decreased, and the number of collections of works by the same author (mostly in civil orthography) increased. Between 1762 and 1796, 276 individual editions (including republications) and seventy collections of works were published; between 1797 and 1800, twenty-one newly delivered individual sermons and twelve collections were issued.¹² We now turn our attention to the fate of court sermons delivered during Elizabeth Petrovna's reign.

2. Numbers of Copies of Editions and Sales of the Texts

The Moscow Typography published homilies in press runs from 300 to 1,200 copies, with a standard "half-run" of 600. An analysis of the *Inventory of the Church and Civil Books Printed after the Foundation of the Synodal Typography* ("Реестр церковных и гражданских книг, напечатанных со времени основания Синодальной типографии," РГАДА, ф. 1184, оп. 5, д. 217) gives us the number of published copies more than 50,000:

Year	Press Runs	Copies	Press Runs
1742	34	24,000	three editions
1743	6	8,400	five editions
1744	17	4,200	five editions
1745	8	3,300	
1746	4	3,600	
1747	5	1,200	
1748	1	300	
1749	11	2,100	four editions
1750	4	1,200	
1751	2	900	
1752 (delivered in 1750)	1	300	
Total		49500	min. 5,100 ¹³

¹² For detailed data including translations and publications of homilies by church fathers, as well as information on typographies and type of edition (in civil or Church Slavonic orthography), see [Кислова 2011в: 78–89; Кислова, Матвеев 2011].

¹³ The minimal press run for the sermon was 300 copies, the average—600 copies, so the figure of seventeen undocumented press runs could not produce less than 5,100 copies.

Thus, during the first ten years of Elizabeth Petrovna's reign, only the Synodal Typography published more than 50,000 copies of different homilies; if we consider 300 to be the minimum possible number of copies in any given press run, we have to add about 6,000 copies published in the typographies of the Senate and the Academy of Sciences. The decrees attached to the submitted homilies declared publication "for the public knowledge" (для всенародного известия), "day and night, so that there might be no interruptions in the regular issuing of editions" (денно и ночью, дабы в очередном деле в печатании книжном не учинилось остановки). The low cost of the texts is also underlined: five kopecks "in booklets" and six kopecks in hard binding: "The homilies in booklets, mentioned above, are to be sold to the people for the indicated price, each for five kopecks [. . .], and at such a price it (the homily) can be sold to the people quickly, because everyone will be able to buy it willingly for such a low price" (Вышеозначенные предики в тетратех продажею в народ производить надлежит по явленной цене каждую по 5 копеек [. . .] и по таковой цене продажею в народ может произойти в непродолжительном времени, ибо по оной малой цене всяк может купить охотно, РГАДА, ф. 1184, оп. 2, д. 4, л. 35об.).

Were these hopes fulfilled?

The surviving documents show that the demand for homilies was stable. At a St. Petersburg bookshop in 1739, according to S. P. Luppov, "out of 186 editions bought in May 1739, 168 were homilies" [Луппов 1976: 118]. A more detailed picture is provided by the information in the surviving registers of books sold from shops connected with the Moscow Typography.¹⁴ For example, in mid-March 1743 the Moscow Typography shop sold the following texts (РГАДА, ф. 1184, оп. 1, д. 645, лл. 36об.–38) (see the table on the next page).

Simultaneously with recently delivered homilies, sermons not only by Feofan Prokopovich but by other authors as well were sold. For example, on March 21, 1743, the Typography shop sold nine copies of Gavriil Buzhinsky's *The Key to the House of David* ("Ключ дому Давидову," October 11, 1719, published on November 19, 1722) and five copies of Varlaam Lenitsky's *Sermon* [. . .] *on the Day of the Great Martyr Catherine* ("Слово [. . .] в день великомученицы Екатерины," November 24, 1726, published on December 17, 1726).

From 0 to 600 copies of homilies could be sold per day; obviously, batches of more than 100 copies are bulk purchases, perhaps by merchants for subsequent sales during fairs. The fact that merchants bought homilies to resell is indirectly indicated by the decree on republication of two homilies by Dimitry Sechenov: ". . . to print a full press run, i.e., 1,200 homilies, of each of the existing originals, because the copies printed in the past year, 1742, have

¹⁴ For a detailed analysis of the documents, see [Кислова 2011А].

March 11		
Feofan Prokopovich	<i>Sermon in Praise</i> [...] of Peter the Great (“Слово на похвалу [...] Петра Великого”)	five copies
Silvester Kulyabka	<i>Sermon on the Sunday of the Samaritan Woman</i> (“Слово в неделю самаряныни,” delivered on May 16 and published on June 14, 1742)	thirty copies
Iosaf Khotuntsevsky	<i>Sermon on the Day of the Assumption of the Lord</i> (“Слово в день вознесения Господня,” May 27, published on June 25)	nine copies
Stefan Savitsky	<i>Sermon on the Fourth Sunday after the Descent of the Holy Spirit</i> (“Слово в неделю четвертую по сошествии Св. Духа,” July 4, published on August 25, 1742)	thirteen copies
Afanasy Topolsky	<i>Sermon on the Seventh Sunday of the Holy Fathers after Easter</i> (“Слово в неделю седьмую святых отец по пасце,” May 30, published on July 2)	nineteen copies
Platon Malinovsky	<i>Sermon on the Second Sunday after the Descent of the Holy Spirit about the Call of the Apostles</i> (“Слово в неделю вторую по сошествии святого духа о звании апостолов,” June 20, published on August 2)	eighty-six copies
Markell Rodyshevsky	<i>Sermon in the Presence of the</i> [...] Empress (“Слово при присутствии [...] императрицы,” either the one delivered on March 28 and published on April 30, or the one delivered on June 20 and published on August 2)	seventy-three copies
Total		235
March 12		
Feofan Prokopovich	<i>Sermon in Praise</i> . . . (“Слово на похвалу . . .”)	three copies
Arseny Matseevich	<i>Sermon on the Day</i> [...] of the Apostles Peter and Paul (“Слово в день святых [...] апостол Петра и Павла,” June 29, published on August 18)	nine copies
Arseny Matseevich	<i>Sermon on the Name Day of</i> [...] Elizabeth Petrovna (“Слово в день [...] тезоименитства [...] Елизаветы Петровны,” September 5, published on October 7)	twenty copies
Stefan Savitsky	<i>Sermon on the Fourth Sunday after the Descent of the Holy Spirit</i> (“Слово в неделю четвертую по сошествии Св. Духа,” July 4, published on August 25, 1742)	thirteen copies
Platon Petrunkevich	<i>Sermon on the Day of the Transfiguration of the Lord</i> (“Слово в день преображения господня,” August 6, published on September 9)	sixty-nine copies
Kirill Florinsky	<i>Sermon</i> [...] on the Dedication of the Church [...] of the Joy of All Who Sorrow (“Слово [...] в день освящения церкви [...] всех скорбящих радость,” July 15, published on September 30)	eighty copies
Total		194

been sold, and now the merchants are constantly demanding these homilies” (. . . напечатать с прежних оригиналов с каждой по 1му заводу то есть по 1200 предик, понеже напечатанные в прошлом 1742м году в продаже все, а ныне оных предик купцы требуют непрестанно, РГАДА, ф. 1184, оп. 2, д. 30, л. 4об.–5). Sales of Arseny Matseevich’s texts were almost as high. For example, by July 1, 1743, the Moscow Typography shop sold 474 out of 550¹⁵ copies of the *Sermon on the Day of the Apostles Peter and Paul* and 699 out of 1,150 copies of the *Sermon on the Name Day of Elizabeth Petrovna*. Also popular were texts by the court preacher Stefan Savitsky (they sold 367 out of 550 copies of the *Sermon on the Fourth Sunday after the Descent of the Holy Spirit*); Markell Rodyshevsky (356 out of 550 copies of the *Sermon in the Presence of the Empress*); and Amvrosy Yushkevich (356 out of 550 copies of the *Sermon on the Twenty-second Sunday after the Descent of the Holy Spirit*, i.e., “Слово в неделю двадцать вторую по сошествии Св. Духа”).

The *Inventory of the Moscow Typography Office* [. . .] 1 January 1749 (“Книга описная Московской Типографской конторы [. . .] 1 января 1749 г.,” РГАДА, ф. 1184, оп. 1, д. 664) shows that by that time, the “state warehouses” held 11,578 copies of homilies. By 1762, judging by the data in the *List of Catalogues* (“Росписной список,” РГАДА, ф. 1184, оп. 4, д. 192), 10,012 copies of homilies remained unsold (representing a total cost of 600 rubles 72 kopecks).¹⁶ Thus, we can state that most copies of homilies were sold in the first years after their publication (1742–1748), and then the demand for them predictably decreased.

Who was buying the homilies? Theoretically, homilies could be purchased and distributed to eparchies, but we have not found any documents confirming this.¹⁷ One might suppose that there was a certain “administrative pressure” on the part of the hierarchs, but we do not believe this to be the case: unlike odes and literary works, homilies were published at the state’s expense, the money from their sales went to the typography, and the authors themselves received only twenty-five copies.

Mostly, the buyers were priests and clergy, seminary students and teachers who had to deliver sermons to parishioners. Published sermons served

¹⁵ The author received twenty-five copies of each press run, and twenty-five more went “for giving” – to be presented to the Empress, members of the Court, the Synod, etc.

¹⁶ Some homilies printed in civil orthography were being sold until 1787, when they were confiscated by the decree of Catherine II [ПСЗРИ 22: 876–876, 882–883]: Markell Rodyshevsky’s 235 copies of the *Sermon on Christmas Day* (“Слово на день Рождества,” 1742), Peter Grebnevsky’s 230 copies of the *Sermon on the Day of the Coronation* (“Слово в день коронации,” 1742), Stefan Kalinovsky’s thirty copies of the *Sermon on the New Year* (“Слово на новый год,” 1742).

¹⁷ Such distribution was employed in the 17th century: thus, Lazar Baranovich’s collection of homilies *The Spiritual Sword* was sent by the government to the eparchies with the order “to pay three rubles for each exemplar” (“внести за каждый экземпляр 3 рубля” [Харлампович 1914: 422]).

as model texts for imitation, as sources for sets of facts and examples, and as convenient working material. Some of the buyers were ordinary readers: merchants, bourgeoisie, and clerks (sometimes the texts bear owners' inscriptions). But a more precise material for evaluation of the distribution of court homilies—and, consequently, the dissemination of cultural models and scenarios—in society is provided by the materials of handwritten collections of the second half of the 18th century.

3. Handwritten Copies of Court Homilies

Despite the spread of printed books, the handwritten tradition in the second half of the 18th century was still very much alive. In the first place, a handwritten copy was much cheaper than a printed text. Second, the copyist often made a selection from existing texts and created a collection for his own purposes and goals (for example, in the collection РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 1031, several New Year's sermons are included one after the other). At the same time, handwritten texts could be bound together with available printed ones (for example, РГАДА, ф. 181, оп. 1, д. 1030, д. 1031; НИОР РГБ, ф. 173, оп. 2, д. 49, and others). A number of such collections have been preserved in the archives of the Russian State Library, the Russian State Archives of Ancient Acts, the National Library of Russia, and other archives.

Handwritten collections including homilies could be varied in their content.¹⁸ Most often, court homilies are found in “dedicated” collections. Collections of spiritual literature from a wide spectrum,¹⁹ including homilies by the church fathers, dialogues, extracts, biographies, pilgrimages, etc., seldom include contemporary homilies.²⁰ Feofan Prokopovich's homilies connected with Peter were likely perceived more as historical, rather than theological, texts, so they are often included in historical collections of works dedicated to Peter.²¹

Even in the 18th century, the handwritten tradition stemming from the Old Russian tradition differed from printed practice in its attitude regarding author-

¹⁸ This diversity becomes more prominent if the collection was compiled from separate booklets by an unknown person and without any indication of a specific timeframe, but I have considered mostly collections published by a single author or at one time, and have used these parameters in my comparisons.

¹⁹ In library and archival catalogues, they may be called “polemical collections,” “theological collections,” “collections of ecclesiastical content,” etc.

²⁰ One of the few exceptions is РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 1365, *A Collection of Church Texts* (“Сборник церковного содержания”), in which, along with the homilies by John Chrysostom, Ephrem the Syrian, tales, dialogues, and extracts from *The Great Mirror* (“Великое Зерцало”) and *The Golden Bead* (“Златой Бисер”), we find a copy of Dimitry Sechenov's *Sermon on the Day of the Appearance of the Icon “Our Lady of Kazan”* (“Слово в день явления иконы Казанской богородицы,” лл. 44–50об.).

²¹ For example, НИОР РГБ, ф. 299, д. 47 (with the inscription of the owner—collegiate assessor Andrey Vasilyevich Gubarev), д. 418 “Сборник сочинений о Петре Великом,” and others.

ship. When court homilies were transferred into the field of handwritten texts, they often became anonymous. Copyists always gave the name of the authors of court homilies when they copied the text directly from the printed original, and sometimes they preserved the entire title page, with information on the typography, time of issue, and so forth; they might even duplicate the layout of lines and font size. Much more often, the titles of published homilies were shortened to brief formulas. The event or date of delivery was preserved, along with the name (more rarely, the title) of the author and sometimes the place of delivery; information on the presence of the empress was cut; cf. the following texts:

Printed Text	Handwritten Copy (НИОР РГБ, ф. 29, No. 1154, л. 7)
A Sermon on the twenty-second Sunday after the Descent of the Holy Spirit in the Highest Presence of Her Imperial Majesty, the most pious, the most sovereign Christian Empress the Great Monarchess our Elizabeth Petrovna of All Russia, and His Imperial Highness, the blessed sovereign Grand Prince Petr Fedorovich. Pronounced by the member of the Holy Synod the eminent Amvrosy, Archbishop of Novgorod the Great and Velikiye Luki. In the Moscow Cathedral of the Archangel, 1742, November 8th	A Sermon on the twenty-second Sunday after the Descent of the Holy Spirit pronounced by Amvrosy, Archbishop in the М<oscow> Cathedral of the Archangel, 1742, November 8th
Слово в неделю двадцать вторую, по сошествии Святаго Духа, в Высочайшее Присутствие Ея Императорскаго Величества, Благочестивейшия Самодержавнейшия Крестоносныя Императрицы Великия Государыни нашея Елисавети Петровны Всея России, и Его Императорскаго Высочества Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича. Проповеданное Святейшаго Синода Членом Преосвященным Амвросием Архиепископом Великоновгородским и Великолуцким. В Московском Архангелском Соборе, 1742 года, Ноемвриа 8 дня	Слово в неделю кѣ по сошествии святаго духа проповеданное Амвросием архиепископом в м.[осковском] архангельском соборе 1742, ноября 8 дня

Most often, the authorship of the most prominent preachers was indicated, for example, Feofan Prokopovich and, of the non-court preachers, Demetrius of Rostov—moreover, some anonymous homilies were regularly attributed to Demetrius of Rostov [ФЕДОТОВА 2001]). Authorship is also often preserved in the case of collections of homilies by a seminary teacher or student, but using a brief formula: the subject or event (a specific holiday) can be given in the title or in the margins of the homily, and the date and place of delivery and the author's name are more often given after the texts (sometimes in Latin).

Most homilies remained anonymous when copied and included in collections. For example, the collection РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 1031 contains twenty-four copied homilies (and one printed text). Authors are given for nine

texts only, and of these nine, eight are copies of printed court homilies of the 1740s. Three more homilies are copied from the first volume of the collection of works by Gedeon Krinovsky without identification of the author. The authorship of the rest of the homilies remains unknown. At the same time, all court homilies, even when presented anonymously, retained their panegyric elements glorifying the empress, often addressing her as if she were present at the divine service (for example, the anonymous *Sermon on the Name Day of Elizabeth Petrovna*, i.e., “Слово в день тезоименитства [. . .] Елизаветы Петровны,” РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 1031, лл. 141–148об.).

Among the anonymous texts, some prohibited sermons could be found: the collection of Yakov Filippov, a student in the philosophy class at Moscow Academy (НИОР РГБ, ф. 299, No. 158), included a homily with the following inscription in the margin: “On marriage” (лл. 325об.–333об.). This is Amvrosy Yushkevich’s *God’s Blessing in the Three Natural Treasures on Her Highness Princess Anna and His Highness Sovereign Anton Ulrich Duke of Brunswick and Lüneburg which was on the Day of Their Highest Marriage, June 3, 1739 . . .* (“Божие благословение в природных трех сокровищах ея высочества государыни принцессы Анны и светлейшего князя и государя Антона Улриха герцога Брауншвейгскаго и Линебургскаго пребывающее в день же высочайшаго брачного их сочетания июля 3 1739 года . . .”). This text was prohibited during Elizabeth’s reign and removed from circulation,²² but was available as a handwritten copy.

Most often, court homilies are found in collections connected, in one way or another, with seminaries, where texts of copied sermons were considered as useful material for exercises in rhetoric. The copied texts often bear remarks, sometimes short and sometimes detailed, in Russian and Latin evidencing rhetorical analysis and subsequent use of the text: *ненадо* ‘not needed,’ *оставить* ‘leave,’ *сравнение* ‘comparison,’ *другое подобие* ‘another resemblance,’ *вопрос* ‘question,’ *нравоучения* ‘morals,’ *conclusio* (НИОР РГБ, ф. 299, No. 158, лл. 25–35об.), *synecdocha*, *ratio*, *hypotesis* [sic], *arg<ument>*, *epiphora*, etc. (НИОР РГБ, ф. 173.2, No. 49, лл. 4–17).

The collection of Semen Pavlov, a Moscow Academy student (НИОР РГБ, ф. 173.2, No. 49), is an excellent example of the ways in which homilies were used at a seminary. It begins with copies of sermons from Gavriil Petrov’s and

²² Decree of November 18, 1742 [ПСПИР, 1: 472–473]. The same decree prescribed, under penalty of fine, the submission to typographies and voivod’s offices, over the course of six months, “homilies delivered by different preachers after the death of Her Majesty Empress Anna Ioannovna [. . .] should they be found in the possession of anyone, both printed and written” (“которые предики проповедаемы были от разных проповедников, по кончине Ея Величества Государыни Императрицы Анны Иоанновны [. . .] ежели оныя у кого есть, как печатные, так и письменные”). Let us note that homilies delivered during Anna Ioannovna’s reign were not banished under Elizabeth and are often found in collections.

Platon Levshin's *Collection of Various Sermons*, without identification of the source but with a detailed rhetorical analysis in the margins; the same collection contains Semen Pavlov's own exercises in Russian and Latin, including speeches and homilies with corrections and reviews by teachers. The collection includes several booklets of anonymous homilies of the 1750s, copied in a different handwriting (but completed in Pavlov's handwriting) and containing, for example, notes on their delivery in 1750. Two printed texts were bound with Pavlov's collection: Alexander Levshin's *Grateful Sermon to the Omnipotent God on the Solemn Day of the Final Ending of the Infectious Disease in Moscow* ("Слово благодарственное ко всемогущему Господу Богу в торжественный день совершенного пресечения заразительной болезни в Москве," 1772, л. 369–374) and Feofan Prokopovich's *Sermon on the Funeral of Peter the Great* ("Слово на погребение Петра Великого," 1725, л. 375–378об.). They are followed by Semen Pavlov's practice speech, "On the Decease of Someone Well-Known in Studies ("На преставление какогolibо учением славнаго") in Russian and Latin (л. 379–381об.), in which the use of constructions and rhetorical devices from the "model" texts is evident.

Homilies included in collections used for study could be employed for long periods of time: thus, the texts of Feofan Prokopovich and Demetrius of Rostov remained essential examples until the very end of the 18th century. Texts also circulated freely (probably with their owners). Thus, the collection НИОР РГБ, ф. 173.1 (Collection of the Moscow Theological Academy), No. 222 contains homilies by Sergy and Silvester, teachers of rhetoric at the Alexander Nevsky Seminary, which they delivered in 1751–1752. The collection НИОР РГБ, ф. 299, д. 158, owned by Yakov Filippov, a student of the class of philosophy at the Moscow Theological Academy, contains fifteen homilies by Georgy Konissky which he delivered in Kiev, at the Kyiv-Mohyla Theological Academy; the texts were analyzed from the point of view of rhetoric and contain corrections and amendments. In the collection НИОР РГБ, ф. 173.1, д. 163, along with copies of published court homilies, we find three texts by Simon Todorsky which he delivered when he was the preacher of the Kiev Academy and which remained unpublished until the beginning of the 20th century (and also a copy of a published court homily on the birthday of the heir, Petr Fedorovich, in 1743).

How far did court homilies penetrate into the parishes?

Some collections that include court homilies contain entries and remarks indicating their circulation among provincial clergy (unfortunately, we cannot claim that they were created among this group). Thus, the collection РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 1031 was preserved in the village of Ignatyevvo in the Serpukhov District before coming to the archive in 1887; the collection-convolute РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 1030 was preserved in the village of Belaya

Tserkov in the Kiev Governorate until 1865; and the collection НИОР РГБ, ф. 299, д. 606 was presented to the priest Iona Mikhreich from the village of Bely Rast (Moscow District) by the “Moscow Major Ivan Gerasimovich Lgovsky” (л. 1). Secular persons were not only readers but also compilers of such collections, although the collections they created are usually more diverse and include more secular texts than those compiled by clergy. For example, the collection НИОР РГБ, ф. 299, д. 241 includes the following entry: “These spiritual homilies were written by Ivan Tokmakovskoy, son of Yakov, Sergeant of the Izmaylovsky Leib Guard Regiment, on September 1, 1775” (л. 31)²³ and it contains, along with several homilies from the *Collection* of Gavriil Petrov and Platon Levshin, extracts from magazines, poems, and fables, as well as Denis Fonvizin’s *Sermon on the Recovery of Pavel Petrovich* (“Слово на выздоровление Павла Петровича”), and so forth.

In the second half of the century, parish priests with seminary educations also started to compile their own collections of homilies, for example, the *Sermons of the Moscow Nikolo-Yamskoy priest Nikolay Dmitriev, etc.* (“Проповеди московского Николо-Ямского священника Николая Дмитриева и др.,” НИОР РГБ, ф. 299, д. 386): this collection is sewn together from separate booklets apparently by the same author, with corrections and notes made by the same hand when assembling the homilies. These homilies were delivered in Moscow from 1776 to 1791. By the end of the century, there appeared collections of works by provincial parish priests, for example, *The Moral Counselings of Priest M. Dmitrievsky* (“Нравоучительные беседы свящ. М. Дмитриевского”), written in the village of Lomtsy (probably in the Novosilsky District of the Tula Governorate) in 1798 [СРЕЗНЕВСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ 1915: 441–442].

During this time, as the genre of collections of homilies by the same author continued to develop, it is an open question as to whether the handwritten collections by provincial priests appeared under the influence of the printed collections or the printed tradition appeared as a result of the spread of such handwritten compilations.

The earliest examples of single-author compilations are, of course, homilies by Demetrius of Rostov, which were copied throughout the country and preserved in various collections of books [ФЕДОТОВА 2001]. Demetrius’ works were first published in the late 18th century as the *Collection of Various Sermons and Other Works* (“Собрание разных поучительных слов и других сочинений,” Moscow, Synodal Typography, March 1786).

²³ In the same collection, a copy of the printed *Brief Moscow Chronicle Composed by Alexander Sumorokov* (“Краткая московская летопись, сочиненная Александром Сумороковым,” St. Petersburg, 1774) was made by “deacon Ivan of Nikolskaya mill” (“диакон Иван Николск[ой] мельниц[ы]”) on September 29, 1775 (л. 166об.).

Feofan Prokopovich's homilies were occasionally gathered into individual, single-author compilations, but generally they tended to form the bulk of multi-author collections (the collection НИОР РГБ, ф. 299, No. 158, for example, contains fifty-three homilies, of which nineteen are authored by Prokopovich; the collection НИОР РГБ, ф. 173.1, No. 163 contains thirty-five texts, of which fifteen are his). There were also handwritten collections of the most productive preachers of Elizabeth's age: for example, we find eleven volumes of Arseny Matseevich's homilies delivered both at the court and outside it among early 19th-century copies in the library of the Moscow Theological Academy. Evidently, he is also the author of the anonymous collection of homilies delivered in Yaroslavl between 1753 and 1759 (НИОР РГБ, ф. 173.2, No. 14), because the first text in the collection is a copy of his printed homily delivered at court in 1744. We also have information on collections of unpublished works by Dimitry Sechenov, another popular preacher [ГУМИЛЕВСКИЙ 1861: 48]. At the same time, printed collections of homilies by the same author were copied very rarely. Thus, Gedeon Krinovskiy's two-volume collection (the first edition, in civil orthography, published in 1754–1759, and the second edition, in Church Slavonic orthography, published in 1760) is represented only by single copies even in the archives of the Russian State Library. For example, the single complete copy of the second volume of Krinovskiy's works was made by "Ivan Vasilyev, junior office clerk of the main palace chancellery," as he noted on the manuscript (НИОР РГБ, ф. 205, No. 394). The entire first volume of Krinovskiy's collection is also preserved in only a single handwritten copy, НИОР РГБ, Музейное собрание, М 5426. It was produced by two copyists working in turn (the copy was made from a 1755 civil edition; judging by the notes with names of villages in the margins, it could be connected in some way with the Novosilskiy District of the Tula Governorate. Other homilies by Krinovskiy (from the published collection and from other sources) were selected and copied without identification of the author (for example, РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 1031).

We should also note that, to date, we have not seen a single complete handwritten copy of the *Collection of Various Sermons for All Sundays and Holidays* by Gavriil Petrov and Platon Levshin, although we find separate texts from this collection elsewhere. We should also note that Platon Levshin's homilies are relatively rarely encountered in the handwritten tradition of the period covered by our research;²⁴ this might be explained by the traditional "delay" of the reception of printed editions in the handwritten literature.

²⁴ An entirely different tradition of handling manuscripts is illustrated by a collection of autographs presented by Platon Levshin to the library of the Trinity Seminary in 1806 (НИОР РГБ, ф. 173.1, д. 84) with the following presentation inscription: "These, my autographs, are to be saved for the memories in Trinity library. Platon, Metropolitan of Moscow. 1806. Vifania" ('Сии мои рукописания для памяти хранить в Троицкой библиотеке. Платон, м. Московский. 1806 года. Вифания').

Which authors and texts by court preachers were the most popular in the handwritten tradition?

Throughout the 18th century, the most popular author was Demetrius of Rostov: his homilies were copied as entire collections and included in different collections, both with identification of the author and anonymously. But homilies by Demetrius of Rostov did not belong to the court tradition and contained virtually no publicistic or panegyric elements traditional for court homilies. Texts by Demetrius of Rostov were rarely included in collections connected with seminaries.

Among court preachers, Feofan Prokopovich was the most frequently copied author, and he is closely connected with the seminary tradition until the end of the 18th century (we should note that, even in the beginning of the 19th century, his homilies were included in school curricula as examples of rhetorical texts [ГАЛАХОВ 1861]). Several works by Amvrosy Yushkevich, Arseny Matseevich, Silvester Kulyabka, Stefan Kalinovskiy, and Kirill Lyashevskiy were popular. But the most popular text in the 1740s was Dimitry Sechenov's *Sermon on the Day of the Appearance of the Icon "Our Lady of Kazan"*: it appears six times not only in seminary collections but also in collections of "traditional spiritual content," obviously because it is more theological than publicistic and panegyric. Remarkably, this text was republished three times between 1741 and 1746 due to reader demand.²⁵ Dimitry Sechenov was one of the few preachers of the 1740s who was a Great Russian by nationality and who was able to combine in his texts the rhetorical rules of the "Latin education" of the seminaries and the traditions of Russian and Old Russian spiritual literature.

Conclusions

We can thus state that in the second half of the 18th century, the court sermon was only beginning to penetrate "traditional" culture. It was disseminated primarily in seminaries, where texts by court preachers were used as models and provided a library of panegyric and theological elements to be used by students and teachers in their own texts. With few exceptions, the court tradition does not intersect with texts originating from Old Russian and classical theological traditions, although all such texts are called *slovo* (literally 'word,' i.e., 'sermon'). However, by the end of the 18th century, the new genre was becoming increasingly widespread, following the growing cultivation of seminary education and the numbers of priests educated in this context.

---

²⁵ This text has recently been republished with a detailed commentary in [КИСЛОВА 2011с].

Abbreviated Names of Libraries, Archives, and Depositories

- НИОР РГБ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Russian State Library, Research Department of Manuscripts, Moscow).
- РГАДА Российский государственный архив древних актов (Russian State Archives of Ancient Acts, Moscow).

Bibliography

MARKER 2007

MARKER G., *Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia*, DeKalb, IL, 2007.

ГАЛАХОВ 1861

ГАЛАХОВ А., *Историческая хрестоматия нового периода русской словесности (от Петра I до нашего времени)*, 1: *От Петра I до Карамзина*, С.-Петербург, 1861.

ГУМИЛЕВСКИЙ 1861

ФИЛАРЕТ (Гумилевский), архиеп., *Обзор русской духовной литературы (умерших писателей)*, 2: 1720–1858 гг., С.-Петербург, 1861.

ЖИВОВ 1996

ЖИВОВ В. М., *Язык и культура в России XVIII века*, Москва, 1996.

— 2004

ЖИВОВ В. М., *Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков*, Москва, 2004.

КАГАРЛИЦКИЙ 1999

КАГАРЛИЦКИЙ Ю. В., *Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода, 1700–1775 гг.* (Диссертация . . . канд. филол. наук, Москва, 1999).

КИСЛОВА 2010

КИСЛОВА Е. И., “Проповедь 1740-х годов в истории русского языка”, в: П. Е. БУХАРКИН, У. ЕКУЧ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, ред., *Оккациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*, С.-Петербург, 2010, 33–52.

— 2011а

КИСЛОВА Е. И., “Издание придворных проповедей в 1740-е годы”, в: *XVIII век*, 26: *Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века*, С.-Петербург, 2011, 52–72.

— 2011в

КИСЛОВА Е. И., “«Гражданское» и «церковнославянское» издание проповедей в XVIII в.: к вопросу о статусе двух типов орфографии”, в: *Проблемы изучения русской литературы XVIII века*, 15, С.-Петербург, Самара, 2011, 78–89.

— 2011с

КИСЛОВА Е. И., “Слово в день явления иконы Пресвятыя Богородицы во граде Казани» Димитрия Сеченова”, в: *Литературная культура XVIII века*, 4, С.-Петербург, 2011, 110–147.

ЛУППОВ 1976

ЛУППОВ С. П., *Книга в России в послепетровское время: 1725–1740*, Ленинград, 1976.

ПЕТУХОВ 1901

ПЕТУХОВ Е., *Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Историко-литературный материал из эпохи преобразований*, Юрьев, 1901.

ПОГОСЯН, СМОРЖЕВСКИХ 2002

ПОГОСЯН Е., СМОРЖЕВСКИХ М., “«Я Деву в солнце зрю стоящу . . . »: образ апокалиптической Жены в русской официальной культуре 1695–1742 гг.”, *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 8, 2002, 9–37.

ПСЗРИ

Полное собрание законов Российской Империи, 22: 1783–1788 гг., С.-Петербург, 1830.

ПСПиР

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи, 4: 1724 – 28 января 1725 г., 7, 1: 25 ноября 1741–1743 гг., С.-Петербург, 1876, 1890, 1899.

СКВОРЦОВ 1914

СКВОРЦОВ Н. А., *Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век*, 2, Москва, 1914.

СМОЛИЧ 1996

СМОЛИЧ И. К., *История русской церкви*, 8/1, Москва, 1996.

СРЕЗНЕВСКИЙ, ПОКРОВСКИЙ 1915

СРЕЗНЕВСКИЙ В. И., ПОКРОВСКИЙ Ф. И., *Описание Рукописного отделения Библиотеки Императорской Академии наук*, 2, Петроград, 1915.

УОРТМАН 2004

УОРТМАН Р. С., *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*, Москва, 2004.

ФЕДОТОВА 2001

ФЕДОТОВА М. А., "Украинские проповеди Димитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция. Статья 2", в: *Труды отдела древнерусской литературы*, 52, С.-Петербург, 2001, 409–431.

ФЛОРОВСКИЙ 1983

ФЛОРОВСКИЙ Г., *Пути русского богословия*, Париж, 1983.

ХАРЛАМПОВИЧ 1914

ХАРЛАМПОВИЧ К. В., *Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь*, 1, 1914.

References

Fedotova M. A., "Ukrainskie propovedi Dimitriia Rostovskogo (1670–1700 gg.) i ikh rukopisnaia traditsiia. Stat'ia 2," in: *Tруды отдела древнерусской литературы*, 52, St. Petersburg, 2001, 409–431.

Florovsky G., *Puti russkogo bogosloviia*, Paris, 1983.

Kharlampovich K. V., *Malorossiiskoe vliianie na velikorusskuiu tserkovnuiu zhizn'*, 1, 1914.

Kislova E. I., "Propoved' 1740-kh godov v istorii russkogo iazyka," in: P. E. Bukharkin, U. Ekuch, N. D. Kochetkova, eds., *Okkazional'naia literatura v kontekste prazdnichnoi kul'tury Rossii XVIII veka*, St. Petersburg, 2010, 33–52.

Kislova E. I., "Izdanie pridvornykh propovedei v 1740-e gody," in: *XVIII vek*, 26: *Staroe i novoe v russkom literaturnom soznanii XVIII veka*, St. Petersburg, 2011, 52–72.

Kislova E. I., "«Grazhdanskoe» i «tserkovnoslavianskoe» izdanie propovedei v XVIII v.: k voprosu o statusе dvukh tipov orfografii," in: *Problemy izucheniia russkoi literatury XVIII veka*, 15, St. Petersburg, Samara, 2011, 78–89.

Kislova E. I., "«Slovo v den' iavleniia ikony Pre sviatiya Bogoroditsy vo grade Kazani» Dimitriia

Sechenova," in: *Literaturnaia kul'tura XVIII veka*, 4, St. Petersburg, 2011, 110–147.

Lupov S. P., *Kniga v Rossii v poslepetrovckoe vremia: 1725–1740*, Leningrad, 1976.

Marker G., *Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia*, DeKalb, IL, 2007.

Pogosjan Je., Smorzhevskikh M., "«Ia Devu v solntse zriu stoiashchu . . . »: obraz apokalipticheskoj Zheny v russkoi ofitsial'noi kul'ture 1695–1742 gg.," *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, 8, 2002, 9–37.

Skvortsov N. A., *Materialy po Moskve i Moskovskoi eparkhii za XVIII vek*, 2, Moscow, 1914.

Smolich I. K., *Istoriia russkoi tserkvi*, 8/1, Moscow, 1996.

Sreznevskii V. I., Pokrovskii F. I., *Opisanie Rukopisnogo otdeleniia Biblioteki Imperatorskoi Akademii nauk*, 2, Petrograd, 1915.

Wortman R. S., *Stenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii*, Moscow, 2004.

Zhivov V. M., *Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka*, Moscow, 1996.

Zhivov V. M., *Oчерки istoricheskoi morfologii russkogo iazyka XVII–XVIII vekov*, Moscow, 2004.

Екатерина Игоревна Кислова, канд. филол. наук

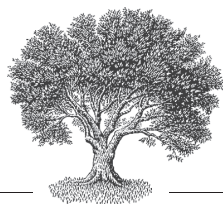
старший преподаватель кафедры русского языка

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991 Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ, 1-й корпус гуманитарных

факультетов, филологический факультет

e.kislova@gmail.com

К основным вопросам о категории способа глагольного действия в русском языке

On the Basic Problems of the Category of Aktionsart in the Russian Language

Ильдико Палоши

Университет им. Лоранда Этвёша
(Будапешт)

Ildikó Pálosi

Eötvös Loránd University
(Budapest)

Резюме

Статья представляет собой обобщающую работу по вопросам о статусе, объему и границах категории способа глагольного действия в русском языке. По мнению автора, категория способа действия является семантико-словообразовательной категорией, включающей глаголы с формальным показателем модификации значения мотивирующего глагола за исключением глаголов движения. Категория способа действия входит в более обширную категорию аспекта в качестве ее лексико-семантического уровня. От сферы словообразования категория способа действия отграничивается регулярностью образования глаголов.

Ключевые слова

русский язык, глагол, способ действия, семантика, словообразование

Abstract

The article summarizes the basic questions of aktionsart (the status, content, and borders of the category) in the Russian language and describes the most relevant views on the problem. In the author's opinion, the category of aktionsart is a semantic-word formation category, one that includes motivated verbs with formal markers of semantic change of the base verb, except for verbs of motion. Taking into consideration that word formation models are polysemic, the verb classes of aktionsart can be specified not by formal factors but by semantic ones. Consequently, the content of

the category of aktionsart is determined by word formation and semantics together. Another key problem is the connection between the category of aktionsart and category of grammatical aspect and the sphere of word formation. The author joins the opinion of those linguists who consider aktionsart to be the lexical level of the macrocategory of aspect. The category of aktionsart is separated from the sphere of word formation by the regularity of verb formation. Regarding this criteria, as the author suggests, some verb formation models of low regularity should not be acknowledged as verb classes of aktionsart.

Keywords

Russian language, verb, aktionsart, semantics, word formation

1. Введение

Настоящая статья представляет собой обобщающую работу по фундаментальным вопросам категории способа глагольного действия (в дальнейшем — СД) в русском языке, в ней сделана попытка дать ответы на следующие вопросы:

- Каков статус категории СД?
- Каков ее объем и как можно ее отграничить от других категорий?
- Как продуктивность образования определяет объем и классификацию СД?

Как известно, понятие способа действия (Aktionsart) было введено в 1908 г. шведским языковедом С. Агреллем, который впервые обратил внимание на важность разделения категории вида и категории способа действия. Противопоставление вида и СД он сформулировал следующим образом:

“Под *способом действия* (Aktionsart) я подразумеваю не две основные категории славянского глагола, не формы, обозначающие незаконченные и законченные действия (имперфективный и перфективный глагол), — эти категории я называю *видами* (Aspekte). Термином *способ действия* я обозначаю те до сих пор почти вовсе не привлекавшие внимания и тем более никем не классифицировавшиеся *семантические функции* приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных глаголов и суффиксальных образований), *которые уточняют, как совершается действие*, обозначают способ его осуществления” [Агрелль 1962: 36].

Не входя в детали раннего периода изучения СД, отметим только, что значительный вклад в формирование данного понятия был внесен работами [Шахматов 2001; Потехня 1941; Кошмидер 1962; Виноградов 2001]. Наиболее существенными нам представляются научные результаты, опубликованные в более поздних работах [Исаченко 1960;

БОНДАРКО, Буланин 1967; Авилова 1976; Шелякин 1983; 2008; Маслов 1984; 2004; Крекич 1989; 1997; Рянская 2002; Krékits, Jászay 2008; Петрухина 2009]. Существует ряд исследований, включающих компаративный аспект изучения проблемы, напр. на материале венгерского и русского языков [Дежё 1984]; на материале финского и русского языков [Томмола 1986]; на материале испанского и русского языков [Горбова 1996; 1999]; на материале французского и русского языков [Рянская 2003]; на материале немецкого и русского языков [Рахманкулова 2004]; на материале немецкого, польского и венгерского языков [Rátrovics 2004]; на материале нескольких славянских языков [Krékits, Jászay 2008]. Вопрос о категории СД в венгерском языке затронут в работе [Kiefer 2006].

2. Статус категории СД

2.1. Отношение категории СД к категории вида

Вопрос о способах действия традиционно рассматривается в тесной связи с категорией вида. Это не случайно, поскольку категория СД и категория вида представляют собой составляющие компоненты сферы аспектуальности. Поясним наше утверждение, опираясь на историю исследования проблематики.

В общеизвестном определении категории вида, сформулированном А. М. Пешковским, согласно которому “категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола” [Пешковский 2001: 105], СД еще не были отделены от вида. Исследователь, по всей вероятности, не был знаком с процитированным выше высказыванием С. Агрелля. Дефиниция А. М. Пешковского неоднократно подвергалась критике и дополнению со стороны многих лингвистов.

В последнее время среди аспектологов стала общепринятой позиция, согласно которой процитированное выше определение А. М. Пешковского характеризует более широкую категорию аспектуальности, охватывающую категории вида и СД. В сфере аспектуальности Ю. С. Маслов различал два компонента: лексическую и грамматическую аспектуальность, которые он называл аспектуальными классами и грамматической категорией вида. Аспектуальные классы выделяются по признаку предельности/непредельности и делятся на более мелкие аспектуальные подклассы, иными словами, на способы глагольного действия [Маслов 1984: 10–14; 2004: 31–33]. В своей более ранней работе Ю. С. Маслов высказал мнение о том, что среди глаголов, относящихся к тому или иному СД, выделяется 3 группы: 1) глаголы *perfectiva tantum*; 2) глаголы *imperfectiva tantum*; 3) глаголы, выступающие в обоих

видах [Маслов 1962: 12]¹. Этим утверждением он критиковал концепцию А. В. Исаченко, согласно которой одним из признаков СД является видовая несоотнесенность [Исаченко 1960: 217]. Промежуточной категорией между видом и СД Ю. С. Маслов считает категорию предельности/непредельности [Маслов 1984: 11; 2004: 29–30]. Эта идея находит отражение в работах [Бондарко, Буланин 1967: 29; Шелякин 1983: 178; 2001: 88; 2008: 128; Крекич 1989: 11–12]. Мы, со своей стороны, согласны с Ю. С. Масловым в том, что не все глаголы, относящиеся к тому или иному СД, являются одновидовыми.

Отношение категории вида к категории аспектуальности М. А. Шелякин определяет следующим образом: “аспектуальность [. . .] является универсальной языковой категорией, которая отражает всеобщую картину проявления действия во времени, а категория вида как одна из разновидностей аспектуальности характерна только для славянских языков” [Шелякин 2008: 25]. На его взгляд, аспектуальность входит в более обширную категориальную область с семантикой характера способа осуществления действия — в категорию характеристики глагольного действия. В рамках данной области М. А. Шелякин различает аспектуальную и неаспектуальную характеристику. Под первым типом он подразумевает саму аспектуальность, а для терминологического обозначения неаспектуальной характеристики он предлагает употреблять термин, введенный С. Агреллем, — “акционсарт” [Шелякин 2008: 19]. Со своей стороны, мы полагаем, что, поскольку данный термин и производные от него прилагательное *акционсартный* и существительное *акционсартность* связаны с более узкой категорией СД, увеличение сферы его употребления может привести к смешению понятий. В рамках категории аспектуальности М. А. Шелякин выделяет четыре уровня: грамматический, лексическо-семантический и контекстуальный уровни, а также уровень характера и типа действия. Грамматическим уровнем он называет категорию вида. Лексико-семантический уровень аспектуальности образуют аспектуальные СД или аспектуальные разряды предельных/непредельных глаголов (термин М. А. Шелякина). Контекстуальный уровень аспектуальности представлен адвербиальными словами и словосочетаниями (типа *долго, три раза, вдруг* и т. д.), сочетаниями спрягаемых форм глагола в составе сложного предиката (типа *начал петь*), сочетаниями глаголов с дополнениями в определенных падежных формах (типа *съесть весь суп, поест супа*) и синтаксическими конструкциями (типа *Чем больше..., тем больше...*). Характером действия М. А. Шелякин называет “те признаки лексических значений, которые показывают формы проявления способов действия” [Шелякин 2008: 39] (напр. постепенное

¹ Подобная идея представлена в статье [Неттеберг 1962: 65–67].

накопление результата или постепенное приближение к результату), а типом действия — семантическую зону, охватываемую аспектуальным СД [там же: 30–40]².

Существенной для нашей темы является статья И.-Э. С. Рахманкуловой, которая, разъясняя понятия “аспект”, “акционсарт” и “вид” в русской и немецкой аспектологии, указывает на изложенную выше точку зрения М. А. Шелякина и утверждает, что термин “способ глагольного действия” употребляется для обозначения подтипов понятия предельности/непредельности [РАХМАНКУЛОВА 2004: 15–26]. В отличие от категории вида, категорию СД И.-Э. С. Рахманкулова считает лексико-семантической категорией, которая служит “скорее возможности проявления нюансированности лексического значения” глаголов [РАХМАНКУЛОВА 2004: 26].

Категория аспекта явилась объектом сравнительного анализа в целом ряде лингвистических работ. Кроме вышеупомянутой статьи И.-Э. С. Рахманкуловой нельзя оставить без внимания работу В. А. Плуногяна [1997], посвященную типологическому анализу аспекта на материале русского языка и языка догон. Необходимо отметить его замечание о том, что аспект в естественных языках редко выражается чисто словоизменительными противопоставлениями, чаще он “превращается в словоклассифицирующую грамматическую категорию” (см. категорию вида в славянских языках) либо выражается разными словообразовательными группами (см. способы действия) [Плуногян 1997: 179]. В русском языке аспект манифестируется обоими способами. Ценными являются рассуждения В. А. Плуногяна в области классификации аспектуальных категорий. Вслед за И. А. Мельчуком в рамках категории аспектуальности он выделяет три аспекта: количественный, фазовый и результативный. Количественный аспект ситуации проявляется в ее одноактности/многоактности. Основными семантическими противопоставлениями этой зоны считаются итератив (полностью повторяющиеся ситуации), мультипликатив (единые множественные действия) и дистрибутив (действия, распространяющиеся на несколько объектов или совершаемые несколькими субъектами). Фазовый аспект охватывает длящиеся и недлящиеся ситуации. В. А. Плуногян относит к ним мгновенные ситуации (типа *найти*), пунктив (мысленно сжатые ситуации), инхоатив (начало действия), континуатив (продолжение действия),

² Заметим, что термин “аспектуальный способ действия” был введен М. А. Шелякиным в переработанном и дополненном издании 2008 г. его фундаментальной для аспектологии монографии “Категория вида и способы действия русского глагола” 1983 г. В оригинальном варианте, как показывает и название работы, употребляется термин “способ действия”, который считается традиционно принятым и самым распространенным наименованием данной категории. В “Функциональной грамматике русского глагола” [Шелякин 2001] автор предпочитает термин “аспектуальный разряд”.

терминатив (прекращение ситуации), дуратив (нерезультативные, длящиеся ситуации) и прогрессив (длящаяся в момент речи ситуация). Результативный аспект включает комплетив (ситуации, включающие достижение результата), результатив (ситуация, возникшая после достижения результата) и перфект (ситуация, являющаяся результатом действия). Эти аспектуальные значения могут пересекаться с неаспектуальными значениями, например, со значением интенсивности (см. глаголы типа *расплакаться*: ‘начало’ + ‘повышенная интенсивность’, *покашливать* ‘итеративность’ + ‘сниженная интенсивность’ и т. д.) [Плунгян 1997: 179–186]. Из тщательного анализа В. А. Плунгяна явствует, что перечисленные аспекты могут быть представлены категорией вида и/или глаголами разного способа действия.

Функциональная грамматика рассматривает СД в рамках функционально-семантического поля аспектуальности. Морфологическое ядро поля формирует категория вида, а СД относятся к периферии поля. СД формируют категорию предельности/непредельности, являясь ее конкретными, детализованными значениями. Они различаются между собой и по специфике своего выражения, и по указанию на тот конкретный характер предельности/непредельности действия, который определяет тип его протекания: результативность/нерезультативность, временной предел, предел интенсивности и т. д. Выделяется группа общерезультативных глаголов, к которым в принципе могут относиться все глаголы совершенного вида с результативным значением [Бондарко 1987]. Такой подход был представлен М. А. Шелякиным еще до издания указанного тома серии “Теория функциональной грамматики”.

2.2. Отношение категории СД к области словообразования

Категорию СД следует отграничить не только от категории вида, но и от сферы словообразования. По мнению Н. С. Авиловой, СД — это явление, стоящее на границе между словообразованием глагола и его видообразованием, но все же она понимает категорию СД как семантико-словообразовательные группы глаголов [Авилова 1976: 259]. Такой взгляд отражается в работах [Шанский, Тихонов 1981: 180; Дежё 1984: 76; Томмола 1986: 1; Зализняк, Шмелев 1997: 87; Крекич 1997: 23–36; Климонов 2003: 110]. По утверждению Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева, отграничение категории СД от сферы словообразования можно провести на основании регулярности образования. Однако и вышеупомянутые авторы считают этот критерий довольно зыбким, по причине многозначности русских приставок [Зализняк, Шмелев 1997: 87]. Примеры (1), (2) и (3) иллюстрируют отношение/неотношение одного глагола к сфере СД в силу своей многозначности.

- (1) *Дважды в кабинет **заходил** человек в белом халате* (Б. Акунин. Особые поручения);
- (2) *Войти в город колонной, с развернутым знаменем и барабанным боем, я – впереди, на Гульноре, – распалаясь, **заходил** по кабинету Соболев* (Б. Акунин. Турецкий гамбит);
- (3) *Речь в боксах редко шла о тонкостях пилотирования, чаще разговор **заходил** о повышенной нагрузке на те или иные узлы* (К. Качнов. Спокойствие, только спокойствие // “Формула”, 2001, пример НКРЯ: <http://www.guscorpora.ru/>).

В примере (1) употреблен глагол, относящийся к лексико-семантическому классу глаголов движения, т. е. в этом случае приставка *за-* вносит значение направленности внутрь какого-либо помещения. В предложениях (2) и (3) приставкой *за-* передается значение начальной фазы действия, поэтому глагол *заходить* в данном значении является представителем начинательного СД. Отношение глаголов движения к категории СД является спорным вопросом, см. об этом ниже под пунктом 3.

В работах [РÁТРОВИЧ 2004: 37; ВАРАКСИН 2005: 144; ШАРАНДИН 2005: 139; ПЕТРУХИНА 2009: 93] высказано мнение, согласно которому категория СД считается словообразовательной категорией, в них нет отграничения категории СД от словообразования. Заслуживает особого внимания интерпретация А. Л. Шарандина, который считает СД словообразовательно-модификационной категорией, имеющей парадигму словообразовательных форм. Связующими элементами трансформ парадигмы, по мнению исследователя, являются мотивация и инвариантное значение акционсартности [ШАРАНДИН 2005: 138].

Другая крайность научных взглядов представлена в работах [МАСЛОВ 1984: 8–15; 2004: 27–34; БОНДАРКО, БУЛАНИН 1967: 12–28; БОНДАРКО 1987: 63–85; ШЕЛЯКИН 1983: 157–196; 2001: 88–93; 2008: 123–167; РЯНСКАЯ 2002/1; 2002/2; ГАШКОВА 2003; РАХМАНКУЛОВА 2004], в которых категория СД интерпретируется как семантическая категория.

3. Объем и границы категории СД

Вопрос о статусе категории СД тесно связан с проблемой его объема и границ. Вопрос о том, охватывает ли категория СД все глаголы или только их ограниченный круг, остается до сих пор нерешенным.

Напомним, что под СД С. Агрелль подразумевал семантические функции глаголов с формальными показателями, уточняющими характер протекания действия [АГРЕЛЛЬ 1962: 36]. Кардинальное изменение в понятие СД было внесено Ю. С. Масловым, который предложил рассматривать СД независимо от их формальной характеристики, утверждая, что одни СД обладают определенными формальными признаками —

это так называемые “характеризованные СД”, а другие — “нехарактеризованные СД” — не имеют формальных показателей. В третью, промежуточную, группу входят “непоследовательно характеризованные СД” [Маслов 1984: 14; 2004: 33]; см. еще [Бондарко, Буланин 1967: 12–28; Бондарко 1987: 63–85]. При таком понимании категория СД, подобно категории вида, охватывает всю глагольную лексику. Концепции Ю. С. Маслова придерживаются авторы работ [Шелякин 1983: 157–196; 2001: 88–93; 2008: 123–167; Рянская 2002; Гашкова 2003; Рахманкулова 2004].

Другие лингвисты не порвали с традицией, восходящей к С. Агреллю. Среди них выделяется работа [Исаченко 1960], в которой автором различаются “совершаемости” и “характеры глагольного действия”. Признаками “совершаемостей” являются: 1) отсутствие видовой пары; 2) выражение особенности лексического значения формальными показателями — приставками или суффиксами. Характер действия — это те общие значения глаголов, которые не выражаются формальными маркерами³ [Исаченко 1960: 218; 301]. Концепция автора была подвергнута жесткой критике Ю. С. Масловым и А. В. Бондарко, настаивавшими на объединении глаголов с формально выраженным значением действия и с формально не выраженным значением действия в одну категорию. Несмотря на то что попытка А. В. Исаченко ввести термин “совершаемость” в лингвистический узус как новое научное понятие оказалась безуспешной и его взгляд об исключении парных глаголов из категории СД представляется далеко не бесспорным, его стремление следовать за традиционной русской грамматикой нашло сторонников. Для развития теории СД представляется немаловажной монография Н. С. Авиловой, в которой при определении сущности СД подчеркнута обязательность формального выражения модификации значения действия, обозначенного глагольной основой, и ввиду этого автор считает категорию СД семантико-словообразовательной [Авилова 1976: 263].

Оригинальная точка зрения введена в рассматриваемую нами проблематику П. А. Соболевой, расширяющей состав префиксов, участвующих в образовании СД. Рабочей гипотезой автора является возможность включения приставок с пространственным значением в число формантов того или иного СД [Соболева 1983: 48; 1984: 97]. Из этого следует,

---

³ Подробный анализ характеров глагольного действия проведен Е. В. Горбовой на материале испанского и русского языков [Горбова 1996: 87–92; 1999]. Под характерами глагольного действия автором понимаются аспектуально-семантические группы, включающие глаголы независимо от формальной манифестации их значения, классификация которых должна иметь универсальный характер. В силу этого в классификацию вовлекаются все значения, относящиеся к качественной и количественной аспектуальности.

что к категории СД она причисляет абсолютно все приставочные глаголы и что глаголы движения как лексико-семантический разряд получают статус СД. В силу того что П. А. Соболева придерживается условия морфологической маркированности модификации глагольного значения, но в категорию СД включает и глаголы движения, — предложенную ею концепцию можно считать своеобразным гибридом идей Ю. С. Маслова и Н. С. Авиловой. Ф. Кифер подчеркивает, что приставка, являющаяся формантом СД, может выражать значение, возникшее путем грамматикализации, исключительно независимое от первичного обстоятельственного значения [КИФЕР 2006: 143–145]. Относительно границ категории СД, кроме критерия наличия форманта непространственного значения модификации семантики основного глагола Ф. Кифер определяет принцип необходимости регулярности (продуктивности) образования. Под продуктивностью им понимается возможность распространения той или иной группы СД новыми глагольными трансформами [КИФЕР 2006: 149]. Критерий продуктивности образования заставляет исследователей отказаться от выделения малообъемных групп глаголов, которое превращает классификацию СД в семантическое подразделение (раздробление) лексики. Подобное мнение высказывается в работе [Зализняк, Шмелев 1997: 87].

Многочисленные расхождения во взглядах о статусе, объеме и границах категории СД показывают, что ее теоретические параметры имеют ряд неясностей и недоработок. Понятие СД, как нам кажется, еще не до конца выкристаллизовалось. Исходя из изложенных выше концепций, можно установить пять интерпретаций категории СД:

- семантическая категория, охватывающая все глаголы (Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Х. Томмола, М. А. Шелякин, Э. М. Рянская, М. Г. Гашкова, И.-Э. С. Рахманкулова);
- семантико-словообразовательная категория, включающая все глаголы с формальным показателем модификации значения мотивирующего глагола (П. А. Соболева);
- семантико-словообразовательная категория, охватывающая глаголы с формальным показателем модификации значения, отличающегося от пространственного (Н. С. Авилова, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, Л. Дежё, Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев, Й. Крекич, В. Д. Климонов, Ф. Кифер);
- семантико-словообразовательная категория, охватывающая одно-видовые глаголы с формальным показателем модификации значения, отличающегося от пространственного (А. В. Исаченко);
- словообразовательная категория (П. Патрович, Л. А. Вараксин, А. Л. Шарандин, Е. В. Петрухина).

Наша гипотеза о категории СД опирается на трактовку Н. С. Авиловой. Мы полагаем, что категорию СД невозможно рассматривать как грамматическую, ввиду того что выражение того или иного СД не является обязательным. Мы согласны с теми исследователями, которые считают СД семантико-словообразовательной категорией. Это следует из принятого нами положения об обязательности морфологической выраженности модификации значения основного глагола. Однако глаголы, относящиеся к тому или иному СД, объединяются не исключительно тождественными формальными маркерами, они связываются и общим значением. Следует подчеркнуть, что к одному СД могут причисляться глаголы с разными формантами на основе общности их семантики. Так, одноактный СД включает в себя глаголы с суффиксом *-ну-* типа *прыгнуть*, глаголы с суффиксом *-ану-* типа *долбануть*, глаголы с префиксом *с-* типа *сгруппить*, а также глаголы с приставкой *про-* типа *проскрипеть*.

При классификации СД⁴ следует стремиться к балансу между семантической и словообразовательной характеристиками глагольных групп. С одной стороны, классификация должна отражать нюансированность категории СД, с другой стороны, она не должна быть слишком раздробленной. При классификации СД также необходимо принять во внимание продуктивность словообразовательной модели. Это утверждение относится как к выделению определенных классов, так и к их наполненности.

Следуя принципу необходимости регулярности образования, мы предлагаем исключить некоторые типы глаголов из категории СД:

- Глаголы с формантом *про-...-ну-...* типа *простирнуть*, относящиеся к уменьшительно-смягчительному СД [РГ-І 1980: 599];
- Глаголы с формантом *вы-...-ыва-/-ива-...* типа *выплясывать*, *выделявать*, относящиеся к прерывисто-смягчительному СД [Зализняк, Шмелев 1997: 104];
- Глаголы с формантом *от-...-ыва-/-ива-...* типа *отплясывать*, *откалывать* <номера>, относящиеся к интенсивно-кратному СД [РГ-І 1980: 601];
- Глаголы с формантом *за-...-ыва-/-ива-...* типа *запузыривать*, относящиеся к тому же СД [Авилова 1976: 299]⁵.

⁴ Несмотря на многочисленную попытку классифицировать СД, их точный состав до сих пор не установлен. Наиболее существенными представляются классификации в работах [Исаченко 1960: 224–294; Бондарко, Буланин 1967: 14–28; Авилова 1976: 270–316; РГ-І 1980: 596–604; Бондарко 1987: 73–85; Шанский, Тихонов 1981: 180–184; Шелякин 1983: 180–196; 2008: 141–167; Зализняк, Шмелев 1997: 89–107; Крекич 1997: 24–36; Попова 1997: 163–170; Климонов 2003: 111–119].

⁵ Н. С. Авилова для обозначения интенсивно-кратного СД употребляет термин “осложненно-интенсивный СД” [Авилова 1976: 298–299].

Нам кажется целесообразным воздержаться от выделения таких малообъемных СД, как неумеренно-интенсивный СД, реализующийся конфиксом *о-/об-/обо-...-ся* (*обкушаться, объестся, обожраться*) [Трошкина 2001: 13]. Данная группа глаголов характеризуется семантической однородностью мотивирующих глаголов, поскольку лексическим значением всех перечисленных выше глаголов является питание. Дериваты указывают на чрезмерное проявление этого действия: 'съесть слишком много, лишнее'. Различие между глаголами заключается лишь в стилистическом оттенке: *объестся* и *обкушаться* относится к разговорному стилю, *обожраться* — к просторечию.

4. Итоги

Мы полагаем, что категория СД является семантико-словообразовательной категорией, входящей в более широкую категорию аспекта в качестве ее лексическо-семантического уровня. Учитывая, что словообразовательные модели не однозначны, отдельные классы глаголов определяются не на формальной, а на семантической основе. Следовательно, сущность категории СД определяется словообразованием и семантикой вместе.

Категория СД включает глаголы с формальным показателем модификации значения мотивирующего глагола, но глаголы движения остаются вне границ категории. Они формируют лексико-семантический разряд, имеющий свои внутренние закономерности и семантические нюансы. Глаголы движения играют значительную роль в формировании категории СД с диахронической точки зрения, но принимая во внимание, что их семантика направлена не на протекание и распределение действия во времени, мы считаем правомерным отказаться от их включения в категорию СД.

Критерий регулярности образования может сузить категорию СД за счет вытеснения глаголов малопродуктивного образования и малообъемных глагольных групп. Мы считаем необходимым рассмотреть существующие классификации с учетом этого принципа, чтобы получить более целостное представление о категории СД.

Библиография

Авилова 1976

Авилова Н. С., *Вид глагола и семантика глагольного слова*, Москва, 1976.

Агрель 1962

Агрель С., "О способах действия польского глагола", в: Ю. С. Маслов, ред., *Вопросы глагольного вида*, Москва, 1962, 35–37.

Бондарко 1987

Бондарко А. В., “Основания функциональной грамматики”, в: А. В. Бондарко, ред., *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*, Ленинград, 1987, 63–85.

Бондарко, Буланин 1967

Бондарко А. В., Буланин Л. Л., *Русский глагол*, Ленинград, 1967.

Вараксин 2005

Вараксин Л. А., “Пространственные и непространственные значения русских глагольных приставок”, в: Н. К. Флорова, С. М. Белякова, ред., *Пространство и время в языке, язык в пространстве и времени*, Тюмень, 2005, 139–147.

Виноградов 2001

Виноградов В. В., *Русский язык. Грамматическое учение о слове*, Г. А. Золотова, отв. ред., 4-е изд., Москва, 2001.

Гашкова 2003

Гашкова М. Г., *Средства репрезентации начинательного и смягчительного способов действия в немецком языке в сопоставлении с русским* (автореф. дисс. [. . .] канд. филол. наук, Екатеринбург, 2003).

Горбова 1996

Горбова Е. В., *Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации* (дисс. [. . .] канд. филол. наук., С.-Петербург, 1996).

——— 1999

Горбова Е. В., “Опыт разработки универсальной классификации характеров глагольного действия”, в: *Материалы XXVIII международной научно-методической конференции преподавателей и аспирантов*, 16/1, С.-Петербург, 1999, 7–13.

Дежё Л. 1984

Дежё Л., *Типологическая характеристика русской грамматики в сопоставлении с венгерской*, Будапешт, 1984.

Зализняк, Шмелев 1997

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д., *Лекции по русской аспектологии* (= Slavistische Beiträge, 353), München, 1997.

Исаченко 1960

Исаченко А. В., *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*, 2, Братислава, 1960.

Климонов 2003

Климонов В. Д., “Способы действия в русском и немецком языках”, *Studia Rossica Posnaniensia*, 31, 2003, 109–119.

Кошмидер 1962

Кошмидер Э., “Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза”, в: Ю. С. Маслов, ред., *Вопросы глагольного вида*, Москва, 1962, 105–107.

Крекич 1989

Крекич Й., *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов*, Будапешт, 1989.

——— 1997

Крекич Й., *Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматик*, Szeged, 1997.

Маслов 1962

Маслов Ю. С., “Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании”, в: Ю. С. Маслов, ред., *Вопросы глагольного вида*, Москва, 1962, 7–32.

——— 1984

МАСЛОВ Ю. С., *Очерки по аспектологии*, Ленинград, 1984.

——— 2004

МАСЛОВ Ю. С., *Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание*, Москва, 2004.

НЕТТЕБЕРГ 1962

НЕТТЕБЕРГ К., “Способы действия, представленные в обоих видах и только в одном”, в: Ю. С. Маслов, ред., *Вопросы глагольного вида*, Москва, 1962, 65–67.

ПЕТРУХИНА 2009

ПЕТРУХИНА Е. В., *Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований)*, Москва, 2009.

ПЕШКОВСКИЙ 2001

ПЕШКОВСКИЙ А. М., *Русский синтаксис в научном освещении*, 8-е изд., Москва, 2001.

ПЛУНГЯН 1997

ПЛУНГЯН В. А., “Вид и типология глагольных систем”, в: Черткова М. Ю., ред., *Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова*, Москва, 1997, 173–190.

ПОПОВА 1997

ПОПОВА Т. В., “Пересекаемость лексико-семантических групп и лексико-грамматических классов слов”, в: Л. Г. БАБЕНКО, ред., *Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой*, Екатеринбург, 1997, 147–239.

ПОТЕБНЯ 1941

ПОТЕБНЯ А. А., *Из записок по русской грамматике*, 4, Ленинград, 1941.

РАХМАНКУЛОВА 2004

РАХМАНКУЛОВА И.-Э. С., “К вопросу о теории аспектуальности”, *Вопросы языкознания*, 1, 2004, 3–28.

РГ-I 1980

ШВЕДОВА Н. Ю., ред., *Русская грамматика*, 1, Москва, 1980.

РЯНСКАЯ 2002

РЯНСКАЯ Э. М., *Способы действия в когнитивном аспекте*, С.-Петербург, 2002.

СОБОЛЕВА 1983

СОБОЛЕВА П. А., “Опыт упорядочения способов глагольного действия”, в: *Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках. Материалы заседания комиссии по изучению грамматического строя славянских языков МКС*, Москва, 1983, 46–52.

——— 1984

СОБОЛЕВА П. А., “Способы глагольного действия и словообразовательные разряды глаголов”, в: В. Н. ЯРЦЕВА, ред., *Слово в грамматике и словаре*, Москва, 1984, 93–101.

ТОММОЛА 1986

ТОММОЛА Х., “Аспектуальность в финском и русском языках”, *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja*, 28, 1986.

ТРОШКИНА 2001

ТРОШКИНА А. Н., *Номинативный аспект категории интенсивности действия в разноструктурных языках (на материале русского и английского языков)* (автореф. дисс. [. . .] канд. филол. наук, Саратов, 2001).

ШАНСКИЙ, ТИХОНОВ 1981

ШАНСКИЙ Н. М., ТИХОНОВ А. Н., *Современный русский язык. Словообразование. Морфология*, 2, Москва, 1981.

Шарандин 2005

Шарандин А. Л., “Способ глагола как особая формообразовательная категория русского глагола” в: *Функционально-лингвистические исследования: сб. ст. в честь А. В. Бондарко*, С.-Петербург, 2005, 133–141.

Шахматов 2001

Шахматов А. А., *Синтаксис русского языка*, 3-е изд., Москва, 2001.

Шелякин 1983

Шелякин М. А., *Категория вида и способы действия русского глагола*, Таллин, 1983.

— 2001

Шелякин М. А., *Функциональная грамматика русского глагола*, Москва, 2001.

Шелякин 2008

Шелякин М. А., *Категория аспектуальности русского глагола*, Москва, 2008.

КIEFER 2006

KIEFER F., *Aspektus és akciómínőség különös tekintettel a magyar nyelvre*, Budapest, 2006.

KRÉKITS, JÁSZAY 2008

KRÉKITS J., JÁSZAY L., *Szláv igeaspektus különös tekintettel az orosz nyelvre*, Budapest, 2008.

PÁTROVICS 2004

PÁTROVICS P., *Az aspektus története és tipológiája*, Budapest, 2004.

References

Agrell' S., “O sposobakh deistviia pol'skogo glagola,” in: Iu. S. Maslov, ed., *Voprosy glagol'nogo vida*, Moscow, 1962, 35–37.

Avilova N. S., *Vid glagola i semantika glagol'nogo slova*, Moscow, 1976.

Bondarko A. V., “Osnovaniia funktsional'noi grammatiki,” in: A. V. Bondarko, ed., *Teoriia funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovanost'*. Taksis, Leningrad, 1987, 63–85.

Bondarko A. V., Bulanin L. L., *Russkii glagol*, Leningrad, 1967.

Dezső L., Tipologicheskaia kharakteristika russkoi grammatiki v sopostavlenii s vengerskoi, Budapest, 1984.

Gorbova E. V., “Opyt razrabotki universal'noi klassifikatsii kharakterov glagol'nogo deistviia,” in: *Materialy XXVIII mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii prepodavatelei i aspirantov*, 16/1, St. Petersburg, 1999, 7–13.

Issatschenko A. V., *Grammaticheskii stroi russkogo iazyka v sopostavlenii s slovatskim*, 2, Bratislava, 1960.

Kiefer F., *Aspektus és akciómínőség különös tekintettel a magyar nyelvre*, Budapest, 2006.

Klimonov V. D., “Sposoby deistviia v russkom i nemetskom iazykakh,” *Studia Rossica Posnaniensia*, 31, 2003, 109–119.

Koszmider E., “Ocherk nauki o vidakh pol'skogo glagola. Opyt sinteza,” in: Iu. S. Maslov, ed., *Voprosy glagol'nogo vida*, Moscow, 1962, 105–107.

Krékits J., *Semantika i pragmatika vremenno-predel'nykh glagolov*, Budapest, 1989.

Krékits J., Jászay L., *Szláv igeaspektus különös tekintettel az orosz nyelvre*, Budapest, 2008.

Maslov Iu. S., “Voprosy glagol'nogo vida v sovremennom zarubezhnom iazykoznanii,” in: Iu. S. Maslov, ed., *Voprosy glagol'nogo vida*, Moscow, 1962, 7–32.

Maslov Iu. S., *Ocherki po aspektologii*, Leningrad, 1984.

Maslov Iu. S., *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie*, Moscow, 2004.

Netteberg K., “Sposoby deistviia, predstavlennye v oboikh vidakh i tol'ko v odnom,” in: Iu. S. Maslov, ed., *Voprosy glagol'nogo vida*, Moscow, 1962, 65–67.

Pátrovics P., *Az aspektus története és tipológiája*, Budapest, 2004.

Peshkovskii A. M., *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii*, 8th ed., Moscow, 2001.

Petrukhina E. V., *Russkii glagol: kategorii vida i vremeni (v kontekste sovremennykh lingvisticheskikh issledovanií)*, Moscow, 2009.

Plungian V. A., “Vid i tipologiya glagol'nykh sistem,” in: Chertkova M. Iu., ed., *Trudy aspektologicheskogo seminará filologicheskogo fakul'teta MGU im. M. V. Lomonosova*, Moscow, 1997, 173–190.

Popova T. V., “Peresekaemost' leksiko-semanticheskikh grupp i leksiko-grammaticheskikh klassov slov,” in: L. G. Babenko, ed., *Russkaia glagol'naia lek-sika: peresekaemost' paradigm*, Ekaterinburg, 1997, 147–239.

Potebnia A. A., *Iz zapisok po russkoi grammatike*, 4, Leningrad, 1941.

Rakhmankulova I.-E. S., "K voprosu o teorii aspektual'nosti," *Voprosy iazykoznanii*, 1, 2004, 3–28.

Rianskaia E. M., *Sposoby deistviia v kognitivnom aspekte*, St. Petersburg, 2002.

Shakhmatov A. A., *Sintaksis russkogo iazyka*, 3d ed., Moscow, 2001.

Shanskii N. M., Tikhonov A. N., *Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie. Morfologiia*, 2, Moscow, 1981.

Sharandin A. L., "Sposob glagola kak osobaia formoobrazovatel'naia kategoriia russkogo glagola," in: *Funktsional'no-lingvisticheskie issledovaniia*, St. Petersburg, 2005, 133–141.

Sheliakin M. A., *Kategoriia vida i sposoby deistviia russkogo glagola*, Tallinn, 1983.

Sheliakin M. A., *Funktsional'naia grammatika russkogo glagola*, Moscow, 2001.

Sheliakin M. A., *Kategoriia aspektual'nosti russkogo glagola*, Moscow, 2008.

Soboleva P. A., "Opyt uporiadocheniia sposobov glagol'nogo deistviia," in: *Aspektual'nye i temporal'nye znacheniiia v slavianskikh iazykakh. Materialy zasedaniia komissii po izucheniiu grammaticheskogo stroia slavianskikh iazykov MKS*, Moscow, 1983, 46–52.

Soboleva P. A., "Sposoby glagol'nogo deistviia i slovoobrazovatel'nye razriady glagolov," in: V. N. Iartseva, ed., *Slovo v grammatike i slovare*, Moscow, 1984, 93–101.

Tommola H., "Aspektual'nost' v finskom i russkom iazykakh," *Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja*, 28, 1986.

Varaksin L. A., "Prostranstvennye i neprostranstvennye znacheniiia russkikh glagol'nykh pristavok," in: N. K. Florova, S. M. Beliakova, ed., *Prostranstvo i vremia v iazyke, iazyk v prostranstve i vremeni*, Tyumen, 2005, 139–147.

Vinogradov V. V., *Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*, G. A. Zolotova, red., 4th edition, Moscow, 2001.

Zalizniak Anna A., Shmelev A. D., *Lektsii po russkoi aspektologii* (= Slavistische Beiträge, 353), München, 1997.

Ильдико Палоши, канд. филол. наук (**Pálosi Ildikó** PhD)

Руководитель Русского центра при Университете им. Лоранда Этвёша

H-1088 Budapest, Múzeum krt. 6-8

Magyarország/Hungary

palosiildiko@gmail.com

Славянский Апостол: история текста и язык,
compiled by MARINA BOBRIK

(Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe, 21),
Verlag Otto Sagner, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 273 pp.
ISBN 978-3-86688-393-2.

Yana A. Pen'kova

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

Яна Андреевна Пенькова

Институт русского языка им.
В. В. Виноградова РАН (Москва)

The collection of articles published as *The Slavonic Apostolus: Text History and Language* (SA) is made up of materials presented at the roundtable discussion “Slawischer Apostolos: Bestandsaufnahme und Perspektiven” (*The Slavonic Apostolus: Results and Perspectives*), which took place on December 8–9, 2011 at the Institute for Slavic Studies, Humboldt University of Berlin. Slavists from different European countries including the Czech Republic, Bulgaria, Great Britain, Italy, Russia, and Germany share their work in SA. The majority of the articles are published in Russian, which will allow Russian Slavists, or at least those who can read Russian, to evaluate the scholarly advances presented in the volume. SA has four parts: “Рукописная традиция Апостола” (*The Manuscript Tradition of the Apostolus*), “Печатный Апостол” (*The Printed Apostolus*), “Материалы для дискуссии” (*Discussions*), and “Справочные материалы” (*References*).

The first section, which is devoted to the manuscripts of the Apostolus, constitutes the main part of SA and is characterized by the widest variety in subject matter. The authors focus on the mutual relationships among the various versions (redactions) of the Epistles and the Acts of the Apostles; the history and structure of the Synaxarion included in Apostolus texts and its sources in the Byzantine tradition; the adaptation mechanisms for citation and informal references introduced in medieval texts and the role of such references in the study of the Slavonic translations over the course of their history and existence; linguistic characteristics of the manuscript sources and perspectives on applying computer technologies to textual studies of the Slavonic Apostolus.

The section starts with an article written by the recently deceased ZOE HAUPTOVÁ, Prague, the well-known Czech Slavist who devoted her life to the study of the Old Church Slavonic Apostolus. The article under consideration is entitled **“К вопросу о соотношении служебного и дополнительного текстов старославянского Апостола”** (*On the Interrelationships among the Lectionary and Non-lectionary Portions of the Old Church Slavonic Apostolus*, pp. 11–30); it was translated from Czech into Russian by IVETA KREJČÍŘOVÁ and enlarged and revised by EMILIE BLÁHOVÁ.

The subject of Hauptová’s article is the correlation and distribution of lexical archaisms and innovations in the lectionary and non-lectionary portions. The main sources of the study are the *Apostolus Christinopolitanus* (12th century) and the Apostolus from the collection of Alexander Hilferding (14th century), the latter filling in the lacunae of the former manuscript. The evidence from these texts is compared with evidence from about forty Old Church Slavonic manuscripts (using the card index data of the Old Church Slavonic Language Dictionary). The study reveals an extremely contradictory picture: on the one hand, the texts of the lectionary portions preserve a number of lexical archaisms which are not typical of the non-lectionary portions; on the other hand, the lectionary portions contain almost the same number of innovations corresponding to the earlier equivalents in the non-lectionary portions. Based on the essential distinctions between these texts, the author comes to the conclusion that these two parts were translated by different people.

This article has some intersections with the paper **“Соображения о критическом издании славянского Апостола”** (*Considerations for a Critical Edition of the Slavonic Apostolus*, pp. 197–206), written by ANATOLY A. ALEKSEEV, St. Petersburg, and placed in the third section of the volume, “Материалы для дискуссии” (*Discussions*). Alekseev notes the rather contradictory evidence that is revealed when the Archaic and Athonian redactions of the Apostolus are compared: the Cyrillo-Methodian lexis of the latter tends to replace a great number of preslavisms of the former. Both articles, based on different materials, show the lexical heterogeneity of the Apostolus, which reflects a complicated history of text building and corroborates the impossibility of reconstructing an archetype. The author argues that such lexical variability, in which no extant manuscript can serve as a basis, can be overcome in a future critical edition. One of the possible paths is to employ the editorial practices developed for the Greek New Testament (p. 205).

Some interesting points of intersection in the supporting data can also be found in the articles discussed above. The same correlation in lexis observed in the Archaic and Athonian redactions (preslavisms in the former and Cyrillo-Methodian in the latter) appears in some cases between the language of the Epistles and that of the Acts. Examples are the following: послухъ—свьѣдѣтель (ALEKSEEV, p. 199) and послушание / послушество / послухование—свьѣдѣтельство (HAUPTOVÁ, p. 19). In other cases the text of the Acts chooses a third path, for example: отдание грѣховъ—оставление грѣхомъ (ALEKSEEV, p. 199) and отъдание/оставление—отъпущение (HAUPTOVÁ, p. 18); повѣдати—възвѣстити (ALEKSEEV, p. 199) and възвѣстити/повѣдати—сказати (HAUPTOVÁ, p. 24).

One of the Slavonic translation decisions for the Greek εἶωλον—тѣло неприязнино— receives different interpretations in the articles under discussion. Although she places this example in the chapter about innovations, Hauptová proceeds with the following commentary: “. . . можно было бы скорее говорить об инновации, корни

которой, однако, уходят в первоначальный текст Апостола” (‘One could rather speak about innovation, the roots of which, however, go back to the original text of the Slavonic Apostolus,’ p. 27). Alekseev, to the contrary, perceives here the result of subsequent textual redaction, typical of the Serbian manuscripts (p. 202).

Taking into consideration the absence of any cross-references between the articles mentioned above, one cannot avoid noting some unfortunate composition decisions for SA. As noted above, whereas Hauptová’s paper opens the first chapter, Alekseev’s publication is placed after the paper devoted to the printed Apostolus. Such a sequence is not quite logical and, indeed, hampers one’s understanding. There are eight papers in SA, and they are divided into three chapters, yet the first section contains six articles, whereas the second and third sections include only one article each. Such a distribution, based on formal grounds (handwritten or printed book, or something that falls into neither group) creates an impression of a certain artificiality and lack of proportion. The headings could have been left out or they might have been based on less rigid principles in order to avoid such a disproportionate distribution. It would probably have been more convenient for the reader to have Hauptová’s and Alekseev’s papers placed in the same chapter or at least in close proximity to one another, because both researchers to a certain extent deal with the problems of archetype reconstruction and both demonstrate that as many variant readings as possible should be taken into consideration in any critical edition of the Apostolus.

The self-evident connection with these questions is apparent in the paper **“Количественный метод в текстологии (на материале Соборных посланий)”** (*Quantitative Method in Textology (Based on the Material of the General Epistles)*, pp. 31–61), written by RALPH CLEMINSON, Winchester, UK. This article discusses the opportunities offered by quantitative textology (“количественная текстология”) and the results of its application, by means of which the process of comparing manuscripts belonging to one and the same version (redaction) becomes easier. This method, already applied in textual studies of the Greek New Testament, allows one to understand the mutual relations among large numbers of manuscript sources and seems to offer new perspectives in the studies of handwritten (and, perhaps, printed) traditions of the Apostolus, where it is typical not to have a direct correspondence to a text prototype. The method described by the author takes into account the rate of coincidence between minor variant readings, something that is beyond the abilities of a human linguist but which can serve as conclusive evidence for kinship existing between certain groups of manuscripts. This methodology is based on the calculation of the common rate of coincidences occurring in the variant readings, a rate which measures the degree of proximity between two particular manuscripts; this is also known as the “Levenshtein distance” (‘расстояние Левенштейна,’ p. 32). The result of the calculation can be represented by a dendrogram in which the “height” indicates the distance between clusters (groups of manuscripts): the higher the separation between the clusters, the greater the distance between them (“... «высота» указывает на расстояние между кластерами: чем выше разветвление между кластерами, тем больше расстояние между ними,” p. 36).

The method in question, however, is applicable only within large identical texts; that is the reason why short Epistles, such as 2 John, according to Cleminson, should be excluded from the calculation (this, however, did not prevent the author from including the data of 2 John in the dendrograms analyzed on pp. 49–50). Cleminson draws special attention to the fact that the method under description brings to light not the generic

relationships between manuscripts but only the distance between them. At the same time, the evaluation of the results still depends entirely on the researcher.

The advantages of quantitative textology are convincingly shown by the author on the basis of three redactions of the General Epistles: the First, the Second, and the Fourth (it remains unclear whether the author bears in mind that, as is well known, G. A. Voskresenskiy's classification has been revised; the reader is given no additional references on this matter). Twenty-three manuscripts attributed to the First redaction, twenty manuscripts from the Second redaction, and twenty-one manuscripts belonging to the Fourth redaction are examined (in some cases redactions may vary within one and the same manuscript). The First redaction is represented with dendrograms for the following texts: James (in both variants: extract or full text), 1 Peter (in both variants), 2 Peter (in both variants), 1 John (in both variants), 2 John, 3 John, Judas, and menaion texts for James 10–20, 2 Peter 10–19, and 1 John 1–7 and 12–19. The Second redaction has dendrograms for James, 1 Peter, 2 Peter (in both variants), 1 John (in both variants), 2 John, 3 John, Judas, and the menaion texts for James 12–20, 2 Peter 10–19, and 1 John 1–7 and 12–19. Finally, the Fourth redaction has dendrograms for James (in both variants), 1 Peter (in both variants), 2 Peter, 1 John (in both variants), 2 John, 3 John, and Judas.

The author's focus is an analysis of the method's abilities and limits in textology. However, when Cleminson turns from the language of dendrograms to the language of textology, his results are presented in a rather abbreviated fashion, which prevents the reader from comprehending all of the advantages of this method of analysis.

The article “**Синаксарные жития и агиографические данные в составе Апостолов**” (*Synaxarian Lives of the Saints and Hagiographic Events Included in the Apostolus*, pp. 63–113), written by the Bulgarian Slavist ISKRA HRISTOVA-SHOMOVA, Sofia, is devoted to one of the insufficiently studied peculiarities of the Slavonic Apostolus: the structure of the Synaxarion and Menologion and their sources in the Byzantine tradition. The author found accounts on short hagiographic events and even full synaxarian lives in the calendars of the most ancient codices of the Apostolus. In most cases, considerable or partial correspondence with the Greek original from the *Typikon of the Great Church* can be found. The most significant in this relation are rare commemorations which are not typical of the *Studite Typikon*, e.g., St. Nestor's commemoration on October 25 instead of on October 27 (in the *Draganova Menaion*), or St. Varus' commemoration on October 25 instead of October 19 (see pp. 68–69).

According to Hristova-Shomova, traces of the Synaxarion are most widely reflected in the *Praxapostolus Eninensis* of the 11th century, but can also be found in the *Praxapostolus Achridanus* and the *Dragotin Apostolus* of the 12th century and in some other Middle Bulgarian manuscripts of the 13–14th centuries, including some Menaia and Gospel Books (mainly in the *Draganova Menaion* from the 13th century, the Menaion RNB (National Library of Russia) F.п.I.72 from the end of the 12th or the early 13th centuries, the *Evangeliarium Ostromiri*, and the *Evangeliarium Assemani*).

In an appendix to the paper there is a detailed table of extracts from hagiographic events and lives found by the author in the calendars of Epistle and Gospel Books as well as Menaia, in most cases provided with the corresponding original Greek texts (pp. 79–108). A great deal of evidence from the ancient calendars included in the Epistle Books and going back to the *Typikon of the Great Church* indicates that the translation of these Synaxaria was made by Cyril and Methodius during their mission to

Great Moravia (p. 73): “Думаю, что [. . .] первая славянская богослужбная книга, составленная святыми братьями, содержала Апостол с Евангелием вместе с обоими синаксарями Устава Великой Церкви” (‘I believe that [. . .] the first Slavonic liturgy book, compiled by the brother saints, contained the Epistle Book, the Gospel Book, and both Synaxaria from the *Typikon of the Great Church*,’ p. 74).

Unfortunately, the paper discusses only in cursory fashion “the significant number of commemorations of ‘western’ saints and the celebrations of certain saints according to the ‘western’ calendar” (p. 73). A few names are mentioned only in the footnote on p. 74. However, this feature obviously deserves comprehensive commentary, especially because it corroborates the author’s hypothesis that the translation was made during the mission to Moravia.

A special field in the research on the Slavonic Apostolus is the study of the quotations and informal references from the Apostolus in literature from the Middle Ages and the possibility of using them as reliable sources both for the development of the Apostolus as well as for the development of the sources in which they appear. The article **“Послания Павла между традицией текста и экзегетической переработкой в литературе Slavia Orthodoxa”** (*Pauline Epistles between the Text Tradition and Exegetic Interpretation in the Literature of the Slavia Orthodoxa*, pp. 115–124), written by MARCELLO GARZANITI, Florence, and the paper in Bulgarian **“Апостолските цитати в старохърватския глаголически ръкопис на Бенедиктински устав от остров Пашман”** (*Quotations from the Apostolus in the Old Croatian Glagolitic Manuscript of the Rule of St. Benedict from Pašman Island*, pp. 125–164), written by GERGANA NIKOLOVA, Sofia, both touch upon these questions.

Garzaniti’s paper deals with certain quotations from the Pauline Epistles, the elaborate manner of their adaptation, and their structure-forming role in the texts in which they appear. In my opinion, one of the most revealing examples is the history of the citations from Rom 1:7 and 1:15, represented in Slavonic copies of the Apostolus with the variant reading Римъ/миръ. The interpretation of these quotations against the background of the particular extract from Andrew of Caesarea’s commentary on the Revelation of John (“Такожде якоже селище блудодѣиць бысть той Стары Римъ Вавилонъ в Петрови епистоли. И всякъ кождо градъ. Иже о убійствѣ крови веселится [. . .] или перскій Вавилонъ в неже многи быша муки или Старый Римъ или Новый. Или весь миръ,” p. 121), according to Garzaniti, provides hegumen Philotheus with certain biblical grounds for his idea of “Moscow as the Third Rome.” However, the connection between the extract from Andrew’s commentary, cited above, which refers to Peter’s Epistle (cf., в Петрови епистоли), and the Pauline Epistles remains somewhat unclear.

The paper reveals the complex development of biblical quotations that were presented in texts and, simultaneously, were preserved in the medieval scribe’s mind; these passages recall to the reader not only specific verses from the Bible but also the wider context of the Byzantine exegetic tradition that was accepted by the Slavonic tradition.

Nikolova’s article is also devoted to the study of quotations from the Apostolus, but in this paper the author focuses on the adaptation of quotations from the Apostolus in Slavonic translations of the Rule of Saint Benedict. The identified quotations have been classified according to the extent of their coincidence with readings from the Apostolus; certain features which reflect, on the one hand, the influence of the vernacular Old Croatian language and, on the other hand, the influence of the original Latin text are

brought to light and comprehensively described in the paper. An extra purpose of the research was to find signs of Cyrillo-Methodian translation, that is, whether or not a Slavonic text might have been used in translating citations from the *Apostolus* in the Rule of St. Benedict. The manuscript is compared with four breviaries and five missals—all nine of these sources are generally considered to reflect features of the first Slavonic translation [ALEKSEEV 1999: 142]. In the appendix to the paper there is a table of quotations from the *Apostolus* in the *Pašman Codex* with parallel passages in Latin (from the Rule of St. Benedict and the Vulgate) and Greek (NTG) and corresponding readings from Slavonic *Apostolus* manuscripts and the Croatian missals and breviaries (pp. 152–164).

A correspondence between the *Pašman Codex*, the Slavonic *Apostolus*, and a Croatian missal was found only in one case (pp. 130–131), which unfortunately was not included in the table in the appendix. However this example can hardly be interpreted as a reflection of the Cyrillo-Methodian tradition, since the example mentioned (B(og) a bojte se) is rather trivial, very short, and corresponds precisely to what we find in the Vulgate, although varying from the corresponding text in the Rule of St. Benedict. In light of the lack of any other reliable examples, the author's assumption about any kind of dependence on the Cyrillo-Methodian tradition seems unwarranted.

On the whole, one can highly appreciate the scope of the work undertaken and accept the author's general conclusions, that is, that the *Pašman Codex* is a free translation of the Rule of St. Benedict that reflects both the peculiarities of the contemporary vernacular Old Croatian language and numerous features of the original Latin text. However, it also differs from the Vulgate and stands far apart from the Croatian liturgical tradition. In this regard the codex in question is not unique in Croatian literature, in which free translations of biblical texts are typical [ALEKSEEV 1999: 145].

The first chapter of *SA* ends with the paper **“Орфографические, фонетические и морфологические особенности Скопльского Апостола, церковнославянского памятника 1313 года”** (*Orthographic, Phonetic, and Morphologic Features of the Apostolus Skopliensis, a Church Slavonic Literary Monument from 1313*, pp. 165–181), written by ŠTEFAN PILÁT, Prague. According to Pilát, the *Apostolus Skopliensis*, separated from the time of the first translation by more than four centuries, in many respects preserves features of that first translation. The text of the codex in question combines archaisms with innovations and may serve as an important source for the study of Macedonian historical grammar and dialectology. Moreover, the codex reflects the influence of the Serbian Church Slavonic redaction on the orthography of North Macedonian manuscripts from the 14th century (p. 180), e.g., the employment of yotated vowel letters, following the rules of the Raška type of orthography (p. 173). Another important feature of the *Apostolus Skopliensis* is that it has not undergone the Preslav redaction (p. 166). This feature, which is mentioned only in passing in the article—the author did not intend to include a description of the lexical characteristics in this work—will probably be developed more fully in the edition of the *Apostolus Skopliensis*, on which Pilát is currently working.

The article **“Апостол Франциска Скорины и его судьбы”** (*The Apostolus of Francysk Skaryna and Its Fate*, pp. 185–194), written by ALEKSANDER E. NAUMOW, Venice, is the only paper in *SA* that deals with the study of a printed *Apostolus*. In the paper the author gives some brief commentary on the personality of Francysk Skaryna, the purposes of his edition, and its composition and structure, as well as a brief description of four manuscripts copied from the printed edition. The article introduces readers to the central

issues of this field, drawing our attention to this unique literary monument of Renaissance culture: the *Apostolus* of Skaryna, which contains translations and commentaries made or edited by Skaryna as well as—for the first time in Cyrillic printing—parallel verses given in the margins (p. 189). According to Naumow, there is still a great deal left to be explored, for neither the underlying source used in the edition nor the correlation between the printed text and handwritten copies have been established.

This paper is obviously of great interest, yet the author did not manage to avoid some stylistic and terminological inaccuracies, for example, what is meant by “specific lexis” (‘специфическая лексика’) on p. 190 is left unclear and some phrases seem to be rather colloquial in style (“источником [. . .] послужили *какие-то* списки четвертой (афонской) редакции перевода,” p. 185, or “. . . Послание к Колоссянам у чехов отправлено из Эфеса, у Скорины — из Рима,” p. 186). The paper also lacks several bibliographical references that are mentioned in the bibliography list appended to the article.

One of the undoubted achievements of *SA* is the extensive “**Annotated Bibliography of Works Devoted to the Slavonic Apostolus**” (pp. 209–273), compiled by MARINA A. ВОБРИК, Berlin, with the collaboration of Ralph Cleminson, A. E. Naumow, M. O. Novak, Hieromonk Panteleimon (Korol’ev), T. V. Pentkovskaya, Sergejus Temčinas, Iskra Hristova-Shomova, and Archpriest A. Troitskiy. The bibliography numbers more than 300 items, representing an intermediate summary of the study of the Slavonic *Apostolus*, highlighting the most pressing issues in the field, and it can serve as a solid basis for further research.

In conclusion I should say only that the breadth and currency of the topics under discussion in *SA*, its high scholarly level, and its rich reference apparatus should earn this volume the interest and respect of specialists and provide a firm basis for additional research in the field.

Bibliography

ALEKSEEV 1999

АЛЕКСЕЕВ А. А., Текстология славянской Библии, С.-Петербург, 1999.

——— 2013

Алексеев А. А., “Соображения о критическом издании славянского Апостола”, в: М. ВОВРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 197–206.

ВОБРИК 2013

Воврик М. А., “Аннотированная библиография работ по славянскому Апостолу”, в: М. ВОВРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 209–273.

CLEMINSON 2013

Клеминсон Р., “Количественный метод в текстологии (на материале Соборных посланий)”, в: М. ВОВРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 31–61.

GARZANITI 2013

Гардзанини М., “Послания Павла между традицией текста и экзегетической переработкой в литературе Slavia Orthodoxa”, в: М. ВОВРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 115–124.

HAURTOVÁ 2013

Гауптова З., “К вопросу о соотношении служебного и дополнительного текстов старославянского Апостола”, Благова Э., ред., Крейчиржова И., пер., в: М. ВОВРИК, ed.,

Славянский Апостол: история текста и язык, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 11–30.

HRISTOVA-SHOMOVA 2013

ХРИСТОВА-ШОМОВА И., “Синаксарные жития и агиографические данные в составе Апостолов”, в: М. БОБРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 63–113.

NAUMOV 2013

НАУМОВ А. Е., “Апостол Франциска Скорины и его судьбы”, в: М. БОБРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 185–194.

NIKOLOVA 2013

НИКОЛОВА Г., “Апостолските цитати в старохърватския глаголически ръкопис на Бенедиктински устав от остров Пашман”, в: М. БОБРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 125–164.

PILÁT 2013

ПИЛАТ Ш., “Орфографические, фонетические и морфологические особенности Скопльского Апостола, церковнославянского памятника 1313 года”, в: М. БОБРИК, ed., *Славянский Апостол: история текста и язык*, München, Berlin, Washington, D.C., 165–181.

References

Alekseev A. A., *Tekstologiiia slavianskoi Biblii*, St. Petersburg, 1999.

Alekseev A. A., “Soobrazheniia o kriticheskom izdanii slavianskogo Apostola,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 197–206.

Bobrik M. A., “Annotirovannaia bibliografiia rabot po slavianskomu Apostolu,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 209–273.

Cleminson R., “Kolichestvennyi metod v tekstologii (na materiale Sobornykh poslanii),” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 31–61.

Garzaniti M., “Poslaniiia Pavla mezhdru traditsiei teksta i ekzegeticheskoj prerabotkoj v literature Slavia Orthodoxa,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 115–124.

Hauptová Z., Bláhová E., “K voprosu o sootnoshenii sluzhebnoho i dopolnitel'nogo tekstov staroslavianskogo Apostola,” in: M. Bobrik, ed.,

Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 11–30.

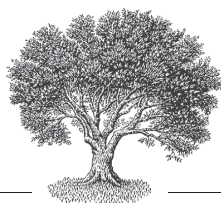
Hristova-Shomova I., “Sinaksarnye zhitii i agiograficheskie dannye v sostave Apostolov,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 63–113.

Naumov A. E., “Apostol Frantsiska Skoriny i ego sud'by,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 185–194.

Nikolova G., “Apostolskite tsitati v starokhърvat-skiiia glagolicheski rukopis na Benediktinski ustav ot ostrov Pashman,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 125–164.

Pilát Š., “Orfograficheskie, foneticheskie i morfologicheskie osobennosti Skopl'skogo Apostola, tserkovnoslavianskogo pamiatnika 1313 goda,” in: M. Bobrik, ed., *Slavianskii Apostol: istoriia teksta i iazyk*, München, Berlin, Washington, D.C., 2013, 165–181.

Яна Андреевна Пенькова, канд. филол. наук
научный сотрудник Отдела исторической лексикографии,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019 Москва, Волхонка 18/2
Россия/Russia
amoena@inbox.ru

VÁCLAV FLAJŠHANS, *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průřovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku, 1–2*

V. МОКИЕНКО, L. СТĚПАНОВА, red., 2. rozšířené vydání, Olomouc, Univerzita Palackého v Olomouci, 2013, 750 + 500 ss.

HARRY WALTER, VALERIJ МОКИЕНКО, EWA KOMOROWSKA, KRZYSZTOF KUSAL, *Русско-немецко-польский словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)*

Greifswald, Szczecin, 2014, 433 ss.

Олег Иванович Федосов

Университет им. Лоранда Этвёша
(Будапешт))

Oleg I. Fedoszov

Eötvös Loránd University
(Budapest)

Составить некое первоначальное представление о размахе, направлениях и методах современных паремиологических исследований (в России и отчасти за границей) можно, например, ознакомившись с материалами *Шестых Жуковских чтений*, т. е. прошедшей недавно (11–13 мая 2014 г.) в Великом Новгороде международной конференции “Мир русской пословицы: вечные ценности и новые смыслы”. Названия разделов сборника (напечатанного отдельным номером “Вестника Новгородского ГУ им. Ярослава Мудрого”) говорят сами за себя: “Пословицы и поговорки в пространстве русского мира”, “Сопоставительная паремиология”, “Семантика и грамматика паремий”, “Пословицы и поговорки в текстах” и т. д. Особое же место как на этой конференции, так и на многих других конференциях (см. напр. программу секции на мартовской конференции в СПбГУ <http://www.conference-spbu.ru/conference/13/>), а также специальный сборник [FRAZEOGRAFIA SŁOWIAŃSKA 2011]) под эгидой Фразеологической комиссии МКС (<http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/>) занимают проблемы п а р е м и о г р а ф и и, разработки и составления словарей пословиц и поговорок (в новгородском сборнике

это статьи В. И. МАКАРОВА [2014], В. М. МОКИЕНКО [2014], Е. И. РОГАЛЁВОЙ [2014]). Примечательно, что первый пленарный доклад на общеевропейском форуме фразеологов и паремиологов в Париже (EUROPHRAS, сент. 2014 г.) также был посвящен словарной теме (<http://extranet-ldi.univ-paris13.fr/europhras2014/index.php/fr/programme>).

“Уследить” за появлением всей новой паремиографической и фразеографической словарной продукции только в одной Славии становится практически невозможно. Естественно поэтому, что разные исследователи будут обращать свое внимание прежде всего на те новые словари, которые по каким-то причинам близки их собственным научным интересам (и, не в последнюю очередь, их словарным “вкусам”).

Таковыми словарями стали для меня объекты настоящего обзора, два словаря пословиц, появившихся в прошлом и текущем году в Чехии и Польше, однако созданные их авторами с разницей в сто лет.

Монументальный двухтомник, словарь (древне)чешских пословиц известного историка чешского языка и литературы Вацлава Флайшганса (1866–1950) вышел из печати впервые в Праге в 1911–1913 гг. (Nákladem F. Šimáčka – Издатель Ф. Шимачек). Сегодня стараниями председателя Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов проф. В. М. Мокиенко и профессора Университета им. Палацкого в Оломоуце (Чехия) Л. И. Степановой этот словарь был переиздан (репринтом, но с дополнениями и комментариями) ровно через сто лет после своего первоначального появления в свет.

Вышедший же всего несколько месяцев назад, посвященный тридцатилетнему юбилею Щецинского университета, сопоставительный словарь активных пословиц — это новый коллективный труд известных современных авторов многочисленных паремиологических и фразеологических словарей, а также книг и теоретических работ по фразеологии из Германии, России и Польши: Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, Э. Коморовской и К. Кусала. Этот словарь является по сути скрупулезным сборником обстоятельных комментариев к таким пословицам русского, немецкого и польского языков, которые прошли проверку “на употребляемость”, или по крайней мере “на узнаваемость”, в живом современном дискурсе.

Автор настоящей рецензии предлагает читателям журнала “Slověne” свой выбор именно этих словарей также по той субъективной причине, что вот уже почти три десятилетия посвятил преподаванию именно чешской филологии в Будапештском университете (чешский словарь В. Флайшганса), а область собственных научных интересов тесно связана с сопоставительным изучением фразеологии и паремиологии (словарь активных пословиц).

Однако может ли что-либо объединять два настолько различных по времени написания, по выбору языков, по самой направленности (диахронический и синхронический) и т. д. словарей? Они отличны даже внешне: вновь изданный словарь В. Флайшганса — это “крупноформатный” двухтомник в солидном твердом переплете, украшение любой книжной полки, а щецинский словарь — скромный (хоть и “увесистый” — 433 стр.) размер А5 в мягкой обложке (несомненное преимущество: его могут позволить себе и студенты).

Во-первых, и это немаловажно, оба словаря объединяет имя В. М. Мокиенко. Его роль как редактора нового издания словаря В. Флайшганса состояла не

только в том, что своим общепризнанным международным профессиональным авторитетом именно ему, Председателю Фразеологической комиссии, удалось сделать то, что не удавалось много десятилетий чешским коллегам: “проломить” стену молчания, окружавшую этот словарь почти сто лет. Обстоятельная статья проф. Мокиенко об истории возникновения и дальнейшей судьбе словаря В. Флайшганса, а также научные комментарии к целому ряду словарных статей (в соавторстве с Л. И. Степановой; помещены в конце второго тома) вдохнули в этот замечательный лексикографический труд “вторую жизнь”. Вклад В. М. Мокиенко в щецинский словарь отмечу ниже.

Во-вторых, и это видится основной причиной, позволяющей сравнить эти два словаря: с разницей в сто лет они оба доказательно демонстрируют тот факт, что не существует никакой изолированной от “мирового языкового пространства”, только “своей”, “особой”, сугубо национально-специфической паремиологии (и фразеологии), отражающей как в зеркале чью-то особую (русскую — немецкую — польскую — чешскую — или китайскую!) “национальную душу”, она же гумбольдтовско-романтический “дух народа”. Бесспорно, можно “сконструировать” так наз. концепт русского АВОСЯ или ТОСКИ, но фактом останется, что любой национальный “кладезь народной мудрости” — при всей его языковой и лингвокультурной “детальной” специфичности — под пытливым взглядом филолога-лингвиста покажется скорее “нейронной сетью” сложнейших переплетенных когнитивных и языковых универсалий, чем отлитым в бронзу памятником “особости” какого бы то ни было народа.

Немецкая исследовательница Элизабет Пирайнен, частый соавтор Д. О. Добровольского, много лет и усилий потратила на поиск “всемирно известных” идиом (Widespread Idioms) [PIRAINEN 2012]. Данные из исследованных в ее книге 88 языков (74-х европейских и 14-ти неевропейских) наглядно показывают, что самые широко распространенные идиомы некоего “универсального фразеологического фонда” известны одновременно по крайней мере в 50–60–70-ти (!) языках мира. Так, например, один из ста наиболее активных фразеологических библеизмов [Балакова, Вальтер, Мокиенко 2012: 24] и одновременно так наз. “жестовый фразеологизм” *рвать (на себе/голове) волосы* известен в 62 языках мира [PIRAINEN 2012: 523].

То, что прежде всего роднит словарь чешских пословиц историка языка В. Флайшганса и сравнительный словарь современных паремиографов, — это представление о едином культурном и паремиологическом пространстве.

Вступительная статья (на чешском языке) проф. В. М. Мокиенко об истории и судьбе словаря В. Флайшганса в переизданном двухтомнике не только как нельзя лучше объясняет такой подход, но и вносит во всю историю этого “тезауруса” увлекательную (особенно для любителей чешского языка и культуры), почти что “детективную” струю. Так, В. М. Мокиенко пишет (чтобы не переводить с чешского на русский мастера русской словесности, использую другой его текст):

Ценность этой книги — прежде всего в том, что в ней чешские пословицы и поговорки даются в полномочном контексте европейского фольклора малого жанра: здесь представлены параллели из многих славянских языков, а также из немецкого, французского, английского и латыни. Тем самым демонстрируется “европейскость” чешской народной культуры, её древняя связь с фольклором

многих народов Европы, причём не только передаваемым устным путём, но и по глубоким культурным книжным каналам — от Древней Греции и Рима до средневековой и позднейшей литературы [Мокиенко 2013: 80–81].

Кроме того, В. М. Мокиенко задает себе и читателям вопрос: если словарь В. Флайшганса можно по праву поставить в один ряд с лучшими образцами европейской паремиографии того времени, то в чем причина столетнего “заговора молчания” вокруг этого словаря? Разгадку этой “загадки Сфинкса”, как он ее сам называет, В. М. Мокиенко видит в общественно-политической и историко-культурной ситуации того времени. Этот словарь появился “не вовремя”, на пороге Первой мировой войны. Развитие паремиологии кон. XIX – нач. XX вв. во многом питалось именно идеями “национальной особенности”, и идея “народного духа” витала тогда над головами далеко не только славян.

Вацлав Флайшганс пошёл иным, совершенно противоположным путём. В чешских пословицах и поговорках он увидел не столько воплощение национального, родного, “своего”, сколько — отражение общеевропейской культуры и общезыкового поля. Этим утверждением он сделал решительный выпад и против панславистов, воплостителем идей которых в паремиологии стал Ф. Л. Челаковский, и против тех, кто на пословицы и поговорки смотрел традиционно, как на порождение собственно чешской народной мудрости [Мокиенко 2013: 81].

Живучести этих традиционных представлений еще и в наши дни можно только поражаться. В этой связи не могу не процитировать самого себя:

На юбилейной конференции 2002 г., посвященной 150-летию смерти Франтишека Челаковского и выхода в свет его знаменитого пословичного собрания “Мудрословие народов славянских”, в одном из рефератов пословичный фонд определяется так: это “способ кодирования этнической культуры, своеобразный источник информации межпоколенного пространства, свидетельство сохранения генетической памяти народа, атрибут формирования национального сознания, морально-этических и эстетических основ” [Миронова 2003: 67]. Если это так — в чем подчас приходится сомневаться с свете данных, накопленных современной паремиологией по теме “своё” и “чужое”, — то готов “культурно-исторический” портрет любого народа. Речь здесь идет, однако, именно о сосюрговской “этнологии”, т. е. “внешней лингвистике”, получившей расцвет в XIX веке в ответ на пробуждение национального самосознания славянских и других народов в ходе их борьбы за независимость.

Однако на той же конференции основатель современной чешской школы фразеологии Ф. Чермак говорил: разработка ономаσιологических и таксономических систем в лингвистике вообще, и в паремиологии в частности, пока что относится к области благих пожеланий. В паремиологии до сих пор преобладают ономаσιологические описания, возникшие еще в XIX веке в русле этнографии. “Теоретическая значимость такой классификации из-за ее импрессионизма и неясности с современной точки зрения равна нулю” (перевод наш. — О. Ф.)¹ [Їермаќ 2003: 47]. Это — голос лингвистики “внутренней” [Федосов 2014: 41].

¹ “Teoretická cena takové klasifikace je pro svůj impresionismus a nejasnost z dnešního hlediska nulová.”

Имеющий, вне сомнений, свою историческую ценность словарь Ф. Челаковского, с так дорогими любому славянскому и чешскому сердцу “чешскими” пословицами, как *Neplač, kozáku, budeš atamán* (!), переиздавался в Чехии в течение 150 лет множество раз, часто в огромных для маленькой страны тиражах (подробности см. в: [Мокиенко 2013: IV]). Вспоминаю, однако, свое разочарование, испытанное в момент, когда словарь Ф. Челаковского впервые попал мне в руки в далекие студенческие годы. Возможно, что в рецензии для научного журнала произносить такое кощунственное слово непозволительно, но это была: скука. Пыльная скука старого провинциального славянофильства и романтизма позапрошлого века... (Своим сегодняшним студентам, конечно же, об этом словаре я пытаюсь рассказать другими словами.) Поэтому мне понятны и близки упорство и даже одержимость Л. И. Степановой и В. М. Мокиенко, добившихся с немалым трудом переиздания словаря В. Флайшганса в наши дни. Первое, что я испытал, открыв наугад этот словарь, — это радость филолога, которую проф. Алена Трнкова в Карловом университете называла когда-то радостью *hndipichu*. К сожалению, словарный перевод этого слова (‘буквоед, крохобор’) не передает образность этой чешской “фразеолексемы” в нужном мне значении: это радость естествоиспытателя, который “напихнул” козявку (гниду) на булавку, чтобы заткнуть ее под микроскоп. Любая статья в словаре В. Флайшганса — это такая “козявка под микроскопом”, при рассматривании которой открывается целый мир нового знания. Теперь словари Ф. Челаковского и В. Флайшганса стоят на моей книжной полке рядом. Равновесие и справедливость восстановлены.

Щецинский словарь активных пословиц трех языков близок мне в основном по другой причине: если словарь В. Флайшганса — книга для специалистов, то щецинский словарь — это прежде всего учебный паремиологический словарь высокого качества. О его характере поможет сделать представление простая арифметика: на объем в 433 страницы (мелким шрифтом: у студентов еще хорошее зрение) приходится “всего” 626 словарных статей (они пронумерованы — просто и считать, и искать), т. е. в среднем — на одну статью отведено до 0,7 страницы. Сравним: в пословичном собрании В. П. Аникина [1988] на одной странице в среднем по 40 пословиц и поговорок (т. е. это простой перечень). Вывод: у щецинского словаря ясно декларированная (и добротнo осуществленная) цель — дать в руки студенту (и, конечно же, каждому любителю пословичной словесности) надежный справочник с максимально подробной и корректной информацией о значении, форме и употреблении живых пословичных единиц. Словник исходит из алфавитного списка (по ключевому компоненту) русских пословиц, к которым подобраны немецкие и польские пословичные эквиваленты. Перед каждой пословичной единицей — значок: “звездочка”, “говорящая голова” или “раскрытая книга”. Значения этих символов подробно объясняются в предисловии (оно же — метод пользования словарем): “звездочка” символизирует живую, активно употребляемую в современном дискурсе пословицу, “голова” — пословицу понятную, но реже употребляемую, а “книжка” — понятную, но уже не используемую в современном дискурсе. Эти символы дополняются другим рядом символов: = / ≈ / ≠ . Знак равенства, как может догадаться даже тот студент, который поленился прочитать введение, — это полная эквивалентность данной паремиологической единицы (ПЕ) с заглавной,

знак приблизительного равенства... и т. д. Эти символы — простейшие, ненавязчивые и весьма экономичные методы ввести в словарную статью важнейшую научную и прагматическую информацию по двум параметрам: употребимости (активности/частотности) и степени эквивалентности (многоязычный словарь). Если же рядом со “звездочкой” обнаружится еще и веселый “смайлик”, то это (по признанию составителей словаря) — их субъективная оценка: данный пословичный эквивалент является (считается ими) наиболее удачным в ряду других эквивалентов.

Вводная статья (на польском языке) с богатыми иллюстрациями и разъяснениями, подробнейшая библиография пословичных словарных источников и специальных паремиологических работ, индексы ПЕ на трех языках в конце книги — это уже, как говорят венгры — “взбитые сливки поверх пирожного”. В любом фразеологическом семинаре на любой кафедре славистики такой словарь — это возможность преподавателю выпить кофе, пока студенты самостоятельно разберутся со “звездочками” и “смайликами”. А после — домашнее задание, например: изучить комментарий к пословице *Обжѣгшиш на молоке, дунешь (станешь дуть, дуют) и на воду* (стр. 199) с его немецким эквивалентом и длиннейшим списком параллелей на следующих языках: английском, чешском, испанском, французском, итальянском, латыни... и венгерском! Или сверить все славянские и неславянские параллели и этимологии для ПЕ *Незваный гость хуже татарина*, в комментарии к которой В. М. Мокиенко (тут нельзя ошибиться в авторстве) пишет:

... название татарина в нашей пословице — более поздняя историческая конкретизация древней модели, где непрошенный гость приравнивается к врагу. Не случайно русское слово *гость* и его европейские соответствия (нем. *Gast*, лат. *hostis* и др.) этимологически расшифровываются как ‘чужеземец’, ‘чужой’, ‘враг’ (с. 92–93).

Но оба словаря, о которых мне хотелось рассказать читателю, — это желанные гости в семье паремиографии.

Библиография

Аникин 1988

Аникин В. П., *Русские пословицы и поговорки*, Москва, 1988.

Балакова, Вальтер, Мокиенко 2012

Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В. М., *Лента библейской мудрости (Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов)*, Ружомберок, Грайфсвальд, С.-Петербург, 2012.

де Соссюр 1977

де Соссюр Ф., *Труды по языкознанию*, А. А. Холодович, ред., Москва, 1977.

Макаров 2014

Макаров В. И. “Паремия—фразеологизм—слово: динамика употребления в юрислингвистическом аспекте”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 221–224.

Миронова 2003

Миронова Г., “Паремийный фонд национального языка: потенциалы, проблемы и задачи”, в: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 67–72.

Мокиенко 2013

Мокиенко В. М., “Паремиологический тезаурус Вацлава Флајшганса”, в: М. Младенова, Р. Железарова, съст., *Славянските езици отблизо: Сборник в чест на 70-годишнината на доц. Янко Бъчваров*, София, 2013, 80–87.

— 2014

Мокиенко В. М., “Параметры славянской паремиографии”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 31–34.

РОГАЛЁВА 2014

Рогалёва Е. И., “Интерпретация процессов фразеомообразования на базе пословиц в учебно-игровом лексикографическом тексте”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 148–150.

ФЕДОСОВ 2014

Федосов О. И., “Меткое ли слово пословица?”, *Вестник Новгородского государственного университета*, 77: *Филологические науки*, 2014, 40–43.

ČERMÁK 2003

ČERMÁK F., “Onomaziologické systémy u propozic a proverbii,” v: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 47–54.

FRAZEOGRAFIA SŁOWIAŃSKA 2001

BALOWSKI M., CHLEBDA W., red., *Frazeografia słowiańska. Księga pamiątkowa poświęcona prof. dr hab. Halinie A. Lilicz*, Opole, 2001.

PIIRAINEN 2012

Piirainen E., *Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units (International Folkloristics)*, New York, Berlin, etc., 2012.

References

Anikin V. P., *Russkie posloviity i pogovorki*, Moscow, 1988.

Balakova D., Walter H., Mokienko V. M., *Lepta bibleiskoi mudrosti (Kratkii russko-slovatsko-nemetskii slovar' krylatykh slov)*, Ružomberok, Greifswald, St. Petersburg, 2012.

Čermák F., “Onomaziologické systémy u propozic a proverbii,” in: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 47–54.

de Saussure F., *Trudy po iazykoznaniiu*, A. A. Khododovich, ed., Moscow, 1977.

Fedosov O. I., “Metkoe li slovo posloviitsa?,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 40–43.

Flajšhans V., *Česká přísloví. Sbirka přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*, 1–2, V. Mokienko, L. Stěpanova, eds., 2nd ed., Olomouc, 2013.

Makarov V. I. “Paremiia—frazеologizm—slovo: dinamika upotrebleniia v iurislingvisticheckom aspekte,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 221–224.

Mironova G., “Paremiinyi fond natsional'nogo iazyka: potentsii, problemy i zadachi,” in: *Parémie národů slovanských*, Ostrava, 2003, 67–72.

Mokienko V. M., “Paremiologicheski tezaurus Vatslava Flaishgansa,” in: M. Mladenova, R. Zhelezarova, eds., *Slavianskite ezitsi otblizo: Sbornik v chest na 70-godishnina na dots. Ianko Bŭchvarov*, Sofia, 2013, 80–87.

Mokienko V. M., “Parametry slavianskoi paremiografii,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 31–34.

Piirainen E., *Widespread Idioms in Europe and Beyond: Toward a Lexicon of Common Figurative Units (International Folkloristics)*, New York, Berlin, etc., 2012.

Rogaleva E. I., “Interpretatsiia protsessov frazeomobrazovaniia na baze posloviits v uchebno-igrovom leksikograficheskom tekste,” *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 77, 2014, 148–150.

Walter H., Mokienko V., Komorowska E., Kusal K., *Russko-nemetsko-pol'skii slovar' aktivnykh posloviits (s inoiazychnymi paraleliami i istoriko-kul'turologicheskimi kommentariiami)*, Greifswald, Szczecin, 2014.

Dr. Fedosov Oleg

Szláv Filológiai Intézet — Cseh Szak, egyetemi adjunktus

Eötvös Loránd Tudományegyetem

H-1088 Budapest, Múzeum krt. 4/D

Magyarország/Hungary

fedosov@gmail.com

Периодическое издание

SLOVĚNE = СЛОВѢНЕ
INTERNATIONAL JOURNAL OF SLAVIC STUDIES
Vol. 3. № 2
Институт славяноведения РАН, 2014

Подписано в печать 19 • XII • 2014 г. Формат 70 x 100 1/16.
Объём 14 печ. л. Бумага офсетная 80 г/м². Тираж 300 экз.
Институт славяноведения РАН. 119991, Москва, Ленин-
ский просп., д. 32-А. Отпечатано в типографии "Белый
ветер". Москва, ул. Щипок, д. 28, <http://wwprint.ru/>